

Николай Игнатов

«Бог, пасущий меня..»

Киев 2012

ББК 86.376

И 35

Игнатов Н.

И 35 «Бог, пасущий меня...» — Киев: «Джерело життя», 2012.—384.

Автобиографический очерк пастора Церкви Адвентистов Седьмого Дня Н. М. Игнатова.

Для широкого круга читателей.

ББК 86.376

© 2012, издательство «Джерело життя»

Содержание

Предисловие	4
Вступление редактора	6
Глава I. Вместо пролога (интервью с журналисткой Натальей С.)	12
Глава II. Владей Кавказом!	30
Глава III. Кропоткин	61
Глава IV. Краткий экскурс в историю	73
Глава V. Дальний Восток	90
Глава VI. Ссылка	148
Глава VII. Отпуск и новые провокации	205
Глава VIII. Ссылный «тунеядец» становится инженером комбината	229
Глава IX. Усть-Каменогорск	252
Глава X. Иркутск — театральный город	280
Глава XI. Липецк — город металлургов	300
Глава XII. Казань — наше новое место жительства ...	318
Глава XIII. Белгород — Москва	376
Вместо эпилога	382

Предисловие

вященное Писание на своих страницах уделяет большое внимание теме времени. Потерянное время, утраченное время, неузнанное время, жестокое время, лукавое время, развратное время, благоприятное время, упущенное время, последнее время... Именно этим эпитетом, «последнее время», Господь на страницах Библии именует время, предшествующее Второму пришествию Христа на нашу Землю. Но как мы, люди XXI века, воспринимаем это время? К сожалению, порой даже те, которые называют себя христианами, совершенно равнодушно воспринимают Божью весть о последнем времени.

Предлагаемый автобиографический очерк одного из старейших пасторов и руководителей Адвентистской Церкви, Николая Михайловича Игнатова, в прошлом не раз засвидетельствовавшего свою веру в ссылке, представляет собой несомненный интерес. Во-первых, в нем на основе богатого исторического и фактического материала излагается история становления и развития адвентистского движения на Дальнем Востоке и в центральной части России. Это тема, которая остается

практически неисследованной как светскими, так и церковными историками. Во-вторых, в монографии проводится общий анализ исторического пути, пройденного Церковью в 1950-1980-е годы. Причем, как мне кажется, автору удалось подойти к этому сложному вопросу весьма взвешенно и объективно. И в-третьих, что может являться главным достоинством книги: в ней на конкретных примерах — как из истории Церкви в целом, так и через жизненные опыты отдельного человека — раскрывается Божье водительство, Живой Бог истории, без личного знания Которого невозможно будет устоять во время страшных апокалипсических событий последнего времени. Поэтому для своего труда автор и избирает такое название: «Бог, пасущий меня».

Несомненным достоинством книги является и то, что в ней автор излагает не просто теорию веры, а пишет о том, через что прошел он сам и проходила Божья Церковь в страшные годы атеизма. Книга написана от сердца к сердцу. Она пронизана чувством любви и искренним сочувствием к людям, которые всегда отличали автора данной книги — человека удивительно скромного и посвященного.

Данная книга может быть рекомендована всем интересующимся жизнью Церкви, а также поиском Бога в своей жизни.

*Алексей Опарин,
Доктор медицинских наук*

Вступление редактора

рех настолько обезобразил нашу землю, так исковеркал человеческое общество, что люди стали непредсказуемыми. Как в плохой среде могут оказаться личности, руководимые высокими идеалами человечности и нравственности, так, казалось бы, в самом высокоморальном обществе встречаются типажи, не имеющие ничего общего с Божественным идеалом, явно проявляющие демоническую натуру. По этой причине очень легко автору статьи или книги занять ту или иную крайность: идеализировать одних и критиковать других — в зависимости от личного субъективизма.

К счастью, Николай Игнатов сумел в своей книге избежать этих крайностей. В этой связи не всегда будет справедливо судить по личности общество или даже семью, которую эта личность представляет.

Провидению было угодно познакомить меня с ним в самом начале его религиозной деятельности. Позже, принимая участие в совещаниях подпольного руководства Церкви во главе с пастором Павлом Мацановым и посещая по его поручению конспиративные встречи служителей Сибирского объединения Церкви АСД, я не раз слышал о подвигах веры Николая Михайловича. Теперь же, редактируя его автобиографический очерк, я с

удовольствием возобновлял в памяти уже забывающиеся эпизоды тех трагичных, хотя и памятных дней преследований, через которые Небесный Архипастырь провел Свою Церковь, крепко удерживая за руку каждого из Своих верных работников на необъятной ниве мира.

Подкупает также искренность пастора Игнатова, пропитанная духом смирения и безграничного доверия Богу. Книга читается легко и с интересом, поскольку, вспоминая свое служение, автор простым незатейливым языком, на основании личных опытов, описывает вместе с тем становление адвентистской Церкви в труднейшие времена государственного воинствующего атеизма на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке. Нужно сказать, что до сих пор, несмотря на уже появившиеся книги различных авторов, оставалось своеобразное «белое пятно» церковной истории, которое и заполнит эта книга.

На примере начинающего служителя, не имеющего специального богословского образования и надлежащего опыта, но руководимого Самим Богом посредством братьев в подполье, читатель легко может увидеть чудеса Небесного Провидения в отношении людей, живущих на огромных просторах СССР, где основным способом передвижения была и продолжает оставаться авиация.

Автор деликатно обходит острые углы внутрицерковных сложных отношений, спровоцированных тогда советским атеистическим режимом, пытающимся во что бы то ни стало воспрепятствовать Благой Вести о спасении проникать в города и деревни, отделенные друг от друга сотнями и тысячами километров.

Вместе с тем пастор Игнатов смело «выворачивает наизнанку» коммунистическую систему борьбы с религией. И в самом деле, какую же злобу надо питать к Богу и к верующим, чтобы вести коварнейшую борьбу в городах и весях сурового края Сибири с простыми людьми, находящими хотя бы какое-то утешение и надежду

в Божьем Слове. Но даже описывая кощунства и жестокость карательного органа КГБ, возвращенного на бесчеловечных традициях ЧК и НКВД; органа, причинившего ему и его многодетной семье немало скорбей и страданий, справедливости ради Николай Михайлович с теплотой в сердце вспоминает о добропорядочных людях этого ведомства, которые, хотя и выполняли наказания безбожного режима, все же не были лишены высокой этичности и обычного человеческого сочувствия.

Вспоминая об одном из них, он пишет: «Хотя Вадим Акимович был моим следователем и в процессе следственных действий ставил немало неудобных вопросов, однако его человечность и тактичность оставили у меня приятные воспоминания... и я ему за это благодарен». Как же легко в этих словах заметить, какого Учителя наследовал пастор Игнатов! «Прости им, ибо не знают, что делают» — готов был всегда искренне ходатайствовать перед Богом о прощении своих преследователей этот замечательный христианин.

О христианском характере Николая Михайловича свидетельствует хотя бы тот факт, что в процессе знакомства с книгой читатель встретит множество очень привычных для автора выражений: «мы подружились», «со временем мы стали друзьями», «у меня сложились с ним дружеские отношения». Зачастую, эти слова относятся к людям, которые своим поведением не всегда предрасполагают к дружбе и хорошим взаимоотношениям. Вот уж прав был мудрый Соломон: «Кто хочет иметь друзей, тот и сам должен быть дружелюбным» (Прит. 18:24). Эти слова справедливо можно перефразировать по-другому: «Дружелюбный обязательно будет иметь много друзей». Кажется, что в этом выражении весь пастор Игнатов.

Отбывая свой пятилетний срок ссылки вдали от любимой спутницы жизни и бесконечно дорогих малолетних детишек, в условиях суровой тайги и погрязших в безнравственности и пьянстве людей, которых официальная

советская пропаганда называла отбросами общества, Николай Игнатов не сгущает красок, не пытается представить себя читателям этаким согбенным и несчастным мучеником за веру. Рискуя получить дополнительный срок и окончательно лишиться свободы в застенках ГУЛАГа, чем пугало его начальство, как только солнышко в пятницу подходило к горизонту, он заканчивал работу, возвращался в свое нехитрое жилище, спешно умывался, надевал праздничный костюм с галстуком и становился пастором, полностью окунаясь в изучение святых истин Писания. Он не всегда мог в то время проповедовать тем, кто был с ним рядом, но такое шепетильное отношение к святому субботнему покою, было самой убедительной проповедью не только для его «приставников-надзирателей», но и для всех людей, видевших непоколебимость убеждений Божьего служителя.

Достоинство восхищения и даже подражания бережное, исполненное душевной теплоты отношение Николая Михайловича к своей супруге, которую он часто в своей книге очень уважительно называет по имени и отчеству: Галина Ивановна. Он не скрывает, что она была не только женой и матерью его детей, но и ближайшим другом, советницей. Уже в самом начале книги он даже называет ее мудрее себя. Такое определение мужа, естественно, вызывает положительную ответную реакцию мудрой жены, несогласяющейся с таким утверждением мужа. И хотя в книге этой словесной реакции Галины вы не встретите, но если внимательно будете читать, то обязательно заметите: она, подобно древней Сарре, с большим уважением и доверием относится к мужу, на деле (а не на словах) признавая его авторитет и мудрость как своего господина и Божьего слуги.

И в самом деле, разве это не героизм, когда жена, возложив на свои слабые плечи заботу о благополучии и воспитании в истине пятерых детей, нередко заменяя им также отца, остается примерной супругой пастора, проповедника и ссыльного? Разве мыслимо вместо арестованного и осужденного руководителя общины, в субботу, осушив

с утра слезы и утишив в молитве боль сердца, выходить за кафедру, чтобы напитать словом жизни опечаленное церковное стадо? Разве легко давать советы людям разочарованным, с разбитым сердцем, утешать страдающих в то время, когда твое сердце рыдает и само нуждается в утешении? Разве вписывается в обычные рамки мышления современного многодетного пастора то, что его жена пять лет подряд во время школьных каникул усаживает детей на речной пароход и несколько суток путешествует с ними к месту ссылки мужа? Более того, находясь несколько месяцев там до начала учебного года, разделяет все неудобства его жизни и даже помогает мужу в печном деле, чтобы заработать средства для питания большой семьи. Она даже успевает заготовить что-то из даров тайги детворе на зиму!?

Чтобы по настоящему понять Галину Ивановну, советую читателю особенным образом обратить в книге внимание на раздел, который Николай Михайлович предусмотрительно поручил написать своей незаменимой помощнице. Вместо нареканий на постоянные переезды, как это делают некоторые современные жены служителей, вместо обвинений в адрес мужа в связи с его небольшой зарплатой в Церкви, преданные Божьему делу помощницы и жены проповедников тех опасных будней умели оставаться настоящими оптимистками.

Вспоминая время своей пятилетней разлуки с мужем и опасные поездки с детьми к нему в ссылку, она изображает все происходящее в таких радужных цветах, что эти проклятые людьми места кажутся экзотическими, привлекательными живительными ягодами тайги: малиной, черникой, голубикой, грибами и даже выращенным богатым урожаем картошки и других овощей. Ее и детей, во время почти недельного путешествия по реке Амур, увлекали красивые пейзажи природы, посредством которых к ним обращался Творец... Несомненно, такие женщины достойны похвалы и того, чтобы о них писали, как примере посвящения, что, к сожалению, нередко забывают

пишущие мужчины... Благо, что упущенное людьми, обязательно будет восполнено справедливым Богом.

Для семьи Николая и Галины Игнатовых даже город Хабаровск с его суровыми зимами, после десятилетнего здесь пребывания, стал дорогим сердцу городом, из которого не хотелось уезжать в более теплый Усть-Каменогорск. А описание природы этого, казалось бы, забытого Богом края оставляет у читателя доброе впечатление и даже вызывает желание побывать в тех краях и лично увидеть всю эту красоту.

Книга Николая Игнатова — это собрание больших и малых молитвенных опытов — яркий пример того, как следует постоянно слушать руководящий голос Вселенского Пастыря, разговаривать с Ним, как с другом и Отцом, осознавая при этом Его могущество и безграничную мудрость, а посему выявлять к Нему полноту почитания и доверия.

Автор ненавязчиво, почти буднично, без лишнего пафоса описывает тяжелые условия, в которых работали Божьи вестники тех времен; как они приобретали и воспитывали для Христа детей и молодежь несмотря на постоянные гонения, а также порочащие служителей в средствах массовой информации статьи, фейлетоны, карикатуры. Они с радостью и без ропота несли на себе тяжелое бремя служения, понимая, чье поручение выполняют.

От имени благодарных читателей светлого времени подаренной Богом религиозной свободы, мне хочется искренне сказать: спасибо вам, Николай и Галина Игнатовы, за великий труд распространения спасительной вести Евангелия и за написание этой книги. Спасибо детям этой большой христианской семьи и в особенности дочери Людмиле за настойчивое побуждение родителей к увековечению памяти их благородного служения. Уверен: эта книга послужит замечательным дополнением к истории Церкви Адвентистов Седьмого Дня.

Николай Жукалюк,

писатель, христианский историк, редактор книги.

Вместо пролога

(Интервью с журналисткой Натальей С.)

*«Межи мои прошли по прекрасным местам,
и наследие мое приятно мне»*

(Псал. 15:6).

етний вечер. Дымкой сгущаются сумерки. В багряном зареве заката догорает день. Мы сидим в просторной и уютной квартире Николая Михайловича Игнатова.

Корр.: Какой чудесный вечер!

Н. М.: Да. Он как тихий вечер жизни, в который хочется вспоминать о прошедших днях, друзьях.... И я с уверенностью могу сказать о себе словами царя Давида: «Межи мои прошли по прекрасным местам...».

Корр.: Недавно вы отметили очень серьезную дату, ваш восьмидесятый день рождения! Поздравляю!

Н. М.: Спасибо, даже не верится! (Собеседник смущенно улыбается.)

Корр.: Как вы себя чувствуете?

Н. М.: Прекрасно! Мне кажется, что я намного моложе той даты, что в моем паспорте. Бог продолжает

заботиться обо мне. Я окружен любовью и заботой детей и внуков. Божьи обетования исполняются в моей жизни. Я увидел даже правнуков. Их у меня шестеро.

Корр.: Вот уже шестьдесят лет вы являетесь членом Церкви Адвентистов Седьмого Дня, а пятьдесят из них несете пасторское служение. Вам приходилось много путешествовать, встречаться с разными людьми. Это, безусловно, обогатило вас духовно. Может быть, поделитесь своими опытами? Я уверена, что в них есть много интересного и полезного для нашего поколения. Ведь большая часть вашего служения проходила в очень сложное и даже тяжелое для верующих людей время.

Н. М.: Вы хотите, чтобы я написал книгу?

Корр.: А почему бы и нет?

Н. М.: Я уже дважды пробовал. Только я не журналист, и писателя из меня тоже не получается. Поэтому я оставил эту затею.

Корр.: Напрасно. Можно попытаться еще раз. Давайте я буду задавать вопросы, а вы отвечайте на них. Возможно, у нас что-то получится.

Н. М.: Ну что ж, я согласен.

Корр.: Расскажите немного о себе и о ваших родителях? Кем они были и во что верили?

Н. М.: Родился я в Украине в 1930 году в городе Сталино, ныне Донецк. Это крупный промышленный город шахтеров, металлургов и химиков. Церковь Адвентистов Седьмого Дня к тому времени уже существовала здесь много лет. Моя мама приняла крещение и стала ее членом в 1927 году. Отец же не принадлежал ни к одной из конфессий. Он был человеком партийным. Однако каждый вечер перед сном осенял крестным знамением себя и свою постель. «Разочаровался я», — говорил он своему другу, сидя на кухне за бутылкой вина или водки. То было время, когда атеизм начинал свою непримиримую борьбу с религией. Храмы закрывались, а на обозрение простому люду выставлялись

«мощи святых». На самом же деле это были подделки, изготовленные из гипса и другого материала. И вера моего отца, как и многих других прихожан, пошатнулась.

Корр.: Как ваш отец относился к своей жене-адвентистке?

Н. М.: Веру моей матери он одобрял, а проповедников вообще очень уважал. Однажды в субботу, когда мама была на богослужении, отец со своим другом решили выпить по рюмке — другой, поговорить по душам. С этой целью расположились они, как обычно, у нас дома на кухне. Когда мама вернулась и увидела эту картину, она тихо сказала отцу: «Михаил, к нам сейчас придет проповедник».

Нужно было видеть, что произошло дальше. Отец засуетился, вскочил, схватил край скатерти и крикнул другу: «Яков, скорее хватай бутылку и скатерть. Уходим!»

Яков схватил бутылку, сунул ее в карман, подхватил другой край скатерти, и они выбежали во двор. Во дворе был погреб. Летом, когда на улице бывало особенно жарко, мы прятались в нем от зноя. В этот погреб они и побежали, чтобы скрыться от неожиданного гостя. Отец боялся показаться перед проповедником в таком виде.

Корр.: Сколько же вам было лет в то время?

Н. М.: Лет шесть, не больше.

Корр.: И вы все это помните?

Н. М.: Да. Также помню, как однажды отец не вернулся с работы и мама сильно плакала. Как я потом узнал, приходил его друг и сообщил, что отца арестовали прямо на заводе. Никто не знал, куда его увезли.

Корр.: А где работал ваш отец и за что его забрали?

Н. М.: А за что забирали в те годы? Тогда многие были арестованы. Некоторых увозили из дома ночью, других — с работы, как моего отца. Он работал на металлургическом заводе в листопрокатном цехе. И, как я уже сказал, был членом партии большевиков. Так тогда их называли. Ему, как и многим людям тех лет, выдвинули стандартное обвинение — враг народа.

Корр.: Приходили письма от отца?

Н. М.: Одно или два письма. Потом началась война, и никаких новостей больше не было. После войны мама подавала в розыск, но ей ответили, что в архивах такой не значится.

Корр.: Вы были верующим с самого детства?

Н. М.: Как вам сказать? Я знал, что Бог есть, и верил в Него с детства. Иногда я сопровождал маму на молитвенные богослужения, но это было нечасто. Кроме меня в семье росли младший брат и сестренка. Кто-то должен был оставаться дома с ними. Старший брат уже жил своими интересами, и вся забота о доме ложилась, в основном, на меня. Так что не всегда мне удавалось посещать Церковь.

Корр.: А где вы жили во время войны?

Н. М.: В Донецке. Там умерла моя мама в восьмидесятом году, потом старший брат. Четыре года назад я похоронил моего младшего брата Леонида.

Корр.: Ваши братья тоже были верующими, как и вы?

Н. М.: Не все. Старший брат был честным, идейным коммунистом, преданным делу партии до самого конца своей жизни. Младший же, будучи членом местной Церкви, совершал служение пресвитера.

Корр.: Старший брат был честным коммунистом. Разве такое возможно?

Н. М.: Верность моего брата своим убеждениям может быть хорошим примером даже для некоторых верующих людей. Его честность и преданность идеям коммунизма исходила из самого сердца. Во-первых, он никогда не брал «подношений», хотя его должность располагала к этому. Во-вторых, он гордился тем, что является коммунистом, и всячески пропагандировал эту систему взглядов. Даже с началом перестройки, когда стало модным сдавать партбилет, он не только не отказался от него, но и резко осудил тех, кто изменил принципам партии. В его глазах они были предателями.

И еще, хочу разочаровать тех, кто говорит, что в «секту затягивают». Посмотрите на нашу семью. У мамы было четверо детей: три сына и дочь. Она воспитывала всех одинаково, учила страху Божьему и молитве. Однако, повзрослев, каждый из нас избрал тот жизненный путь, который казался ему самым правильным. Мама не оказывала никакого давления. Свобода выбора — это принцип неба.

Корр.: Расскажите, как Бог заботился о вас во время войны.

Н. М.: Сам факт, что я сижу перед вами живой и невредимый, является ярким доказательством Божьей заботы о нашей семье. Если бы не Господь, то исчезла бы уже и память обо мне! Я был совсем маленьким в 1932 — 1933 годах, когда наступил страшный голод, унесший миллионы жизней. Я, мои братья, сестра и мама выжили. Через наши места прошла война с ее разрушительной силой: горели и рушились дома, погибали люди — мы же остались живы.

Как-то во время войны сильно бомбили наш город. И так продолжалось не день и не два, а все лето. Мы настолько привыкли к визгу снарядов, что по звуку могли определить место падения бомбы. В нашем дворе был подвал, где можно было спрятаться, но мама говорила: «Останемся в доме. Господь сохранит. А если нет — то погибнем все вместе».

Помню, как однажды ночью опять началась бомбежка. Мы лежим каждый в своей постели. Мама, как и мы, не спит, только тихо вздыхает и молится.

— Мама, ты слышишь, самолеты летят, — шепчу я.

— Да, сынок, слышу, — отвечает она, продолжая молиться.

В небе нарастает свист бомбы. По звуку понятно, что она летит прямо на наш дом. Раздается страшный удар о землю, от которого весь дом с его толстыми каменными стенами дрожит, звенит разбитое стекло, и ... наступает полная тишина. Взрыва не последовало. А

утром, выйдя на улицу, мы увидели большую неразорвавшуюся бомбу у соседнего дома. Если бы она взорвалась, то уничтожила бы нас непременно. Так милосердный Господь сохранил нам жизни.

Однажды, когда я посещал свой родной город вместе с младшим братом, мы решили пройти по тем местам, где когда-то жили. Нашу улицу невозможно было узнать. Та ее часть, где когда-то стоял наш дом, уже давно застроена гаражами. На другой же ее стороне еще сохранились ветхие домики. Мы никуда не спешили, и брат погрузился в воспоминания.

— Помнишь, — заговорил он, — в этом доме жил Борис, он давно умер. А в том — твой товарищ Евгений, который спился и тоже умер. А здесь жил Жорик, его убили...

Вдруг он остановился и повернулся ко мне.

— Коля, — с грустью сказал он, — из всех мальчишек, когда-то живших на этой улице, остались только мы с тобой. Разве не рука Божья вела и хранила нас?

Поскольку мы заговорили о чудесном Божьем промысле относительно нашей жизни, хочу рассказать еще один случай. Будучи уже женатым, я работал подземным электриком на шахте. У нас, электриков, существовало такое правило: если система работает, все механизмы отлажены, мы можем сидеть и отдыхать.

И вот однажды, придя на смену и отрегулировав приборы, я спокойно отдыхал возле трансформаторов. Подходит ко мне десятник и просит поработать до конца смены на лебедке вместо заболевшего лебедчика. Я согласился, так как был свободен. Работа заключалась в том, чтобы уголь, который шахтеры набрасывают в забои, грузить в вагончики скрепером.

Лебедка стояла на штреке (подземный туннель, по которому электровозы тянут груженные вагоны). Лаву же, откуда я должен был качать уголь скрепером, мне не было видно. По правилам безопасности, прежде чем включить

лебедку, которая тянет скрепер, нужно было подать предупредительный сигнал о том, что идет скрепер. Я все сделал согласно инструкции и приступил к работе. Но тут произошло нечто. Десятник, пытаясь перебраться через дорогу, оказался на путях и попал в скрепер. Ничего не подозревая, я загрузил его в вагончик, полагая, что это большая угольная глыба. Уже потом, когда он выглянул из вагончика, мне стало понятно, что это был человек. Он сильно кричал на меня и ругался. Я был потрясен. Ведь предупредительный сигнал был дан! Да и то, что он остался в живых, было невероятным чудом! Не желая спорить, я отключил лебедку и пошел на свое рабочее место. Однако из-за этого происшествия я так разволновался, что у меня поднялась температура и стали отниматься ноги. В это время два врубмашиниста, закончив смену, подали мне знак отключить и заблокировать их машину. Я выполнил указание, но чувствуя, что мне становится все хуже и ноги не идут, я попросил их вывести меня из шахты. Они помогли мне забраться в клеть, и мы поднялись «на-гора». Приняв душ, я с большим трудом добрался домой. Больше недели я провалялся на больничном. А в это время в шахте, на моем участке, произошел взрыв, и все, кто находился там, погибли. Я верю, что через болезнь Бог вновь сохранил мне жизнь.

Корр.: Господь действительно хранил вас. Когда же вы решили принять крещение и стать христианином?

Н. М.: Осознанно я пришел в Церковь в декабре годовщины девятого года. Божья истина была мне знакома. Библию я очень любил и читал регулярно. Зимой, когда стояли сильные морозы, на улицу мы выходили редко. У нас не было теплой одежды, так как жили очень бедно, и я использовал это время для изучения Слова Божьего. Конечно, далеко не все мне было понятно, но я хорошо запомнил, «где живёт каждый пророк». Это значит, что я уже ориентировался в последовательности библейских книг.

Корр.: Вас сразу приняли в члены Церкви?

Н. М.: Нет. Богослужения я посещал каждую субботу, но поскольку работал киномехаником, иногда в субботний день, еще до захода солнца, мне приходилось идти в клуб и демонстрировать фильм. Мама заметила это и однажды сказала: «Если ты хочешь принять крещение, тебе нужно поменять работу. Эта работа христианину не подходит».

Я прислушался к ее совету и перешел работать на завод, где освоил специальность электрогазосварщика. С работой справлялся, да и денег платили гораздо больше. Пришло время подумать о крещении.

Корр.: Не жалели, что оставили любимую работу?

Н. М.: Да, сначала жалел, но очень скоро полюбил свою новую профессию. Дело в том, что я уважаю любой труд. Моя жизнь складывалась так, что приходилось работать в различных сферах производства, что позволило приобрести много специальностей. Стремясь сохранить верность Богу и Его Заповедям, верующие того времени часто вынуждены были менять место работы.

Корр.: Итак, ваше крещение состоялось?

Н. М.: О, это была интересная история! Пришел тот долгожданный день, когда готовых к крещению кандидатов представили общине, но моего имени в списке крещаемых не оказалось. Как объяснил пресвитер, я очень редко посещал церковь, хотя на самом деле уже более полугода я регулярно присутствовал на богослужениях. Это знали все члены общины и заступились за меня. Тогда пресвитер открыл истинную причину такой ситуации. Дело в том, что список крещаемых уже подали на утверждение уполномоченному по делам религий и в исполком. А поскольку мне предстояло служить в армии, было неразумно «светить» меня перед властями.

— Поэтому, — заключил пресвитер, — если мы крестим нашего юношу без разрешения уполномоченного, то церковь могут снять с регистрации и закрыть.

Конечно, после таких доводов почти все члены общины поддерживали пресвитера, и мое крещение было отложено до лучших времен.

Чувство обиды охватило меня. Стыдясь собственных слез, текущих по моему лицу, и сглатывая застрявший в горле ком, я кинулся к выходу. У самой двери мне в спину кто-то бросил фразу: «Ну, ця половка, напевно, відлетить».* Я не стал уточнять, кто из сестер произнес эти слова, но твердо сказал себе: «Ні, сатано, не відлетить, бо я не половка!»**

Корр.: Выходит, что вас не крестили?

Н. М.: Крестили, только об этом мало кто знал. Совет общины Донецка написал письмо в общину города Мариуполя. В Азовском море в пять часов утра меня крестил местный проповедник, пастор Нефедов.

Думаю, что современным членам Церкви, живущим в совершенно иное, благоприятное время религиозной свободы не просто будет понять эту историю. Сегодня мы спокойно и открыто идем на богослужение. Нам даже мысль не приходит в голову, что в молитвенный дом может нагрянуть милиция и бесцеремонно прервать молитву. Такие действия считаются чрезвычайными и уголовно наказуемыми. А тогда это случалось повсеместно.

Корр.: Вы уже более шестидесяти лет являетесь членом Церкви. Всегда ли у вас сохранялись тесные взаимоотношения с Богом или бывали проблемы?

Н. М.: Я не верю, что даже обогащенный жизненным и духовным опытом христианин ни разу не оказывался на «развилке дорог», принимая в своей жизни какое-то сложное решение.

Корр.: А можете ли вы рассказать о такой «развилке» в вашей жизни?

Н. М.: Конечно. И я благодарен Богу, что Он по Своей милости вовремя остановил меня и помог мне

---

* Ну, эта мякина, наверняка, улетит.

**Нет, сатана, не улетит, потому что я не мякина!

выбрать правильный жизненный путь. Это произошло еще до того, как я познакомился с Галиной Ивановной. Тогда молодых ребят почти не было в Церкви. Наша община состояла из двадцати восьми человек. В основном это были люди пожилого возраста. Какое-то время мы не имели даже руководителя. Служение пресвитера временно совершал пожилой член церкви, который проповедовал, как умел, и часто усыплял своей монотонной речью. Если по субботам люди еще как-то получали ободрение от взаимного общения, то на вечерние собрания в пятницу и в воскресенье приходило человек восемь-десять.

Я же старался исправно посещать богослужения, поскольку в мои обязанности входила игра на фисгармонии во время общего пения.

Корр.: У вас есть музыкальное образование?

Н. М.: Нет, я самоучка. В нашем доме была фисгармония, и мы с сестрой научились играть на ней самостоятельно. Кстати, в последующие годы моего служения это умение мне очень пригодилось.

Корр.: Извините, я перебила вас. Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

Н. М.: Итак, однажды в воскресенье я вышел из шахты (вместо субботы я работал по воскресеньям), рядом с которой находился центральный парк. Мне захотелось прогуляться. Летом в парке очень уютно: погода теплая, играет музыка, работают аттракционы, буфеты, продают мороженое, ситро. Можно было хорошо отдохнуть, а деньги у меня водились, так как зарплата у шахтеров всегда была хорошая. Поначалу я чувствовал себя прекрасно. Но когда подошло время начала богослужения, мне стало как-то не по себе. Казалось, что все люди вокруг смотрят на меня осуждающим взглядом, как бы говоря: «Почему ты не на собрании?»

В сознании мелькнула мысль: «А кто же сейчас играет во время пения?» Я тут же попытался успокоить

себя: «Ничего страшного, один раз споют и без музыки. Да и вообще, почему я обязан посещать богослужения, ведь там такая скука! Вот появится больше молодых людей, тогда другое дело».

Теперь-то я понимаю, насколько тонко и искусно дьявол расставляет сети, чтобы люди выказывали пренебрежение к богослужениям. Он ловко придумывает различные и, казалось бы, убедительные доводы для извинения такого поведения. Тогда я еще не понимал этого и потому продолжал бесцельно бродить по самым отдаленным аллеям парка, заглушая в себе нарастающее смятение.

Домой вернулся поздно, где-то за полночь. Двери были не заперты, и чтобы никого не разбудить, я тихонько зашел в дом. Но мама не спала. Да и могла ли она уснуть, не зная, где я и что со мной. Услышав мои шаги, она произнесла из своей комнаты: «Там на плитке ужин». Быстро поев, я лег в постель. Чувство вины мучило меня. Я боялся услышать вопрос: «Где ты был?»

Наконец, я уснул. В ту же ночь приснился мне сон, который определил всю мою дальнейшую судьбу. А приснилось мне строительство большого пятиэтажного дома. Стены его уже были построены, и теперь возводили крышу. Подойдя ближе, я увидел пожилых женщин из нашей общины и понял, что они строят молитвенный дом. Старушки ставили стропила, носили доски. При этом они дружно и весело пели известный мне псалом из сборника «Псалмы Сиона» под номером 256: «Все к труду, все к труду». Неожиданно горькая обида обожгла мое сердце: «Почему не сказали мне, что строят молитвенный дом? Ведь я молодой, здоровый, сильный и мог бы сделать значительно больше!» Рядом стояла простая деревянная лестница, верхняя часть которой касалась крыши строящегося дома. Я быстро направился к ней. И вдруг, в тот самый момент, когда я уже собирался поставить ногу на ее первую перекладину, лестница поплыла

вверх! В недоумении подняв глаза, я увидел двух ангелов, которые стояли на крыше и держали лестницу. Один из них, обращаясь ко мне, сказал: «Опоздал!»

Проснувшись в холодном поту, я бросился в комнату матери. «Мама!» — закричал я.

Мать очень испугалась, не понимая, что происходит. Дрожа и обливаясь слезами, я рассказал ей свой сон. Она выслушала меня и спокойно спросила: «Где ты был вчера? Почему не пришел на богослужение? Задумайся над Божиим предупреждением. Ты можешь опоздать!»

Эта ночь стала поворотным моментом в моей жизни. Я благодарил Спасителя за то, что Он остановил меня, просил Его продолжать хранить меня и впредь от неверных путей и безумных решений. Тогда же я дал обещание посвятить всю свою жизнь на служение Ему. С тех пор и поныне огонь ревностного труда не угасает в моем сердце. Бог удивительным образом позаботился о моем становлении на прочный фундамент Его святого служения.

Вскоре к нам приехал проповедник Василий Федотович Макаров. Это был настоящий пастор. Он плакал с плачущими и радовался с радующимися. Для меня же он стал духовным наставником, вложившим в мое сердце понимание истины настолько глубоко, что прошедшие годы не изгладили из моей памяти ни одного из его уроков. Главное, что стало девизом моей жизни — это любить Бога, любить Его Церковь, дорожить членством и заботливо относиться к Его пастве.

Чтобы читатель имел более широкое представление о пасторе Макарове, расскажу один опыт, который я с ним пережил. Из Средней Азии к нам в Донецк переехала семья Бобковых — Павел, Мария и их маленькая дочка Люба. Долго и безрезультатно они искали для себя работу и жилье. Наконец, их пригласили охранять и вести подсобное хозяйство, принадлежащее какому-то ресторану. Хозяйство это находилось за городом, километрах в сорока,

и представляло собой длинный барак, разделенный на две части. Одна предназначалась для животных, а другая была переоборудована под жилую комнату. Для удобства в стене между этими помещениями было сделано окно, через которое они наблюдали за животными. Когда Бобковы переехали в это хозяйство, пастор Макаров пригласил меня навестить их, чтобы посмотреть, как устроились новоселы. Нужно отметить, что Василий Федотович обладал хорошим чувством юмора. Войдя в дом и присев к столу, он сказал:

— Сестра Мария, ты бы не могла покормить нас с дороги? Мы устали и сильно проголодались.

Мария закрыла лицо руками, и мы увидели слезы, стекающие по ее щекам.

— С великой радостью я бы накормила вас, дорогие братья, — прошептала она, — но у нас нет ничего.

Пастор Макаров достал из кармана деньги и протянул сестре. Как выяснилось, он был готов к такой ситуации.

Прошло несколько месяцев, и мы снова посетили семью Бобковых. Нам уже было известно, что дела их шли хорошо, хозяйство процветало. Даже в местной газете писали о них как о передовиках производства. И неудивительно, ведь Павел и Мария были старательными и честными людьми. В этот раз Мария, увидев нас на пороге дома, радостно заявила: «Вот теперь я вас хорошо угощу! Присаживайтесь к столу». Василий Федотович сел и опустил голову. Теперь слезы текли уже по его лицу. Это были слезы радости. Он процитировал слова из 4-го псалма Давида: «Ты исполнил сердце мое веселием с того времени, как у них хлеб и вино умножились». Воистину это был пастор с большой буквы, достойный подражания.

Корр.: А как вы познакомились с Галиной Ивановной?

Н. М.: О, это еще один прекрасный опыт Божьего Провидения! Галина Ивановна оказалась настоящим подарком от Господа. Ведь только Он мог знать, что именно с ней я смогу успешно совершать служение на Его ниве.

Было время, когда в Киеве жил и трудился пастор Федор Мельник, руководивший Церковью АСД в Украине. Однажды, давая советы неженатым юношам по созданию счастливой семьи, он поделился своим личным опытом.

Федор Васильевич молился, чтобы Господь помог ему найти жену, которая поддерживала бы его в духовной работе. Разумеется, каждый молодой человек мечтает, чтобы его спутницей была не только сообразительная и умная девушка, но и красивая.

Так, преклонив колени, он молился, чтобы Господь указал ему невесту. Вдруг ему подумалось: «А что если она окажется некрасивой или косоглазой?» Испугавшись собственных мыслей, он прекратил молиться, но потом все же решил полностью доверить этот вопрос Богу и вскоре встретил хорошую и красивую сестру, которая стала его женой.

Мне очень хотелось стать служителем и, решая вопрос своего брака, я воспользовался опытом пастора Мельника и не ошибся. Галина Ивановна, которую дал мне Господь, была очень мудрой и красивой женщиной. Она была моим надежным помощником. С ней мы совершали наше общее служение на ниве Божьей более сорока лет. А познакомились мы на машиностроительном заводе. Я там работал газорезчиком, а она — сварщицей высокой квалификации. Коллектив нашего цеха был большой, и всех знать было невозможно, поэтому о Галине мне ничего не было известно. Меня же знали многие. Во-первых, как адвентиста, не работающего по субботам, а во-вторых, как фотографа. Я немного подрабатывал на жизнь, фотографируя ударников труда для Доски почета, которая в обязательном порядке имелась на каждом заводе. А еще я делал семейные фотографии, посещая частные дома.

Так случилось, что Галина и я случайно попали в одну бригаду, там мы и познакомились. Она выразила желание сфотографироваться вместе с хозяйкой квартиры,

у которой временно проживала. Когда я принес готовые фотографии, у нас состоялся интересный разговор. Галя начала расспрашивать о моей вере, почему она не такая, как у большинства людей. Для меня было большим удовольствием рассказывать ей о Боге. После этой беседы всякий раз, как только появлялась возможность, я открывал ей учение нашей Церкви. Позднее она начала интересоваться богослужением и первый раз посетила молитвенное собрание в пятницу. С тех пор наша община стала для нее важным местом для посещений. Она утвердилась в истине и вскоре пожелала стать членом Божьей семьи. Мы продолжали оставаться друзьями. Однажды я ей сказал: «Галя, выходи за меня замуж!» Долго не думая, она согласилась. Услышав ее ответ, я как-то растерялся, и даже испугался.

Корр.: Почему же вы испугались, если Галина Ивановна согласилась выйти за вас замуж?

Н. М.: Не во всяком человеке гармонично сочетаются красота и ум. Чаще бывает что-то одно. Моя же девушка обладала всем: красотой, мудростью и обаянием. Я, как мне казалось, был полной противоположностью и поэтому переживал, чтобы мое предложение не обидело ее. Сказать правду, я не был готов так сразу услышать положительный ответ и потому отреагировал вот таким образом.

Только спустя годы, когда мы уже вместе прожили много лет и у нас родились дети, я спросил ее, что хорошего она нашла во мне, что согласилась выйти за меня замуж?

— Сама не знаю, как это получилось, — спокойно ответила она и улыбнулась.

— Но ты не пожалела?

— Никогда! — уверенно сказала она. — Наверное, так определил Бог.

И я с ней полностью согласен. Мы прожили долгую и сложную жизнь. Нам приходилось часто переезжать с места на место, совершая служение в Церкви. Мы

работали на Северном Кавказе, Дальнем Востоке, в Сибири, Восточном Казахстане, Татарстане и Центральной России. Москва была последним местом нашего служения. Там нас проводили на заслуженный отдых. За всю нашу совместную жизнь Галина Ивановна ни разу не пожаловалась на тяжелый труд и усталость. Она всегда говорила: «Такое наше призвание!»

Корр.: Вы переносили трудности из-за вероисповедания?

Н. М.: Безусловно, проблем было всегда в избытке. Но они постепенно стираются из памяти. Остается лишь чувство благодарности Богу за Его любовь и постоянную заботу. Возможно, следует рассказать о том, что случилось с нами после того, как Галина Ивановна стала христианкой. Меня сразу же уволили с завода за то, что я «втянул» активную комсомолку в «секту», а ее решили переубедить. Но поскольку переубеждению она не поддавалась, дело передали в суд. В вину ей поставили «прогулы» по субботам. То было время, когда за три прогула можно было на четыре месяца угодить в тюрьму. Судили ее трижды. К счастью, в тюрьму не посадили, но вынесли приговор: уволить с завода. Она должна была немедленно найти другое место работы, чтобы в течение года двадцать пять процентов от своей зарплаты отчислять в пользу государства. Вот такие суровые были штрафные санкции. И вот так случилось, что мы оба оказались безработными. Единственным нашим преимуществом было бесплатное жилье — маленькая землянка, которая стояла во дворе родительского дома.

Корр.: Как же вы вышли из такой трудной ситуации?

Н. М.: Я думаю, что все это было допущено Богом с определенной целью. Впоследствии мы поняли, что Господь желал укрепить нашу веру и научить доверять Ему всем сердцем. А еще Он показал, что надеющиеся на Него никогда не будут оставлены.

Работу искали долго. Нас нигде не брали, хотя такие специалисты, как мы, требовались везде. Как только заходил разговор о выходном дне в субботу, следовал отказ, и мы продолжали поиски работы. Поскольку эта ситуация затянулась, мы стали жить очень бедно. Деньги, заработанные на заводе, быстро закончились. Продавать было нечего. Брать в долг мы не могли, потому что не знали, когда сможем вернуть. О своем бедственном положении никому не говорили. Нам, молодым людям, было стыдно просить о помощи. Оставшись наедине, мы часто беседовали о последнем времени, когда народ Божий не сможет ни купить, ни продать, отказавшись подчиниться закону о праздновании воскресного дня.

И вот настал момент, когда нам вообще нечего было есть. В четверг мы последний раз позавтракали небольшим кусочком хлеба. Наступила пятница. Утром мы с женой договорились, что долго ходить в поисках работы в тот день не будем, так как мы голодные и поэтому можем быстро устать, да и к субботе нужно подготовиться. Как обычно, покидая дом, мы склонились в молитве, и я сказал Богу: «Господи, Ты евреям в пустыне давал хлеб в пятницу на два дня. Мы же не имеем пищи вот уже второй день. Но Ты, Господи, можешь помочь. Пошли, пожалуйста, нам хлеб насущный!»

Безрезультатно посещая одно предприятие за другим, я вдруг почувствовал побуждение пойти на шахту, поскольку там, как правило, скользящий график работы. И действительно, меня приняли рабочим на шахту. В прекрасном настроении я возвращался домой. Жена тоже встретила меня с радостной улыбкой. Оказалось, что и ей удалось устроиться на работу в травматологическую больницу санитаркой. Она, дипломированный специалист-сварщик, — и в санитарки?! Но в сложившейся ситуации она была рада даже самой грязной работе в больнице. Вот уж поистине мы жили в «стране

чудес»! Но не стоило удивляться, ведь государственной религией был атеизм. Мы понимали, что являемся участниками великой вселенской борьбы и находимся на территории врага.

Нас очень радовала мысль, что в воскресенье мы отправимся на работу и, наконец-то, заработаем себе на пропитание. Но оставался нерешенный вопрос: как дожить до первой полочки? Ведь в тот момент в нашем доме не было ни крошки хлеба.

Вдруг мы услышали в коридоре чьи-то шаги. В дверь постучали. Мы открыли. На пороге стоял дирижер хора нашей общины Василий Семановский. Вместо приветствия, задыхаясь от волнения, он принялся выговаривать нам: «Почему вы молчите, что вам есть нечего? Почему никому не сказали, что у вас такое тяжелое материальное положение?» В руках он держал две огромные сумки, набитые разными продуктами. Подойдя к столу, он начал не спеша выкладывать хлеб, масло, макароны, сгущенку, сахар... и еще..., шестьдесят рублей! Увидев все это, мы не смогли сдержать слез. Мы не находили слов, чтобы выразить чувство благодарности Богу и братьям. Принимая с радостью продукты, мы начали отказываться от денег, но Вася не сдавался: «Скажите, если бы я оказался в подобной ситуации, разве вы не помогли бы мне? Так что никаких разговоров!»

— О, Господи! Как Ты благ! — только и смог воскликнуть я.

Таким образом мы были полностью обеспечены продуктами до первой зарплаты.

Корр.: Спасибо, Николай Михайлович, за то, что вы поделились вашими воспоминаниями, и за эти удивительные опыты из вашей жизни. Я надеюсь, что вы все же напишете значительно больше, нежели рассказали сейчас. Пишите книгу!

Владей Кавказом!

1. Первые шаги в служении

еперь, оглядываясь на прожитую жизнь, я ясно вижу, как Господь в Своей великой любви и мудрости вел меня таким удивительным жизненным путем, на котором «все содействовало к моему благу». Он терпеливо работал надо мной, чтобы приготовить к будущему служению в Церкви.

Будучи еще неженатым, я жил и работал какое-то время в товариществе художников, в городе Мариуполе. Мы изготавливали из бетона памятники — скульптуры солдат, которые устанавливались на братских могилах воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. По субботам я посещал богослужения, принимал в них активное участие и пел в хоре. В том же городе жила Евдокия Андреевна Теппоне — вдова известного адвентистского проповедника Владимира Михайловича Теппоне, расстрелянного по приговору зловещей сталинской «тройки» в Левашовской Пустоши (окрестности Санкт-Петербурга) в апреле тридцать восьмого года. Так было написано в официальной справке о реабилитации,

хотя, по словам некоторых его современников, он погиб в северных районах России. Его заморозили из-за невыхода на работу в субботний день. О, сколько таких верных Богу мужей отдали свою жизнь за Христа в страшные годы разгула атеизма!

В то время Евдокия Андреевна часто приглашала меня на обед после богослужения. Эта добрая, посвятившая себя Богу женщина вызывала во мне чувство глубокого уважения. Проводить время в ее доме было всегда интересно. Она рассказывала об удивительных опытах становления Церкви, когда они в молодости вместе с мужем совершали служение в условиях господства безбожной власти. Я продолжаю восхищаться этой удивительной семьей!

В одно из таких посещений Евдокия Андреевна показала мне фотографии проповедников, которые трудились вместе с Владимиром Михайловичем. Среди них была фотография, на которой запечатлены похороны пастора Григория Андреевича Григорьева. Поколение пожилых адвентистов хорошо знает этого мужественного человека. В течение одиннадцати лет, с 1934 по 1947 годы, он в единственном лице представлял собой руководство Церкви Адвентистов Седьмого Дня в СССР. Позднее, начиная с сорок восьмого года, когда некоторые братья возвратились из тюрем, был создан Всесоюзный Совет. Умер брат Григорьев двенадцатого марта 1952 года. Показывая эту фотографию, Евдокия Андреевна перечисляла фамилии всех служителей, стоящих у гроба. Когда она дошла до Павла Андреевича Мацанова, то сказала: «А это — ГОЛОВА!». Меня очень заинтересовали ее слова. Я еще раз внимательно посмотрел на лицо этого человека и подумал: возможно, когда-нибудь я смогу увидеть и услышать его. В тот момент я даже не догадывался, что Небесное Провидение предусмотрело для меня жить рядом с ним в одном городе и совершать общее святое дело.

Прошли годы. Я женился. У нас родилось двое детей, сын Константин и дочь Людмила. Мы все еще жили в маленькой темной землянке, которая стояла во дворе родительского дома. В то время в нашем городе Донецке была всего одна община. При пасторском служении Василия Федотовича Макарова она выросла численно в два раза и уже имела неплохой молитвенный дом. В этот дом на субботние богослужения съезжались адвентисты со всей округи. Но наши братья (несколько человек) из села Михайловка, которое находилось в пятидесяти километрах от Донецка, не могли приезжать каждую субботу. Мы с Галиной Ивановной беспокоились о них и решили сами переехать в Михайловку, чтобы организовать там небольшую группу. Нашим искренним желанием было принять участие в проповеди Евангелия за пределами Донецка. Своими планами мы поделились с Марией и Павлом Бобковыми и попросили помочь найти нам небольшой домик для богослужений в Михайловке. Идея им понравилась, но на ее воплощение не было денег. Супруги Бобковы оба работали. Немного подумав, они решили одну из зарплат отдавать на аренду дома. С благодарностью в сердце я вспоминаю большую жертву этих дорогих мне людей!

Чтобы не нарушать порядка в Церкви, о своем переезде я сообщил местному пастору, который прибыл на служение в Донецк вместо Макарова. Брат понимал, что за несанкционированную организацию религиозной группы на периферии власти могут наказать Церковь и его лично, но возражать не стал. Так наша семья переехала в село Михайловку. Временно мы жили у друзей. Вскоре подходящий домик был найден, и наша маленькая группа начала проводить там богослужения по субботам. Удивительно, что местная администрация не обращала на нас никакого внимания. Казалось, что мы ей совсем не интересны.

Так прошел месяц. Вдруг я получаю записку от молодой сестры из Донецка, Августины Поляк, будущей жены пастора Михаила Зозулина. Ее краткое содержание меня заинтриговало. «Приезжай в субботу, сразу после богослужения», — это все, что я мог прочесть. Но зная Дусю, так ее звали близкие друзья, я догадывался, что в донецкой общине намечается какое-то интересное мероприятие. В ожидании приятного сюрприза я поспешил в город. Оказалось, что в нашу общину приехала молодежь из Ростова для участия в торжественном богослужении. В те времена такое собрание было равносильно чуду! Встреча была незабываемой. Много пения, стихотворений, музыки.

Как бы мне хотелось поделиться с верующими сегодняшнего дня хотя бы частью того святого вдохновения и глубокой искренней радости, которую мы тогда испытывали!

А чудеса продолжались! После торжественного собрания Дуся познакомила меня с Надеждой Гончар, дочерью того самого пастора Мацанова. Надя сообщила, что Павел Андреевич знает обо мне и желает видеть меня как можно быстрее. Мне не верилось, что сам Мацанов приглашает меня к себе в гости.

Когда я приехал в Ростов, дверь мне открыл Павел Андреевич. Это был высокий, интересный мужчина, совсем не похожий на того человека с фотографии. В нем гармонично сочетались внутренняя культура, сдержанность и простота в общении.

Никогда не думал, что наша первая встреча в его доме за чашкой чая будет такой теплой и непринужденной. Удивительны дела Божьи! После более близкого знакомства и краткой беседы Павел Андреевич сказал:

— Брат, тебе надо ехать во Владикавказ — к месту твоего первого служения. Ты понимаешь, что такое Владикавказ? Это значит «владей Кавказом»! Тебя там уже ждут.

Для меня это был как «гром среди ясного неба». Я испугался и взмолился:

— Павел Андреевич, ведь я еще ничего не умею и не знаю!

— Господа любишь? — прямо спросил он.

— Люблю! — не задумываясь, ответил я.

— В таком случае — поезжай! А жизнь всему научит. Вот деньги на дорогу.

Домой я возвращался со смешанным чувством радости и волнения. С одной стороны — мне было приятно, что моя мечта сбылась и мне доверяют служение, а с другой — пугало отсутствие какого-либо практического опыта. Слова: «Тебя там уже ждут!» не выходили из головы. Кто ждет? Что ждет? Успокаивала лишь одна мысль: если это от Господа — все будет хорошо. А в этом я не сомневался. Реакция жены на такую новость меня также не беспокоила. Я знал, что она искренне любит Господа и с радостью последует за мной на ответственное служение.

2. Владикавказ

Итак, я все рассказал Галине Ивановне. Как и ожидалось, она выразила полное понимание и одобрение. Сборы были непродолжительными. Из вещей взяли только самое необходимое: несколько сумок с личными вещами и постельное белье. Дети весело суетились в ожидании чего-то нового.

В начале июня 1956 года мы ступили на землю Кавказа. Впечатление было незабываемым. Двадцать шесть лет я жил в Донецке и практически никуда не выезжал, кроме небольших районных городов. Иногда посещал небольшие поселки в Винницкой области. Теперь же нашему взору открылись совершенно другие картины. Величественные горные хребты Казбека и Столовой, покрытые вечными снегами, вызывали восторг и

благоговейный трепет перед Творцом. Бурный, стремительный Терек с его висячими мостами восхищал нас не меньше, чем горы. Люди были приветливы и дружелюбны. Дома сильно отличались своей архитектурой и убранством от донецких.

Мы без труда нашли нужный адрес. Это была тихая улочка. Во дворе стоял длинный дом, который скорее напоминал барак. В нем было несколько квартир. В одной из них нас действительно ждали. Каково же было удивление, когда на наш стук дверь отворилась и на пороге появилась улыбающаяся Евдокия Андреевна Теппоне. Я был несказанно рад, что рядом с нами будет жить эта замечательная, опытная женщина, выдержавшая испытание веры. Она могла дать добрый совет и вовремя предостеречь от ошибок.

Квартира, где жила Евдокия Андреевна, состояла из одной маленькой комнаты и веранды. Мебели было немного: только кровать, стол и несколько табуреток. Здесь, во Владикавказе, в медицинском институте учился ее сын Лева, и она решила какое-то время пожить у него. А возможно, главной целью ее приезда было отыскать и собрать «осколки» Церкви, которую в годы сталинских репрессий разорили безбожники.

Евдокия Андреевна также обрадовалась нам, тем более что мы были знакомы. Она рассказала о Церкви в этом городе. Оказалось, что когда-то здесь существовала большая адвентистская община, в которой они с мужем совершали служение. Еще были живы люди, которых крестил Владимир Михайлович. Но многих из них арестовали, и они не вернулись домой, а некоторые, испугавшись, оставили Церковь. Таким образом, к времени нашего приезда общины Адвентистов Седьмого Дня во Владикавказе практически не было. Правда, Евдокия Андреевна все же отыскала девять человек — бывших членов Церкви. Теперь же предстояло организовать

субботние богослужения. Для этой цели уже был арендован дом, но богослужения в нем пока не проводились. Во-первых, дом был еще не приспособлен для общественных собраний, а во-вторых, некому было всем этим руководить. В тот момент мне стали понятны слова Павла Андреевича: «Тебя там ждут».

Арендованный дом был большим двухэтажным зданием, построенным из кирпича. На втором этаже жили его хозяева, а первый сдавался в аренду. Когда-то здесь были пекарня и магазин. Теперь же первый этаж был заброшен, и в нем хозяйничали крысы. В той половине, где располагалась пекарня, пола, практически, не было; всюду лежали груды мусора, а у стены стояла полуразрушенная печь. Вторая же половина первого этажа была в лучшем состоянии. Ее отделяла большая стеклянная дверь. В этой части дома мы и решили обустроить свое жилье. Долго не раздумывая, мы принялись за наведение порядка, и вскоре наша половина выглядела подомашнему уютно. Моя жена была замечательной хозяйкой, умела создавать и поддерживать в доме идеальный порядок. Проблема была лишь в том, что у нас не было никакой мебели и, в первую очередь, нужна была кровать. Пришлось в хозяйственном магазине купить несколько досок и двухметровый штакетник. Из этого материала я смастерил широкую кровать, на которой помещалась вся наша семья. Все было бы хорошо, если бы не множество крыс, с которыми нам приходилось вести отчаянную борьбу. Подошла очередь благоустраивать и вторую половину дома, где планировалось проводить богослужения. И хотя поначалу не было средств на нормальный пол из досок, мы сделали его из утрамбованной глины и даже покрасили глинистым раствором, потом заказали самые простые лавки и даже соорудили кафедру.

На первое богослужение пришло сорок человек, из которых тринадцать уже были членами Церкви. Наш дом

находился в так называемой молоканской слободке, жители которой были почти все верующими людьми. Определялись они по такому признаку: русский — значит православный или молоканин. Были также «сухие» баптисты. «Сухими» их называли потому, что они не признавали водного крещения, а только духовное. Благодаря посетителям самых разных вероисповеданий, наши богослужения всегда были многолюдными. Через короткое время мы смогли организовать небольшой хор, в который приглашали даже не членов Церкви. Пение в хоре было стимулом для того, чтобы оставить вредные привычки и принять крещение.

Прошли годы, и во Владикавказе ныне действует и процветает прекрасная Божья Церковь, приглашающая людей в наш вечный Небесный Дом.

3. Краткое время свободы

Возможно, кто-то удивится тому, что в такое трудное время, не имея никакого на то разрешения, мы открыто совершали богослужения. Дело в том, что наша работа в этих прекрасных местах совпала с так называемой «хрущевской оттепелью». После трудных лет сталинских репрессий Бог даровал верующим короткую передышку. В своем известном докладе Никита Хрущев, говоря об ошибках, допущенных в антирелигиозной пропаганде, назвал атеистических лекторов «халтурщиками». «Вы критикуете верующих, — в частности говорил он, — а они ведь советские граждане. Критикуйте Бога!». Вскоре после этого доклада из печати вышла небольшая брошюра: «Отношение советской власти и коммунистической партии к религии и церкви». На первой же странице этой брошюры сообщалось: «Верующие имеют право свободно собираться, не ставя об этом в известность местные органы власти». Этим мы и руководствовались. То

время относительной свободы было очень кратким. Хрущев выступил со своим докладом в октябре 1954 года, а в июле 1957 года наш Дом молитвы власти закрыли и запретили общине собираться.

В тот краткий период свободы Бог особенным образом использовал человека по имени Павел Андреевич Мацанов, о котором я уже упоминал и который под влиянием Святого Духа как мудрый стратег и опытный руководитель умел распознавать время и понимал, как следует его использовать. Он был похож на тех сынов Иссахаровых в Израиле, о которых сказано, что они «люди разумные, которые знали, что когда надлежало делать...» (1 Пар. 12:32).

Тогда же появилась возможность руководителям и местным пасторам не только проповедовать исключительно в своих общинах, соблюдая закон о культах, но и заниматься «расширением пределов своих».

Оставив пост Всесоюзного руководителя Церкви, Павел Андреевич считал своим долгом отыскивать и собирать подающих надежду молодых людей, посылая их в разные места Кавказа, дабы создавать новые группы и общины Божьей Церкви. Почти во всех больших городах начинали свой почетный и вместе с тем тяжелый труд семьи молодых служителей. Они многого не умели, но искренне любили Господа, Который заботился о них, учил и направлял. Со временем сбывалось напутствие Павла Андреевича: «Идите, а Господь и жизнь вас научат».

Сегодня я с радостью наблюдаю за работой молодых пасторов, окончивших религиозные учебные заведения. Разумеется, они получили то, о чем мы могли только мечтать, — академические знания, но в то же время многим из них недостает жизненного опыта, практики. Безусловно, Господь и жизнь научат их, как научили меня и многих других нынешних ветеранов. Прежде всего, они должны учиться, как приносить людям радость

и надежду; плакать с плачущими, утешать страждущих, искать пути общения с теми, кто оказался в тяжелом материальном положении.

Недавно один молодой служитель попросил меня навестить семью, живущую за городом. Но, видимо, жалая меня, он посоветовал просто позвонить им и вместе с ними по телефону помолиться. Кстати, такая практика существует, но я считаю, что это неприемлемо для уважающего себя пастора и оскорбительно для Бога. Необходима личная встреча и общение с нуждающимся человеком.

Посылая нас, молодых служителей, на духовную работу, пастор Мацанов всегда говорил: «Братья, используйте это время, оно не будет долгим. Сам Господь сегодня приглашает нас, и мы не должны отказываться. Если даже нам придется оказаться в тюрьме, мы не пожалеем, потому что использовали благоприятное время».

Теперь, когда с тех пор прошло много времени, я часто думаю, насколько же больше можно было бы сделать, если бы все те, кого Святой Дух побуждал к труду через своих слуг, откликнулись и вышли на Божью ниву!

И все же немало было молодых семейств, которые приняли Божий призыв и посвятили себя духовной работе. Едва ли я могу назвать имена всех, но с большой теплотой и братской любовью вспоминаю Григория Ворохова, который трудился в городе Грозном, Павла Панченко, направленного в Тбилиси. Позже к нам во Владикавказ приехала Дуся, которую я знал еще по Донецку.

В нашей общине появилась молодежь. Богослужения стали проходить живо и интересно, а потому и посещаемость была высокой. Мы были полны воодушевления и радости. Нас часто навещал Яков Павлович Дмитриенко. Он жил в Армавире и являлся старшим проповедником по Кавказу. Почти на все наши богослужения в пятницу вечером, в субботу утром и вечером, а также в

воскресенье вечером приходили молокане, поскольку их собрания проходили только в воскресенье утром. Мы жили с ними очень дружно. Не раз они приглашали и меня на свои богослужения читать Слово Божье, только просили не говорить о субботе. Я соглашался, ведь центром наших проповедей всегда был и остается Христос.

Кроме адвентистской во Владикавказе была большая русскоязычная баптистская община, а также осетинская. Было немало смешанных семей, в которых муж был адвентистом, а жена — баптисткой. Случалось, когда дети не разделяли убеждений родителей, в семьях часто возникали диспуты, а порой и споры. Иногда на диспуты приглашали и меня. С этой целью приходил и баптистский пастор, собиралось много заинтересованных людей. Как правило, такие встречи также содействовали увеличению нашей общины. К примеру, после одного из таких диспутов о святости субботы дети семьи Токаревых заявили, что адвентисты правы, и стали активными членами нашей Церкви. Так община постепенно росла и становилась все более известной в округе.

Для становления и роста Церкви огромную роль тогда играло общение молодежи. Безбожники не могли воспрепятствовать такому явлению. Так в сентябре 1956 года во Владикавказ приехала молодежь из Ростова. Их приезд был для нас большим ободрением. Многих из них я помнил по упомянутой выше встрече в Донецке. Ростовская группа была своего рода «агитбригадой», которая своим служением вдохновляла нас на новые свершения. Более того, для небольшой местной общины это было свидетельством того, что мы не одни, что Церковь Адвентистов Седьмого Дня существует и в других городах; что это стройная организация, которой кто-то руководит, поэтому помнит и заботится о нас.

В пятницу и в субботу происходили торжественные богослужения, звучало много пения, музыки,

стихотворений. А в субботу вечером собралось так много людей, что нам пришлось открыть все окна и двери. Те, которые не помещались внутри здания, стояли под окнами или у дверей, слушая, что происходило внутри. Этим мероприятием заинтересовался даже участковый милиционер, который какое-то время наблюдал за всеми. Но Господь сохранил нас от неприятных последствий.

4. Варлам Варламович

Речь пойдет о нашем брате, которого звали Варлам Варламович. Возможно, такое его имя в какой-то мере связано с его прошлой жизнью в монастыре. Но так случилось, что со дня открытия молитвенного дома во Владикавказе он не пропускал ни одного богослужения, аккуратно посещая как утренние, так и вечерние собрания. Казалось, что его очень привлекала истина Божьего Слова, он задавал много вопросов, восхищаясь простотой и красотой библейского учения. Так в беседах мы с ним и познакомились. Общались, подружились, несмотря на то, что он был старше меня почти в два раза. Мне он казался человеком рассудительным, нежадным, далеким от мирских привязанностей. Жил он недалеко от нас, поэтому была возможность встречаться и в будние дни. Однажды он рассказал мне историю своей жизни. Это была своего рода исповедь. Он жаждал освободиться от чувства вины за грех, который всю жизнь мучил его. Я верю, что его исповедание и покаяние были искренними, о чем свидетельствует его дальнейшая жизнь.

С детства Варлам был глубоко верующим человеком. Юношей он осознанно ушел в монастырь, где со временем проявил себя как прилежный и честный монах, и вскоре его назначили хранителем монастырских сокровищ. Все это имело место до того, как советская власть

утвердилась на Кавказе. Во время гражданской войны он понял, что новая власть победит и поэтому негласно стал сотрудничать с большевиками. Он отдавал им монастырское золото, которое было у него на хранении, кресты, драгоценные монеты и другие материальные ценности. Этот человек прекрасно знал, что совершает святотатство, но делал все это якобы с целью спасения монастыря и братства. Когда же советская власть на Кавказе утвердилась, всех монахов, которые к тому времени не убежали, коммунисты расстреляли. Чуть было не расстреляли и самого Варлама, но за него заступились те, кому он передавал драгоценности. Позже он оставил монашество, женился на хорошей девушке и стал вести светский образ жизни.

Прошло несколько лет. Варлам и не подозревал, что работники КГБ его не забыли и когда возникла необходимость, о нем вспомнили. Ему поручили особое задание: посещать собрания баптистов и, как он сам говорил, выполнять миссию Иуды Искарота. Из-за его «услуг» пострадали некоторые служители баптистской общины. Но, несмотря на усердие Варлама в этом деле, он все же получил восемь лет тюремного заключения. Следует отметить, что ему еще повезло, поскольку советские спецслужбы умели заставить умолкнуть навсегда тех, кто много знал и мог выдать своих «доброжелателей».

Грех предательства не давал покоя Варламу. Теперь же, посещая наши богослужения и все больше познавая Божью благодать, он понял, что есть возможность раскаяться и снять с себя это тяжкое бремя. Ему захотелось рассказать мне свою горькую историю как свидетельство раскаяния перед Богом. Более того, в благодарность Богу за Его любовь и милосердие Варлам решил безвозмездно отдать свой дом для богослужений адвентистской Церкви. Это была большая жертва с его

стороны, но таким образом он надеялся, наконец, обрести душевный мир.

Дом был большой, красивый, построенный из красного кирпича, с просторным двором и ухоженным садом. Добротный сарай во дворе мы позже переделали под пасторскую квартиру, где и сами жили какое-то время. Ворота запирались на замок. Все было сделано в кавказском стиле, следуя поговорке: «Мой дом — моя крепость».

Община приняла дар Варлама, хотя и были сомневающиеся в искренности дарителя. Сам хозяин переехал на постоянное место жительства в дом жены. Чекисты его больше не трогали и сделали вид, что о нем забыли. К тому же он был уже пожилым человеком.

Внутреннюю часть дома мы переделали с учетом максимальных для общины удобств. Опустили пол, там, где было окно, прорубили парадный вход в помещение. Получился замечательный молитвенный дом, о чем свидетельствовала вывеска над входом и расписание богослужений. Варлам Варламович позаботился и о нашей прописке в так называемой пасторской квартире, где мы стали полноправными хозяевами.

Время от времени он навещал нас, осматривал свое прежнее хозяйство и ухаживал за садом. Все шло хорошо, нас никто не беспокоил и, совершая служение Богу, мы радовались жизни. Однако радость наша была недолгой. Как-то неожиданно нас посетил пастор Павел Панченко, совершающий служение в Грузии. Он сообщил, что в Тбилиси власти закрыли молитвенный дом, а у него в доме был произведен обыск, во время которого была изъята вся духовная литература и даже конспекты его проповедей. Можно было предположить, что неприятности будут и у нас. Однако, возложив на Господа все опасения, мы продолжали свое служение без каких-либо изменений.

5. Начало гонений

Первым местом на Кавказе, где наши братья испытывали на себе преследования атеистов, была Чечня. В то время в городе Грозном совершал служение Григорий Ворохов. С ним мы часто встречались и поддерживали друг друга. На одной из таких встреч стало известно, что недалеко от Грозного, в селе Каменка, расположенном в горах, есть наши единоверцы — выходцы из молокан. Адвентистское учение они приняли всей общиной и также общиной кочевали из одного колхоза в другой. Где предоставляли им жилье и возможность соблюдения субботы, там они и останавливались. Было их около тридцати семей. Работали эти люди хорошо, по совести. Таким образом, они оказались и в Каменке, где их охотно приняли. Для колхоза это была выгодная рабочая сила. Наши же братья довольствовались предоставленными условиями жизни и покоем в глуши местных гор. Правда, добираться до них было неудобно. Прямого транспорта не было, поэтому ехать приходилось автобусами с пересадками через Грозный, а потом еще 12 километров пешком по горам.

Однажды молодежь Владикавказа во главе со старшим проповедником Яковом Дмитриенко отправилась в ту самую Каменку. Мы планировали провести там торжественное богослужение, чтобы ободрить и поддержать наших братьев, а поэтому взяли с собой гитары и мандолины. Нелегким оказалось это путешествие для группы в двенадцать человек, особенно по горной дороге. Дело было в конце февраля. Дул сильный ветер со снегом. Кутаясь в платки, шарфы, с поднятыми воротниками, мы медленно, с трудом поднимались вверх. А высоко в горах перед нами предстала совершенно иная картина. Тучи остались где-то внизу, светило яркое солнце, зеленела трава, было по-весеннему тепло. Мы немного

отдохнули и снова двинулись в путь, а менее чем через час уже сидели за столом у наших гостеприимных со-братьев. Буквально за несколько минут, без телефонной связи, деревню облетела новость, что приехали гости из Владикавказа. Богослужение запланировали на вечер. Местные братья выбрали самый просторный сельский дом, из которого вынесли всю мебель, и смастерили из досок лавки для сидения. Вечером же собралось так мно-го людей, что все желающие не смогли поместиться в приготовленном зале. Пришли не только местные члены Церкви, но и их односельчане. Пришла даже жена пред-седателя местного сельсовета со своей подругой. Яков Павлович произнес вдохновенную проповедь, которая сопровождалась музыкой, пением и стихотворениями.

Утром следующего дня мы отправились домой во Владикавказ, пообещав вскоре вернуться для проведе-ния совместной Вечери Господней и крещения. Через месяц по знакомому маршруту мы снова отправились в Каменку и бодро начали подниматься в горы. Погода стояла погожая, и мы на ходу даже пели псалмы. Ког-да до деревни оставалось лишь несколько километров, мимо нас промчалась легковая машина и остановилась впереди, поджидая нас. Как позже выяснилось, в ма-шине были начальник милиции того района, предсе-датель исполкома и, конечно же, работник КГБ. Нас остановили и начали расспрашивать, кто мы, куда и за-чем идем. Мы понимали, что им известно о нас все, и попросили их дать нам возможность встретиться с еди-новерцами, потому что мы очень устали в пути и были голодны. Но все было бесполезно.

Пока мы разговаривали с представителями власти, нас заметили в деревне, и вскоре собралось много наро-да. Наши местные братья просили пропустить нас хотя бы для того, чтобы мы могли поесть. Пришел председа-тель сельсовета. В конце концов, нам разрешили, под его

строгим контролем на один час войти в деревню, чтобы подкрепиться пищей. Затем нас должны были грузовой машиной отвезти обратно в районный центр. Во время обеда мы поближе познакомились с председателем. Он оказался хорошим, сочувствующим человеком. Вероятно, его жена, которая в прошлый раз присутствовала на богослужении, рассказала ему о нас. Однако он был бес- силен чем-либо помочь.

Едва мы пообедали, как подъехал грузовик. Нас то- ропили, чтобы отправить засветло. В горах быстро садит- ся солнце. Водитель грузовика оказался сыном адвенти- стов. Он выбрал момент и тихо спросил меня, не хотели бы мы остаться. Да, нам очень хотелось остаться, чтобы поделиться духовным хлебом с нашими собратьями. Я утвердительно кивнул головой. Улыбаясь, молодой чело- век направился к машине. Мы забрались в кузов грузо- вика и двинулись в путь. На одном из поворотов води- тель направил машину в колдобину, так что та засела в глубокую грязь и не могла двинуться ни назад, ни вперед. Послали за трактором. Все делалось нарочито медленно.

Вокруг нас стал собираться народ. Находясь в кузове, словно на сцене, мы решили воспользоваться этой воз- можностью и начали петь, играть на музыкальных ин- струментах, читать стихи, даже произнесли краткую про- повесть. Наконец, машину вытащили, но оказалось, что в ней мало бензина. Мы продолжили нашу программу. Ког- да бензин принесли, водитель подошел ко мне и сказал, что он сделал все, что мог. Было уже совсем темно, ког- да мы приехали в районный центр. Подвезли нас прямо к зданию исполкома. Дежурный стал расспрашивать, кто мы, но увидев музыкальные инструменты, решил, что это группа из художественной самодеятельности и разместил нас в большой теплой комнате. Вскоре приехал сам пред- седатель исполкома. Войдя в помещение, он с усмешкой спросил: «Ну, что, артисты! Здесь концерт давать будете?».

На самом деле он оказался неплохим человеком. Это в Каменке в присутствии начальства ему пришлось напустить на себя строгий вид. По его распоряжению нас разместили в доме приезжих, представив артистами. Хозяйка растопила печь, выдала каждому по два одеяла, чтобы мы не замерзли. Она, действительно, думала, что мы артисты, но увидев, как мы склонились на колени для молитвы, очень смутилась. Пастор Дмитриенко объяснил ей, кто мы на самом деле. Утром к нам пришел посыльный от председателя и вручил билеты на первый автобус в Грозный. Мы уехали с тревожной мыслью и сожалением, что не выполнили своей задачи: не состоялась Вечеря Господня, и не были крещены четверо подготовленных к этому человек. Въезд в Каменку нам был заказан.

В то время в Грозном проживал пожилой служитель Гуцало, который в прошлом был активным пастором. Теперь же этому пенсионеру-ветерану было поручено поехать в Каменку и завершить то, чего не смогли сделать мы. Руководители Церкви считали, что никто не обратит внимания на этого престарелого человека, тем более что он будет один. Когда пастор уже приближался к деревне, его догнал легковой автомобиль, в котором находились два человека. Сидевший рядом с водителем мужчина открыл дверцу и спросил: «Куда путь держите? Не в Каменку ли?» Услышав утвердительный ответ, он предложил ему сесть в машину, чтобы подвезти к селу. Уставший пожилой служитель обрадовался, полагая, что это Господь послал ему попутный транспорт, но как только он сел в машину, водитель резко развернул автомобиль и поехал обратно. Его привезли в тот самый исполком, в котором недавно побывали мы. Там его проверили, пригрозили и сказали: «Иди, дедушка, туда, откуда пришел!». Пастор Гуцало вышел и опять направился в Каменку. На этот раз его никто не остановил. Он благополучно пришел в деревню и совершил там все намеченные мероприятия.

Но на обратном пути его задержали и снова привезли в исполком. Председатель возмутился:

— Какой ты верующий, если нас обманул!

— Вы же мне сказали идти туда, откуда я пришел, — спокойно возразил старик, — вот я и пошел туда. Так что я вас не обманывал.

То было время сразу после хрущёвской «оттепели», и ещё не существовало суровых законов о наказаниях непокорных верующих. Поэтому власти на местах толком не знали, что с нами делать. Поднималась новая волна преследований, вырабатывались изощренные правила и законы о штрафах и судилищах по лишению родительских прав, о тюрьмах и ссылках. Сначала запретили собираться верующим в Тбилиси. Потом был Грозный. Там, во время богослужения, пастора Григория Ворохова силой стащили с кафедры и так толкнули, что он не удержался на ногах. Во Владикавказе пока еще было довольно терпимо, однако и здесь над Церковью собирались чёрные тучи преследований за убеждения.

6. Противостояние во Владикавказе

Во Владикавказе все началось с того, что Варлам Варламович стал менять свое отношение к нам. Его все чаще видели хмурым, неразговорчивым. Как-то я поинтересовался, в чем дело, но он уклонился от ответа, сославшись на проблемы в семье. Поначалу я поверил, ведь в каждой семье бывают неполадки. Но со временем стало ясно, что это было совсем не так.

Летом 1957 года во Владикавказ снова приехала молодежь из Ростова. Была пятница, мы готовились к субботе. Вдруг открываются ворота — и наш двор наполняется молодежью — нашими добрыми друзьями. Как же мы были рады их появлению! Вместе с ними приехали два очень уважаемых проповедника — Павел Андреевич

Мацанов и Петр Степанович Кулаков, который совсем недавно был освобождён из тюрьмы, после десятилетнего заключения. Наши гости все свои вещи сложили внутри молитвенного дома и также начали готовиться к встрече субботы. Боря Алексеев писал плакат: «До сего места помог нам Господь». Мы намеревались водрузить его на стене молитвенного зала. Оба проповедника сидели в саду и о чем-то разговаривали.

Неожиданно открылась калитка, и во двор вошел полковник Хетагуров — начальник городского отделения милиции. Его сопровождали два человека в штатской одежде (вероятно, чекисты) и капитан.

— Кто здесь хозяин? — громко спросил полковник.

— Я, — последовал мой ответ.

— А что это за люди? — продолжал начальник.

— Это мои гости, — пояснил я, — у них отпуск, и они решили погостить пару дней у нас.

— А это что за старик? — хмурый полковник указал на Петра Степановича Кулакова.

— Это тоже мой гость, — спокойно сказал я.

Нас немного озадачил тот факт, что, хотя Мацанов и Кулаков сидели рядом, полковник спросил только о Кулакове. После этого он распорядился, чтобы к вечеру никого из гостей в этом доме не было. Я возразил и еще раз подтвердил, что они у меня пробудут два дня. Полковник молча направился в молитвенный дом. Я последовал за ним, волнуясь за вещи ростовчан. Осмотрев зал, стулья, он указал на фисгармонию:

— Кто играет на этом инструменте?

— Я играю, — ответил я.

— Уберите это отсюда, — распорядился он, указывая на вещи гостей.

Тут подоспели ребята и все мигом унесли. В этот момент Павел Андреевич шепнул моей супруге, что на кафедре лежит его Библия. В то время, когда купить

Библию было практически невозможно, эту книгу берегли как наибольшую ценность. Галина Ивановна быстро вошла в зал, взяла Библию и направилась к выходу. Перегородив ей дорогу, полковник потребовал отдать книгу ему. Но супруга громко сказала: «Пожалуйста, посторонитесь!». Её решительный тон и тот факт, что она находилась на девятом месяце беременности, чего полковник не мог не заметить, побудили главного милиционера города уступить ей дорогу. Затем они опечатали изнутри парадные двери, а выйдя из зала, забили гвоздями и так же опечатали входную дверь со двора.

Было около пяти часов вечера, когда мне приказали сесть в машину и повезли в милицию. Там меня держали без дела несколько часов, переводя из одного пустого кабинета в другой. Наконец, пришёл Хетагуров:

— Ну вот, сегодня ваше собрание не состоится, — хитро улыбаясь, сказал он.

— Это почему же? — удивился я.

— Да потому, что вы здесь, — продолжал ухмыляться он.

— Ошибаетесь! — возразил я. — В Церкви Адвентистов Седьмого Дня любой член Церкви имеет право проповедовать, если у него на то есть способности. Вы же сегодня видели, сколько там было талантливых людей. Пока мы здесь с вами сидим, там полным ходом идет богослужение, независимо от того, присутствую я там или нет. Теперь мне понятно, почему вы меня здесь держите вот уже несколько часов.

Полковник недоверчиво посмотрел на меня и протянул чистый лист бумаги:

— Напиши, что не будешь проповедовать.

Я взял бумагу и написал: «Даю обещание, что сегодня и завтра проповедовать не буду». Поставил число и подпись.

Хетагуров взял бумагу, прочитал и сказал:

— Можешь идти домой!

— Ну, уж нет, — возразил я, — вы привезли меня сюда на машине, так и отвезите домой.

К моему удивлению, он не стал возражать, а только бросил на меня быстрый взгляд и вышел. Через несколько минут он вернулся и сказал, что машины нет, и что он дает мне тридцать копеек, чтобы я смог доехать на трамвае. Я спокойно взял деньги и поехал домой.

У ворот меня ждали соседи, которые видели действия милиции. Они очень обрадовались моему возвращению и наперебой стали задавать вопросы. Я коротко ответил им, а затем пригласил всех на вечернее богослужение, проходившее во дворе. Люди с интересом последовали за мной. Открыв калитку, мы увидели расставленные во всю длину двора скамейки и столы, на которых стояли стаканы, графины с компотом, лежали булочки. За столами сидели люди, а кому не хватило места, безропотно стояли, внимательно вслушиваясь в слова проповеди Августины Зозулиной. Моё появление вызвало радостное оживление, поскольку все волновались за меня. Вспоминая те дни, я часто думаю, какими же мы были наивными! Кого мы хотели обмануть, создавая видимость семейного праздника?!

Ночью не спалось. Я много молился и думал о том, как и где провести утреннее богослужение. Все стулья и кафедра оставались опечатанными в зале молитвенного дома. Устав от размышлений, я вышел на свежий воздух. Вдруг меня осенила мысль проверить окна. Одно из них оказалось не закрытым, и можно было через него вытащить стулья во двор, не повредив при этом государственной печати. Я очень обрадовался такому решению проблемы и, успокоившись, пошел отдыхать. Рано утром в дверь позвонили. Это была Августина Ивановна. Оказывается, она ночью также волновалась об утреннем богослужении.

«У меня есть идея, — сказала она прямо с порога, — давайте проверим окна. Я уверена, что не все они опечатаны».

Я заулыбался, понимая ход ее мыслей. Дух Святой подсказал нам обоим решение трудного для нас вопроса — соорудить зал во дворе дома.

Мы осторожно вытащили из помещения пятьдесят стульев, а остальные расставили так, чтобы создать впечатление бывшего порядка внутри дома. К добытым стульям мы добавили лавки, и у нас получился чудесный зал на восемьдесят мест. Из кирпичика мы сделали импровизированную сцену, застелив её половичками. Обычная тумбочка заменила нам кафедру. Рядом с нашим домом жила семья, у которой была фисгармония. Её мы поставили рядом с тумбочкой. Борис Алексеев повесил на видное место изготовленный им плакат «До сего места помог нам Господь». Итак, ровно в десять часов началось наше субботнее богослужение на открытом воздухе. Мы возносили Господу хвалу и благодарность, а также молились о том, чтобы не появилась милиция и не помешала нашему служению.

На богослужении утром проповедь произносил Петр Степанович Кулаков. Он говорил о странствовании Израиля по пустыне, подчёркивая, что Господь защищал Свой народ облаком от палящего зноя. Так же в точности происходило и у нас. Пока проходило богослужение, облака закрывали солнце и мы не чувствовали жары. Такие же метаморфозы случались с погодой и в последующие субботы, пока мы вынуждены были проводить собрания во дворе. Утреннее богослужение прошло спокойно, и на вечер было назначено торжественное молодёжное собрание.

К назначенному времени собралось столько людей, что они уже не вмещались во дворе. Поэтому сосед, с которым нас разделял лишь небольшой забор, приглашал людей к себе в сад, поскольку оттуда все было хорошо

видно и слышно. А вездесущие мальчишки забрались на деревья; некоторые из них умудрились залезть даже на крышу соседнего дома. Богослужение сопровождалось вдохновенным пением хора под аккомпанемент струнного оркестра. На этот раз проповедовал Павел Андреевич, я же никакого участия в служении не принимал, потому что дал подписку Хетагурову, что проповедовать не буду. Не было необходимости в моём служении, ведь приехало столько гостей, да еще каких!.. Гостям-то и предоставили слово — такой у нас был тогда порядок.

У ворот, как и положено, находился привратник. Где-то в середине нашего собрания я заметил, что привратник, приоткрыв калитку, с кем-то разговаривает. Затем он направился ко мне и сообщил, что приехали милиционеры и желают меня видеть.

Мне очень хотелось дослушать проповедь до конца, поэтому я сказал привратнику:

— Скажи им, что как только закончится богослужение, я сразу же выйду.

Видимо, это не устраивало блюстителей порядка, потому что они опять отослали привратника.

— Тебя просят выйти всего лишь на пять минут, — сообщил он, — говорят, что больше не задержат. Надо было подчиняться власти, и я пошёл. За воротами стоял тот же полковник Хетагуров, а с ним было несколько человек.

— Что вы наделали, — закричал полковник, — такую толпу народа собрали. А сколько детей!

— Нет, их собрали не мы, а вы, — ответил я. — Если бы вы не опечатали дом, все было бы спокойно, и с детьми было бы по-другому.

— Но вы же обещали не проповедовать!

— Это правда. Я сдержал свое обещание. Как видите, не проповедую.

Я открыл калитку и показал им двор. В тот момент Володя Гончар пел «О, Отчизна, край отрадный».

Увидев стулья и фисгармонию, Хетагуров ещё больше занервничал.

— Вы что и печати сломали?

— Ни в коем случае, — возразил я, — все ваши печати на месте, можете проверить.

Они осмотрели печати на дверях, заглянули в окна. Фисгармония стояла на месте, да и стулья вроде были на месте. Уходя, предупредили, чтобы в понедельник к десяти часам я был в милиции. Богослужение окончилось поздно вечером. Люди разошлись. Актив же общины и проповедники еще долго беседовали и молились, чтобы Господь наделил мудростью, как следует себя вести с властями и что говорить. Гости разъедутся, а мы ведь останемся...

В понедельник, вместо того чтобы идти в милицию, я решил побывать сначала у председателя горисполкома, надеясь узнать, по какой причине опечатали наш молитвенный дом. Председатель принял меня без предварительной записи, и я понял, что он обо мне знает. Угрюмый и раздраженный, он стоял ко мне спиной. Я вежливо поздоровался и спросил его, кто дал указание опечатать наш молитвенный дом.

— Я, — резко повернувшись, бросил он мне в лицо. Затем в мой адрес посыпался град обвинений и угроз. Я счёл, что разумнее будет молчать.

Не помог и мой визит к председателю в Совет Министров Северной Осетии. Я наивно полагал, что этот молодой человек, о котором много писали в газетах, восхваляя его способности и человечность, ничего не знает о произволе чиновников. В душе ещё теплилась надежда на справедливое решение нашего вопроса. Председатель был вежлив. Он встал из-за стола и пожал мне руку. Я представился служителем Церкви АСД и рассказал о нашей проблеме. Мне даже казалось, что он внимательно меня слушает. Ничего не ответив, он вызвал к себе

Албегову — уполномоченного по делам религий — и поручил ей разобраться в моём вопросе.

В своем кабинете Албегова оскорбляла меня, обвиняя в создании запрещенной секты. Наконец, она заявила, что местные власти поступили правильно, опечатав молитвенный дом. На мое упоминание о книге Воронцова и Макаренко, где авторы призывали к лояльному отношению властей к верующим, сказала:

— Эта книга уже изъята, а авторы наказаны за неправильное понимание политики партии.

После этого мне стало ясно, что обивать пороги властей бесполезно. Нам просто оставалось ждать, чем закончится наше противостояние. Какое-то время нас не беспокоили, и мы продолжали проводить свои богослужения во дворе, на открытом воздухе. Однако вскоре начались проблемы с Варламом Варламовичем. По нашему с ним договору одна из комнат в этом доме числилась за ним, чтобы по желанию он мог туда приходить, чувствуя себя свободно. Однажды, без нашего ведома, он снял вывеску «Молитвенный дом Адвентистов Седьмого Дня» и выбросил её. На мой вопрос, зачем он это сделал, Варлам грубо отмахнулся. У нас закралось подозрение, что его снова задевали те, кто своих «рабов» никогда не забывает. А может, они и не оставляли его никогда?

Однажды, когда я сидел в своей комнате и читал книгу, во двор вошел хозяин и с ним какой-то незнакомец. Они проследовали в его комнату. Было ясно, что это один из агентов КГБ. Так случилось, что я стал свидетелем их разговора. Незванный гость расспрашивал о моей семье, кто к нам приходит, как часто я ухожу из дома, где работаю и многом—многом другом. Через некоторое время гость Варлама ушел. Я вернулся на свое прежнее место, делая вид, что ничего не слышал. Когда хозяин появился на улице, я попросил его рассказать мне о визитере, если, конечно, это

не секрет. Очень невнятно и с раздражением он сказал, что это давний знакомый.

Мне пришлось открыто поговорить с Варламом Варламовичем, вспомнив его признание и слова: «С Богом в шашки не поиграешь». Я признался, что слышал его разговор с чекистом, и предупредил, что он снова затеял опасную игру с Богом, став на путь предательства. Он не на шутку испугался, но вместо раскаяния начал мне угрожать. На этом наша дружба закончилась.

Через несколько дней в моей семье произошло радостное событие — родилась дочь Иришка. Я был с двумя старшими детьми дома, когда пришел участковый милиционер. Он попросил мой паспорт и сказал, что возьмёт его с собой до завтра. Возвращая на следующий день документ, он заявил: «Ваша прописка аннулирована. В течение двадцати четырех часов вы обязаны покинуть город, а жена и дети могут оставаться».

Я быстро открыл паспорт и увидел на штампе о прописке жирный крест. Ситуация оказалась крайне неприятной: жена с новорождённой — в больнице, маленькие дети со мной дома, мне же в течение суток надо покинуть город. Что делать? Как быть? Безусловно, я испугался. Попросив у Бога в молитве мудрости, я решил что-то предпринять. Расстраивать жену не хотелось, а потому я ничего ей не сказал. Взвесив все, я понял, что в районное отделение милиции идти бесполезно, и хотя было уже поздно, я решил податься сразу в городское.

7. Майор из Москвы

В городском отделении милиции мне сказали, что начальник сейчас никого не принимает. Но я был уверен, что меня он примет.

— Сообщите, пожалуйста, что пришел Игнатов, — попросил я дежурного. Он выполнил мою просьбу и,

к его собственному удивлению, пригласил меня войти в кабинет.

В кабинете я увидел начальника милиции и еще одного человека в штатской одежде. Оба были русскими. Я представился и рассказал обо всем случившемся, особо подчеркнув, что выполнить предписание не могу, потому что жена находится в роддоме. Выслушав меня, начальник пообещал прибавить ещё дней десять, пока жена выйдет из больницы. Я поблагодарил его и уже собрался уходить, как вдруг заговорил человек в штатском.

— Вы бы хотели остаться в этом городе? — спросил он меня.

— Конечно, — ответил я, — ведь у меня здесь семья, работа!

— Тогда приходите завтра на центральную площадь к управлению МВД и ждите меня, — сказал он мне. Позже я узнал, что это был майор из Москвы, который приехал в наш город с проверкой.

На следующий день, как и договорились, я пришел к управлению МВД. Ждать пришлось недолго. Майор подошел и, поздоровавшись, стал задавать вопросы. Я охотно рассказал ему о нас, нашей вере, о том, что мы являемся серьезной организацией с центром в Москве, и обо всех других обстоятельствах конфликта с властями. Узнав, что меня забирали в милицию, майор заинтересовался, не били ли меня. Я ответил, что обошлось только угрозами.

По всему было видно, что московский гость искренне хотел мне помочь. Несколько дней он вёл с осетинскими правоохранительными органами серьёзную дискуссию в мою защиту, но те оставались непреклонными. Встретившись со мной в очередной раз у дверей управления, он разочарованно признался: «Он ведь генерал, а я всего лишь майор, вот и посудите. Но я попробую еще раз, приходи завтра».

Это была моя последняя надежда. Московский майор пришёл в сопровождении какого-то товарища, наверное, представителя спецслужб. Мы втроем направились в дом правительства Осетии. Я остался ждать их на первом этаже, а они пошли к уполномоченному по делам религий. Когда чиновники вернулись, я заметил, что отношение майора ко мне изменилось. Он сделал знак рукой, чтобы я следовал за ними, и мы направились опять в Министерство Внутренних Дел.

Там мы оказались в кабинете следователей. Вдруг майор, указывая на меня, сказал одному из них: «Заведи на него уголовное дело». Потом, повернувшись ко мне, он грубо произнес: «Тебя не только из города надо выселить, но и под суд стоит отдать! Собрал стариков и оби-раешь их!». В таком же тоне он продолжал еще некоторое время. Я выслушал все молча. Затем вежливо поблагодарил его за старания, извинился и попросил вывести меня из здания управления.

Вероятно, взявшись защищать меня и общину, майор еще не знал о новом секретном антирелигиозном постановлении и только в доме правительства Осетии получил соответствующую информацию и установку.

Десять дней прошли очень быстро. Мы радовались пополнению в семье: родилась доченька Иришка. Но в нашем мире всё так устроено, что радость часто сменяется печалью. Нам нужно было уезжать. В соответствии с оперативными решениями церковного руководства мы направлялись в город Кропоткин на место Ивана Передистова, который должен был занять наше место во Владикавказе.

Упаковав свои вещи, мы попрощались с членами Церкви, заверив их, что они долго одни не останутся. Интересно заметить, что власти разрешили забрать из молитвенного дома всю мебель, кафедру и фисгармонию. С этой целью Хетагуров снял печати и открыл нам

молитвенный дом. Видимо, желая проследить за моим отъездом, он попросил меня зайти к нему попрощаться. Я пообещал. Мы отослали наш багаж в Кропоткин, а на следующий день должны были отправиться поездом сами. Предварительно был согласован приезд пастора Передистова и место его проживания. Варлам согласился предоставить нашу квартиру в его доме. Просто ему нужен был честный сторож. Однако богослужения в его доме больше не происходили.

Вспоминая те дни нашей молодости, я сам удивляюсь своей доверчивости и неопытности. Ведь мы знали, что Варлам «осведомитель», поэтому ни в коем случае не следовало Передистову советовать жить в его доме. Доносы продолжались и на нового пастора. Таким образом, власти контролировали и его. Позже, приобретя определенный опыт в борьбе за свободу наших действий, мы, конечно же, поступали иначе.

Перед отъездом я выполнил своё обещание попрощаться с полковником Хетагуровым. На этот раз он был очень приветлив со мной. Искренне или формально, но он поинтересовался здоровьем жены, детей, пожелал благополучия. Одним словом, вел себя по-человечески и, кажется, даже доброжелательно. Прощаясь, я попросил у него фотографию. Он очень удивился:

— Зачем она тебе?

— Да так, — улыбнулся я, — когда дети будут баловаться, я покажу им вашу фотографию и скажу: «Если не будете слушать маму, этот дядя придет и заберет вашего папу».

Я думал, что ему это не понравится, но он от души расхохотался.

— Шутник же ты, Игнатов, — подавая руку, сказал он.

Без всякого пафоса хочу закончить: мне этих людей было жалко, ведь они выполняли то, что им приказывали. Многие из них в своей душе к нам зла не питали.

Они видели, что мы законопослушные граждане и против существующих властей никаких злых выпадов не делаем. Единственное, в чем расходились наши взгляды, это наша вера и служение Богу. Поначалу они относились к нам терпимо, но когда в верхах заработала атеистическая пропаганда, цель которой была представить верующих врагами народа, тогда мы в их глазах оказались людьми, мешающими строить светлое коммунистическое будущее.

Итак, мы сели в поезд. Прощайте, милые сердцу Кавказские горы, покоровившие нас пышно цветущими лугами и вечными ледниками. Нас ждали новые встречи, радости и новые переживания. В город Кропоткин прибыли в три часа утра. До места назначения нужно было идти пешком несколько километров. Был август. Дети не капризничали и даже с интересом рассматривали незнакомые места. Нас встречал Краснодарский край!

Кропоткин

«Привязался к идолам Ефрем»

(Осии 4:17)

Вы очень скоро полюбили наше новое место жительства и привязались к членам церкви. Это ведь тоже Кавказ. Даже железнодорожная станция в городе Кропоткине называлась Кавказская.

Следует отметить, что пасторы поместных общин имели постоянную связь с высшим руководством Церкви. Каждый квартал все служители неофициально собирались в Ростове в конспиративном центре Церкви АСД Кавказа. Как правило, в субботу мы присутствовали в местной общине на богослужении, а на следующий день происходили специальные встречи для служителей. Это было время отчетов о проделанной работе, время опытов и возникающих в процессе служения вопросов. Здесь мы получали ценные советы и наставления. Эти совещания служили для нас замечательной духовной зарядкой на весь следующий квартал до очередной встречи.

Специальных курсов по обучению пасторскому богословию не было. В некоторых местах опытные проповедники учили молодых служителей составлять проповеди.

Но даже эти занятия были временными и проводились подпольно. Большую часть знаний мы получали от квартальных встреч. В основном же в повседневной жизни нашей духовной академией руководил Дух Святой.

Однажды наш знаменитый фотограф Борис Алексеев подарил мне целый комплект фотокопий. Это были конспекты проповедей Павла Андреевича Мацанова, которыми он охотно делился с желающими служителями. Я не только использовал их во время богослужений, но и внимательно изучал структуру их построения. Следуя этому принципу, я старался составлять свои проповеди. Но у меня, вероятно, не все получалось удачно. Как-то Павел Андреевич выразил желание посмотреть один из моих конспектов. Для этой цели я выбрал, как мне казалось, самый лучший из них. Он внимательно прочитал его и открыто сказал: «Если бы я был человеком неверующим и услышал такую проповедь во время богослужения, я бы никогда больше не пришел в эту церковь».

А проповедь моя была основана на 14-ой главе Евангелия от Луки, где записана притча Христа о строителе башни. По своей неопытности я ее составил так, что у слушателя вполне могла зародиться мысль о собственной беспомощности в строительстве башни спасения. «А раз у меня нет всего необходимого, то и нечего браться за дело», — так мог решить мой слушатель.

Я ни разу не упомянул Того, Кто имеет всё необходимое для строительства. Получалось так, что я не оставлял своим слушателям никакой надежды на спасение. Мой наставник показал мне, как следовало составлять конспект, а главное — научил, о чём не должен забывать проповедник. Цель проповеди — открыть слушателям источник всех благ Вселенной — нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа, дающего силу, надежду и уверенность в спасении, если человек этого пожелает. С тех пор я перестал пугать людей геенной огненной.

Я также не желал, чтобы в «геенне» оказался даже тот человек, который причинил много зла Церкви Божией и мне лично. Бог долго терпит грешника, направляя на добрый путь и содействуя его спасению. Так было и с Варламом. Мне трудно судить о его дальнейших связях с КГБ. Известно лишь, что сменивший меня во Владикавказе пастор Передистов также вскоре получил предписание в двадцать четыре часа покинуть город. Какое отношение к этому имел Варлам, знает лишь Господь. Что же касается его самого, то мне кажется, что долготерпение Божье к нему подошло к той черте, когда на небе произносится приговор: «Привязался к идолам Ефрем; оставь его!» (Осии 4:17).

Ситуация в его семье сложилась так, что он вынужден был продать дом, который в своё время был благословением для богослужений. Однако воспользоваться деньгами Варлам не смог. Более того, из-за этих денег погибла его дочь. Старший сын Варлама тяжело заболел — лишился рассудка, а он сам с приступом инсульта оказался на больничной койке...

Несмотря на все нечестивые поступки, мне было жаль его, ведь в своё время он, действительно, сделал для Церкви хорошее дело, когда мы очень нуждались в молитвенном помещении и жилье для пастора. Поэтому, посещая общину во Владикавказе, я решил навестить в больнице и Варлама. Увидев меня, дряхлый старик с перекосенным от болезни лицом воскликнул: «Как же я рад тебя видеть, мой спаситель!».

Разговор получился тяжёлый. Он опять каялся, объясняя свои действия постоянным давлением со стороны властей. Казалось, что он был искренен и считал всё случившееся с ним Божиим наказанием ради спасения в будущем. Однако у меня были все основания сомневаться в его искренности. Мне даже показалось, что передо мной библейский Валаам, держащийся за «мзду неправедную»

и вместе с тем желающий умереть смертью праведника (см. Чис. 23:10) В молитве я просил Бога быть милостивым к нему. Через некоторое время после этой встречи я получил известие о его смерти и буду рад увидеть его в числе спасённых в Божьем Царстве, но это уже будет решать праведный небесный суд.

1. В одном городе с лидером Церкви

Кропоткин — это тихий и живописный город, раскинувшийся в красивом уголке восточной части Кубани. Зимы здесь очень мягкие и теплые. У меня сохранилась фотография, как мы в феврале совершаем крещение в реке Кубань. В те годы я даже планировал: «Вот выйду на пенсию и обязательно поселюсь в Кропоткине». Но обстоятельства сложились по-другому.

Церковь здесь нас встретила очень радушно. Жить нам предстояло в доме, арендованном у лесника. Сам он проживал в лесу, а дом построил, чтобы иметь свой угол, когда выйдет на пенсию. Построенный из самана, размером пять на семь метров, домик был разделён на три комнаты, из которых две были отведены под молитвенное помещение, а в третьей предстояло разместиться нашей семье. Чтобы читатель имел реальное представление о размерах нашего жилья, расскажу один забавный случай. В магазине уценённых вещей я купил письменный стол. И хотя стол не был очень большим, он едва уместился между двумя стенками нашей комнаты. Когда нас посетил Пётр Степанович Кулаков, он, шутя, заметил: «И зачем делают такие столы, которые не помещаются в доме?» Кроме стола, здесь проживала ещё и наша семья из пяти человек. Здесь мы спали, дети играли и нянчили маленькую Иришку.

По соседству с нами жил прошедший войну, всегда подтянутый и энергичный брат Пётр Иванович. Преданный Богу, он стал нашим главным помощником и

опорой в общине. За время нашего служения в Кропоткине мы с ним очень сдружились и по-братски полюбили друг друга. Мне даже кажется, что ни с кем больше не было у меня такой дружбы, как с Петром Ивановичем — в прошлом пресвитером «вольных субботников» или, как они еще себя называли, «апостольствующие». Когда в тех местах появились адвентисты, Петр Иванович принял их учение и вместе с группой в шестнадцать человек присоединился к нашей Церкви. В этой группе были его жена, две сестры, а при нас уже присоединилась и дочь. Всего же в этой общине было двадцать шесть членов Церкви. По традиции, каждое утро Петр Иванович, как беспредельно преданный своему делу пресвитер, оседлав своего стального коня, велосипед, объезжал всех членов, интересуясь, кто в чем нуждается, не заболел ли кто, и потом приезжал с докладом к нам.

Жили мы на окраине города, где электричества люди не знали, поэтому в вечернее время во всех домах зажигались керосиновые лампы. В отличие от теперешнего комфорта электрификации, керосиновые лампы тогда были вполне нормальным явлением. Богослужения по вечерам также проходили при керосиновой лампе. Она же помогала мне заниматься подготовкой к проповедям. О лучших жизненных условиях мы и не мечтали. Меня иногда спрашивают, почему тогда церковная организация не заботилась о жилье для пасторов? Отвечаю: Церковь всегда заботилась о своих служителях, но она просто средств не имела для приобретения домов или квартир.

Наш основной семейный бюджет состоял из заработной платы на производстве. Мы не могли заниматься исключительно пасторским служением, а обязаны были устраиваться на государственную службу. На то было несколько причин: во-первых, нам действительно нужно было на что-то жить и кормить семью, детей, а во-вторых, в соответствии с государственными

законами, служение в Церкви не считалось правовым занятием. Не задействованные в общественно-полезном труде служители Церкви считались «тунеядцами» и подвергались уголовному преследованию. Но устроиться на работу в Кропоткине было не так-то просто, поскольку это не промышленный город. Руководители предприятий не хотели иметь дело с человеком, в паспорте которого стоял жирный крест на прописке в городе Владикавказе.

Когда мне с большим трудом всё же удалось найти работу грузчика на железнодорожной станции, то директор, заглянув в мой паспорт, как-то особенно подозрительно посмотрел на меня:

— Кто вы? — спросил он.

— А в чём дело? — поинтересовался в свою очередь я.

— Я просто не имею права принять вас на работу. Этот крест свидетельствует о том, что вы социально опасная личность.

И хотя я пытался доказать ему, что я честный труженик, верующий человек и у меня большая семья, все было бесполезно.

На следующем предприятии, где висело объявление: «Принимаются на временную работу мужчины и женщины до тридцати лет», я решил наперёд рассказать о себе. Директором оказалась немолодая, но приятная на вид женщина. Сначала я поинтересовался, почему принимают работников только до тридцати лет.

— Потому что надо много ходить, — ответила директорша, — но если вы согласны, я вас приму.

Этой организацией оказалась Ленинградская топографическая группа, которая занималась картографией города и его окрестностей.

— Вероятно, вы меня не возьмете, — замялся я.

— Отчего же? — удивилась она.

— Потому что я опасный человек, — ответил я.

— По лицу не похоже, — засмеялась она, думая, что я шучу, — пишите заявление.

— Сначала посмотрите мой паспорт, — я протянул документ.

Она взяла паспорт, взглянула на ликвидированную во Владикавказе прописку, потом на меня.

— Диссидент?

— Хуже! — улыбнулся я. — Я служитель христианской протестантской Церкви.

Недоумевая, она снова посмотрела на меня.

— Такой молодой и верующий?! Но это не имеет значения, я беру вас на работу.

В этой группе я проработал целое лето. Мы настолько все сблизились, что стали хорошими друзьями. Когда съемки закончились, они просили меня ехать с ними в Новороссийск, чтобы продолжить там такую же работу, но уже на постоянной основе. Так что я не раз приходил к выводу, что в мире есть еще много хороших людей. После этого пришлось некоторое время поработать с Петром Ивановичем на так называемой «шабашке»: одному — забор поставить, другому — сарай построить или фундамент залить. Вот так и зарабатывали на пропитание. В конце концов, на более постоянную работу меня приняли в управление шоссейных дорог в качестве газосварщика, где я и работал до дня отъезда.

К нашему удивлению, за два года служения в Кропоткине никаких претензий со стороны властей к нам не было, хотя мы и чувствовали, что находимся под пристальным наблюдением спецслужб КГБ. Для этих целей они находили «осведомителей» среди тех, кто нарушил законодательство. Вместо тюремного заключения их брали на предательский крючок, и они становились послушными орудиями или «источниками информации», как они официально числились в секретных документах. По моим данным, в нашей маленькой общине спецслужбы

«источника» не нашли, как было во Владикавказе, поэтому «подключили» информаторов из Православной церкви, которые настойчиво навязывали нам свою дружбу.

Помню, как однажды меня посетил один православный священник. Я сидел во дворе и читал книгу. Калитка отворилась, и я увидел батюшку. В руке он держал брошюру так, чтобы я мог прочесть ее название «Коммунизм и христианство». Представившись настоятелем главного православного собора города, он начал задавать мне вопросы, из которых я понял, что он много знает о нашей семье. «Вы не настоятель, — прервал я его, — такие сведения обо мне есть только у чекистов, и вы, вероятно, один из них».

Моя прямота нисколько не смутила его. Он передал мне привет и приглашение от архиерея и ушел. Вскоре я узнал, что он бесславно сбежал, оставив служение в церкви. Свою коварную работу такие агенты делали довольно грубо, поэтому не нужно было прилагать особых усилий, чтобы разоблачить таковых, хотя они всячески старались не подавать вида.

Это было время, когда безбожники проводили над верующими всякие эксперименты в поисках наиболее эффективных методов борьбы с ними. Они разгоняли собравшихся на богослужение людей, закрывали молитвенные дома, штрафовали, сажали в тюрьмы, но, как показали результаты, это мало что дало. Верующие уходили в подполье и становились еще более активными в провозглашении Евангелия. Тогда начали практиковать новый коварный метод. Они компрометировали служителей, полагая, что верующие разочаруются в них и перестанут посещать церковь. Так был оклеветан проповедник К. А. Короленко, обвиненный в мужеложстве и приговорённый к восьми годам заключения.

Подобное бесчинство они практиковали и в Православной церкви. Например, атеисты разрешили в Ставрополе открыть шестимесячные курсы по обучению

священников. Случалось, что среди отслуживших в армии юношей находили желающих обучаться кратким основам ведения церковной службы, а затем направляли в приходы в качестве священников. Наряду с проведением богослужбных треб, некоторые из них откровенно вели безнравственный образ жизни, чтобы таким образом компрометировать свою церковь, сеять соблазны среди прихожан, отталкивая их от религии. Об этом широко сообщалось в средствах массовой информации, что, действительно, для многих послужило разочарованием. Как-то наши богослужения стал посещать довольно ревностный православный верующий. Однажды он спросил меня, есть ли в Библии запрет на то, чтобы вводить в храм собаку? Я прочитал ему несколько библейских стихов, метафорически указывающих на собаку как на воплощение нечистоты, блудодейства и непотребства, а ничто нечистое под страхом смерти не должно было вводиться в храм.

— Ну, я ему дам! — обрадовался мой православный друг.

— Кому? — поинтересовался я.

— Попу своему! — ответил он. — Каждый раз заводит в храм свою собаку.

Свои коварные методы борьбы с религией пробова-ли применять и к протестантским конфессиям, в частности к нашей Церкви. Но это им редко удавалось, поскольку здесь даже рядовые верующие хорошо знают, что в том или ином случае говорит Библия.

Вскоре в Кропоткине мы смогли арендовать молитвенное помещение поближе к центру, где также была квартира для проживания нашей семьи. Здесь уже было электричество, свой колодец и большой сад. Богослужения стали проходить живее, интереснее. Нас начали посещать новые люди. Община медленно возрастала. Тогда же принял крещение и присоединился к нашей Церкви один их видных руководителей баптистов, который впоследствии был избран местным пресвитером.

Во время нашего пребывания в Кропоткине произошло событие, оказавшее немалое влияние на всю мою дальнейшую жизнь и служение. Из Ростова-на-Дону к нам переехала семья Мацановых. Власти прилагали все усилия, чтобы этот город перестал быть неофициальным духовным центром адвентистской Церкви. Разместились Мацановы в доме этого же пресвитера. У него был довольно большой дом, половину которого он сдал в аренду Павлу Андреевичу. Дом находился неподалеку от нас, поэтому, с целью конспирации, все приезжавшие к Павлу Мацанову знали только наш адрес и, естественно, приходили к нам, а уже мы их приводили к нему. Возможно, что некоторое спокойствие со стороны властей мы имели в городе Кропоткине из-за пребывания в нем пастора Мацанова. Власти считали, что он руководитель общины, и поэтому часто по церковным вопросам тревожили его. Одно время мы даже опасались, что его могут арестовать, поэтому, когда он отправлялся по повестке к властям, я незаметно сопровождал его на некотором расстоянии, чтобы быть в курсе событий и, при необходимости, сообщить его семье и братьям. И все же мы верили, что Бог не допустит этого, и Он сохранил Своего верного слугу ради всего нашего братства. Что же касается меня, то я очень был доволен тем, что Павел Андреевич находился рядом. Его содержательные проповеди были большим благословением не только для меня, но и для всей общины. Кроме того, я в любое время мог получать от него ценный совет. Таким образом, два года нашего служения в Кропоткине стали не только годами затишья после бури во Владикавказе, но и отдыхом перед предстоящей борьбой на Дальнем Востоке.

2. Юг или Дальний Восток?

Однажды нас посетил Петр Степанович Кулаков, в то время — руководитель Церкви в Средней Азии. Он

привез нам гостинец — великолепный спелый виноград. Угощая нас, он сказал: «Этот виноград из вашего сада. Мы купили домик в Средней Азии на станции Ханака, там вам будет хорошо. Ждем вашего согласия на переезд и служение в нашем регионе».

Разумеется, предложение нам понравилось. Было бы неплохо оказаться в тех теплых, изобилующих фруктами и особенно виноградом, местах. Но с самого начала служения мы были приучены не выбирать себе место, а ехать туда, где мы были нужны. Таким принципом я руководствовался всю свою жизнь и никогда не пожалел об этом. Может быть, потому я постоянно чувствую Божье благословение. В моем сознании всегда звучали слова из Священного Писания: «Я Господь, Бог твой... ведущий тебя по тому пути, по которому должно тебе идти» (Исаии 48:17). Посему и на этот раз, поблагодарив Петра Степановича за вкусный подарок и приглашение, я сказал, что все зависит от решения руководства Церкви. Не сомневаюсь, если бы я пожелал ехать именно туда, братья дали бы добро. Но тогда это был бы мой выбор, а не Господа. Я же хотел быть уверенным в Господней воле. Часто в своей ограниченности мы поступаем подобно Лоту, выбирая то, что видим сейчас и что нам нравится. Господь же посылает, наперёд зная, что будет потом. Нам хорошо известны последствия выбора Лота. Если бы он знал, что его ожидает в прекрасном городе, похожем на «сад Божий», и чем всё закончится, вряд ли он на это пошёл бы.

К сожалению, сегодня при перемещении служителей доминирует принцип собственного выбора служителя, поэтому и последствия не всегда бывают благоприятными для духовного роста как самого пастора, так и Церкви в целом.

После очередного субботнего богослужения состоялся совет общины, которым руководил Павел Андреевич.

Меня попросили на короткое время покинуть заседание. Я терялся в догадках: может, я что-то сделал не так? Но когда был приглашен войти вновь, пастор Мацанов огласил решение совета рукоположить меня в сан пресвитера. Это было неожиданно, потому что я считал, что для рукоположения необходимо служить в общине не менее пяти лет, чтобы приобрести необходимый опыт. С другой стороны, было приятно почувствовать доверие не только братьев, но и Божье. Я понимал, что должен оправдать это доверие.

Спустя неделю состоялось моё рукоположение на квартире Мацановых, куда я был приглашён вместе с супругой Галиной. То было время, когда рукополагать открыто, перед общиной, считалось нарушением советского законодательства о религиозных культах. Торжественный акт рукоположения так меня тронул, что когда попросили что-нибудь прочесть из Писания, я, открыв Библию, ничего не смог в ней увидеть — слезы застилали глаза. На помощь пришел Яков Павлович Дмитриенко, приехавший специально из Армавира для участия в рукоположении. Он прочитал библейский текст вместо меня. Возможно, для кого-то подобное событие не имеет особого значения, но во мне этот обряд посвящения вызвал тогда особенный трепет.

Через некоторое время состоялось совещание подпольного совета Церкви, на котором в присутствии Петра Кулакова мне было предложено из двух мест выбрать то, куда бы я хотел поехать.

«Николай, есть два места, где нужен проповедник», — обращаясь ко мне, сказал пастор Мацанов. Это были город Ханака в Средней Азии, о котором я упоминал выше, и Хабаровск на Дальнем Востоке. Я ответил, что предпочитаю не выбирать, а подчиняться мнению руководящих братьев, так как в этом вижу Божью волю. В ответ, улыбаясь, пастор Мацанов хлопнул ладонью по столу и сказал: «Хабаровск!».

Краткий экскурс в историю

режде чем приступить к описанию следующей главы нашего служения на Дальнем Востоке, хочу сделать небольшой, но, на мой взгляд, довольно важный экскурс в историю Церкви на основании исследований Эдгарса Черневскиса (1918-1997) — пастора Церкви АСД в Латвии, свидетеля и действующего лица в трудные для религии времена коммунистического режима. Считаю, что имею на это право не только в силу соответствующего разрешения и согласия друзей автора, но и потому что отчасти я также был свидетелем тех событий и тесно сотрудничал с человеком, волею Божьей оказавшимся действующим лицом церковной истории — Павлом Андреевичем Мацановым.

В результате тесного сотрудничества государства с правящей Православной церковью в царской России многие протестантские проповедники были арестованы и сосланы в отдаленные места Сибири и Кавказа. Однако сразу после Октябрьской революции 1917 года многие ссыльные были освобождены и вернулись в свои дома и церкви. Одним из первых документов советской власти был декрет об отделении церкви от государства и

государства от церкви. Появилась возможность альтернативной службы в армии для тех, кто по своим убеждениям не мог служить на общих основаниях. На короткое время наступила полная религиозная свобода и возможность для проповеди Евангелия, о чём при свергнутом правительстве царской России нельзя было и мечтать.

Руководители адвентистской Церкви и ее члены благодарили Бога и несказанно радовались свершившемуся чуду! Проповедь Евангелия дала свои результаты сверх всяких ожиданий. Как позже написал в своей книге «Адвентисты России» вице-президент Генеральной конференции Альф Лонэ, приводя высказывание одного из первых руководителей Церкви Генриха Лебсак: «Понадобилось двадцать лет, чтобы мы могли приобрести 2045 членов Церкви, но уже в первые девять месяцев 1923 года к Церкви присоединилось 2112 душ». Таким образом, менее чем за год было крещено даже больше людей, чем за предыдущие двадцать лет. Разумеется, верующие, чувствуя такую свободу, выражали благодарность и признательность правительству.

В то же самое время руководители страны, управляемые врагом нашего спасения, используя опасную и разрушительную идеологию атеизма, готовились к страшным преследованиям верующих. Вероятно, руководство Церкви даже не подозревало о предстоящих гонениях. Уже в 1921 году последний представитель Генеральной конференции, Д.Исаак был выслан из страны. В том же году умер от истощения пастор О. Рейнке, прибывший в Россию в 1912 году с целью помощи руководителю Церкви пастору Ю. Бетхеру, которого принудили покинуть Россию ещё в 1916 году. Таким образом, Церковь в Советском Союзе осталась без поддержки со стороны руководства Генеральной конференции. Общины оказались во власти обстоятельств. Возглавил Церковь Генрих Лебсак. Началась тайная «обработка» спецслужбами НКВД

руководителей и членов Церкви с целью подготовки к ликвидации церковной организации. Для этого использовались как угрозы, так и заманчивые предложения.

После смерти Ленина в 1924 году значительно ускорились политические перемены в стране, но не в пользу религии. Вскоре верующие на себе испытали физическое и психологическое давление государственной машины. На шестом съезде в 1928 году Церковь ощутила на себе сильное давление атеизма относительно изменения своего учения с целью раскола и дальнейшего самоистребления. В результате было принято решение о воинской повинности для членов Церкви на общих для всех граждан законных основаниях. Кроме того, в принятом на съезде уставе было записано: «Всесоюзный Федеративный союз (т. е. Церковь АСД) может быть ликвидирован постановлением съезда при согласии на то двух третей числа делегатов или же властью СССР» (статья XI11). Этим самым 87 делегатов от имени Церкви подписали себе смертный приговор. Позже церковные историки и руководители Генеральной Конференции терялись в догадках, почему было принято такое странное решение. Ведь последующие события: аресты, преследования, тюремные застенки и даже смерть, явились неопровержимым свидетельством сильной веры как руководителей, так и рядовых членов Церкви.

Более того, эти опасные решения привели к церковному расколу и образованию группы «Верный остаток», члены которой представляли себя борцами за чистоту Церкви. Трудно поверить, что искренние последователи Иисуса «сломались» под невероятным давлением КГБ или НКВД и предали интересы Церкви. Согласно историческим фактам, наши братья всеми силами старались сохранить официальную организацию, пусть даже такой ценой. Они наивно верили безбожным заверениям коммунистического режима, что таким образом

смогут сохранить общины действующими. Некоторые из них заявляли: «Если вам разрешат собираться только для того, чтобы вместе совершить молитву «Отче Наш», идите на уступки! Нам важно сохранить организацию!» Кроме того, принимая такое решение, некоторые руководители полагали, что местные служители и члены Церкви поймут их положение и, имея ум Христов, на местах будут поступать в соответствии с библейской истиной и своей совестью.

Как показали дальнейшие события, решения шестого съезда Церкви в СССР были крайне ошибочными, что было признано на дивизионном совещании руководителей Церкви 18-19 мая 1995 года. Как поучительный пример для современных и будущих поколений адвентистов, целесообразно подчеркнуть: хотя движение реформистов возникло в Германии гораздо раньше, решение шестого адвентистского съезда стало благоприятной почвой для усиления этого движения в России. Этот печальный документ был использован для дискредитации Церкви, которую они называли отступницей от истины. Значительная часть членов Церкви соблазнилась и присоединилась к её ложному движению. Но многие адвентисты остались верными последователями Христа, сожалея о случившемся. Они не осудили своих единомышленников, стараясь понять их действия, и следовали не ошибочному решению съезда, а Божьему чёткому повелению. Время показало великую жизнеспособность Церкви. Пройдя через многие испытания, она устояла, окрепла, обрела новые души, а ложное движение реформы почти исчезло, разделившись на множество мелких ответвлений.

Несмотря на многочисленные обещания коммунистических правителей, начиная с 1934 года, всё руководство Церкви и её активные члены были арестованы, последовали ужасные преследования. Начала осуществляться на практике цель воинствующего атеизма — в

течение нескольких лет полностью уничтожить религию в СССР. Но Вторая мировая война и огромные потери Красной армии, особенно в первые месяцы войны, перечеркнули планы безбожников и заметно охладили горячие головы восставших против Бога людей. План полного уничтожения верующих провалился. Трудная ситуация, в которой оказалась Страна Советов, заставила коммунистических идеологов изменить свое отношение к религии. Они теперь считали, что уничтожение религии — длительный процесс. Главное, на что начали делать ставку, — это оградить от влияния религии детей и молодежь. Пусть пожилые люди продолжают верить в Бога и посещать церковь. Таких уже не переубедишь. Они вскоре все умрут, а вместе с ними умрет и вера в Бога. Власти даже разрешили создать некую форму церковного руководства.

С 1933 года и до окончания войны Адвентистскую Церковь в СССР представлял единственный проповедник, возглавлявший Московскую общину, пастор Григорий Григорьев. Когда фронт приближался к Москве, Григорий Андреевич получил распоряжение московских властей упаковать церковную документацию, а также архивы и вместе с государственными организациями специальным составом выехать вглубь России. Ему пришлось жить по соседству с представителем Православной церкви. Руководители Генеральной Конференции в то время ничего не знали о положении Церкви в Советском Союзе. Все связи были прерваны. Когда же была создана коалиция СССР, США и Англии в борьбе с фашистской Германией, появилась возможность посылать письма из Всемирного Центра на известный в Генеральной Конференции московский адрес Церкви. Почтовый ящик постоянно пополнялся письмами, но не было ни одного ответственного адвентистского руководителя, способного заняться этой корреспонденцией.

Однажды к дому пастора Григорьева, где он жил в вынужденной эмиграции, подъехала служебная машина. Григорьеву и его семье приказали немедленно собирать вещи. Так Григорий Андреевич снова оказался в Москве. Его с супругой поселили в небольшой комнатке, которая была и жильём и канцелярией. Он тут же начал отвечать на зарубежную корреспонденцию, установил связь с общинами в СССР. Разумеется, всё это происходило под строжайшим контролем спецслужб. Со временем, после долгих ходатайств, ему разрешили организовать небольшой центр и пригласить себе помощников.

После войны началась регистрация новых общин. В течение двух лет часть из них была зарегистрирована, но было немало и таких, которые получили отказ. Это была целенаправленная политика властей, чтобы способствовать разделению между верующими и учить их покорности властям. Незарегистрированные общины попали в весьма затруднительное положение, так как оказались нелегальными. Пасторам и проповедникам запрещалось их посещать. Если какой-либо проповедник без разрешения властей посещал такую общину, его самого снимали с регистрации и лишали права совершать служение в своей общине. Незарегистрированные общины были лишены возможности получать духовную поддержку из центра и находились на положении отщепенцев. Таким образом безбожники пытались уменьшить число верующих АСД.

В 1947 году в помощь Г. Григорьеву в Москву был приглашен из Латвии Павел Андреевич Мацанов. Он был назначен заместителем руководителя Всесоюзного совета АСД. После смерти в 1952 году пастора Григорьева пастор Мацанов стал всесоюзным председателем Церкви. Павел Мацанов родился 17 марта 1903 года в Латвии. Он был пятым ребенком в семье Андрея Мацанова, отличающейся глубокой религиозностью. Будучи

верными прихожанами Православной церкви, они поддерживали строгую дисциплину. Уже в детстве Павел отличался от других детей особой серьезностью, и поэтому родственники предвещали ему будущее священника. Окончив мужскую гимназию, он поступил в Рижский государственный университет и четыре года обучался на филологическом факультете. С адвентистской вестью Павел Мацанов познакомился в городе Резекне, где в то время совершал служение пастор Ян Бирзиньш, и первым из всей семьи 25 апреля 1924 года принял крещение. Вскоре к Церкви АСД присоединились его мать, три сестры и брат. Отец, хотя и соглашался с истинностью адвентистского учения, основанного на Священном Писании, продолжал оставаться в Православной церкви. Когда же Павел стал адвентистом, священник местной Православной церкви был очень разочарован. Он даже заявил, что готов отказаться от своего места в приходе, если Павел Андреевич согласится его занять.

К служению проповедника в Церкви АСД Павел Мацанов начал готовиться, обучаясь в адвентистской семинарии «Сужи», что неподалеку от Риги. Потом несколько лет он там работал преподавателем, одновременно утверждаясь в библейских истинах. Огромную помощь ему оказывало полученное ранее светское образование. Кроме того, он хорошо владел русским, латышским, немецким и английским языками, читал на греческом, знал основы латыни.

Павел Андреевич вступил в брак с Анной Ронис в 1930 году. Она заключила Завет с Богом ещё 13 июля 1914 года, а в 1929 году закончила семинарию. Супруги Мацановы имели двоих детей. В 1931 году родился Павел, а в 1933 — Надежда. Анна Григорьевна оказалась незаменимой помощницей для Павла Андреевича. Латышка по происхождению, она любила русский народ не меньше, чем свой. А еще она была и замечательной писательницей.

Свое служение в Церкви Павел Андреевич начал в 1925 году в качестве книгоноши, затем преподавал в семинарии. С 1927 по 1933 годы трудился в Риге евангелистом. Несколько лет работал с известным проповедником Теофилом Бабиенко, возглавлявшим тогда Балтийский Унион. В высокий сан проповедника Павел Андреевич Мацанов был рукоположен 1 июля 1933 года. Сначала он совершал служение в родном городе Резекне, а с 1937 по 1945 гг. в русской общине города Риги. На съезде конференции в 1940 году пастор Мацанов был избран казначеем, а также редактором журнала «Обзор мировых вопросов». В 1945 году семья Мацановых возвратилась в родной город Резекне.

Как уже упоминалось выше, в 1947 году Павел Андреевич был приглашен в Москву в качестве заместителя председателя Всесоюзного Совета АСД и руководителя московской общины. Выдающийся проповедник и оратор, способный организатор и администратор, он способствовал особенному духовному подъему Церкви и присоединению к ней многих новых людей. Церковь возрастала численно и укреплялась духовно. Благословенным также было его служение во Всесоюзном центре. Рискуя свободой, он организовал пострадавшим за веру и их семьям неоценимую моральную и материальную поддержку. После похорон пастора Григорьева ведущие руководители Церкви из всех уголков Советского Союза, присутствующие на похоронах, избрали председателем Всесоюзного совета АСД Павла Мацанова. С чувством полной ответственности перед Богом и людьми он принял на себя эту нелегкую ношу. Ещё до переезда в Москву он имел уже огромный опыт административной работы, когда Латвийская конференция, пользуясь полной религиозной свободой, действовала в тесной связи со Всемирной церковной организацией. Этот опыт пастора Мацанова очень пригодился в организаторской

практике Всесоюзного Совета. Общины АСД в СССР почувствовали заметное духовное ободрение, в том числе и те, которые до тех пор не были зарегистрированы из-за прихоти местных властей. Павел Андреевич проявил особую заботу о семьях репрессированных. Планы атеистов в отношении разрушения Церкви АСД терпели крах, поэтому они любой ценой решили избавиться от Мацанова как руководителя. Некоторое время им это не удавалось, потому что авторитет этого человека в общественных кругах был необыкновенно велик. Поэтому они решили действовать методом шантажа. После неоднократных предупреждений и обвинений в нелояльности совет по делам религии отнял у Павла Андреевича удостоверение руководителя Всесоюзного Совета АСД. Свои действия они объяснили тем, что в московской общине слишком часто крестят людей; что он поддерживает связь с незарегистрированными общинами, а также материально поддерживает семьи репрессированных, которые объявлены «врагами народа».

Под давлением властей в 1955 году был созван пленум Всесоюзного совета АСД (расширенный совет) на котором три дня, с 13 по 15 апреля, продолжались горячие дебаты. Опасаясь роспуска Всесоюзного Совета Церкви, большинство участников пленума согласились переизбрать пастора Мацанова, чтобы таким образом сохранить уже существующий центр Церкви. Новым председателем был избран Степан Кулыжский, его заместителем Пётр Сильман. Поначалу в состав совета входили: П. А. Мацанов, Ф. В. Мельник и А. Ф. Парасей, но через год этот Всесоюзный Совет АСД был реорганизован. Хотя руководителем остался пастор Кулыжский, секретарём и казначеем стал Александр Парасей. Пётр Сильман был назначен пастором московской общины. Кроме выше названных служителей, в него вошли: старший проповедник Церкви АСД в Украине Алексей Галладжев

и старший проповедник Латвийской Церкви Арвид Чолдерс. Павла Мацанова в этот состав совета власти уже не допустили. Под давлением властей он должен был выехать из Москвы. Ему предлагали возвратиться в Латвию, но он предпочел остаться в России и переехал в Ростов-на-Дону, где я с ним и познакомился.

Об организации деятельности Церкви в условиях конспирации на Кавказе я рассказал в первых главах моей книги. Здесь же будет уместно отметить, что Павла Андреевича иногда упрекают в том, что он был сторонником незарегистрированных общин и вел подпольную деятельность. Это не соответствует действительности! Павел Андреевич никогда не возражал против регистрации общины. Но он был категоричен, когда речь шла о том, что община не имеет права на существование только лишь потому, что атеистическая власть без всякой существенной причины отказывается её регистрировать. Он всегда ссылался на методы деятельности первой Апостольской Церкви. Когда римские власти запрящали апостолам проповедовать об Иисусе, они отвечали: «Судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян. 4:19, 20). Христиане, собиравшиеся на свои богослужения в катакомбах Рима, едва ли были зарегистрированы римскими властями.

Однажды Павел Мацанов подсказал молодому художнику Анатолию Алексееву идею создания картины, изображающей богослужение в катакомбах. На картине группа людей в одеждах того времени, но со знакомыми нам лицами при свете факелов слушает проповедь. Позировали члены нашей незарегистрированной общины. Картина имела глубокий смысл. Она ободряла, призывала к жертвенности, мобилизовывала нас на духовный труд при любых обстоятельствах во имя Христа, Которого никакая империя не в силах победить. Павел

Андреевич никогда не призывал идти напролом, как о нём некоторые говорили. Несомненно, он мог ошибаться, как и те, кто трудился под его руководством, но мы искренне любили своего Господа и старались прислушиваться к голосу Святого Духа, влияющего на нашу совесть. Мы готовы были страдать и жертвовать всем, стремясь оставаться верными своему Господу.

Некоторых служителей называли «подпольщиками», хотя они к этому не стремились. Их деятельность никоим образом не была направлена против государства. Они обращались к властям с просьбой о регистрации. Но им отказывали и запрещали собираться. Однако они не могли согласиться с такими требованиями властей и продолжали свою деятельность. Поэтому лишённые регистрации общины подвергались гонениям, частым «налётам» милиции во время богослужений, обыскам, когда изымались Библии, Псалмы Сиона и другая духовная литература. Переоборудование помещений для совершения богослужений, в связи с увеличением общины, совершалось по ночам. Когда у проповедника отнимали справку-удостоверение, он предпочитал совершать служение без неё. Все священнослужители вынуждены были трудиться и на государственной работе, чтобы у властей не было основания обвинить их в тунеядстве. Разумеется, это было крайне тяжело, поскольку церковные обязанности приходилось совершать после тяжёлого рабочего дня. Нашим девизом были слова апостола Павла: «Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией» (Деян. 20:24).

Художник Анатолий Алексеев, по просьбе пастора Мацанова, нарисовал еще одну картину. На ней был изображен вол, жертвенник и плуг. Под этой картиной стояла надпись: «Я готов» и вышеприведённые слова

апостола Павла. Фотокопию этой картины мог приобрести каждый служитель, поэтому многие из нас хранили её у себя вместо справки о регистрации, что было наилучшим свидетельством нашей решимости трудиться для Христа, а если понадобится, то и страдать за Него. Я до сих пор храню ее как большую ценность.

Стоит отметить, что пастор Мацанов делал особую ставку на молодёжь. На служение отбирались искренние и посвященные молодые люди. Иногда они проходили ускоренные подготовительные курсы и направлялись в общины и группы по всему Кавказу. Но главным их учителем, конечно же, был Святой Дух. Результаты такой деятельности дали свои плоды. Несмотря на все препятствия со стороны властей, общины росли, как грибы после дождя. Дьяволу это не нравилось, и вскоре семью Мацановых выселили с территории Кавказа. Но духовная работа в этих местах была уже налажена.

Мы знаем, как милующий Господь умеет обращать зло в благословение. Павел Андреевич, переехав вместе с семьей в город Новосибирск, начал активно организовывать евангельскую деятельность в Сибири. На этих заброшенных территориях, служивших местом изгнания и ссылок для объявленных «опасными» людей, начало восходить Солнце Правды. И немалая в том заслуга пастора Мацанова и его помощников. Вот что говорит статистика:

На Кавказе: 1956 г. — 400 членов; 4 общины; 4 проповедника;

1962 г. — 1100 членов; 23 общины; 23 проповедника.

В Сибири: 1956 г. — 310 членов; 8 общин; 9 проповедников;

1962 г. — 2861 член; 46 общин; 21 проповедник и 23 помощника проповедника.

Сегодня со всей уверенностью можно утверждать, что Павел Андреевич был верным орудием в руках Святого

Духа, наделившим его большим авторитетом среди сотрудников. Его организаторские способности и стратегия вызывали восхищение и любовь всех, кому посчастливилось с ним сотрудничать, а его известность в СССР и за рубежом, как духовного лидера адвентизма, служила охранной грамотой от арестов. Особенным образом пастор Мацанов стал известен после своего выступления на «мирной конференции», которая была организована властями в Москве в 1952 году. Как служители, так и простые члены Церкви искренне любили своего руководителя. В поисках совета, обычной поддержки люди ехали к нему даже тогда, когда расстояния измерялись тысячами километров, и уезжали удовлетворенными. Я знаю, что говорю, поскольку был свидетелем всего этого.

В 1960 году, когда коммунистические стратеги окончательно ликвидировали Всесоюзный центр Церкви АСД в Москве, адвентизм в СССР оказался на нелегальном положении. Служители и члены Церкви были смущены случившимся, не понимали происходящего. Некоторые даже считали, что всякое руководство Церковью не имеет смысла и должно быть прекращено. Кто-то распространил циркулярное письмо, в котором руководство сравнивалось со столбом облачным, сопровождавшим народ израильский в пустыне. Когда столб облачный останавливался, тогда останавливался и народ, обустраивая собственные шатры. Это означало, по их мнению, что если центр Церкви прекратил свою деятельность, то нет никакого смысла в духовном служении и на периферии. Нужно обустраивать «свои шатры», т. е. заботиться лишь о местных общинах. Однако подавляющее большинство служителей, в том числе и пастор Мацанов, считали иначе.

Так вокруг него начал формироваться неофициальный духовный центр со всеми церковными структурами и отделами. С ним сотрудничали церкви юга

России, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, а также вся Украина.

В то время было образовано еще несколько духовных центров, в которых дети Божьи находили пути для провозглашения Евангелия. Там также было много замечательных и самоотверженных тружеников и моих друзей, чей святой труд ни в коей мере я не хочу умалить. Но поскольку мое служение совершалось в организации под руководством Павла Андреевича Мацанова, то и мои краткие свидетельства связаны непосредственно с ее деятельностью и моим личным опытом.

Итак, благодаря таланту и посвящению Павла Мацанова, также ревности многих молодых служителей, это движение превратилось в одну из самых активных духовных организаций АСД в СССР. Ее руководитель искренне служил Богу, не шел на компромисс с совестью и не поступался вопросами истины. Он всегда жил интересами Церкви и учил этому других. Много выдающихся служителей и преданных делу Божьему пасторов получили становление в этой организации.

Павел Андреевич считал очень важным делом направлять молодых служителей в города, где не было ни одного адвентиста. Прибывшие нелегально обустроились, и со временем там появлялись новые общины. К 1980 году на территории СССР были организованы церкви, начиная от Архангельска до Киева, от Владивостока до Калининграда.

Этот духовный центр старался во всем действовать в соответствии с принципами Всемирной организации — Генеральной Конференции АСД. Проводились даже нелегальные съезды, на которых выдвинутые общинами делегаты избирали руководителей церковных отделов и совет. Общины обеспечивались духовной литературой, которая размножалась под копирку на пишущих машинках. Переводились на русский язык

и распространялись книги Духа Пророчества. Тиражировались магнитофонные записи программ и проповедей, создавались фильмы. Итак, несмотря на различные ограничения, гонения и запреты, общины Церкви АСД в СССР жили полнокровной жизнью.

Было ясно, что атеистическая машина не смогла уничтожить веру людей в Бога, и тогда власти поменяли тактику. Начала создаваться официальная церковная организация, имеющая также все структуры и отделы. Безбожники решили действовать по принципу «разделяй и властвуй». Политика власть имущих состояла в том, чтобы верующие, в конце концов, истребили друг друга сами. Это был новый и многострадальный период в истории Церкви. Но Бог особым образом хранил ее, наделяя Своей силой и мудростью.

Хотя «железный занавес» еще продолжал отделять советских адвентистов от их всемирного братства, тем не менее, власти позволили некоторым руководителям Генеральной Конференции посещать Церковь АСД в Советском Союзе. В числе первых прибыл и вице-президент Генеральной конференции Альф Лонэ, который с 1977 года был частым гостем нашей Церкви. Его мудрая деятельность способствовала тому, что совет по делам религий в СССР разрешил в 1978 году официальный визит всемирного руководителя Церкви АСД Роберта Пирсона. Генеральная Конференция приложила все усилия, чтобы способствовать объединению противоборствующих сторон. С этой целью было предложено создать общее руководство для объединенной организации с одинаковым количеством представителей от каждой стороны. На мой взгляд, это был правильный и вполне справедливый путь. И хотя объединение произошло не сразу и разные церковные центры продолжали жить и действовать каждый отдельно, их руководители не прекращали искать пути сближения, как и наш Всемирный Центр.

В 1981 году в Советский Союз вместе с Альфом Лонэ прибыл вновь избранный президент Генеральной Конференции Нил Вильсон. Выступая с проповедью во время субботнего богослужения в московской общине, пастор Вильсон заявил, что Генеральная Конференция, сохраняя пасторскую заботу обо всех адвентистах, может признать только одну, официально действующую организацию. Ни один из существующих центров не желал оставаться вне Всемирной организации. Как служители, так и рядовые члены Церкви всегда признавали авторитет Генеральной конференции и принимаемые ею решения.

После продолжительной беседы Нила Вильсона и Альфа Лонэ с Павлом Андреевичем Мацановым и его верными соратниками состоялось совещание руководящих служителей всех противоборствующих сторон Церкви АСД на большой территории огромной страны СССР. И хотя не без боли и трудностей, все пришли к единому мнению, что Церковь Божья, в соответствии с молитвой Христа: « Да будут едино, как мы едино » (Иоан. 17:21-22), не может быть разделенной. Таким образом, после долгих лет гонений, организовано и верно проповедуя адвентистскую весть, сохраняя ясное понимание истины, перенося несправедливые обвинения и открытое противодействие, репрессии, ссылки, тюрьмы, церковь объединилась в единую семью, чтобы таким образом заканчивать Божье дело на одной шестой части земного шара.

Руководители Генеральной Конференции в своих переговорах с органами власти договорились, что должны быть зарегистрированы все ранее не зарегистрированные общины. Все события в Советском Союзе в то время свидетельствовали, что Господь готовит серьезные и большие перемены. И они пришли. Огромный оплот атеизма, СССР, распался! Многострадальная Россия дождалась рассвета свободы. Церковная организация АСД в Советском Союзе стала частью Всемирной Церкви. Начались

евангельские кампании; тысячи обращенных принимали крещение. Нашли свое место в служении все искренние и верные Божьим идеалам служители, ранее принадлежавшие к различным противоборствующим группировкам.

Что же касается мужественного стратега и преданного делу Евангелия руководителя, Павла Андреевича Мацанова, то он оставался почетным ветераном церкви и завершил свой жизненный путь 3 ноября 1989 года в возрасте 86 лет. Господь призвал его на отдых.

Эдгарс Черневскис пишет в своей статье следующее: «Я не считаю, что у Павла Мацанова не было человеческих ошибок, а также у его служителей. Мы все способны ошибаться, потому что мы люди. Но если бы мне пришлось говорить на его похоронах, то я сказал бы: «Братья! Работайте и боритесь так, как трудился и боролся пастор Мацанов!» И я полностью с ним согласен.

Часто нас, его сторонников, называли «мацановцами», хотя на самом деле, мы никогда не претендовали на имя нашего руководителя. Он ни в коем случае не привязывал нас к себе. Его цель была научить нас любить Христа и верно служить Ему. Но я рад и считаю за честь быть «мацановцем», чтобы прожить свою жизнь, как жил он — в полном посвящении Богу.

Меня иногда спрашивают, как лично я воспринял тогда слияние противоборствующих духовных центров и как на мне отразилось объединение. Скажу честно, я был потрясен, и когда мне предложили работать в новой организации, я поехал к пастору Мацанову за советом. Приехал поздно ночью. Павел Андреевич разволновался, подумав: что-то случилось. В ответ на мои опасения относительно объединения и желание оставить служение в Церкви он воскликнул: «Что это с вами произошло? Только что убеждал одного оставаться на служении, как приехал другой! Да вы что, братья! Теперь, как никогда, вы нужны Церкви!»

И я остался, чтобы вновь пережить чудные опыты Божьего руководства.

Дальний Восток

1. Путешествие и первые встречи

 хабаровск. Название этого дальневосточного города, произнесенное тогда пастором Мацановым, мне до сих пор помнится настолько живо, словно все происходило вчера, хотя с тех пор минуло уже более полувека.

Собирались мы недолго, поскольку вещей было немного, но зато мы имели уже четверо ребятишек. Еще в Кропоткине в феврале родился Серёженька, а в августе мы уже отправились на Дальний Восток. Нас провожали все члены церковной семьи, с которой за последние два года мы так сроднились, что казалось, наши сердца останутся в Кропоткине навсегда. Дорогие наши, Петр Иванович, Вера Денисовна, Киля Ивановна и все остальные — вы навсегда остались в нашей памяти. Знаю, некоторых уже нет в живых, но настанет день, когда мы снова встретимся. Это будет счастливый день, когда Спаситель позовет из праха могил Своих верных детей! Разлуки больше не будет!

В Кропоткине оставалась еще на какое-то время и семья Мацановых. Мы же поехали в Хабаровск,

о котором тогда почти ничего не знали. Наш маршрут пролегал через Новосибирск, где по указанному адресу мы должны были поджидать семью пастора Вениамина Кучерявенко, направлявшегося в столицу Приморского края — Владивосток. К нашей огромной радости, в Новосибирске нас ожидал Михаил Зозулин, назначенный на служение в город Кемерово. К вечеру из Новокузнецка прибыл и руководитель нашей Церкви в Сибири и на Дальнем Востоке пастор Орёл. Он должен был снабдить нас письмами для церковного совета в Хабаровске и рассказать о религиозной ситуации в тех краях.

Приехал он очень больным, с высокой температурой. Благо, что здесь уже был Михаил Семёнович, врач по образованию, который сразу же приступил к лечению пастора Орла. Поскольку температура оставалась высокой, было решено вызвать скорую помощь. Врач «неотложки» обследовал больного, поставил диагноз и узнав, что Зозулин профессиональный врач, оставил шприц, лекарства и поручил ему заниматься больным. Активное лечение со всевозможными процедурами продолжалось всю ночь, но зато к утру наш брат Орёл был уже похож на настоящего орла! Через два дня прибыла семья Кучерявенко. Нам посчастливилось взять билеты в один вагон и, отдав себя Божьему водительству, мы на протяжении целой недели путешествия радовались общению. Выйдя в Хабаровске из вагона, мы чувствовали непривычное покачивание после долгой дороги. Семья Вениамина Кучерявенко поехала еще дальше, а мы пошли искать адрес, которым нас снабдил пастор Орёл.

Погода в то время года стояла тёплая, солнечная. Кажалось, что город приветствовал нас свежестью и чистотой воздуха. Хотя Хабаровск считается одним из красивейших городов Дальнего Востока, он также величествен своей суровостью. Расположенный на слиянии двух могучих сибирских рек Амура и Усури, он отличается

влажным климатом, поэтому летом создается впечатление, что ты находишься в теплице. От обилия комаров просто нет спасения. Правда, со временем мы к ним привыкли. Зимой же при морозе в 25–30 градусов от порыва даже небольшого ветра пронизывает холодом до самых костей. Вот такая действительность!

Без особого труда мы нашли на окраине города необходимый адрес. В то время служители преимущественно поселялись в частном секторе с небольшими домами и участками возле них. Именно в одном из таких секторов и находился нужный нам дом, покрытый рубероидом. Его стены снаружи также были оббиты рубероидом, вероятно, ради сохранения тепла. Мы вошли во двор. Вокруг была такая тишина, что все казалось безжизненным. Через некоторое время после нашего стука в дверь на пороге появился мужчина лет пятидесяти. На мой вопрос: «Здесь ли проживает Варвара Филипповна?» мужчина равнодушно, с украинским акцентом ответил: «Її немає вдома. Вона пішла по воду, зараз буде».* И дверь захлопнулась.

Разумеется, такая встреча, мягко говоря, не придавала особого энтузиазма и радости. Наоборот, в душе чувствовалась горечь из-за человеческого безразличия. Такая дикость и недоброжелательность меня просто шокировали. Ведь было видно, что мы приезжие, только что с дороги, с сумками и с маленькими детьми! Вспомнилось библейское выражение: «Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Иоан. 1:11). Как позже оказалось, это был муж Варвары Филипповны Бадовой. И хотя на то время он числился в списках местной общины, он оставался библейским Навалом.

Позднее, когда мы прожили уже немало лет в Хабаровске, я не раз удивлялся, откуда у этой простой русской

---

* «Ее нет дома. Она пошла за водой, скоро придет».

женщины, очень доброй по натуре, столько терпения и мужества, чтобы всю жизнь выносить грубость и неприятные выходки этого человека? В одном уверен: силу и терпение она черпала только в Господе, Которого беззаветно любила и Которому верно служила. В Хабаровске, пока не было пастора, она заботилась о местной церкви, оставаясь ее бессменным руководителем.

Итак, нам ничего не оставалось, как стоять во дворе и ждать Варвару Филипповну. Вскоре мы заметили женщину, несшую на коромысле два ведра воды. Запомнилось первое впечатление, которое произвела на меня эта удивительная женщина. Седые волосы, собранные на затылке в «бублик», и необыкновенно большие глаза уставшего человека, которые, казалось, говорили: «Как же хочется отдохнуть!»

Увидев у себя во дворе незнакомых людей, она опустила коромысло с ведрами и поздоровалась. Я подал ей письмо от пастора Орла. В процессе чтения письма лицо женщины осветилось радостью, а по щекам заструились слезы. Закончив читать, она сказала: «Брат, мы о тебе молились пять лет!»

После этого сестра Варвара пригласила нас в дом и представила мужу, который при этом не проявил никаких эмоций. Хозяйка показала нам место, где мы временно могли расположиться для отдыха после дороги, а сама начала хлопотать на кухне, чтобы накормить нас. После обеда по моей просьбе Варвара Филипповна поведала мне о положении дел в общине: она рассказала о церкви, пожаловалась на лжеучителей из разных конфессий, смущающих верующих, которым тяжело разобраться в истине. По ее словам, проблема заключалась в том, что в общине не было пастора, который бы учил людей библейской истине.

Наконец гостеприимная хозяйка сообщила, что на соседней улице находится дом, приобретенный

Церковью для нас. Во избежание проблем с властями он был оформлен на пожилую женщину из членов Церкви, которая в любое время готова переоформить документы на приезжего пастора, то есть на меня. Я также узнал, что верующие собираются на богослужения по квартирам.

К сожалению, власти узнают, у кого будет богослужение, и милиция преследует верующих. Предполагают, что в общине есть доносчик, но пока он не выявлен.

Мы договорились, что, пока не будут переоформлены документы на дом и семья Игнатова не будет прописана, никто не должен знать о нашем приезде.

Понадобилось почти две недели на переоформление. Две субботы мы не показывались на богослужении, квартируя у Варвары Филипповны. К нашему удивлению, ее муж нас, казалось, не замечал и не особенно тяготился тем, что наша большая семья создавала им определенные неудобства. Наконец, все необходимые документы были переоформлены и мы переехали в собственное жилье.

Теперь, по прошествии многих лет, в течение которых мы поменяли не одно место жительства в разных городах бывшего Советского Союза, я удивляюсь, как мы могли тогда с четырьмя маленькими детьми не только десять лет жить в этом небольшом домике, но и долгое время проводить там субботние богослужения. Каждую пятницу приходилось из зала выносить кровать, стол и шифоньер, а потом вносить лавки, стулья, на которые клали доски, чтобы можно было поместить тридцать человек. Собрания проходили в пятницу вечером. В субботу не расходились весь день. Таков уж был в хабаровской общине обычай. Заканчивался цикл недельных богослужений в воскресенье вечером, после чего молитвенный зал снова превращался в жилую комнату. Так продолжалось почти два года. Сейчас нам кажется, что такая жизнь невозможна, но в те времена подобные обстоятельства принимались служителями без вопросов, потому что люди знали:

дом приобретен Церковью и пастор обязан всем служить. Конечно, наибольшие неудобства ложились на плечи моей жены, но, к счастью, она оказалась посвященной женщиной и жилищные проблемы воспринимала как священный долг, который необходимо исполнять. Никакого ропота или возмущения я от нее никогда не слышал. Это и облегчало мои нелегкие служительские будни.

Незаменимой опорой в общине была все та же Варвара Филипповна. Простая малограмотная женщина, в прошлом баптистка, после знакомства с адвентистской вестью приняла библейскую истину всем сердцем, став ревностным членом Церкви. Тогда адвентистская группа состояла в основном из пожилых женщин. На встречах с представителями других конфессий, ей было очень сложно во всём разобраться. Помогли приезжающие в Хабаровск адвентистские служители из Приморья: Бабкин, Манюхин и Боцун; из Сибири часто приезжал в общину пастор Орёл. Благодаря этим встречам и беседам, Варвара Филипповна укрепилась в вере и умела отличать истину от заблуждения. Она мужественно противостояла тем, кто пытался привнести в Церковь ересь. Именно в этой борьбе проявился волевой характер этой простой женщины. Она не допускала к проповедованию несогласных с библейской истиной. Призывала к верности тех, кто уже был готов согласиться с заблуждением. Члены Церкви к ее голосу прислушивались и считались с ней как с руководителем. Разумеется, в общине были и мужчины, но они не проявляли почти никакой инициативы; их вполне все устраивало и они подчинялись руководству Варвары Филипповны. Когда в очередной раз Хабаровск посетил пастор Орел, то он официально утвердил её руководителем адвентистской общины в Хабаровске. Вот почему она была рада до слез, читая письмо пастора Орла. Наше прибытие было ответом на ее многолетнюю молитву. Слабая, но вместе с тем мужественная силой Божьей, женщина

поняла, что тяжелый груз служения Господь перекладывает на другие плечи. Отныне сестра Варвара оставалась помощницей в служении и самым близким другом нашей семьи. Ей действительно можно было всегда и во всем доверять. Пользуясь военной терминологией, о таких людях принято говорить: «С этим человеком можно идти в разведку», ибо на них была Божественная печать и всегда держалась Церковь Божья. Я глубоко убежден, что скромный труд Варвары Филипповны особенным образом отмечен на небесах, «ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви...» (Евр. 6:10). А написал я о ней более подробно потому, что уверен: современное поколение христиан должно помнить тех, кто в труднейших условиях атеистического севоеолия закладывал прочный фундамент веры многих общин.

2. Знакомство с КГБ

Итак, мы поселились в своем доме, где Галина Ивановна стала полноправной хозяйкой. В пятницу, навелдя порядок, мы с радостью ожидали наступления святого субботнего дня, чтобы пойти на богослужение. О нас, кроме сестры Варвары, ещё никто не знал, и мы полагали, что наше появление на собрании будет приятным сюрпризом для всей общины. К сожалению, в субботу мне пришлось идти на собрание одному, поскольку шел проливной дождь, а к месту богослужения надо было идти пешком, к тому же далеко. Моим провожатым была сестра Варя, так ее здесь все звали. Местом богослужения оказался небольшой покосившийся частный дом, в котором проживала семья Матяж. Хотя его хозяин не был членом Церкви, но он не препятствовал богослужениям, когда наступала очередь. Впоследствии мы с ним очень подружились. Он принял крещение, стал верным и посвящённым членом Церкви.

В ту субботу из-за сильного дождя было мало людей. Варвара Филипповна просто представила меня как брата, приехавшего на жительство в их город. На это было две причины: во-первых, мы с ней решили пока не афишировать, кто я. Во-вторых, на богослужение пришла молодая женщина, которую они подозревали в доносительстве властям. Сестра Варвара провела урок субботней школы, а затем меня попросили выступить со словом. Разумеется, присутствующие поняли, что я не просто гость, а тот, о ком они так долго и усиленно молились.

На следующую субботу богослужение было назначено в другом весьма отдаленном месте — в районе базы Краснознамённой Амурской Флотилии. Наступила суббота, но из-за погоды мне снова пришлось идти на богослужение одному, потому что с маленькими детьми так далеко, да ещё и по грязи дойти было просто невозможно, а попутного транспорта не было. На этот раз присутствовали все члены Церкви, поскольку узнали, что, вероятно, прибыл новый проповедник. Так впервые я получил возможность встретиться со всей общиной. В небольшой комнате присутствующие разместились кто на чём: в ход пошли ящики, доски и даже ведра. И это было в порядке вещей в «молитвенных домах» того времени. Ведь это в основном были жилые помещения бедных людей, из которых преимущественно и состояла Церковь. Утешая присутствующих, я всегда говорил: «Наступит время, когда у нас будет свой просторный и удобный молитвенный дом, где все мы свободно рассладемся, будем слушать хорошие проповеди и пение большого хора». Конечно, это тяжело было представить, поэтому люди только недоверчиво улыбались. Тогда нам это казалось несбыточной мечтой, но Господь, действительно, может совершить невероятное, чему мы свидетели.

В тот субботний день состоялось моё первое знакомство не только с членами Церкви, но и с руководителем

хабаровского КГБ — генерал-майором Галкиным. Первая часть богослужения, субботняя школа, прошла спокойно. После перерыва, едва я поднялся для проповеди, как дверь распахнулась, и на пороге появился прилично одетый человек. Чекисты старались одеваться строго и хорошо. Непрошенный гость подошёл ко мне, предъявил удостоверение и, не позволив даже закончить богослужение молитвой, повелел следовать за ним. Присутствующие на богослужении подняли шум, стали возмущаться, что он не разрешает даже помолиться. Я пытался успокоить людей, объясняя, что это представители власти; они во всем разберутся, и я вскоре вернусь. Но у собравшихся было другое мнение. Все без исключения последовали за нами. Люди окружили стоящую рядом автомашину и не позволяли мне в нее сесть. Никакие уговоры не помогали. Чекисту пришлось применить силу, и только после этого я сел в машину. Но не успел я закрыть дверцу, как с другой стороны рядом со мной сел член нашей Церкви Степан Кияшов. Чекист, сев на переднее сидение рядом с водителем, потребовал, чтобы Кияшов покинул машину, но тот наотрез отказался: «Не выйду, везите и меня».

Чекист приказал водителю ехать. Когда же машина поравнялась с большой лужей, он остановил ее, вышел и, открыв дверь, где сидел Степан, силой вытащил его из машины и швырнул в лужу. Потом спокойно сел на своё место, и мы поехали дальше.

— Вышло не совсем прилично с вашей стороны, — заметил я, — да еще и на глазах у народа. Я о вашей организации был лучшего мнения.

— Ничего, вы ещё узнаете нашу организацию, — ответил он.

Пока ехали, мы успели познакомиться. Оказалось, что мы были с ним одноклассники. Чесноков Пётр Николаевич был в звании старшего лейтенанта, и я хорошо его запомнил, так как нам позже приходилось не раз

встречаться. Поскольку мы были ровесниками, я разговаривал с ним на равных, и он не обижался.

Управление КГБ, куда меня привезли, находилось в семиэтажном здании (сколько этажей было под землей, я не знаю) по улице Волочаевской. Меня проводили на седьмой этаж к начальнику управления генералу Галкину, который встретил меня словами: «О! Я полагал, что ко мне придёт девяностолетний старик, а оказался совсем еще молодой человек! Ну, садись», — указал он мне на стул.

В кабинете, кроме генерала и проводившего меня Чеснокова, присутствовали ещё трое мужчин. Разговор начался с традиционного расспроса: кто я, есть ли семья, где живу, чем занимаюсь и зачем приехал. Затем мне объяснили, что Хабаровский край — стратегический район, и появление здесь любого нового человека вызывает повышенный интерес правоохранительных органов. «Поэтому и к вам у нас повышенный интерес!» — подчеркнул Галкин.

Беседа проходила довольно мирно, никакого давления и угроз. Я также прекрасно понимал, где нахожусь и с какими людьми разговариваю, поэтому ответ мой был однозначным: «Я человек свободный, живу в своей стране и место жительства выбираю там, где пожелаю. Я выбрал Дальний Восток, поскольку мне здесь нравится».

Разумеется, руководителя этого «могущественного» тогда ведомства интересовало, на какие средства я купил дом, с кем из руководителей Церкви поддерживаю связь и т. д. На все эти вопросы у меня были заготовленные ответы, подтверждающиеся соответствующими документами. Чекисты слушали, кивали головами, но было видно, что они уже успели все проверить. Я же в душе молился об исполнении Божественного обетования: «И поведут вас к правителям и царям за Меня..., не заботьтесь, как или что сказать..., но Дух Отца вашего будет

говорить в вас» (Матф. 10:18-20). Когда я закончил, начальник Хабаровского КГБ с ухмылкой сказал:

— Вас сюда прислал Мацанов как проповедника, а дом, который вы якобы приобрели у Овчиниковой, на самом деле куплен на деньги верующих людей, а на вас его просто переоформили, так что давайте играть открыто.

— Предлагаю договориться, — сказал напоследок генерал, — вы нам помогаете, а мы вам.

— В чём же эта помощь должна заключаться с моей стороны? — поинтересовался я.

— Ну, если придёт к вам на богослужение незнакомый человек, постарайтесь сообщить нам, чтобы мы могли проверить, кто он в действительности.

Это предложение было для меня несколько неожиданным, поэтому после паузы я ответил:

— Не хорошо быть конкурентом у тех, кто этим делом уже занимается. Ведь в нашей общине уже есть ваши «глаза и уши». Это они обо мне вам донесли. Я же человек глубоко верующий и однажды дал клятву служить одному лишь Христу. Если я дам обещание служить и вам, это будет с моей стороны предательством, а предателей вы также не любите. Так что извините, не могу дать вам такого обещания.

Меня иногда спрашивают, не страшно ли было разговаривать с наделёнными особой властью людьми. Не скрою, каждый раз было немного не по себе, но в такие моменты мне на память приходил опыт, приобретенный ещё в юности, когда я работал в одной из организаций автогенщиком. За то, что в субботу я не выходил на работу, на меня было подано заявление в прокуратуру. Мне тогда грозил четырехмесячный срок заключения. Перед тем как идти к прокурору, я пошёл к пастору Макарову, чтобы вместе с ним помолиться. Конечно же, мне не хотелось попадать в тюрьму, даже на четыре месяца. После молитвы пастор Макаров меня успокоил.

— Не бойся, — сказал он, — прокурор — не Бог, а такой же смертный человек, как и все. Скажи, Бог может отнять у него дыхание, когда он начнет на тебя кричать?

— Может! — ответил я.

— Так вот, иди и ничего не бойся! С тобою Господь, — закончил он.

С тех пор я всегда помнил, что начальники — смертные люди.

Наш разговор с генералом Галкиным закончился тем же обещанием посадить меня в тюрьму. Прoderжали меня в управлении довольно долго, надеясь, что я передумаю, а потом все же отпустили.

Пока я находился на допросе в управлении КГБ, моя Галина Ивановна провела субботнее богослужение с детьми. Подошло время моего возвращения домой, но вместо меня в дверь постучал Степан Кияшов. После «купания» в луже, его внешний вид был не очень приятным. Он рассказал обо всем, что случилось. По его словам, Николая Михайловича забрали, когда тот проповедовал, и увезли в неизвестном направлении. Его запачканная одежда свидетельствовала о неудавшемся благородном намерении «выручить» своего пастора, которое закончилось грязной лужей.

Пока Степан приводил себя в порядок, Галина Ивановна накрыла стол и пригласила его пообедать. В это время в дом стали заходить другие члены Церкви с печальными лицами и слезами на глазах. Увидев в доме Степана, они догадались, что он уже всё рассказал, и украдкой поглядывали на мою жену — не плачет ли она. Но Галина Ивановна держалась спокойно, стараясь не подавать вида, хотя в душе очень волновалась. С другой стороны, она понимала, что для моего ареста не было никакого основания. Пришедшие рассказали, что, когда меня увезли, они все пошли в милицию, полагая, что я теперь там, и просили начальника отпустить их проповедника.

Начальник милиции никак не мог понять, кого следует отпустить? Что это за отец четверых детей, которого увезли? Наконец, разобравшись о ком идет речь, сказал: «Если вашего проповедника увезли на легковой машине и забрал его человек в штатском, то его следует искать не в милиции, а в управлении КГБ. — Далее он посоветовал: — Идите домой. Там, куда его повезли, люди умные, разберутся и отпустят вашего проповедника».

Спокойствие Галины Ивановны передалось и женщинам. Склонившись в молитве, они отдали всё в руки Небесного Отца. После молитвы еще долго все вместе сидели и беседовали, рассуждая о библейских мужах веры, а также о том, как Господь удивительным образом спасал их. Вспомнили и об освобождении Петра из темницы. Жена заверила сестер и братьев, что Божья рука и сегодня не ослабела. Он в состоянии выручать и современных служителей. Под вечер появился и я. Какая же это была радость! Всем хотелось знать, как со мной обошлись суровые начальники, не издевались ли они. Я их успокоил, сказав, что ничего страшного не произошло. Просто чекисты получили информацию, что в городе появился новый человек, и они как стражи безопасности в государстве обязаны были узнать, кто он и зачем сюда приехал.

3. Организация церковной структуры

После беседы в Управлении я сразу стал известен местным властям как руководитель Церкви АСД в этих краях. Это помогло мне открыто, не таясь, знакомиться с вверенной мне территорией и членами Церкви, начиная от Ружино в Приморском крае и кончая городом Свободным в Амурской области. Предстояло познакомиться с уже существующими общинами, восстановить в них структурный порядок, узнать членов Церкви лично. К сожалению, на этой обширной территории

зачастую формировались общины под влиянием служителей, не имеющих надлежащего понимания церковной организации. Были и такие, которые только прикидывались адвентистами, оказывая разрушающее влияние на искренних членов Церкви.

По замыслу нашего подпольного церковного руководства я назначался руководителем в этих краях (на современном языке — президентом миссии). Чувствуя огромную ответственность с одной стороны и человеческую немощь с другой, я постоянно просил Божьего руководства, чтобы совершить как можно меньше ошибок.

Хотя мы были еще молоды и малоопытны, всё же имели уже некоторое представление об организации Церкви. Местные же братья, зачастую уже и не молодые, никогда в организации не работали, а трудились, кто как умел. Регулярных братских встреч служителей не было. Они никогда не собирались, чтобы совместно разрабатывать и планировать работу, вместе молиться и советоваться, вместе решать вопросы, подготавливать для служения молодых людей, организовывать новые группы и общины. Всего этого они не знали и не делали. Поэтому наша задача состояла в том, чтобы объединить всех в единую стройную систему церковной организации.

Хотя не так быстро и не так легко, как нам хотелось, но всё же с помощью Божьей мы делали, что могли. Сначала местные пожилые братья принимали нас с большой настороженностью, но, убедившись в нашей искренности и посвящении, соглашались сотрудничать. У меня даже было желание упомянуть в этой книге фамилии тех, с кем не сразу у нас сложились добрые отношения. Некоторые из них были похожи на новозаветного Аполлоса, знающего основы библейского учения и проповедующего о Господе правильно, но в силу определённых обстоятельств они не желали вливаться в организацию. Они совершали служение в трудных условиях, находясь

в пути в течение многих месяцев, поскольку расстояния здесь огромные, и они едва успевали совершать Вечерю Господню. Уже за это одно они достойны уважения. Эти служители имели чудесные опыты Божественной охраны и руководства.

Как я уже упоминал, в тех краях молитвенных домов не было, верующие собирались на богослужения по домам у членов Церкви. Однажды пастор по фамилии Манюхин приехал в общину совершать обряд Вечери Господней. И вот муж одной женщины узнал, что его жена пошла к «субботникам» молиться. Он взял охотничье ружьё и пошёл, чтобы, как он потом сам сказал, застрелить приезжего проповедника. Разумеется, он для храбрости немного выпил. Возможно, он перепутал дома и начал стрелять не по тому дому, где пастор совершал Вечерю Господню, а по соседнему, где жила старушка с внуками. Стрелял он по окнам. Пожилая женщина вместе с внуками со страху спряталась под кровать. Услышав выстрелы, выбежали соседи и отняли у него ружьё. Пока люди с ним разбирались, проповедник закончил собрание и спокойно ушёл.

Теплые воспоминания остались у нас и о пасторе Бабкине, который провел пятнадцать лет в тюрьме за веру. Он был старше меня лет на двадцать. До нашего приезда он один совершал служение, регулярно посещая членов Церкви по всему Дальнему Востоку.

В самой общине города Хабаровска с надлежащим отношением ко мне, как к руководителю, проблем не возникало. Людям нравилось, что, в отличие от местных братьев, новое поколение служителей, к которым принадлежал и я, отличалось и внешним видом, и манерой проповедовать. За кафедру мы всегда выходили в костюме с белой рубашкой и галстуком. Библию мы не просто держали в руках, как было заведено, но читали подтверждающие тексты, что придавало авторитет нашим

речам. Более того, был установлен четкий порядок богослужения и поведения во время богослужения как служителей, так и членов Церкви. В местной общине мы обговаривали на членском собрании вопрос проникновения в Церковь различных лжеучений и ересей, постарались закрыть дорогу возмутителям порядка. Пришлось даже некоторых исключить за нехристианское поведение, порочащее Церковь.

Вскоре образовалась хорошая и дружная духовная семья детей Божьих, готовых искренне служить делу спасения. Люди были готовы жертвовать своими жилищами, предоставляя их по очереди для богослужения, хотя во многих семьях были неверующие родственники. Всегда существовал риск посеять в семье недоразумение, но члены Церкви старались так наладить отношения с неверующими членами семьи, чтобы те не препятствовали приглашать к себе всю общину для молитвенного собрания. Люди проявляли жертвенность в средствах, в личном времени и физических усилиях, когда надо было кому-то помочь. И делали они все это охотно. Разумеется, мы с женой старались быть примером, достойным подражания. Приходилось помогать не только добрыми советами, но и физическим трудом.

Однажды Галина Ивановна решила помочь одной многодетной матери с пятью детьми. Эта мать была физически слабой и болезненной женщиной. Дети же к труду не были приучены. Их домик обветшал и нуждался в ремонте как снаружи, так и изнутри. Моя супруга попросила их приготовить глину и солому и в один прекрасный день, взяв с собой наших четверых детей, она отправилась помогать этой семье с ремонтом. Дети вместе с ней месили глину, после чего этим раствором жена оштукатурила дом. Этот поступок благотворно повлиял не только на семью бедной женщины, но и на общину. Позже уже не нужно было упрашивать людей, чтобы они

оказали кому-либо помощь; желающие находились сразу. Таких примеров было много.

Как-то одну из наших сестер разбил паралич. Так как она была одинокой, в общине составили график дежурств у ее постели. Нужно было дежурить по двое в течение двенадцати часов, сменяясь утром и вечером. Мы попросили, чтобы на первое дежурство поставили нас с Галиной Ивановной. Церковь ухаживала за этой несчастной женщиной до самой смерти. Этот поступок благотворно повлиял на соседей. Даже по местному радио в одной из передач было упомянуто об этом.

Все это не могло оставаться незамеченным. Власти продолжали следить за нашей деятельностью. Почти на каждом богослужении их представители непременно присутствовали и пытались нарушить порядок служения, переписывая всех собравшихся. Члены Церкви им говорили: «Зачем вам каждый раз совершать такой труд? Возьмите старые списки и перепишите из них наши фамилии; количество верующих ведь не изменилось».

Когда богослужение проходило в нашем доме, Галина Ивановна была на дежурстве: встречала милиционеров в коридоре и уговаривала подождать до окончания служения; она усаживала их на кухне, где они покорно ожидали. Правда, это получалось у жены лишь тогда, когда с ними не было никого из чекистов. Для этого случая у нас был подготовлен иной сценарий. Мы договорились: если милиция начнёт нарушать ход служения, все смотрят на руководителя, который дает знак, и присутствующие встают петь псалом: «Иди за Мной, иди Моей тропею». Должен сказать, это помогало. Незваные гости уходили в другую комнату и ждали, когда мы закончим. И только потом производили свою «перепись».

К нашему счастью, в то время ещё не было закона об административной ответственности и нас не штрафовали. Однажды, когда мы собрались для богослужения на

квартире нашей сестры на пятом этаже, приехали милиционеры, а с ними уже известный читателю чекист Чесноков. На сей раз он привез с собой уполномоченного по делам религий и женщину, начальника ЖЭКа. Уполномоченный громко заявил: «Вы незарегистрированные, а значит, это собрание является нарушением законодательства».

А Чесноков добавил: «Скоро выйдет закон о таких активистах, как вы, — он указал на меня, — и тогда будем вас судить».

После этого они ушли, оставив женщину, начальника ЖЭКа, а мы продолжили богослужение и много пели. Начальнице настолько понравилось пение, что она прослезилась, а когда собирали добровольные пожертвования, она положила в корзину целых пять рублей. По тем временам это были большие деньги, так как на них можно было купить двадцать пять буханок белого хлеба.

Среди недели я посетил уполномоченного по делам религий по Хабаровскому краю. Этот человек встретил меня на редкость дружелюбно. Когда речь зашла о посещении богослужения в прошлую субботу, он искренне признался:

— Я не по своей воле пришёл к вам, меня привезли. А всем этим посещением руководил товарищ из КГБ.

— Правда ли, — спросил я его, — что готовится закон, по которому верующих будут судить за их убеждения?

— Это правда, — ответил он. Затем добавил: — В настоящее время ведется работа по принятию закона, в соответствии с которым будут применяться административные меры, направленные против незарегистрированных объединений верующих.

— Это понятно, — возразил я, — но почему же тогда вы не регистрируете нас? Ведь мы же не уклоняемся от регистрации!

— Если бы это зависело от меня, — беспомощно заметил уполномоченный, — то я давно бы вас

зарегистрировал, но существует общая установка не регистрировать никого.

— Тогда для чего же вы здесь находитесь? — настаивал я. — Ведь, как я понимаю, вы являетесь посредником между верующими и властями, чтобы ставить на место тех, кто нарушает законодательство, — нас или же представителей власти.

— Именно это я и делаю. Однако я тоже зависим. Мне известно, что за меня молятся баптисты, пятидесятники... Вероятно, и вы, адвентисты, тоже молитесь. И когда меня о вас спрашивают, я всегда объясняю, что адвентисты — не секта; они признаны законом и имеют центр в Москве, так что я вас защищаю.

Забегая наперед, скажу, что это был неплохой человек. Когда наступило некоторое затишье после смещения Никиты Хрущёва, он сам нашёл меня и посоветовал: «Найдите себе дом, сдающийся в аренду, и собирайтесь открыто, никто вас не тронет. А если кто-то будет вам мешать, поинтересуйтесь его фамилией и сообщите мне, я постараюсь все уладить».

Так оно и было, но это в будущем, а пока нас продолжала навещать милиция. Власти начали вести провокационную деятельность. Они вычислили все места, где мы проводили богослужения, и стали натравливать на нас соседей. Власти заставляли их писать заявления, что мы им мешаем, что они опасаются за своих детей, чтобы мы не «затянули» их в секту. Большая часть соседей относилась к нам по-хорошему, но нашлись и такие, которые начали заявлять, что, если мы не прекратим в этом или другом месте собираться, они подожгут наш дом. Из-за этого члены Церкви перестали приглашать проводить богослужение к себе домой, ссылаясь на неверующих в семье, которые просто испугались. В этой связи было принято решение постоянно проводить молитвенные собрания в нашем доме. Разумеется, это причиняло

нашей семье большие неудобства, но зато остальных членов Церкви никто не беспокоил. Теперь каждую субботу милиция приходила в наш дом. Однажды на неделе появился Чесноков. Сначала он пугал нас штрафами, тюрьмой, а потом вдруг обратился к жене:

— Галина Ивановна, — спросил он ее, — а вы знаете, что ваш дом дал, образно говоря, «трещину». Если вы не прекратите проводить у себя богослужения, у вас его отберут.

— Как это так отберут? — удивленно возразила она. — У нас все документы законно оформлены. Да и куда нас с малолетними детьми — неужели на улицу выставят?

Какими же мы были наивными! Ведь до сих пор не было такого, чтобы у верующих отняли дом! Позже появились определенные законы, в соответствии с которыми с нами могли делать всё, что хотели. Всё считалось законным у незаконного безбожного режима. Господь так устроил, что, несмотря на предупреждения, мы продолжали собираться на богослужения в нашем маленьком домике довольно долго.

Прошло время. Однажды меня вызвал краевой прокурор. Разговор был продолжительный, но спокойный. Говорили о многом — даже о том, что он прочитал «Иудейскую войну» Иосифа Флавия. Но в конце нашей беседы он сказал, что если не прекратятся в нашем доме богослужения, то мы останемся без жилья. Поскольку эти слова произнес прокурор, то это уже была не угроза, а предупреждение компетентного человека. Вскоре, действительно, решением местного советского суда дом у нас отобрали. Суть дела заключалась в следующем: когда покупали этот дом, один из ответственных служителей Церкви того времени открыто объявил, что он приобретён на церковные деньги под молитвенное помещение. Поэтому это не могло быть тайной и для властей. А во время суда многие члены Церкви проходили как свидетели, подтвердившие, что дом покупался для

проведения молитвенных собраний. В соответствии с законодательством того времени, Церковь не могла быть юридическим лицом. Поэтому суд вынес следующее решение: поскольку первая сделка была совершена в обход государства, то все последующие сделки купли-продажи считать недействительными. Соответственно, дом должен перейти в государственную собственность и принадлежать Жилищно-эксплуатационной конторе. Хотя нас из него не выселили, но теперь нужно было платить в ЖЭК квартплату. В дом поставили баллонный газ, что намного облегчило труд хозяйке. Невзирая на все эти трудности, каждую субботу община продолжала проводить здесь свои богослужения.

4. Ряды Церкви пополняет молодежь

В городе Комсомольске-на-Амуре существовала небольшая группа верующих, принадлежащая к нашему миссионерскому полю. Я периодически их навещал, совершал служение Вечери Господней. Это было время, когда ещё молодой город только строился. Местность красивая, хоть и суровая; вокруг сопки, тайга, совсем рядом — полноводный Амур. Вообще Дальний Восток в те времена был замечательным краем. Это теперь, когда рука человека «освоила» его, он потерял былую привлекательность. Однажды нашу небольшую церковную семью в Комсомольске посетил один молодой человек. Он как раз демобилизовался из армии и временно проживал в этом городе. Наши пожилые члены Церкви, как могли, объясняли ему наше вероучение, но потом порекомендовали побывать в Хабаровске, где есть община АСД и служитель. Они снабдили его нашим адресом, и молодой человек, ещё не обременённый семьей, просто сел в поезд и приехал к нам. Это был Николай Степанович Широков.

Поскольку он был одиноким, мы предложили ему пожить у нас, чему он очень обрадовался. К тому же Хабаровск — город большой, и работу найти в нём было значительно проще, нежели в Комсомольске, хотя для адвентистов и были проблемы. Камнем преткновения всегда являлась суббота, поскольку в то время выходным был только один день в неделю — воскресенье. Кроме того, адвентисты находились в объективе спецслужб, и если какой-либо руководитель предприятия, принимая нас на работу, и разрешал, чтобы мы по субботам не работали, на него тут же оказывали давление, и он вынужден был или перевоспитывать нас, или увольнять. Из-за этого у меня были две трудовые книжки и обе с вкладышами. В них трудно было найти запись, свидетельствующую, что я где-то проработал год. Значительно позже, уже во время горбачевской перестройки, я сам удивлялся, как на военном заводе я отработал целых девять лет! Но когда к нам приехал Широков, я был «безработным», а потому мы решили вместе искать работу. После долгих «хождений по мукам» нас, наконец, согласились оформить в коммунально-эксплуатационную часть военного городка на должность слесарей-сантехников. Для нас эта работа была очень удобной, поскольку механик, составляя график дежурств, всегда учитывал нашу потребность в сохранении неприкосновенности субботнего дня.

За время совместной работы мы сдружились с Широковым, и он стал настоящим членом нашей семьи. Окрепнув в познании библейской истины, он принял крещение в водах Амура. Пройдут годы, и он сам станет проповедником и даже руководителем Церкви на территории всего Дальнего Востока и восточной Сибири.

Мы в то время были еще молодыми. Кроме нас в общине были еще две молодые сестры — незамужняя Дина Леликова и Таня Василенко, муж которой иногда посещал наши богослужения, но адвентистское учение пока

не принимал. Он принадлежал к харизматической церкви, и «дух» ему сказал, чтобы он искал некоего Пантелея, который крестит его духом. Однако Бог продолжал работать над его сердцем. Наступал Новый год, и мы обычно накануне проводили торжественное богослужение: много пели, устраивали сценки на библейские сюжеты, декламировали стихотворения и т. д. На это собрание Таня пригласила и своего мужа Леонида. Во время богослужения он вдруг встал и заявил: «Я хотел перетянуть жену в свою веру, но Бог перетянул меня в веру моей жены, и я решил вместе с ней служить Богу. Примите меня через крещение в Адвентистскую Церковь».

Как я уже упоминал, этот человек до того памятного вечера долго сопротивлялся библейской истине, хотя иногда и посещал наши собрания. После каждой беседы с ним в душе у меня оставался какой-то неприятный осадок, возможно потому, что он постоянно стремился навязать нам своего «духа», и, разумеется, беседа всегда переходила в спор. Однажды мы договорились с Николаем Широковым не вступать больше с Леонидом в пререкания, поскольку это не приносило никакой пользы, а просто с ним подружиться. Сначала мы попытались вникнуть в его проблемы. От жены мы узнали, что он очень долго делает в доме ремонт, так что домашние порядком измучились. Нетрудно внутри дома старое разрушить, но сделать новое — способностей не хватало, да и денег не доставало, чтобы нанять мастеров. Вот и жила семья в доме, как после бомбежки. Мы решили этот момент использовать, чтобы таким образом найти общий язык с Леонидом. Николай Широков в строительстве был специалистом, да и меня жизнь кое-чему научила. Взяли мы свои инструменты и после дежурства на работе пошли к Леониду и Тане домой. Между собой договорились об убеждениях с Леонидом не говорить. Конечно же, он не ожидал, что мы придём помогать ему с

ремонт, и поначалу даже запротестовал, но мы объяснили, что пришли помочь нашей сестре, у которой маленькие дети. Поэтому сразу приступили к работе.

За три вечера мы вместе настелили полы, сделали перегородки и всю другую необходимую работу. И за все это время — ни одного слова о религии. Однако совместная работа нас сблизила и содействовала настоящей мужской дружбе. Хотя до сих пор о соблюдении субботы Леонид не думал, то теперь решил в субботу на работу не выходить, а вместе с женой быть на богослужении. И вот на новогодней программе он сообщил всей общине о своём заветном решении. Таким образом, наша церковная семья «молодела», становясь более активной в служении.

Недалеко от Хабаровска, на противоположном берегу Амура, располагалась деревня Николаевка. Попастъ туда можно было только рабочим поездом, проходившим, через железнодорожный мост. В этой деревне жила большая и своеобразная семья: мать была членом нашей общины, отец — пятидесятником, а дети выросли комсомольцами и коммунистами. Мы иногда навещали их и были знакомы с каждым из членов этой семьи. Когда же отец семьи умер, его жена — наша сестра, попросила нас совершить погребение. Мы решили с Широковым поехать на день раньше, чтобы помочь в организации похорон, поддержать и утешить скорбящих. Как известно, у гроба беседы на духовные темы всегда обретают особый смысл. Ведь факт смерти побуждает каждого присутствующего, и в особенности родных умершего, задуматься над жизнью. Так произошло и здесь. Почти вся ночь прошла в беседе с невесткой и дочерью покойного, Антониной — активной комсомолкой. Утром приехали члены нашей общины, мы совершили погребальное служение и разъехались по домам.

До сих пор не могу простить себе допущенную тогда оплошность. Нам следовало бы через несколько дней навестить эту семью, вместе с ними помолиться, но

из-за работы и суеты у нас не нашлось времени, а они нас очень ждали. Уже потом наша сестра рассказывала, что несколько суббот подряд они надеялись, что мы приедем; даже поднимались на крышу дома и смотрели в сторону станции, когда подходил поезд, не выходили мы из вагона. Мне даже кажется, что из-за этой халатности мы потеряли одну душу. Дело в том, что за это время невестка остыла душой и отвернулась от нас, а Тоня — не сломалась. В первую же субботу она не вышла на работу и объявила своему начальству, что больше по субботам работать не будет. Мы же не знали, что происходит в деревне. Узнали только тогда, когда вышла газета со статьёй на всю страницу под заглавием «Тоня, остановись!» Разумеется, в статье в основном клеймили Церковь за то, что «втянули в секту» замечательную девушку, комсомолку и активистку.

После этого на меня завели уголовное дело. Следователь предупредил: «За все простим, но за комсомолку — никогда!» Я до сих пор восхищаюсь мужеством и мудростью этой девушки. Как ни добивался от неё следователь показаний против меня, всё безрезультатно. Она очень разумно себя вела, не дав следователю ни малейшего повода, за что тот мог бы зацепиться. Когда Тоня не знала, что говорить, она просто молчала. Однажды у неё со следователем получился забавный диалог:

— Говорил ли вам Игнатов, — спросил он, — что надо отдавать в Церковь десятину?

— Что вы, — девушка сделала очень удивленное лицо, — сейчас ведь не десятины, а гектары. Это раньше были десятины.

Как ни пытался следователь объяснить Тоне, о какой десятине идёт речь, она твердила одно: «У нас в деревне урожай собирают с гектаров, а не с десятин!»

Не добившись ничего, он обозвал её глупой и отпустил. Тоня быстро усвоила библейскую истину и очень

интересно проводила уроки субботней школы. Таким образом, наша община пополнилась еще одним юным талантом, который был задействован в служении.

Интересная деталь. В газетной статье о Тоне, был указан её домашний адрес. Спустя некоторое время на её имя пришло письмо от одного солдата, служившего в Хабаровске. Он писал: «Дорогая сестра, мужайся, Бог на твоей стороне, Он сохранит тебя». В письме было и много других ободряющих слов. Тоня показала это письмо нам. На конверте была указана фамилия солдата, Ищук Тимофей Игнатьевич, а также адрес воинской части, где он отбывал военную службу. Мы с женой, не откладывая, отправились искать эту часть, чтобы навестить брата. Так состоялось наше первое знакомство с ним. Поскольку мы оставили Тимофею свой адрес, позже, как только у него появлялась возможность, он брал увольнение и приходил к нам.

Так корреспондент газеты, сам того не сознавая, помог нашему брату найти единомышленников.

А дело, которое завели на меня из-за комсомолки Тони, естественным образом «лопнуло». Правда, вскоре вышла ещё одна статья в этой же газете под названием «В доме по улице Одесской, 12», там был помещён снимок — угол нашего дома с названием улицы и номера дома. В конце статьи красовалась ещё одна фотография, на которой был изображён я, напротив, сидела Варвара Филипповна, отчитываясь в поступлении денег при помощи собственных пальцев. Внизу были написаны едкие комментарии: «О чём могут вести беседу адвентистские главари в столь интимной обстановке? Хозяин явно недоволен — слишком мало денег нынче несут братья и сёстры».

Нетрудно понять, к каким нечистоплотным и наглым приемам фотомонтажа прибегали безбожники, чтобы опорочить Церковь и ее служителей. Журналисты

же покорно выполняли их требования. И все это делалось втайне. Но все по порядку.

Однажды на работе вызвал меня наш инженер и говорит: «Вот, товарищи хотят с вами побеседовать», — а сам ушёл.

Этими «товарищами» оказались журналисты той самой газеты, о которой упоминалось выше. Пока один задавал мне вопросы, другой фотографировал в различных ракурсах. Варвару Филипповну они сфотографировали таким же образом в тот же день дома, хотя и без ее согласия; а остальное — дело техники. Когда позднее я встретился с этими журналистами и спросил их, зачем они печатают такую ложь, они без тени угрызения совести сказали, что определенные чиновники поставили перед ними задачу очернить нас и отделить от народа стеной отчуждения. А для этого все средства хороши.

Однако Господь так устроил, что и эта статья послужила во благо. В первую же субботу после ее появления пришли на богослужение две женщины и один мужчина. В молитве они благодарили Бога за то, что он указал им, где собираются Его дети. Позже они рассказали, что переехали на постоянное место жительства в Хабаровск из Средней Азии, но не знали, есть ли здесь церковь. Поэтому молились, чтобы Господь помог им найти её. Бог решил ответить на молитву Своих детей через газету. Мы ещё раз могли убедиться, что Всевышний может обратить проклятие в благословение.

Но оказалось, что для безбожников и этого было мало. Спустя некоторое время в окне высшей партийной школы, где всегда появлялись сатирические картинки, высмеивающие нехороших, с точки зрения коммунистической идеологии, людей, была выставлена карикатура и на меня. На ней было изображено хитрющее лицо, из рта которого капает слюна; в руках — большое блюдо, на котором лежат мешки с деньгами, купюрами в сто,

пятьдесят и десять тысяч рублей. Под «картинкой» жирными буквами выведено: «Живёт с Божьей помощью». Далее шло пояснение, что это проповедник секты адвентистов, который обирает старух и т. п. Каждое утро, следуя на работу, я проходил мимо этой карикатуры и видел, как прохожие останавливались и читали, что Игнатов живёт за счёт бедных старушек. Как-то идя с работы, я заметил, что возле этой злосчастной «картины» собралась большая толпа зевак. Подойдя ближе, я увидел в центре толпы нашу соседку, Ожогову Аню. «Не верьте, — громко говорила она, — я соседка этого человека и знаю, как он живёт. У него, кроме жены и четверых детей, ничего больше нет. Кроме стола, кровати да пары скамеек, у них нет никакой мебели. И сам он работает слесарем».

Женщина из-за толпы так меня и не заметила. Следуя своей дорогой дальше, я подумал: «Не перевелись ещё смелые и честные люди! Спасибо тебе, Аня!» Позже, встретив ее у дома, я признался, что слышал ее горячую речь и поблагодарил. Она скромно ответила: «Я просто ненавижу ложь! Да я и сама удивляюсь, как это меня прорвало. Только потом, уже отойдя от того места, я подумала, что для меня это могло бы плохо закончиться».

Настал период новых методов борьбы атеизма с религией. В ход пошло психологическое давление на особо активных верующих людей. И не только на адвентистов. Безбожники в борьбе с религией готовы были использовать самые коварные методы. Представьте себе, что один молодой человек, которого я даже в глаза никогда не видел, написал кляузу, как будто я, посещая его дом, украл комсомольский билет. Ну зачем мне его комсомольский билет? Умные люди понимали, что это глупости, а невежды — верили.

Но позвольте вернуться к истории девушки Тони. Она очень понравилась Николаю Широкову. Подружившись с ней, он вскоре сделал ей предложение, и нам ничего не

оставалось, как готовиться к свадьбе. Об этом, очевидно, стало известно и нашим постоянным «наблюдателям» из спецслужб. Мы узнали, что и они к этому готовятся. Но трудно было предвидеть, что они планируют устроить.

Такое необычное для нашей Церкви в тех краях и потому вдвойне радостное мероприятие решено было отпраздновать в доме невесты, — в ее родной Николаевке. Хор разучивал свадебные песни, молодые люди и дети готовили стихотворения, репетировали веселые сценки, а хозяйюшки, естественно, готовили стол и двор для бракосочетания и свадебного пира.

В назначенный день в небольшую деревню прибыло человек сорок. От станции до дома невесты нужно было пройти пешком километра два. Лето, тепло, все в приподнятом настроении, весёлые, идём и поем псалмы. И тут мы заметили, что от самой станции идёт за нами на небольшом расстоянии какой-то человек. Сначала мы решили, что это один из жителей. Сапоги перекинуты через плечо, а сам ступает босиком. Он упорно следовал за нами. Меня насторожило его поведение, и я предложил одному из наших братьев немного отстать и познакомиться с ним. Как только мы пришли на место, я сразу же занялся организацией предстоящего мероприятия. Необходимо было предусмотреть все моменты, составить программу торжества, объяснить каждому участнику его роль. И тут ко мне подходит одна из наших сестер и, дрожа от волнения, говорит, что этот человек меня фотографирует футляром от очков. Оказывается, у него там не очки, а фотоаппарат.

Поразмыслив, я также решил сфотографировать этого человека. С этой целью я предложил всем сфотографироваться с молодыми. А один из наших братьев обязан был непременно пригласить для фотографии нашего «таинственного незнакомца», который оказался на свадебном дворе. Выполняя поручения, наш брат с

«незнакомцем» встали на лавку в самом последнем ряду. Наведя на группу фотоаппарат, я сказал: «Снимаю». В этот момент наш «незнакомец» быстро пригнулся, прячась за спины стоящих впереди. Я опустил фотоаппарат и, делая вид, что ничего не заметил, обратился к нему: «Поднимитесь немного выше, вас не видно». Он поднял голову. На этот раз я его сфотографировал, перед тем как подал команду «внимание». Молодой человек из нашей общины, опекавший по моему поручению «незнакомца», предупредил меня, что у него пистолет. Он обнаружил оружие, поддерживая незванного гостя, когда тот спускался с лавки после фотографирования.

Позже, когда я сообщил лейтенанту Чеснокову об этом приключении и о незнакомце с пистолетом, как он сам меня просил во время первого знакомства в Управлении КГБ, он только ухмыльнулся и пообещал разобратся. Без сомнения, это был подосланный агент спецслужб, ожидавший, что мы начнем его «обрабатывать», чтобы принял наше учение, и тогда будет причина для очередного обвинения в «вербовке» посторонних. Поняв, что его разоблачили, чекист быстро ретировался. Что же касается свадьбы Тони и Николая, то она стала для местной общины значимым событием и большим благословением. А молодые сняли в Хабаровске квартиру и принимали самое активное участие в служении Церкви. Тоня оказалась для Николая замечательной помощницей как в жизни, так и в пасторском служении.

Несмотря на постоянные преследования, Церковь возрастала духовно и количественно. Присоединялись через крещение все новые и новые люди. Однажды крестились сразу восемь душ. По тем временам это было много. Для нашей семьи особенной радостью было то, что приняла крещение наша соседка Юлия Старикова. Она стала верным и преданным Господу членом Церкви. Хотя ее четыре дочери учились в медицинском

институте, все они отнеслись положительно к решению матери посещать богослужения. Они часто рассказывали, как она старательно готовится к урокам субботней школы и учит памятные стихи. Муж Юлии Николаевны иногда подшучивал надо мной: «Ну зачем ты, такой молодой мужик, связался со старухами? Бросил бы их и пошел учиться, как мои девчонки!» Но прошло время, и он сам также принял крещение.

Больше всего нас радовала молодежь, активно участвующая как в служении общины, так и в миссионерской работе. Хуже всего было с трудоустройством. И это несмотря на то, что всюду рабочих рук очень не хватало. Поэтому ради возможности соблюдения дня Господня молодым людям приходилось трудиться там, где им разрешали быть свободными по субботам. Даже квалифицированным специалистам приходилось работать на низкооплачиваемых должностях: дворниками, уборщиками и т. п. А один пожилой брат зарабатывал себе на жизнь тем, что ходил по домам и точил людям ножи, пилы, ножницы. Он плохо слышал, да и зрение имел слабое — носил специальные очки. Обычно, подходя к дому, он стучал, но не всегда слышал, ответили ли ему. Поэтому заходил в дом на свой страх и риск, громко приветствуя: «Здравствуйте, хозяйюшка!» Если хозяйка была дома, она ему отвечала, и он предлагал свои услуги. Если работа для него находилась, он располагался, начинал точить и при этом заводил беседу о Боге. Именно благодаря такому его служению одна семья пришла в Церковь.

Но однажды по привычке он вошел в дом, хотя на его приветствие никто не ответил. Он ходил по комнатам, снова и снова окликая хозяйку. Дом оказался без людей, и он уже решил выйти из него и следовать дальше. Но не тут-то было. На пороге стояла огромная овчарка и грозно рычала. Не зная, что делать, он просто

стоял, не шевелясь, боясь нападения пса, пока не пришел хозяин. Им оказался полковник милиции. Увидев «нежданного гостя», он стал расспрашивать его, как и зачем тот здесь оказался. Не доверяя ответам, хозяин решил его обыскать: проверил его очки с толстыми линзами, не являются ли они объективами фотоаппарата. Тщательно ощупал и ящик с инструментами, полагая, что это может быть радиопередатчик с антенной. Правда, в чемоданчике, кроме инструментов, он обнаружил Библию. Убедившись, что Василий не шпион, а адвентист, полковник успокоился.

— Скажи, ты случайно не к Игнатову ходишь? — спросил он.

— Да. К нему, — ответил Василий.

— Так вот, иди домой, — строго сказал начальник, — и больше ко мне не показывайся, а то собака покусает.

Конечно, мы, молодые, не могли ходить по домам, подобно брату Василию. Мы искали работу на госпредприятиях, и властям было нетрудно вычислять нас и применять различные методы для перевоспитания. Хуже всего то, что главным методом было увольнение с работы каждого, кто не соглашался с коммунистической идеологией. Однажды получилось так, что всех нас, девять молодых людей, в очередной раз уволили с работы. Собрались мы вместе, поведали Богу о нашей нужде и решили искать работу сразу для всей группы. Спустя неделю безрезультатных поисков на очередной вечерней встрече один из наших друзей сообщил, что нас готовы принять на строительство с условием, что вместо субботы мы будем работать в воскресенье.

Мы обрадовались и на следующий день оформились в бригаду разнорабочих. Первым заданием было строительство школы милиции. Николай Широков стал нашим бригадиром, и мы дружно принялись за дело, не отказываясь ни от какой работы вообще. Мы разгружали

вагоны с кирпичом, копали ямы, покрывали крыши. Прораб был нами доволен, пока не вмешались спецорганы КГБ. После очередной «обработки» начальник, не желая выдавать тех, кто с ним ведет беседы о нас, сослался на прокурора, который якобы давит на него, заставляя уволить, потому что мы проводим агитацию среди молодых рабочих. Прораб пытался нас защитить, доказывая, что мы работаем отдельно, копаем траншеи под строительство и поэтому заниматься агитацией у нас просто нет времени, да и не с кем. Однако, по словам прораба, его доводы оказались безуспешными.

Понимая, что увольнения нам всё равно не избежать, после обеденного перерыва мы возвратились на свои рабочие места, сели на свои тачки и стали петь псалмы. Теперь такие песни молодёжь не знает, а если и знает, то не поёт. Песни, которые пело наше поколение, вдохновляли нас самих и трогали сердца безбожников. Очень скоро мы оказались в центре рабочей молодёжи. Юноши и девушки с интересом слушали чудесные мелодии: «Жить для Иисуса», «Гаснет ли пламя в огне испытаний», «Пускай борьба, пускай тюрьма» и т. д. Нас было немного, но мы пели с воодушевлением. Все мы были членами хора. И вдруг услышали властный голос: «Это что за львы здесь режут? Ваше пение раздается на всю стройплощадку. Вот если бы вы с тем же энтузиазмом исполнили «Интернационал» или хотя бы ту же «Варшавянку», — раздраженно добавил начальник Управления, — я бы вас похвалил, теперь же точно придётся уволить».

Однако нас не уволили, а решили судить товарищеским судом. Тогда практиковались и такие методы административного воздействия. Обычно товарищескому судебному разбирательству подвергались пьяницы, драчуны, мелкие воришки материалов с объекта, нарушители трудовой дисциплины. Нас как раз и обвинили в

нарушении трудовой дисциплины, хотя на самом деле мы были самыми дисциплинированными рабочими.

Руководил судилищем тот же Чесноков, поэтому не трудно было догадаться, чья это инициатива. Многие люди не знали этого «товарища», но нам-то он был хорошо известен. На скамью подсудимых посадили меня одного, как злостного организатора беспорядков. Происходило это «представление» в большом актовом зале после окончания рабочего дня в присутствии рабочих — около двухсот человек. В качестве судей за столом сидели начальники всех рангов, члены профкома. Мои друзья по работе и некоторые члены Церкви сидели в первом ряду, происходящего в зале они не видели. Да и на них никто не обращал внимания. Как и в библейские времена в дни правления Ахава, роль подготовленного спецслужбами обвинителя выполняла женщина, которую научили, что она должна говорить, а во всех частях зала сидели такие же «актеры», которые громкими восклицаниями и обидными репликами создавали видимость возмущенного зала, то есть общественности.

Легко было заметить, что у них не все получалось в соответствии с предварительной «режиссурой». Основное обвинение состояло в том, что я агитирую молодёжь в свою секту, и это могут подтвердить свидетели. Была приглашена уже упомянутая женщина, которая рассказывала, как часто она бывала у меня в доме, и я читал ей «душеспасительные» проповеди, просил приносить десятину и ещё что-то в том же духе. То, что ею всё было заучено наизусть, и она декламировала, как отличница на уроке, было слишком очевидно. Многие в зале начали смеяться над этим спектаклем. Когда же она закончила своё «обвинение», я не удержался и громко спросил: «Сколько тебе пообещали за это выступление?».

Спецprovокаторы, которые сидели в зале, начали шуметь, называя мое замечание оскорбительным.

Простые же рабочие, которые ни о чем не догадывались, потребовали, чтобы все же слово предоставили мне. Начался такой галдеж, что «судьям» пришлось даже усмирять зал. Решением устроенного судилища меня следовало «уволить как злостного нарушителя трудовой дисциплины», а остальных членов бригады распределить по другим бригадам для «перевоспитания». Но все братья из нашей группы не пожелали идти в другие бригады и уволились. Так мы снова оказались безработными.

5. Кузьма Иванович

Однажды после богослужения ко мне подошла наша сестра в Господе в сильном волнении.

— По соседству со мной, — сбивчиво рассказывала она, — живёт один человек, который недавно был освобожден из тюрьмы. Он очень злой, так что все соседи его боятся. Почти ни с кем не разговаривает, всегда хмурый, сердитый, всех ругает, но больше всего — советскую власть. Узнав, что я верующая, просит Библию, но я боюсь ему дать, потому что он может её порвать.

— А почему ты думаешь, что он её порвёт? — поинтересовался я.

— Потому что он сказал, что «ваш поп», то есть ты — чекист, который всех дурачит. А еще он сказал, что вскоре нас всех пересажаяют, а «попа» просто переведут в другой город. Однако он пообещал найти и убить тебя.

— Не бойся, дай ему Библию, — настойчиво посоветовал я, — а если он порвет ее, то я тебе возмещу потерю. И пригласи его на богослужение.

После этого разговора прошло некоторое время, и вот однажды в субботу, когда я уже вышел за кафедрой, с шумом открылась дверь и на пороге появился человек. По его внешнему виду можно было понять, что это и есть тот самый суровый человек — бывший зэк, о

котором рассказала мне сестра. Он был одет в какие-то белые грязные брюки и такую же белую, но далеко не первой свежести рубашку. Он выглядел очень неопрятно с копной растрёпанных чёрных волос на голове; его лицо действительно было злое. Он почему-то задержался в дверях и медленно переводил свой колючий взгляд с одного присутствующего в собрании человека на другого. Сестра-диакониса подошла и вежливо предложила ему сесть. Надо заметить, что, зная о намерении этого человека прийти к нам, наши ребята были готовы, если потребуются, силой обезвредить его. К счастью, этого делать не пришлось. Он спокойно сел, продолжая при этом всё вокруг внимательно рассматривать. По окончании богослужения я подошёл к нему, подал руку и представился. Он же просто назвал себя Кузьмой.

— А можно узнать ваше отчество? — спросил я.

— Кузьма, — пристально посмотрев на меня, коротко бросил он.

— Как-то неудобно мне вас просто по имени называть, — настаивал я на своем, — ведь вы, наверное, старше меня?

— Иванович, — нехотя добавил он.

Не знаю, может быть просто из любопытства, а может был голодным, но когда я предложил ему остаться на обед, он охотно согласился. Галина Ивановна накрыла на стол и пригласила нас к обеду. За столом он стал рассказывать о том, как ненавидит несправедливость; как ему противно повсеместное хамство (кстати, это было наиболее часто произносимое им слово). Он настолько ненавидел людей, что даже помышлял пускать под откос поезда. Все соседи были в его глазах «свиньями». И даже в нашем собрании он заметил одного посетителя, о котором безапелляционно отзывался — «хам». Вероятно, он был очень близок к истине. Так как тот человек действительно тайком выпивал и служил тайным

доносчиком спецслужб. Мы, разумеется, терпели этого так называемого «брата» ради его искренне верующей жены, стараясь, чтобы к нему доходило как можно меньше информации о жизни нашей Церкви. В то время это была вынужденная необходимость, поскольку мы знали: пока среди нас есть человек, в преданности которого органы не сомневаются, они меньше будут нас беспокоить, считая, что получают некоторую, пусть и скудную информацию.

Как оказалось, Кузьма остался доволен нашим знакомством и продолжал заходить к нам также среди недели. Проникнувшись доверием к нашей семье, он однажды поведал историю своей жизни. Оказывается, постоянно ожидая ареста со стороны правоохранительных органов, он решил оставаться всегда грязным и неухоженным, ничего не иметь ни в квартире, ни в кармане. Ежедневно он ожидал, что чекисты его убьют как ярого антисоветчика и рецидивиста. «Меня таким сделала, — рассуждал он, — советская действительность, поэтому одежда, деньги и прочие блага мне не нужны». По его словам, именно потому он так ненавидит существующую власть. А все началось с тридцать седьмого года, когда ночью к ним в дом ворвались представители НКВД и арестовали родителей как врагов народа. Он же остался один с младшей сестрёнкой на руках. В то время ему самому шел лишь двенадцатый год. Ту ужасную ночь он запомнил на всю жизнь. В местности, где он жил, проходили повальные аресты. Людей забирали ночью, поднимая прямо из постели и не позволяя взять даже самое необходимое. Это происходило недалеко от Приамурской станции, где стояли специальные составы. Людей, как скот, загоняли в грузовые вагоны. Неподалеку стоял гарнизон Амурской флотилии. Услышав крики людей, моряки прибежали на станцию, но работники НКВД их не подпустили, объяснив, что это враги народа.

Всё это глубоко потрясло несчастного подростка, который много плакал, не зная, что делать. Наконец, он надумал бежать из страны. Нашёл таких же обездоленных ребят, как сам, и уговорил их вместе уйти в Манчжурию, тем более что граница проходила совсем рядом. У самой нейтральной полосы им повстречался наряд пограничников. Мальчуганов окликнули, пытаясь задержать, но те пустились бежать на другую сторону. По ним открыли огонь на поражение. Одного убили, двоих, в том числе и Кузьму, ранили. Именно поэтому теперь он носил шевелюру, причёсывая волосы так, чтобы они закрывали шрам от раны тех времен. Его арестовали, судили и приговорили к десяти годам лагерей. Там он ещё больше обозлился.

Отбыв свой срок, он недолго оставался на свободе, поскольку убил какого-то комсомольца и снова был осужден на десять лет. Освободившись во второй раз, Кузьма вернулся в отцовский дом, в котором проживала его сестра с семьей. Но она его также боялась. Он постоянно и открыто высказывал свою ненависть к властям, ругая всех и вся. Однажды во время приступа аппендицита, когда его на машине скорой помощи доставили в больницу, он так ругал Никиту Хрущева и всю советскую власть, что врачи и медсёстры разбежались от него, чтобы позже не пришлось свидетельствовать на суде. Все были уверены, что его обязательно снова посадят. Сам же он утверждал, что на сей раз его уже не посадят, а просто убьют. Операцию по удалению аппендицита ему все же сделал пожилой врач; он на удивление ласково с ним разговаривал, убеждая не ругаться. «Сынок, — наставительно говорил он, — понимаю твою боль и горечь, но попробуй молиться Богу и увидишь, тебе станет легче!» Эти слова глубоко запали в сердце Кузьмы, поэтому, узнав, что у его соседки есть Библия, он стал просить эту книгу, чтобы почитать, но та, как читатель уже знает, привела его к нам.

Кузьма оказался очень хорошим поваром, поэтому весь свой второй срок в тюрьме он работал по специальности. На свободе же его не только поваром, но вообще ни на какую работу никто не хотел принимать. Как-то он устроился разгружать вагоны с углем. Неплохо зарабатывал, но деньги не копил. Обычно оставлял себе немного на пропитание, а остальные раздавал бедным, особенно сиротам и вдовам.

— Что ты делаешь? — спрашивали его напарники. — Купил бы себе что-нибудь из одежды!

— Зачем? — отвечал он. — Всё равно убьют!

Я долго убеждал его в том, что никто не собирается его убивать; а если бы хотели, то давно бы это сделали. Я пытался доказать, что на небе есть Бог, Который его любит и хранит все эти годы. Мне очень хотелось, чтобы этот человек преобразился внешне, купил костюм, рубашки, обувь и стал нормальным человеком. Я не раз убеждался, что под суровой маской отверженного человека скрывается довольно добрая и сострадательная душа. На этот раз он прислушался к моим словам. Как-то на неделе пришёл к нам подстриженный, чистый, в новом костюме и, остановившись в дверях, заулыбался. Похоже, ему самому было приятно видеть себя преобразенным. Мы с женой от души его похвалили за это; он не скрывал радости, что в нашем лице нашёл себе друзей.

Кузьма стал регулярно посещать богослужения, изучал уроки субботней школы, отвечал на вопросы. Увидели в нем изменения и соседи, с которыми он начал здороваться и даже приветливо улыбаться. Те, конечно, недоумевали, подозревая, что его чем-то опоили, и потому он стал другим. Он же все больше времени проводил у нас.

У меня был магнитофон на бобинах с записью проповедей, молодежных программ и пения хора. Слушая эти записи, Кузьма приходил в восторг. Через некоторое время он появился у нас со своим новым магнитофоном

и попросил переписать все, что у нас было. Разумеется, я с радостью помог ему это сделать.

Как-то он зашел к нам в хорошем настроении. Как оказалось, он пришел из милиции. Его задержали на железнодорожном вокзале, где он включил свой магнитофон на всю громкость с переписанными у нас записями. Разобравшись, милиционеры егопустили. На следующий день с такой же миссией Кузьма отправился на станцию Волочаевка, где находился музей революции и всегда было много посетителей. Включив магнитофонную трансляцию, он собрал вокруг себя немало народа и даже комментировал услышанное. Слава Богу, здесь обошлось без вмешательства милиции. По воскресным дням, с самого утра, открыв окно квартиры, в которой проживал, он ставил магнитофон на подоконник второго этажа, транслируя пение хора на всю громкость. Однажды в открытое окно полетел большой камень. Благо, что обошлось без плохих последствий как для него, так и для магнитофона. Мы убеждали его не использовать такие методы проповеди Евангелия, так как они нарушают общественный порядок, раздражают людей и даже навлекают поношение на библейскую истину.

Много позже, когда меня вызывали в милицию, то упрекали в бесполезности моей деятельности.

— Что полезного вы сделали для общества? — спросил следователь.

— А вы Кузьму знаете? — спросил я в ответ. — Вы двадцать лет воспитывали его и за эти годы сделали из него ожесточённого рецидивиста. С нами же он пообщался восемь месяцев и стал нормальным гражданином общества, не представляющим никакой угрозы для людей.

— Да, вы правы, — подтвердил начальник, — теперь он у нас числится уже не рецидивистом, а адвентистом.

К сожалению, для существующего тогда коммунистического режима как рецидивист, так и адвентист

находились в одном списке опасных для общества элементов. Дальнейшая история Кузьмы печальна. Мне очень тяжело об этом говорить, но он попал под влияние людей фарисейского уклона, которые критикуют всех и все, в том числе и Церковь АСД. Что же касается ненависти к власти, то и это в них ему очень симпатизировало. Как-то он зашёл ко мне угрюмый, даже немного сердитый.

— Николай, скажи, какое у тебя звание в КГБ? — спросил он, глядя мне прямо в глаза.

— Майор! — пошутил я.

— Так я и знал, что не ниже капитана, — вполне серьезно заключил он.

— Эх, Кузьма! — говорю ему я. — Попал ты в омут сатаны, хотя и умный человек, имеешь богатый жизненный опыт; ты не сумел отличить зерно от мякины.

Это свидетельство того, какая ожесточенная борьба ведется за каждую душу между силами добра и зла. Кузьма разрешил лукавому «вырвать его с корнями» из рядов Божьей Церкви. Ему даже казалось, что он нашел что-то лучше, правильное, однако в этом другом обществе он уже не сумел прижиться и пустить корни заново. Мне же приятно было сознавать, что евангельская истина изменила его жизнь. Он стал другим человеком и даже создал собственную семью. Разумеется, его вечная участь в Божьих руках.

Совсем по-другому сложилась судьба Лёни Василенко. У него была хорошая духовная поддержка в лице жены и тещи — посвященных членов Церкви. Они оказывали на него благотворное влияние, и это способствовало его духовному росту. Со временем мы предложили ему переехать добровольцем в Комсомольск-на-Амуре, где была уже небольшая община. Он и его жена Таня согласились переехать туда и даже взяли с собой корову, при транспортировке которой произошла забавная история.

Поскольку капитан судна не желал брать корову на борт теплохода, им пришлось использовать грузовой контейнер. В него они поместили корову, сено и воду, так как предполагалось плыть трое суток. Разгружая вещи в порту Комсомольска, рабочие, ничего не подозревая, с помощью крана зацепили и подняли в воздух контейнер, чтобы переместить его на сушу. Встревоженный капитан судна предупреждающе закричал в рупор: «Осторожно! Там корова!» Все пассажиры и служащие порта сбегались, чтобы увидеть своего рода «ковчег» с коровой. Было много смеха и шуток по поводу необычного груза. Служение этой семьи в городе Комсомольске дало замечательные результаты. Местные адвентисты их полюбили, совместно работали для спасения людей.

Вскоре выехали на самостоятельное служение в Белогорск-на-Амуре Николай Широков вместе со своей Тоней. Здесь они сняли в аренду скромную избушку и оказались истинным благословением для небольшой группы местных верующих. Подружившись с семьёй таких же молодых миссионеров из Благовещенска, Николаем и Евой Щегловыми, они начали по очереди посещать город Свободный. Поначалу они проповедовали в общине пятидесятников по их просьбе, но вскоре здесь была создана адвентистская церковь, к которой присоединилась и часть пятидесятников вместе со своим пресвитером.

Мне приходилось их посещать и могу сказать, что это были хорошие, искренние люди, сохранившие верность Господу при трудных обстоятельствах жизни. Посылать миссионеров и начинающих служителей было также частью служения руководителей Церкви в те мрачные времена. Молодые люди не имели возможности получать богословское образование, но учились, работая с более опытными служителями, а затем отправлялись учить других, исполняя поручение Христа.

6. Библейские беседы в следственном отделе КГБ

Когда я вспоминаю прошлое, то искренне благодарю Бога, что Он создал человека не только запоминающим то, что происходит, но и способным забывать плохое. Однако есть вещи, которые забыть невозможно. Безбожники искали что-то такое, что могло бы причинить верующему человеку особенную боль. Трудно описать страдания семьи, когда власти пытались отобрать у верующих их детей. Это был наиболее бесчеловечный и изуверский метод борьбы с религией. Родители лишались родительских прав, а детей направляли в интернаты. Нам с женой также неоднократно угрожали, что отберут детей, потому что, по мнению атеистов, мы их «калечили».

С этой целью в школе, где учились наши дети, была создана государственная комиссия, в обязанность которой входило проверять, как наши дети учатся, как одеваются, что едят и есть ли дома нормальные бытовые условия. Мы прекрасно понимали, что комиссия получила задание найти какую-нибудь причину, по которой можно было бы составить специальный документ, разрешающий завести уголовное дело с целью забрать детей у родителей. И опять же, я не переставал благодарить Бога за мою дорогую Галину Ивановну, которая была замечательной женой и прекрасной матерью. Она обладала удивительной мудростью и способностью обустроить наш дом, создавая в нём уют. Она сделала всё, чтобы безбожные власти не могли найти зацепки для нашего обвинения. Дети учились хорошо, всегда были чистыми и опрятно одетыми. Претензий по этому поводу к нам не было, за исключением того, что они не посещали школу по субботам. Придя к нам в дом, члены комиссии были приятно удивлены, поскольку у детей была отдельная спальная комната, стол, за которым

они выполняли уроки, шкаф для одежды. Никаких причин для обвинения не нашлось. И все же они на этом не успокоились. Среди соседей кто-то пустил слух, будто это не наши дети, а взятые из приюта, и потому власти имеют право их забрать.

Однажды нас с супругой вызвали в милицию. Хотя мы пришли к назначенному времени, но нас попросили подождать. После полуторачасового ожидания, когда мы начали волноваться из-за оставшихся дома детей, нам сказали, что мы можем идти. Вернувшись домой мы узнали, что в наше отсутствие приезжала какая-то автомашина с «дядей и тётёй», которые настоятельно просили детей открыть им двери, называли всех по имени. Они пошли даже на хитрость: стали умолять вынести им «водички попить», затем пригласили соседку, чтобы та сказала, что ей вдруг срочно понадобилась соль. Но наши дети были научены, как себя вести в подобных ситуациях. Вероятно, сама обстановка тех лет делала их не по годам взрослыми. Старший из детей, Костя, увел младших подальше от окон, чтобы «чужие дяди» их даже не видели. Дети начали молиться, чтобы скорее пришли мама с папой. Мы верим, что любящий Спаситель уберёт наших малюток от злого умысла нечестивых людей!

На соседней улице жил один человек, которого чекисты заставили распространять слухи, будто мы обижаем своих детей, часто наказываем их. Однажды летом, когда мы с супругой красили веранду, а дети находились рядом с нами, он, проходя мимо нашего двора, вдруг начал громко кричать, чтобы все соседи могли слышать: «Эй ты, отец, зачем бьёшь ребёнка?» Мы даже остолбенели от неожиданности и только потом поняли, что это была задуманная провокация. Слава Богу, Он заступился за нас. Что же касается этого провокатора, то он так и не смог свидетельствовать против нас, поскольку вскоре скоротечно скончался.

Сегодня, когда свобода вероисповедания в нашей стране защищена законом и никому даже в голову не приходит отнимать у родителей детей только потому, что они верят в Бога и учат этому своих детей, мой рассказ может показаться неправдоподобным. Но в то время родители, дети которых не посещали по субботам школу, жили в постоянном страхе перед возможной разлукой с теми, кто был для них дороже жизни.

Хотя в школах и высших учебных заведениях нас учили, что атеизм — это наука, противостоящая любой религии, однако на самом деле это было не так. Наукой можно назвать математику, химию, физику, ботанику, астрономию, но атеизм — это разновидность языческой религии, ставшей государственной в нашей стране. У этой религии были свои «пророки», «апостолы», «священники», а также множество идолов и храмов. И если кто-то эту религию не исповедовал, то становился «еретиком», которого надлежало судить.

Меня судили несколько раз. Как я уже выше упоминал, первый раз судили товарищеским судом, потом — народным за совершение крещения и Вечери Господней. Меня тогда приговорили к одному году принудительных работ, но я с решением суда не согласился и подал дело на пересмотр. Также я просил вернуть религиозные книги, изъятые во время обыска. Я опасался, что их уничтожат, а среди них были раритетные книги, изданные еще во времена царской России. Кроме того, они представляли собой историческую и культурную ценность.

Повторное рассмотрение дела проводилось высшей инстанцией краевого суда. Поскольку на суде присутствовали только я, моя жена и судьи, то они сделали некоторое отступление от регламента судебного разбирательства и начали задавать нам вопросы, касающиеся нашего вероучения и церковных обрядов, таких как бракосочетание и т. д. Судья пытался убедиться в том,

что мы действительно верующие люди, а не прикрываемся религией. Однако две толстые папки с судебным делом, заведенным на меня, лежащие на его столе, были красноречивее наших ответов. Решением этого суда приговор о принудительных работах был заменен удержанием двадцати пяти процентов от заработной платы в течение года. Что же касается изъятых книг, то их запретили уничтожать, но оставить в суде как вещественное доказательство по делу. Это решение было окончательным.

Хочу особенно отметить, что ни в милиции, ни в суде, ни даже в КГБ какое-либо физическое воздействие ко мне не применялось. Более того, во время двухмесячных ежедневных допросов следователь задавал не столько вопросы по существу дела, сколько на библейскую тематику. Мне кажется, что Святой Дух использовал меня в качестве слабого человеческого орудия для свидетельства представителю этого влиятельного и могущественного органа советской власти. Однажды, во время очередного допроса-беседы в кабинет зашел какой-то высокий чин этого ведомства. О его высокой должности можно было догадаться по поведению следователя:

— Вот это и есть тот самый Николай Михайлович Игнатов, — отчеканил следователь, вытянувшись по струнке смирно. Затем, обращаясь ко мне, объяснил: — Это мой начальник.

Начальник протянул мне руку и представился:

— Майор Черкашин, начальник следственного отдела.

Повернувшись к следователю, майор поинтересовался, есть ли у того чем заняться, поскольку он хотел бы пообщаться со мной. Разумеется, в таких ситуациях отказа быть не могло, после чего Черкашин пригласил меня в свой кабинет. Хотя там находился ещё один майор в форме, вместо стандартных вопросов о том, как и зачем я оказался в Хабаровске, я услышал вопрос, который поначалу очень меня удивил: « Я пригласил вас, чтобы

выяснить некоторые библейские вопросы, которые нас интересуют. Нам известно, что в Библии вы разбираетесь, и мы хотели бы получить некоторые вразумительные ответы. Что вы на это скажете?»

Для вразумительной беседы я попросил, чтобы мне дали Библию. Книга, которую майор нашел в своем сейфе, оказалась на украинском языке, но для меня, уроженца Украины, это обстоятельство проблемой не являлось.

— Ладно, подойдет и такая, — сказал я, и мы начали беседу.

— Можете ли вы объяснить число 666? — первым задал вопрос гость Черкашина.

— Да, да, — поддержал этот же вопрос хозяин кабинета, — кого это Библия подразумевает под красным драконом? Что такое печать зверя?

Мне было понятно, прочему чиновников интересовали именно эти вопросы, но всё же я решил спросить их об этом.

— Мы постоянно общаемся с верующими людьми, — ответил майор Черкашин, — и многие из них утверждают, что эти пророчества относятся к Советскому Союзу и современной власти. Один из них при помощи спичек выложил даже имена наших вождей — Ленина и Сталина.

— Библия объясняет саму себя и в спичках не нуждается, — ответил я. — Многие библейские пророчества уже исполнились, поэтому для лучшего понимания важно обращаться к истории.

Такое мое вступление заинтересовало высших офицеров и с самого начала, как мне показалось, вызвало доверие. Беседа у нас началась около десяти утра, а закончилась в пятом часу вечера без перерыва на обед. Достаточно сказать, что, чувствуя особое вдохновение Святого Духа, мне было совсем не трудно давать простые и понятные ответы, которые вполне удовлетворяли моих неожиданных собеседников. Но в завершение беседы

прозвучал еще один вопрос: «Является ли советская власть от Бога?» Вопрос был явно провокационным. В кабинете воцарилась тишина. Несмотря на то, что это не был допрос, а беседа, но слова, произнесенные в кабинете начальника следственного отдела, могли иметь далеко идущие последствия. Поэтому я решил прочитать свидетельство Священного Писания. Открыв восьмую главу книги пророка Осии, я прочитал первую часть четвёртого стиха: «Поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома».

— Теперь, — говорю я, — сами посудите: когда советская власть устанавливалась, какой гимн пели? Может быть, «Боже царя храни»?

— Нет, конечно. Тогда были другие песни, — ответил майор Черкашин.

— Вот именно, — сказал я. — «Никто не даст нам избавления, ни царь, ни Бог и ни герой; добьёмся мы освобождения своею собственной рукой». Не эта ли теория была главенствующей политикой революции?

— Николай Михайлович, но в таком случае Библия противоречит сама себе, — возразил второй майор, — ведь там написано, что всякая власть от Бога!

— Это правда! — ответил я и прочитал: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Римл. 13:1). И противоречия здесь никакого нет. Бог при сотворении дал человечеству свободу выбора и, естественно, уважает ее. Но не всегда человеческая воля, тем более политиков и руководителей наций, соответствовала Божьей воле. Но и в таком случае Бог разрешал им действовать, пока не откроется пагубность их политики. Однако Он всегда брал ситуацию в Свои руки и советовал Своим детям быть покорными государственным властям до тех пор, пока требования властей не вступают в противоречие с волей Божьей. Если же это случается,

искренне верующие люди говорят: «Судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога?» (Деян. 4:19). Господь знал, что с умножением зла и преступности, гражданская власть крайне необходима. Более того, представителей правоохранительных органов Он называет Своими слугами для благополучия общества и призывает «повиноваться не только из-за страха наказания, но и по совести». (Римл.13:3-6). Поэтому мы не воюем ни с какой властью, зная, что судьба любого правителя и государства — в руках Божьих. Когда же мера беззакония и восстания против Бога переходит определенную Им черту, Он знает, как положить конец как такому государству, так и его правителю. Это позиция Библии, подтвержденная историей, о которой мы с вами говорили.

О многом говорилось в тот день в кабинете начальства. Можно было заметить неподдельный интерес к библейским истинам и пророчествам. Особенно их заинтересовало пророчество Даниила об истукане, а также о папстве. Майоры КГБ не скрывали своего удовлетворения от нашего разговора. Подавая мне на прощание руку, Черкашин сказал: «Мне приятно было с вами познакомиться и получить конкретные ответы на свои вопросы. Спасибо!» Провожая меня к выходу, второй собеседник признался, что за девятнадцать лет службы в органах он впервые узнал уникальность Библии и выразил желание встретиться со мной еще. Он был похож на римского правителя Феликса, перед которым проповедовал апостол Павел. Но как и в случае с Феликсом, вероятно, майор КГБ не нашел времени для продолжения беседы. Наши пути-дороги разошлись навсегда.

На этом, правда, мои посещения этого ведомства не закончились. Напротив, приходить сюда я был вынужден все чаще и чаще, ведь следствие только началось. К счастью, следователь попался незлобный. Во время допросов мы много говорили с ним о Боге и о вере. Кажется,

что он даже пытался меня переубедить, для чего приводил высказывания известного тогда православного богослова Осипова, который перед всем миром отрёкся от своих убеждений. Я не стал спорить со следователем, а только сказал: «Галилео Галилей под определенным нажимом также отрёкся от своих взглядов, однако сам себе сказал: “И всё же она (Земля) вертится!”»

На очередном допросе следователь спросил, веду ли я какую-либо переписку. Я признался, что давненько никаких писем не получал, хотя многим своим друзьям аккуратно пишу. Тогда он показал мне один документ — распоряжение начальнику главпочтамта: «Всю корреспонденцию, приходящую на имя Игнатова Н. М. и исходящую от него (кроме газет и журналов), изымать». Затем он открыл папку и показал письма, пришедшие на моё имя, а также мои письма друзьям. Из одного конверта он извлек письмо и прочитал: «Комсомолыцы каждый вечер бросают в наши окна камни, а днём стреляют из рогатки в мою жену, когда она идёт за водой или в магазин. Неудивительно, ведь как их учит партия, так они и делают». Посмотрев на меня, он сказал: «А ведь это попадает под статью Уголовного Кодекса».

Мне оставалось только молчать. Хотя все написанное было правдой, и нам действительно били окна, но стоило ли об этом писать в письме, да еще в таком духе?

— Ну, что будем делать? — спросил следователь.

— Не знаю! Подскажите, — откровенно признался я.

— Напишите объяснительную записку, — после некоторого молчания предложил он. — В записке обязательно укажите следующее: «Когда я писал это письмо, в наше окно в очередной раз бросили камень. В состоянии аффекта и возбуждения я и написал эти слова». И прошу вас запомнить: это были выпады хулиганов, а не комсомольцев. Наша партия учит и воспитывает молодёжь в духе гуманизма и любви к своему народу!

Слава Богу, все обошлось. Я написал, как мне советовал следователь, но это было для меня хорошим уроком на будущее. Когда следствие закончилось, мне предстояло ознакомиться с делом, состоящим из двух толстых папок, каждая из которых вмещала в себя более трехсот листов. Подавая их мне, следователь заметил: «Ознакомьтесь, если вы с чем-то не согласны, у меня есть еще три дня, чтобы внести изменения». Читая множество различных показаний и следственных допросов, я был признателен моим братьям, сестрам и друзьям. Все, кто меня знал, давали правдивые показания, а кто не знал, отвечали: «Не знаю». В конце следователем было написано следующее резюме: «Следствием не установлено, что Игнатов Николай Михайлович является опасным для общества элементом и живёт на нетрудовые доходы. Для дальнейшего расследования дело передаётся в гражданскую прокуратуру». И подпись.

7. Магнитофон и печатная машинка «средства диверсии»

Обычно ту или иную организацию судят не по отдельным людям, входящим в нее, а по той идеологии, которую она исповедует, по тем действиям, в каких она себя проявила.

КГБ, как и предшествующие ему ВЧК и НКВД, был известным своими карательными функциями органом, состоящим на службе существующего в то время государственного режима и выполняющим его заказы. Несомненно, что и там были люди, не лишённые уважения к личности и обычной человеческой добропорядочности. Но были и очень жестокие люди, пытающиеся выслушаться перед коммунистическими правителями. Своими бесчеловечными действиями они бросали черную тень на свою организацию.

Хотя Вадим Акимович был моим следователем, нередко ставившим в процессе судебного следствия неудобные вопросы, но его тактичность, желание понять, почему человек сказал или совершил то или иное, оставили в моей душе самые приятные воспоминания. Он имел привычку говорить: «Когда я веду следствие, то никогда не забываю, что мне с этим человеком, возможно, еще придется встретиться. Поэтому поступаю так, чтобы при встрече мне не было стыдно посмотреть ему в глаза».

Вадим Акимович свою миссию окончил, спасибо ему. Позже, случайно встречаясь в городе, мы разговаривали с ним как добрые знакомые. Однако меня никак не мог оставить в покое старший лейтенант КГБ Пётр Чесноков. Не представляю нашей встречи и разговора сегодня! А нам было бы о чем поговорить, например, как он дважды проводил обыск в нашем доме. И, кажется, по собственной инициативе внутренней неприязни.

Каким-то образом он узнал, что у нас есть пишущая машинка. В то время это считалось криминалом, а она еще и не была зарегистрирована. Машинка действительно у нас была. Хотя я и купил ее в комиссионном магазине, она была почти новая, немецкая, и на ней было легко работать. Под копирку на тонкой бумаге можно было печатать десять экземпляров. Она служила нам для размножения утренних чтений, уроков субботней школы и другой литературы. Сам я писал на машинке очень медленно, да и времени было маловато, поэтому я попросил это делать одну женщину, которая работала машинисткой на производстве. Желая подработать, она согласилась печатать на нашей машинке периодику. И вот через какое-то время появился у нас с обыском Чесноков — искать машинку. Хорошо, что я вовремя унёс её из дома! Она и после обыска сослужила для общины хорошую службу. Но чекисты во главе с Чесноковым на этом не успокоились. Через

некоторое время меня снова вызвали в КГБ, где прямо заявили, что у них есть точные сведения о наличии у меня пишущей машинки, которую я обязан им сдать. Хотя это было довольно дерзко, но я сказал: «Ну, если вам известно, что у меня есть машинка, пожалуйста, заберите, если найдёте; ну а если не найдёте, то я ею ещё попользуюсь». В ответ я услышал: «Если добровольно не сдашь, всё равно мы её из тебя выжмем». Это уже была реальная угроза, но они её так и не осуществили.

Через некоторое время я принёс от машинистки уроки субботней школы, надеясь в субботу раздать их членам Церкви. Но тут снова нагрянули с обыском. Причём обыск был проведен сразу в пяти домах, в которых, по мнению чекистов, можно было обнаружить пишущую машинку. Для нас же самым удивительным было то, что Бог закрыл им глаза и они не обнаружили недавно отпечатанную литературу. Я как принес ее, так и оставил в старом потертом чемоданчике, в то время, как предусмотрительная Галина Ивановна в этот чемоданчик сверху положила детское бельё. Следовательно, открыв его и увидев в нем лишь детское бельё, закрыл чемоданчик и пошёл дальше. Уходя, чекист повторил свою угрозу. После обыска я решил, что с этими «товарищами» подобные игры могут плохо закончиться, поэтому на следующий день поехал к машинистке, чтобы забрать машинку и продать её через комиссионный магазин. Однако при встрече она сказала: «Машинку и всю работу я отнесла к тёте. У меня появилось какое-то предчувствие сделать это немедленно».

Уверен, что это Дух Святой побудил её поступить именно так, потому что на следующий день с обыском нагрянули к ней.

— Где машинка? — действительно спрашивал чекист.

— Вот машинка, — женщина наивно показала им швейную машинку, — а зачем она вам?

— Нет, ты с нами не шути, — закричал он, — тебе Игнатов привёз пишущую машинку, и ты для него работу делаешь на ней!

Она испугалась, решив, что я или тётя её выдали, а потому во всем созналась. А дело было в том, что эта женщина жила в многоэтажном доме на втором этаже, а в квартире под ней, на первом этаже, жил чекист и он прекрасно слышал, как сверху стучат клавиши машинки. Узнав, что его коллеги ищут пишущую машинку, он рассказал им о своей соседке-машинистке. Поэтому те и нагрянули к ней, притворившись, что все знают. Сразу же от машинистки чекисты отправились ко мне. Утверждая, что машинистка созналась, они стали требовать машинку. Я ответил, что её уже нет. Со мной они долго церемониться не стали, приказали сесть в машину и повезли в управление. Следователь уже был другой, очень злой и говорил довольно резко. Я понял, что шутить на этот раз нет смысла, и признался, что машинка была, но я сдал её в комиссионный магазин.

— В какой именно? — быстро спросил он.

Я назвал адрес. Он тут же принялся звонить в магазин. В наступившей тишине все услышали ответ: «Да, такая машинка поступала, но она уже продана». Следователь медленно положил трубку.

— Ну и хитёр же ты, — глядя на меня, сказал он, — машинку сдал и тут же кого-то послал, чтобы её купили.

— Ох, как же я сам не догадался так поступить! — отвечаю ему с сожалением. — Такую хорошую машинку потерял.

На том и разошлись.

Современному читателю, вероятно, трудно понять эту историю. Сегодня, при наличии самых современных средств записи разве можно поверить, чтобы ведомство с громким названием «Комитет Государственной Безопасности» такой огромной страны охотилось за обычной

пишущей машинкой, как теперь за взрывчаткой!? Но это свидетельство того, в каких условиях жили и работали дети Божьи в те мрачные дни.

А ещё пришлось мне однажды свой магнитофон у чекистов «отбирать». Произошло это перед Новым годом. В конце декабря была назначена конспиративная братская встреча руководителей Церкви в Новосибирске, и я должен был лететь туда самолётом. Собрав чемодан с дорожными принадлежностями, я взял с собой и магнитофон с намерением из Новосибирска на несколько дней заехать на родину в Донецк, чтобы сделать там для себя новые записи хора и проповедей. Магнитофоны в то время были тяжелые и большие, как чемоданы. Приехав в аэропорт, я нашёл укромное место, чтобы не попадаться на глаза нежелательным личностям из спецорганов. Из этого места мне также хорошо было видно всех входящих в зал. Долго ждать не пришлось, и я увидел буквально влетающего в зал и направляющегося в комнату милиции того самого Чеснокова. «Всё, — думаю, — это за мной! Значит, каким-то образом он узнал, что я лечу в Новосибирск».

Чекисты давно искали возможности получить информацию о моей связи с неофициальными руководителями Церкви, а особенно с Павлом Мацановым. Хотя они были хорошо осведомлены, что он являлся руководителем подпольной церковной организации, но никак не могли этого доказать. Поэтому, проводя постоянные обыски у всех служителей Сибири и Дальнего Востока, искали какие-либо доказательства их связи с руководителем. Но Бог хранил нас всех, как и Свое дело. Передо мной встал теперь вопрос, стоит ли ехать, чтобы за собой привести очевидный «хвост» — незваных гостей. Я начал молиться: «Господи! Подскажи, как мне поступить, чтобы я не навредил Твоему делу?» Вскоре диктор объявил начало регистрации. Подошла моя очередь, я сдал багаж,

получил посадочный талон и снова вышел в зал, ожидая объявления о посадке в самолет. Вдруг слышу голос диктора: «Пассажир Игнатов, вылетающий рейсом до Новосибирска, подойдите к стойке регистрации».

Стоящий за стойкой человек попросил мой билет и сказал, что у них произошла какая-то ошибка. Взяв мой билет, он ушёл, а регистраторша шепнула мне: «Это работник КГБ. У вас что-то не в порядке?»

Я поблагодарил её за информацию и заверил, что у меня всё нормально. Чекист вернулся, подал мне билет и сообщил: «Все нормально, можете лететь».

«Ну, уж нет, — подумал я, — теперь я точно не полечу». А сам продолжал усиленно молиться: «Господи, дай мудрости, как мне поступить. Я боюсь навлечь беду на Твоих служителей. Если я услышу объявление о задержке рейса, то приму это как знак, что мне лететь не надо». Подошло время посадки в самолет, но вместо объявления на посадку, диктор сообщил о задержке рейса до двадцати трёх часов. На целых пять часов! Разумеется, я воспринял это как предупреждение от Господа, а потому спокойно уехал домой.

Утром я снова отправился в аэропорт и заявил, что вчера опоздал на новосибирский рейс, который задерживался, и не знаю, как мне теперь поступить. Служащие аэропорта пообещали отправить меня ближайшим рейсом, заверив, что мои вещи будут ожидать меня в аэропорту Новосибирска. Это была пятница. Я успевал на братскую встречу, поэтому с радостью согласился. Самолёт должен был вылететь в десять утра, но вылет неожиданно опять перенесли на двенадцать часов, потом на восемнадцать. Я воспринял это как еще один сигнал предупреждения и, как потом выяснилось, не напрасно. Мои трюки разгадали и спецслужбы, ожидая моего прилета очередными рейсовыми самолетами из Хабаровска. Но Господь проявил Свою силу и сделал так, как было

лучше для безопасности Его дела и руководителей Церкви. Спустя два дня я отправился в аэропорт, чтобы забрать свой багаж, который возвратился из Новосибирска. Мне пообещали его выдать. Но после длительного ожидания принесли лишь один чемодан. Другого чемодана с магнитофоном не было, и мне сообщили, что он, вместе с магнитофонными бобинами, которые были в чемодане, конфискован органами КГБ.

Идти немедленно в управление КГБ за магнитофоном я не спешил. Решил дать чекистам время послушать записи хора и проповеди. Прошел месяц. И я решил, что времени для проверки было достаточно, поэтому разыскал Чеснокова и попросил его вернуть магнитофон и магнитофонные ленты. Ответ его был грубым: «Ничего ты не получишь. Он теперь является доказательством твоей пропагандистско-миссионерской деятельности.

И за это будем тебя судить».

Спорить с ним было бесполезно, и потому я направился к краевому прокурору и рассказал ему всю историю с магнитофоном. Он посоветовал мне написать на его имя заявление и пообещал во всем разобраться. Недели через две я получил приглашение в прокуратуру. В кабинете прокурора я увидел свой магнитофон.

— Ваш? — кратко спросил хозяин кабинета.

— Да, — так же кратко ответил я.

— Так вот, мы прослушаем записи, после чего вернём всё вам. Сейчас же зайдите к моему заместителю, чтобы он вернул вам вашу Библию и конспекты.

Должен сказать, что история с магнитофоном стоила мне немало нервов. Пришлось изрядно походить по разным инстанциям, но было видно, что прокурор нервничал больше. Известно, что КГБ и прокуратура нередко воевали между собой, споря, кто из этих двух ведомств наделен большими правами. Мне же понадобилось

почти полгода, чтобы получить свой магнитофон, который, как и печатная машинка, рассматривался средством диверсии на идеологическом фронте. Прокуратура же, формально контролирующая соблюдение в стране законодательства, хотела доказать «кто в доме хозяин» и доказывала, что по закону магнитофон — частная собственность. Мне же хотелось увидеть, чем закончится противостояние между этими ведомствами. Не желая выносить «сор из избы», в прокуратуре мне неизменно отвечали: «Еще не все прослушали». И вот в очередной раз я встретил прокурора прямо в дверях прокуратуры. Было заметно, что он был в этот момент чем-то расстроен, потому что сразу «взорвался» и закричал: «Что вы ловите меня прямо на выходе? Идите к моему заместителю и все эти вопросы решайте с ним».

Ничего мне не ответив, заместитель пригласил одного из сотрудников прокуратуры, приказал ему стереть с магнитофонных лент все записи и после этого отдать их мне вместе с магнитофоном. Поскольку магнитофонных катушек было много, понадобилось три дня, чтобы удалить с них записи. За это время мы о многом с ним поговорили, побеседовали о религии; да и церковное пение его заинтересовало. Он оказался довольно порядочным человеком. Позднее, когда ему пришлось делать у нас в доме обыск, и хотя он был не один, однако многое сумел «не заметить». На третий день, когда мы уже заканчивали работу, появился Чесноков. Увидев, чем мы занимаемся, как-то озлобленно заметил: «Ты собираешься отдать ему магнитофон? Ни в коем случае этого делать нельзя! Разве не понимаешь, что он использует магнитофон для пропаганды? За это его судить нужно!» Следователь ответил: «Не могу не отдать. Это его частная собственность, и мы не в праве её отбирать». Так мой многострадальный магнитофон вернулся ко мне.

Ссылка

1. Тучи сгущаются

ероятно, многие читатели знакомы с книгой Павла и Анны Мацановых «По тернистому пути», где описываются страдания многих братьев по вере. Эту книгу невозможно читать без слез. Говоря словами автора «Бородино», «...плохая им досталась доля, не многие вернулись с поля...». Забегая наперед, скажу, что моя судьба была другой. Конечно, ссылку как отрыв от семьи, от Церкви, от Божьего дела, которое люблю и которому посвятил всю свою жизнь, нелегко было переносить, но меня не били, не мучили, не морили голодом, как других, а лишь ограничили мою свободу определённой территорией пребывания. А ещё власти настраивали против меня местную общественность. Однако со временем я и к этому привык. К тому же, это было временным явлением, потому что даже там, в ссылке, когда простые люди знакомились со мной ближе, то, как правило, меняли свое отношение ко мне в лучшую сторону.

Однако, всё по порядку. Как читателю уже известно, по решению товарищеского суда меня уволили из строительной организации, а по решению суда народного мне

определили в течение года выплачивать двадцать пять процентов от своего заработка в пользу государства. Хотя я усиленно искал работу, но все было безрезультатно. Это грозило тем, что по истечении определённого срока органы МВД предложат мне работу, но такую, которая не будет меня устраивать.

Слава Богу, работу я всё же в надлежащий срок нашёл в котельной, подкатчиком угля и одновременно зольщиком. Это было большое помещение, где стояли два паровозных котла, отопливающие больницу, прачечную, детский сад и небольшой микрорайон города. Котельная в течение суток сжигала более двадцати тонн угля. Туда никто добровольно не хотел идти работать, потому что труд в этой котельне был воистину каторжным. И работали там в основном штрафники — машинисты паровозов и их помощники, которые попались пьяными на своем рабочем месте. Да и кочегарка эта числилась за управлением Министерства путей сообщения. Вот туда я и устроился подкатчиком, обязанностью которого было заготавливать уголь. Кроме того, в мои функции еще входило вычищать золу из-под котлов и вывозить её на одноколенной тачке на улицу — то есть быть зольщиком. Многие называли эту работу в прямом смысле слова адским трудом, поскольку кочегарка находилась в подвальном помещении, где всегда было жарко. К тому же, вывозить пышущую жаром и угаром золу приходилось по доске вверх на улицу. Слава Богу, я был молод и здоров. Это было единственное место, где я отработал до отпуска. Меня вызывали в военкомат, где я должен был заполнить какие-то анкеты с указанием места работы. Я им открыто сказал, что никому не говорю, где работаю. Там удивлялись, грозились оштрафовать, но я объяснил, что держу это в секрете потому, что они сообщат в КГБ, и я буду уволен. Приглашали в редакцию, чтобы разузнать, работаю я или нет. Даже подсылали ко мне притворных

«братьев», чтобы те вывели мое новое место работы. Бывало, придут, заведут разговор о том, о сем и спрашивают: «Ну, как с работой? Где устроился?» Я мог безразлично махнуть рукой и просто сказать: «Да, брат, работаю...» На этом разговор заканчивался.

Мне приходилось держаться этого «адского» места, потому что здесь мне давали возможность соблюдать субботу. Со временем я сдал экзамен на кочегара паровых котлов с высоким давлением. Меня перевели на работу кочегара, что было несравненно легче, хотя приходилось работать по двенадцать часов через сутки.

Однажды в трамвае я встретил Чеснокова. Увидев меня, он подошёл и начал разговор:

— Нам известно, — ехидно заметил он, — где вы работаете. В котельной железнодорожной больницы.

— Ну и что? Теперь меня уволите? — поинтересовался я.

— Нет. Мы никого не увольняем, но если вы будете нарушать законодательство, то, разумеется, руководство предприятия вас уволит.

В наши дни молодому поколению трудно понять бессмысленные явления того времени. Современное общество живёт в совершенно иных условиях. Тогда же в борьбе с религией применялась жестокая и неумолимая «диктатура пролетариата». Всё, что совершали правоохранительные органы, они делали якобы по «просьбе общественности», хотя в большинстве случаев это было во вред людям. Спустя несколько дней после встречи с Чесноковым в трамвае, меня пригласил начальник отдела кадров, который одновременно являлся еще и парторгом. Было ясно, что мне вскоре придётся снова искать работу.

— Вы меня вызывали? — остановившись на пороге, спросил я.

— Да, вызывал, — приятным голосом ответил начальник. — Проходи, садись. Скажи мне, мил человек,

зачем ты воюешь с советской властью? Ты ведь видишь, что она сильнее тебя. Советская власть могущественна — весь мир её боится!

— Не могу с вами согласиться, — запротестовал я. — Я с властью не воюю и живу как законопослушный гражданин. Это она со мной воюет.

Начальник улыбнулся и начал расспрашивать, кто я и что натворил. Он сообщил, что соответствующие органы распорядились уволить меня с работы. Я открыто рассказал о своих убеждениях, а также о том, как воинствующий атеизм ведёт борьбу с верующими, пытаюсь искоренить веру в Бога. Говорили долго и много, а в конце он сказал следующее: «Относительно тебя есть приказ начальника управления об увольнении. Но я тебе говорю: иди и продолжай работать, только не попадйся ему на глаза. Я напишу докладную, что уволил тебя. Смотри, не подведи меня».

Я поблагодарил его. Позже мы с ним ещё не раз встречались и даже стали друзьями, несмотря на то, что имели различные взгляды на жизнь. Продолжение этой истории выглядело несколько трагикомично. Продолжая работать в котельной, однажды в открывшихся дверях я увидел начальника управления, который пришел в сопровождении каких-то проверяющих как раз в мою смену. Прятаться было поздно, да и невозможно. Начальник управления, увидев меня, оцепенел на какое-то время, но, видимо, из-за посторонних людей не произнес ни слова. Однако на следующий день меня снова пригласил начальник отдела кадров. Было заметно, что накануне ему устроили хороший нагоняй. Я был смущен, понимая, что подвёл его. К счастью, он понял меня и сложившуюся ситуацию. В конце разговора, к моему удивлению, он снова сказал, чтобы я продолжал работать, но во второй раз уж точно не попадался начальнику управления на глаза. Это еще раз подтвердило мое убеждение, что в любом обществе есть

хорошие люди, через которых осуществляет Свои планы Господь. В их числе оказался и начальник котельной — мой непосредственный начальник.

Так я отработал весь отопительный сезон. Наступило лето — горячее время ремонта котельной. Нужно было менять трубы, чистить котлы, и я надеялся, что буду обеспечен работой, если, конечно, не попаду на глаза начальнику. Здесь очень пригодилась моя давняя специальность газосварщика. До отпуска ещё оставалось полтора месяца, а мне очень хотелось его получить, тем более что работникам МПС оплачивался проезд поездом в любую точку Советского Союза, причем эта льгота распространялась также на жену и двоих детей.

Работа спорилась, и я уже жил мечтой побывать в родных краях. И вот наступил долгожданный день, когда последний стык трубы был сварен. Выбравшись из траншеи, я увидел заместителя начальника управления по фамилии Правдивцев. Этот человек действительно соответствовал своей фамилии, ибо был справедливым и сочувствовал рабочим, которые его глубоко уважали. Увидев меня, он подошёл и остановился рядом.

— Эх, рыжий! — положив на мою голову руку, сказал он. — Знал бы ты, как мне приходится за тебя воевать. Сколько раз мне приказывали выгнать тебя, но я всегда отвечаю: ты один работаешь за троих, поэтому не могу уволить.

— Он же в субботу не работает! — настаивают они. — Разве это не отражается на работе в котельной?

— Нет, отвечаю каждому, совсем не отражается. Я сам за него в субботу работаю. Так что, рыжий, пока я здесь, никто тебя не уволит!

Воспользовавшись этой встречей, я попросил Правдивцева помочь оформить отпуск, и он пообещал это сделать сразу же после окончания ремонта котельной. Через неделю, в приподнятом настроении, я уже был

в отделе кадров. Документы на отпуск, действительно, были готовы, но в последний момент оказалось, что не хватает двенадцати дней на получение льготного билета для бесплатного проезда в поезде. Я был горько разочарован, и тут как раз подошел начальник отдела кадров. Он посмотрел на бумаги, взял ручку и на ходу исправил некоторые цифры, что сделало возможным получить и отпуск, и право бесплатного проезда. Так первый раз официально всей семьей мы уехали отдыхать.

После моего возвращения из отпуска снова наступил отопительный сезон, и я продолжал работать в котельной кочегаром. К сожалению, через несколько месяцев на производстве, где я работал, погиб Правдивцев. Это была трагедия для всех рабочих, а для меня — вдвойне. Сразу же после его похорон меня стали часто вызывать в милицию и вскоре завели на меня дело как на тунеядца, ведущего паразитический образ жизни. Как оказалось, закон о тунеядстве, под действие которого попадали проповедники незарегистрированных общин, был издан 4 мая 1961 года.

Вызвав меня в милицию первый раз, майор Качамин, ведущий моё дело, подал мне для подписи бумагу, в которой значилось: «Я, Игнатов Н. М., веду паразитический образ жизни, собираю старушек на молебны, обираю их и за их счёт живу». Естественно, я возмутился такой наглой ложью и сказал: «Посмотрите на мои руки и наведите справки о том, где и как я работаю. Я не попадаю под эту статью, согласно которой под суд идут те, кто не работает, а сдаёт свои дачи в аренду или зарабатывает деньги собственной автомашиной. У меня же нет ни дачи, ни машины; я добросовестно тружусь на государственном предприятии, зарабатывая своим трудом себе и своей семье на пропитание». Но майор целый день убеждал меня подписать злосчастную бумагу. Я же утверждал: «Хоть убейте, но документа, являющегося клеветой на самого себя, не подпишу».

На следующий день повторилась та же история. Майор нашел двух понятых — мужчину и женщину. Указывая на меня, он заявил: «Этот человек — тунеядец. Прикрываясь работой, он собирает на молебен старух, получает с них десятину и живёт за их счет. Согласно закону, его нужно судить, но он отказывается подписать заведённое на него дело. Пожалуйста, подпишитесь вы, как свидетели того, что он не желает поставить свою подпись». Но мужчина категорически отказался что-либо подписывать, мотивируя свои действия тем, что не знает ни меня, ни того, чем я занимаюсь. Женщина повторила те же слова. Они ушли, так и не подписав документа.

Я пытался снова образумить майора, но через некоторое время он подал мне брошюру «Приказ министра внутренних дел». Автор брошюры разъяснял закон о тунеядстве и кто попадает под его действие, а именно: бродяги, люди без определенного места жительства, женщины легкого поведения, спекулянты, фарцовщики и руководители незарегистрированных сект. Теперь мне стало ясно, что относительно меня было принято решение: во что бы то ни стало осудить и отправить в ссылку.

Через пять дней мой непосредственный начальник сообщил, что в красном уголке состоится заседание товарищеского суда, на котором я обязательно должен присутствовать. Потом подошел знакомый кочегар и рассказал, что вчера приходил какой-то майор и учил их, что и как нужно говорить на суде против меня. «Но я на этот суд не приду; у меня вторая смена, я буду работать», — добавил он. Другой мой коллега также заверил меня, что не придёт: «Я лучше напьюсь и останусь дома, но вот тот, — и он назвал фамилию известного коммуниста, — придёт и будет давать показания против тебя».

Я поблагодарил товарищей и сказал, что не боюсь суда, потому что верю в Бога, Который незримо будет присутствовать на этом судилище, отмечая действия людей.

Я же буду готов принять любое решение. В назначенное время мы с Галиной отправились на этот «товарищеский суд» или «суд общественности».

В положении президиума Верховного совета РСФСР о товарищеских судах значилось, что это «выборный общественный орган, содействующий воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения правил социалистического общежития, развития у граждан чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения достоинства и чести советских людей». И хотя юрисдикции товарищеских судов подлежали правонарушения, не представляющие большой опасности: мелкое хулиганство, пьянство, нарушение трудовой дисциплины, мелкая спекуляция и прочие нарушения, в постановлении был пункт: «Если товарищеский суд придет к убеждению о необходимости привлечь правонарушителя к уголовной или административной ответственности, он принимает решение о передаче материалов соответственным органам». На основании именно этого пункта спецорганы решили завести на меня дело, наперед запланировав ссылку, чтобы я не влиял на людей своими убеждениями.

Зал был заполнен в основном рабочими нашего предприятия. Здесь присутствовали представители МВД, высшие партийные чины. В зале было много курсантов милиции, возможно, на случай непредвиденного возмущения общественности и нарушения порядка или для практики. А может быть, для видимости большого количества. За судейским столом, кроме других людей, сидел ведущий мое дело майор Качамин. Сам он не выступал, но постоянно шепотом подсказывал, что и кому надо делать. Присутствовали и сотрудники КГБ, которых я знал лично и которых не знал, а также журналисты и фотокорреспондент, постоянно бегающий с фотоаппаратом,

нацеленным на меня и выступающих. Потом он подошел к людям, сидящим в первом ряду, и спросил:

— Говорят, что здесь присутствует жена Игнатова? Где она?

— Это я, — спокойно сказала Галина Ивановна, подзвав фотографа.

Увидев ее, он поначалу смутился, а затем принялся фотографировать. Вероятно, его смущение было вызвано тем, что он предполагал увидеть какую-то неприглядную фанатично настроенную сектантку, но увидев красивую, хорошо одетую волевою женщину, почувствовал себя неловко.

В процессе судебного разбирательства выступали в основном те, кто меня совсем не знал. Это были специально обученные люди, и своей речью они выдавали себя, так как говорили не свои, а заученные слова. Выступал тот самый «коммунист», о котором меня предупреждали, «обливая меня грязью». Выступал мой начальник отдела, но говорил правду, как было на самом деле, подчеркивая, что работал я честно и ответственно. «Только вот в субботу его и под расстрелом не заставишь работать», — завершил он.

В своем заключительном слове я сказал: «Очень рад, что меня судят не за пьянство, не за хулиганство, не за воровство, а за то, что я верю и поклоняюсь Богу. Моя совесть чиста, потому что я честно относился к работе и аккуратно всегда ее выполнял. Для меня это судилище — огромная честь, спасибо вам!»

Закончилось заседание «товарищеского суда», как и следовало ожидать, решением «товарищей» отправить меня на пять лет в ссылку. После суда меня окружили люди, которые не были настроены враждебно, и начали задавать множество различных вопросов. Так незапланировано получилось хорошее свидетельство во славу Божью.

Что же касается майора Качамина, то он уходил удовлетворенным. «Уважение чести и достоинства граждан СССР», одним из которых являлся Николай

Игнатов, было относительным понятием. Более дорогой и желаемой для тысяч и миллионов таких Качаминых была собственная карьера и услужливость перед нечестивым режимом. А возможно, и звездочка полковника. А то, что четверо детей, также граждан СССР, останутся без отца-кормильца, коммунистических идеологов интересовало меньше всего, не говоря уже о совести, о которой так громко заявляли с правительственных и партийных трибун...

По закону решение товарищеского суда должна была утвердить городская исполнительная власть, которая и дала указание провести его. А пока я должен был работать на эту самую власть. Надежды на изменение приговора не было никакой, поэтому я на работу не пошел, чтобы побыть с детьми. А через два дня в местной газете появился пасквиль «Волк в овечьей шкуре». Осознавая, что в любое время за мной может приехать милицейский «Черный воронок», мы заранее все приготовили и сложили необходимые вещи для «переселения» в чемоданчик, который стоял наготове у дверей. Спустя неделю после суда, когда вечером мы слушали магнитофонные записи, сделанные в Донецке, нагрянула милиция. Показав решение того самого исполкома, исполнители приказали: «Собирайся!»

Практически, я уже давно был готов. Поэтому их появление и момент расставания семья восприняла спокойно. Возможно, что в те минуты дети еще не до конца сознавали все происходящее. Кроме того, мы всей душой уповали на Бога и расставание на целых пять лет представляли слабо. Это уже потом, когда каждый из нас познал угнетающую суть разлуки, было невыносимо тяжело. Утешала вера в то, что Господь имеет какие-то Свои, неизвестные нам планы и решения.

На прощание мы всей семьей склонили колени в молитве к Господу. Чтобы нам не мешать, милиционеры в это время вышли в другую комнату. Я поцеловал жену и

детей, оделся и взял чемодан. Мой старший сынок, Костя, которому тогда было всего шесть лет, обнял меня и сказал слова, которые насквозь пронзили мое сердце: «Папа, если мы здесь не встретимся, то увидимся на небе», — и он указал своим маленьким пальчиком вверх. Не знаю почему, но в тот момент никто из нас не плакал. Вероятно, так было угодно Богу. Мы вели себя достойно, не желая, чтобы безбожники видели, как мы плачем. Слёзы, горькие слезы разлуки появились позже...

2. В ожидании отправки

Привезли меня в тюрьму где-то около часу ночи. Однако, в соответствии с представленными документами, сюда меня не приняли и направили в камеру предварительного заключения краевой милиции. Я попросил дежурного милиционера, чтобы он сообщил моей семье, где я нахожусь. До сих пор с сердечной теплотой вспоминаю этого человека, выполнившего мою просьбу. В течение десяти дней супруга ежедневно могла приходить ко мне и приносить передачи. По окончании этого времени ко мне явился капитан милиции, ответственный за ссыльных, и в разговоре со мной назвал место ссылки. Это был район Полины Осипенко — золотой прииск недалеко от Комсомольска-на-Амуре.

— Там нужны электросварщики, — добавил он, — так что работать будете по специальности. Мы уже сообщили о вашем приезде.

— Какой из меня сварщик? — пытаюсь шутить, возразил я. — Ведь я «тунеядец», никогда не работал и жил на нетрудовые доходы.

— Мы вас высылаем как «духовного» тунеядца, — внимательно посмотрев на меня, ответил он. — Там вы будете работать и со временем, если пожелаете, сможете забрать туда и свою семью.

Я поблагодарил за информацию. Теперь я хоть знал, куда меня отправят, и поджидал свою Галину, чтобы сообщить новость ей. На следующий день супруга, принеся мне передачу, должна была получить от майора Качамина разрешение на свидание. Он устроил его нам в своём кабинете и в его личном присутствии. Я сообщил жене о том, куда меня направляют, после чего у нас пошел общий разговор о многом, в том числе и о прошедшем суде надо мной, походившем скорее на комедию, чем на суд. Слушая нашу беседу, Качамин не сердился, а пребывал в хорошем настроении; для него важным было то, что свое дело он сделал. Он спросил о нашем отношении к отправке меня в ссылку.

— Есть ли там люди? — спросил в свою очередь я.

— Конечно, есть! — ответил майор.

— В таком случае ссылка для нас — Божье провидение. Видимо, Господь предусмотрел для меня там какую-то работу, о которой я ещё не знаю. Сам я туда, вероятно, никогда бы не поехал, но в Библии записано, что «начальник есть Божий слуга, тебе на добро». Вы Его слуга, хотя и не понимаете этого. Он побудил вас отвезти меня туда, а когда я выполню Божье поручение, Он даст вам команду снова привезти меня домой.

Я понимал, что мои слова воспринимались им не иначе, как бред сумасшедшего фанатика, но на самом деле всё именно так и произошло. В ссылке, общаясь со мной, многие получили свидетельство о Боге. Были и такие, кто принял библейскую истину и благодарил Бога за то, что я прибыл туда.

Наше свидание с моей дорогой супругой Галиной закончилось, и меня увели в камеру. При проверке передачи дежурная задержала две книги: «Популярные лекции по атеизму» и «Сгинь тот день, в который я родился». Я понимал, что прежде чем отдать книги, их будут проверять, нет ли в них какой-то секретной для меня информации. Такое уж у них существовало правило.

Спустя какое-то время окошко камеры открылось, и дежурная подозвала меня.

— Ваша жена верующая? — спросила она.

— Да, конечно! — сказал я.

— А зачем она вам передала вот эту книгу? — и она указала на «Популярные лекции по атеизму».

— Наверное, чтобы я не скучал, — предположил я.

Не мог же я поведать ей, зачем на самом деле мне передали эту книгу. Дело в том, что Библию, которую я взял с собой, забрали, и она находилась в камере хранения у дежурного; да и кто бы разрешил мне здесь читать Священное Писание? В этой же атеистической книге было много цитат из Библии, которые автор критиковал. Моя жена знала, что я буду читать именно эти тексты, освежая в памяти Божьи обетования. Я всегда благодарил Бога за мою догадливую помощницу жизни, а также за то, что Он давал ей мудрость, подсказывая, как мне помочь.

На следующий день жена снова навестила меня, хотя я уже не ожидал, что она придет. Она рассказала, как вчера, возвращаясь со свидания со мной, встретила человека, с которым я когда-то вместе работал. На его расспросы обо мне она сообщила, что меня высылают в район Полины Осипенко.

— Ну, считай, что осталась ты без мужика! — резюмировал он и, показав беззубый рот, продолжил: — Посмотри, я все зубы там потерял. Нас там было много, да мало кто выжил.

Попробуй, дорогой читатель, представить себе, какое «утешение» преподнёс ей сатана. Но, слава Богу, что после таких моментов Господь дает надежду.

— Иду я сейчас к тебе, — продолжала свой рассказ жена, — чтобы поделиться своей печалью, а навстречу мне идёт Вера Прилуцкая. Увидела её и глазам своим не поверила. Обнялись, поздоровались.

— Ты что здесь делаешь? — спрашиваю.

— Тебя ищу! — отвечает Вера.

— Как меня ищешь, ведь это центр города, а мы живем на окраине!

— Не знаю, — говорит она, — но на вокзале села на автобус и вышла на этой остановке, — хотела здесь спросить у людей ваш адрес.

Конечно же, это Господь направил их пути так, чтобы Вера и моя жена могли встретиться. Надо сказать, что приезд Веры для нашей семьи был большим ободрением в тот нелегкий час. Руководители Церкви из Новосибирска, узнав, что я в тюрьме, отправили её в Хабаровск, чтобы укрепить и поддержать нас во время испытания, а также передать через неё средства для семьи. Вера Прилуцкая в те годы была связной с подпольным центром Церкви. Позже ее также арестовали и осудили. В те годы проявлялась особая забота о каждом служителе, как бы далеко от центра он ни жил и в каком бы положении ни находился. Чувство братской поддержки и солидарности вдохновляло.

Вскоре меня перевели в тюрьму и поместили одного в общей камере. Здесь было двадцать две двухъярусные кровати, а это значит, что камера была рассчитана на сорок четыре арестанта. Я выбрал одну из кроватей, что поближе к лампочке, забрался на второй ярус, постелил на сетку верхнюю одежду, достал книгу, лег и стал читать. Хотя время было позднее, но спать не хотелось, возможно, потому, что в течение десяти суток я выспался в КПЗ. Здесь царила полная тишина, и только изредка можно было слышать, как дежурный проходит по коридору, заглядывая в глазок наблюдения за арестантами.

Утром меня перевели в другую камеру, где было человек двенадцать заключённых, ожидающих, как и я, комплектации и рассылки в различные регионы «великого и нерушимого Союза». В ожидании попутчика провел я здесь около двух недель. Поскольку попутчика для меня так и не нашлось, отправили одного, в сопровождении милиционера.

3. Здравствуй, Шитниковка!

Из-за плохой погоды пришлось возвратиться в тюрьму, и только на третий день нас с милиционером усадили в «кукурузник», и самолет взял курс на Комсомольск-на-Амуре. После приземления самолёта оказалось, что это только дозаправка, и мы снова поднялись в воздух. Ещё часа два нас «болтало», пока, наконец, мы совершили посадку в крошечном аэропорту под названием «Рейд». Деревня располагалась на берегу Амура, и речной порт назывался Мариинск. Тогда я еще не знал, что это место станет для меня очень значимым и я проведу здесь много дней и часов в ожидании теплохода или попутного катера или просто по работе. А сейчас, выбравшись из самолёта, мы пошли в здание аэропорта. Это была обыкновенная таёжная избушка размером пять на семь метров, с круглой печкой в углу и окошком для продажи билетов. Своих самолётов на «Рейде» не было, и этот пункт служил перевалочной базой. Отсюда нам предстояло ещё лететь на небольшом пятиместном самолёте «ЯК-12» сто километров до Богородска, Ульчского района, где милиционер должен был меня «передать» местному начальству. Хотя была уже середина марта, но в этих краях ещё лежал снег по пояс и трескали тридцатиградусные морозы. Мы вошли в аэропорт-избушку, где находилось несколько человек. Вскоре они ушли, и мы с сопровождающим меня милиционером остались одни.

— Что будем делать? — спросил я.

— А ничего! — ответил мой провожатый. — Сейчас принесём дров, натопим печку и будем спать.

— Слушай, — говорю ему, — пока самолёт на Хабаровск ещё не улетел, давай мне документы и лети обратно, зачем тебе здесь со мной мучиться? Завтра я сам прилечу на место и доложу о своём прибытии.

— Нет, — ответил блюститель порядка, — не положено, я лично должен тебя сдать.

— Ну, смотри сам, — пожал я плечами.

Честно говоря, мне было его жалко: шинель и шапка не самая теплая одежда для этих широт. Зная, куда мне предстоит ехать, я предусмотрительно надел ватные брюки и фуфайку, а поверх нее натянул еще спецовку сварщика. Так что мороз мне был не страшен. Мы принесли дров, нашли веник, подмели мусор и устроились в углу неподалеку от печки на ночлег. Избушка, как и положено аэропорту, не закрывалась, и сюда в любое время суток мог войти каждый желающий. Лежим на полу, спать не хочется, мысленно нахожусь с семьей. Вдруг распаивается дверь, и заходит тепло одетая женщина.

— Мужик, он тебя сопровождает? — спросила она, указывая на милиционера.

— Нет, — пошутил я, — это я его сопровождаю. Вот хотел сегодня на Хабаровск отправить, но он не захотел. Завтра отправлю на Богородск.

— Ты тунеядец? — внимательно глядя на меня, вновь спросила она.

— А что, похож? — продолжаю шутить.

— Знаешь, что я тебе скажу? Делай всё, чтобы не попасть в Шитниковку.

— А что, там так страшно? — поинтересовался я.

— Я тебе сказала, а ты смотри, — уходя сказала она.

Я стал расспрашивать своего сопровождающего, знает ли он что-либо о Шитниковке. Но он о ней даже не слышал. Слова женщины продолжали тревожить сознание. Кто она и зачем приходила? У нее ведь здесь, в избушке, тем более ночью, не было никаких дел — только зашла, сказала и ушла. Может, это Господь меня предупреждает, чтобы я, действительно, избегал того места?

Так с этими мыслями я в ту ночь немного подремал — больше промучился, а утром аэропорт ожил. Стали

прилетать небольшие «ЯКи», и вскоре на одном из них мы вылетели в Богородск. Через полчаса самолёт приземлился, и мы отправились в отделение милиции, которое располагалось недалеко от лётного поля. Мой спутник, наконец, мог свободно вздохнуть, потому что сдал меня полковнику милиции Требуху. Тот, получив мои документы, стал читать. Время от времени он качал головой, по всему было видно, что с таким «экземпляром» из тунеядцев он ещё не встречался. Подписав акт о том, что меня он «принял», отпустил милиционера.

— У нас ты в субботу будешь работать! — обращаясь ко мне, сказал Требух.

— Вот этого вы не угадали, товарищ полковник, — возразил я, — если бы я рассчитывал в субботу у вас работать, то сюда не попал бы, а находился бы дома с семьёй. Вам это должно быть понятно!

— Посмотрим, — после моего четкого и убедительного заявления только и произнес он в ответ.

— Посмотрим, — в тон ему ответил я.

После этого он протянул мне билет на самолёт и сообщил, что я должен лететь обратно на Рейд, а оттуда попутными машинами добираться до посёлка Санники. В посёлке мне нужно найти начальника участка, отдать ему направление, а он уже меня «где-то пристроит».

Один, без сопровождающего, с чемоданом в руках, я без труда добрался до нужного места. В четыре часа дня я уже сидел в конторе и ожидал начальника участка, который уехал в тайгу и должен был вернуться часам к восьми вечера. Разыскав укромный уголок в коридоре, я сел на свой чемодан и стал ожидать начальника. Вижу, как возле окошка «Касса» женщины начали занимать очередь. «Похоже, у них день зарплаты», — решил я. На меня никто не обращал внимания. Мало ли кто там себе сидит? Сюда, оказалось, приезжает много сезонных рабочих. Вдруг забегают какая-то женщина.

— Бабоньки! — громко сообщила она. — Попа к нам везут!

Позже, когда я прожил здесь уже несколько лет, каждый раз при встрече она, смеясь, говорила: «Прости, Николай, ведь я не знала, что это ты!» Смешная вышла история. Однако меня удивило тогда то, что весть о попе прилетела раньше, чем приехал сам «поп», то есть я.

Наконец, когда уже совсем стемнело, прибыл из тайги и начальник участка. Мне нужно было где-то определиться на ночь, и я зашёл в кабинет. Прочитав мое направление, он тут же вернул его мне обратно.

— Тунеядцев не берём! Вы не работаете, а только «висите» на балансе участка и пьянство разводите, — раздраженно сказал он.

— Прекрасно, — ответил я, — напишите, что вы от меня отказываетесь, и я поеду домой.

— Идите куда хотите, — закончил он разговор со мной.

Выйдя из кабинета, я расспросил людей, где находится милиция. Мне указали на домик, во всех окнах которого горел свет, и пояснили: «Это — сельсовет; там находится и милиционер по фамилии Дьячок». Иду и рассуждаю: «Вот так фамилия! Выходит, он — Дьячок, а я поп. Но кто же из нас старше?» Позже, когда мы с ним ближе познакомились, я, шутя, ему рассказал об этом, но в тот момент шёл к нему вполне официально, как к представителю власти. Этот Дьячок оказался простым и симпатичным пареньком — рядовым милиционером. Да и одет он был в гражданскую форму. В то время он заменял главного надзирателя — капитана милиции, который находился в отпуске в моей далекой Украине. Я представился Дьячку, показал свое направление.

— Начальник участка меня не берёт, — сказал я, — подпишите направление, что я был, и я уеду домой.

— Как не берёт! — возмутился тот. — Возьмёт, куда не денется!

Дьячок тут же поднял трубку и позвонил полковнику Требуху в Богородск. После разговора с ним рядовой милиции снова отправил меня к начальнику участка. Теперь тот без слов взял направление и только сказал: «Переночуете в конторе, а завтра мы вас устроим». Благо в помещении было тепло. Здесь, прямо на столе технорука, и прошла моя первая ночь в поселке Санники. Когда утром пришёл милиционер, чтобы отвезти меня в Шитниковку, вспомнив, что сказала мне женщина в «Рейде», я попросил его оставить меня в посёлке. Он не возразил. «Ищите квартиру, — сказал он, — и если найдёте, я не буду препятствовать».

Я обращался ко многим местным жителям, но даже те, у кого была возможность принять меня на квартиру, боялись тунеядца. Я пытался объяснить, что я священнослужитель, но никто не хотел верить, настолько плохо зарекомендовали здесь себя эти тунеядцы. Была пятница — два часа пополудни. Скоро зайдёт солнце, а я ещё не приготовился к субботе. Мне ничего не оставалось, как снова обратиться к милиционеру.

— Вези меня в Шитниковку, — сказал я ему.

— Поехали, я вас в хорошем месте поселю, — согласился он. Милиционер остановил попутный лесовоз, и через пятнадцать минут мы были уже на месте.

Что же представляла собой эта таинственная Шитниковка, которой женщина в аэропорту «Рейд» мне советовала избегать? На самом деле Шитниковка — это небольшой посёлок, расположенный в тайге в девяти километрах от участка Санники. В центре поселка стояли два больших барака, в которых жили те самые тунеядцы. Там же располагались баня и магазин. Эта местность сама по себе удивительно красивая, в особенности летом. Первое, что бросилось в глаза: там не было электричества. Если быть точным, местная электростанция вышла из строя, и потому все жильцы пользовались свечками

или керосиновыми лампами. Наибольшее же бедствие состояло в том, что это было место постоянных пьянок и драк. Сквернословие стало местным языком, другого — не знали. А то, что в бараках женщины и мужчины жили все в одном помещении, привело к полной безнравственности. Одним словом, здесь был настоящий ад. Именно сюда и привёз меня Дьячок. Милиционер пообещал, что поселит меня отдельно. Этим «отдельным» жильем была контора с двумя комнатами. В отгороженной перегородкой комнате стояли три заправленные кровати. Дьячок показал на одну из них: «Устраивайтесь, — сказал он прощаясь, — завтра в восемь часов утра приедут машины и повезут всех на работу; вы также вместе со всеми поедете. Десятник скажет вам, что надо делать». Я поблагодарил его за всё и сказал, что завтра никуда не поеду, разве что в воскресенье. Он не возразил, только попрощался и уехал. Я же затопил печь, нагрел ведро воды, помылся. У меня с собой были костюм, рубашка, бельё, то есть всё необходимое на первое время, и даже продукты, которые я заблаговременно купил еще утром в посёлке Санники. Таким образом, я полностью приготовился к субботе. Соседа моего по комнате не было, вероятно, где-то пьянствовал в поселке, поэтому я даже радовался одиночеству. Так я временно стал жителем Шитниковки.

Ночь прошла спокойно, если не считать громкой ругани пьяных супругов за стеной. Утром в контору начали собираться все, кто ехал на работу. В ожидании машины люди спрашивали, почему не собираюсь я.

— Потому что я сегодня на работу не поеду, — отвечал я, — поеду завтра.

— У тебя сегодня праздник? — недоумевали рабочие.

— Да, сегодня у меня праздник, и к тому же большой.

Мне не приходилось удивляться тому, что в Шитниковке уже знали, кто я такой, а также то, что в субботу не работаю. Это было даже хорошо, поскольку мне не

нужно было объяснять, ведь, собственно говоря, за это я и был сослан. В небольшой деревне любая новость распространялась со скоростью звука.

Вскоре машины с рабочими уехали, и я подумал, что остался один, но ошибся. В лагере оставались еще два молодых человека, которые практически не работали, а занимались исключительно воровством. Вероятно, у них был какой-то недобрый умысел, когда они направлялись ко мне, однако, увидев меня чисто одетым, в белой рубашке с галстуком и с Библией в руках, ребята явно растерялись, не зная, как себя вести. Заметив растерянность непрошенных гостей, я пригласил их сесть, выразил удовлетворение по поводу их прихода и предложил вместе почитать Священное Писание. Они согласились. Так первую субботу я провел в беседе с воришками. Они задавали вопросы, на которые в Библии мы вместе находили ответы. Не знаю, осталось ли что-либо в их памяти?! Позже мне сообщили, что вечером, когда все вернулись с работы, они во всеуслышание объявили, что если кто меня обидит, будет иметь дело лично с ними. Так я попал под защиту воров.

В воскресенье я первый раз вышел на работу. Со мной были и другие люди. Нас везли грузовой машиной километров пять по тайге, потом мне дали топор с длинной ручкой, показали, как рубить сучки с поваленного дерева, что и было теперь моей работой. Я оказался в бригаде тунеядцев, состоящей из двух женщин и мужчины. Деревья нам валил вольный украинец.

Несколько строк из истории. Место, куда меня сослали, первыми осваивали политические заключённые тридцатых годов, а также люди, раскулаченные советской властью. Сразу же после войны это место стало ссылкой для украинцев — грекокатоликов, которых называли «бендеровцами». К тому времени все они уже были свободными, прилежными тружениками, которые

хорошо зарабатывали. При этом они получали сто процентов «северных», имели семьи, вели хозяйство и уже не спешили возвращаться в Украину. Позже сюда стали ссылать тунеядцев. Безусловно, было немало настоящих тунеядцев, не желающих работать и ведущих паразитический образ жизни. Но были и похожие на меня, которые хорошо работали, но чем-то провинились перед властью и отбывали здесь своё наказание. Именно таким оказался и мой сосед по комнате.

Итак, вальщик деревьев у нас был украинец. Когда мы познакомились с ним поближе, он оказался довольно порядочным человеком. Мы даже с ним подружились. Но это потом, а пока он для меня был просто вальщиком леса. Обычно он в течение часа срубит десятка два деревьев и направляется в другую бригаду. Мы же воюем с сучьями до самого вечера. Не имея опыта, я боялся отстать от других, а потому старался. Спустя три дня этот вальщик опять пришёл к нам валить деревья. Свалив несколько сосен, он сел на бревно отдохнуть и подозвал меня.

— Слушай, мужик, — сказал он доброжелательно, — давай я для тебя буду деревья валить отдельно — ты хоть заработаешь. Ведь ты за них работаешь. Пока они одно дерево очистят от веток, ты успеваешь обработать три. А они только курят.

— Я ещё ничего не умею и не понимаю, — начал отказываться я.

— Ну, смотри! — закончил он разговор и ушел.

На следующий день пришёл прораб, сел рядом с вальщиком и о чем-то начал разговаривать, поглядывая в мою сторону. Было понятно, что они говорили обо мне. Вечером в комнате зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышал голос прораба.

— Игнатов, завтра, когда приедете на место сбора, — сказал он, — в бригаду не идите, а ждите меня.

— Хорошо, понял, — ответил я и повесил трубку.

На другой день я сделал, как мне велели. Расставив всех по местам, прораб подошёл ко мне и сказал: «Поехали». Мы сели в лесовоз и поехали в бригаду, где работали трое мужчин. Это были вольнонаемные, не имеющие ничего общего с тунеядцами. Они жили в посёлке Санники. «Василий, я тебе работягу привёз», — крикнул прораб бригадиру, спрыгивая в снег с подножки лесовоза. Они ещё о чем-то поговорили, и прораб уехал. Мужчины сели. К ним подсел я, и мы стали знакомиться.

— Ты что, ссыльный? — спросил старший.

— Да, ссыльный, — ответил я.

— За что? — продолжал он.

— Я тунеядец, — спокойно отвечал я.

— Ты что, не хотел работать? — не унимался новый знакомый.

— Да нет, работал и работал тяжело, но мне сказали, что я «духовный» тунеядец.

— А что это такое? — для них это было уже что-то новое, потому что вызвало оживление.

— А то, что, будучи священнослужителем, я отказался исповедовать государственную религию — атеизм!

— Так ты, оказывается, веруешь в Бога?!

— Да, — утвердительно сказал я.

— О, так мы тоже верующие, грекокатолики, а ты?

— Я верующий протестантского направления.

— Слушай, так это ты тот самый поп, которого к нам привезли? — повеселели мужчины.

— Наверное, я, потому что другого нет, — ответил я.

Так состоялось моё знакомство с новой бригадой. Бывшие ссыльные, «бендеровцы», как их называли за их западноукраинское происхождение, срок своей ссылки уже давно отбыли, стали свободными, обжились, завели семьи. Это были простые, работающие ребята, и мне с ними было хорошо. В работе я старался от них не отставать, потому что понимал: они профессионалы своего дела, а

я — новичок. К тому же мне не хотелось быть для бригады обузой. И вот однажды, как это у них было принято, бригадир объявил «перекур», все сели курить, а я продолжал рубить сучки. Во-первых, потому что не курю, а во-вторых, боялся, что не выполню норму, и потому во время перекура старался наверстать упущенное. Но бригадир Василий как закричит на меня: «Перекур для всех! Если не куришь, просто отдыхай. Ты что, совсем решил нас загнать? Работаешь, как бешеный таракан». Извинившись, я сел рядом с моими новыми коллегами и пояснил, что боюсь отстать от них в работе. Как потом оказалось, на деле я считался передовиком. Это открытие стало для меня большим вознаграждением. В этой бригаде я проработал недолго, всего две недели, но заработал хорошие деньги, так что смог некоторую сумму даже отправить семье.

Наступила вторая половина месяца. В тайге там, куда проникали лучи солнца, становилось тепло, на дорогах появились проталины, грязь... Это означало, что лесоповал скоро закончится. Однажды, после возвращения с работы, я застал у себя в комнате капитана милиции. Поздоровавшись, я стал снимать с себя верхнюю одежду.

— Вы Игнатов? — спросил меня капитан.

— Да, это я.

— Как вы сюда попали?

— Станный вопрос. Сюда меня привёз ваш сотрудник. Не по своей же воле я приехал.

— Это я знаю, но дело в том, что вы были запланированы не сюда, а в Сиговый.

Хотя прошло немного времени, я все же успел познакомиться с географией местности и уже знал, что такое Сиговый. Из слов капитана мне стало понятно то, чего не понимал он, а именно: всем управляло Божье Провидение и моим поселением также. Поистине исполнились слова: «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро». Сиговый — это удаленный участок, уходящий на

пятнадцать километров вглубь тайги. Попастъ туда можно было только по воде, и там творилось ещё большее беззаконие, чем в Шитниковке.

— Возвращаясь из отпуска, — продолжал капитан милиции, — я в Хабаровске зашёл в свое управление. Там мне о вас рассказал мой начальник. Вам здесь жить нельзя; это общество не для вас. Вот поработаете до первого числа и перебирайтесь в посёлок Санники, где живут нормальные люди.

Я поблагодарил его, а сам мысленно обратился к Богу: «Слава Тебе, Господи! Ты так быстро дал ответ на мою молитву и постоянно обо мне заботишься».

Как я уже упоминал, в Шитниковке нормой жизни были постоянные драки, пьянки, сквернословие, курево. Я очень из-за этого страдал. На работу нас возили в крытых грузовых машинах: едва сядем, как все сразу, словно по команде, закуривают. Для них это нормально, а мне просто нечем дышать. Чтобы как-то уменьшить глотание этого мерзкого воздуха, приходилось натягивать на голову фуфайку. Поэтому я постоянно умолял Бога: «Господи, я всё вытерплю: и сквернословие, и драки, и даже пьянство, но, пожалуйста, избавь меня от этого ядовитого дыма». Господь дал мне больше, чем я просил. Теперь можно будет жить там, где всего этого нет. Оказывается, этот капитан был нашим общим надзирателем. Раз в месяц он приезжал в посёлок с картотекой, и все ссыльные обязаны были явиться к нему и подтвердить свое пребывание здесь своей подписью. Это касалось и меня.

Наступил последний день апреля. К тому времени снег растаял, дороги развезло совсем, машины не ездили, и нам пришлось до посёлка добираться пешком. К счастью, чемодан и сумку с пожитками мне помогли нести друзья, которых я успел приобрести. В поселке капитан распорядился относительно места в общении. К сожалению, комендант, который должен был

меня устроить, так «отметил» Первое мая, что был немняемым и выдал мне постель только на четвёртый день, когда закончились праздники. Поэтому все праздничные дни мне пришлось спать на голой сетке металлической кровати.

Общежитие располагалось в бараке с одной единственной комнатой, в которой стояло три десятка двухъярусных кроватей. Посредине этой «спальни» была установлена печь, возле которой я и занял нижний этаж одной из кроватей. Общежитие оказалось почти пустым. Кроме меня, здесь «проживали» ещё трое, но в данный момент их не было. В комнате было очень грязно, везде валялись окурки и прочий мусор. На вешалке висели ватные брюки и несколько фуфаяк, оставленные сезонными рабочими. Я бросил на свою кровать пару фуфаяк, лег и стал ожидать других жильцов. Через какое-то время появился мужчина примерно моего возраста.

— Ты кто такой? — грубо спросил он меня.

— Тунаядец, — привычно ответил я.

— Ты что, будешь здесь жить?

После моего утвердительного ответа он сказал:

— Если какая-то рубашка, носки или хоть носовой платок пропадут, убью! Понял? — и разразился отборной бранью в мой адрес. Мое молчание вызвало у него еще несколько ругательств, и он ушел.

Я поднялся, нашёл ведро с известью и подбелил печь; затем принёс дров и растопил её. Подмёл мусор, убрал со стола консервную банку, служившую пепельницей, и хорошенько вымыл стол. Разыскал тряпку и таз, отдраил пол и у порога, вместо коврика, постелил старую фуфайку. Наведя порядок, я снова лег на свою кровать в ожидании моих соседей. Как только слышались приближающиеся шаги, я быстро вскочил и встал у входа.

Дверь распахнулась, и на пороге появился уже знакомый недоброжелательный тип.

— Стой! — строго скомандовал я. — Вернись назад, очисти от грязи ботинки, а потом хорошо вытри их о тряпку, и только тогда можешь войти.

Такого поворота он не ожидал, но, к моему удивлению, повиновался. Когда же он, наконец, зашёл в комнату, я решил преподать ему небольшой урок:

— Видишь, какой порядок? Так вот знай, если я увижу, что ты плюнешь на пол, закуришь или бросишь какую-либо бумажку, голову оторву! Понял? — его же словами строго предупредил я. Он молча взял какую-то вещь и ушёл. Точно так же я встретил и двух других жильцов, но это были совсем другие ребята. Они с удовольствием согласились поддерживать порядок. С тех пор ко мне все трое стали относиться с уважением, потому что, как позже оказалось, я был немного старше их. Наверное, и мое поведение побудило их к этому. Вскоре все трое уехали, и я остался на всю эту казарму совершенно один.

3. Поселок Санники

Итак, благодаря капитану милиции, я переселился в посёлок, где можно было более или менее нормально жить. После того первого знакомства в Шитниковке отношения с капитаном у нас сложились хорошие, даже дружеские. Но однажды возвратившись после работы домой, а обнаружил у себя на столе повестку, предписывающую мне явиться в Санниковский сельсовет с книгами. Кроме того, уборщица сообщила, что в мое отсутствие председатель сельсовета с капитаном милиции осматривали мои вещи и в чемодане увидели Библию. К ним поступил донос, что я занимаюсь религиозной пропагандой. На следующий день я пошёл в сельсовет с Библией и захватил те две книги, которые моя супруга когда-то принесла мне в камеру предварительного заключения в Хабаровске. Обычно я старался опрятно

одеваться — в костюм и рубашку при галстукe. Дело в том, что все знали меня как священника. Вместо ватной фуфайки я носил плащ и шляпу. Именно в таком виде я и пришел в сельсовет.

— Вы хотели меня видеть? — учтиво поздоровавшись, спросил я у капитана.

— Книги принесли? — вместо ответа на приветствие сухо спросил он.

Я подал ему две книги, которые были у меня в руках.

— А главная где? — посмотрев на них, опять спросил он.

— А главная здесь, — расстегнув плащ, я показал карман, в котором лежала Библия, — но вам её не дам. Предполагаю, что вы собираетесь её у меня забрать. Это вы сможете сделать только через мой труп.

— Если захочу, то легко и просто, не прибегая к крайностям, лишу вас этой Книги.

— Не сомневаюсь! Только прошу запомнить: если сегодня вы заберёте у меня Библию, то завтра же об этом будет знать уполномоченный по делам религий при краевом исполкоме в Хабаровске. Вам же, капитану милиции, придется передо мною извиняться, возвращая её.

Он посмотрел на меня уже не так сурово и заговорил более примирительным тоном:

— Дай мне только лишь посмотреть, — попросил он.

— Хорошо, но сначала пообещайте, что вернёте мне Библию, — поставил я условие.

— Честное партийное, верну.

— Ну, если обещаете, пожалуйста, — достав из кармана Библию, я подал ему.

Капитан начал перелистывать страницы Священного Писания. Надо же было такому случиться, что его взгляд остановился на тринадцатой главе Послания к Римлянам. Он в голос прочитал: «Начальник есть Божий слуга....».

— Начальник есть слуга народа, а не Бога, — обращаясь ко мне, возразил милиционер.

— Нет, — уточнил я, — вы Божий слуга, но пока этого ещё не осознаете. Бог вас поставил поощрять делающих добро и наказывать творящих зло. Это Он дал вам власть и надеется, что вы оправдаете Его доверие, а потому можете ожидать от Него поощрения.

— Я запрещаю вам проповедовать ваши идеи, — возвращая Книгу, довольно жестко сказал он, — иначе мы вас снова сошлём.

— Во-первых, дальше ссылать уже просто некуда, — спокойно и даже с улыбкой ответил я, — а во-вторых, я за это и выслан. А учить людей правильной и здоровой жизни мне никто не может запретить.

Вот таким был наш разговор, который от первого до последнего слова слышали работники сельсовета, и потому на следующий день о нем знал весь поселок.

Итак, я жил теперь в Санниках, среди нормальных людей. Возможно, в сознании я сравнивал этот поселок с Шитниковкой, но он мне очень понравился. Расположен он на берегу большого озера Кизи, что на языке местных жителей означает «Чёртово озеро». Его протяженность более тридцати километров, а ширина в районе поселка Санники около пяти километров. Летом его воды бороздили катера, баржи, «нефтеналивнушки», доставляющие в посёлок горючее для тракторов и машин, а также продукты питания для жителей всего района. Хотя лето здесь короткое и прохладное, но уж очень красивое и богатое. Тайга изобилует разными ягодами: черникой, голубикой, малиной, брусникой. Много грибов, лимонника. В озере много различной рыбы. В августе появляется лосось, кета, горбуша, поэтому в каждом доме посёлка есть красная икра и бочки с солёной кетой.

После майских праздников рабочих уже перестали возить на работу в тайгу. Меня направили к одному

местному украинцу при помощи электропилы и топора заготавливать на зиму дрова, складывая их в поленницы. Нормой считалось восемнадцать кубов в смену. Сначала не получалось осилить и десяти кубометров, но со временем я приловчился и доводил норму до тридцати.

Прошло время, и я подружился с напарником по имени Иван Олефирович. Он был из грекокатоликов, поэтому не пил, не курил, имел хорошую семью и слыл весьма порядочным человеком. Кажется, что и я пришёлся ему по душе. Он стал интересоваться библейской истиной и пригласил меня к себе в гости, чему я был безмерно рад. В первый же вечер он познакомил меня с каждым из членов своей семьи — женой Полиной и двумя детьми. Через дорогу жили его два брата с семьями и отец с матерью. Я заходил к Ивану после работы почти каждый вечер, и мы много беседовали на духовные темы. Подобно губке, он впитывал Божественные истины, восхищаясь Его Словом.

Однажды произошёл интересный случай. Поскольку члены этой семьи были грекокатоликами, то к родителям Ивана каждое воскресенье приходил священник этой церкви, сосланный в прошлом в эти места. Во дворе все усаживались на скамеечках в круг, и он им что-то рассказывал. В одно из воскресений, когда я был в гостях у Ивана, священник опять пришёл к его родителям, и они все собрались во дворе для беседы. Нам из окон всё было видно. Вдруг Иван поднялся и решительно направился туда, чтобы, как он заявил, высказать священнику, что тот ошибается и вводит в заблуждение других. Мы с женой Ивана, Полиной, пытались остановить его, уговаривая так не поступать, поскольку это, наверняка, обидит родителей, но он нас не послушал. В окно мы могли наблюдать, как, подсев к слушателям в отцовском дворе, он вступил в разговор. Очень скоро священник, поднявшись, ушёл. Вернувшись домой,

Иван рассказал, почему священник так быстро ушел: «Я сказал ему то, что Христос говорил фарисеям: “Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете”» (Матф. 23:13).

Хотя поступок Ивана был несколько неуклюжим и грубоватым, он вместе с тем являлся свидетельством того, что семя библейской истины проросло, но необходимо было определенное время, чтобы оно принесло плод. Забегая вперед, скажу: Иван Олефирович и Полина вот уже более сорока четырех лет являются членами Церкви Адвентистов Седьмого Дня в городе Мариуполе. Я имел возможность посетить их там. К сожалению, Иван перенёс инсульт, но меня он узнал. Наша встреча была очень радостной для нас обоих и богатой незабываемыми воспоминаниями.

Что же касается моего пребывания в Санниках, то вся семья Ивана Олефировича, в том числе его родители и братья, относилась ко мне доброжелательно, хотя этим они часто обрекали себя на непонимание со стороны односельчан. Первое время, когда меня ещё мало знали в поселке, да и пропаганда атеистов срабатывала, на меня действительно смотрели как на врага народа. Можно лишь предположить, чего только эти добрые люди наслушались в свой адрес! Но они спокойно реагировали на различные выпады и недоброжелательность окружающих. Для меня же общение с ними служило большим благословением и поддержкой. Потом уже, когда люди больше узнали меня, мнение почти всех коренным образом изменилось, и я стал в посёлке почетным гражданином. Этому также способствовало то обстоятельство, что летом, когда в школах начались каникулы, по моему приглашению ко мне приехала моя семья.

Сразу после приезда моей супруги с четырьмя ребятишками мы все разместились в общежитии. Однако

вскоре в одном из бараков освободилась маленькая комната, и нам отдали её под жильё. В соответствии с законодательством, если к ссыльному приезжала семья, ее следовало обеспечить жильём. Предложенное нам жильё в двадцать квадратных метров с одним окном и небольшой печкой вряд ли можно было назвать квартирой. Тем более, что там хозяйничали крысы. Но мы были довольны и этим, поскольку это все же было не общежитие, а отдельное жильё. Летом в поселке начался ремонт домов, бараков, поэтому меня зачислили в бригаду ремонтников.

Жители поселка внимательно наблюдали за нами, нашими взаимоотношениями в семье и с соседями. Здесь невозможно было что-то скрыть. Пока семья была со мной, то в магазин обычно ходила моя жена. А это — новые встречи, знакомства, общение. Имело большое значение и то, как мы одеваемся, что покупаем и как живем. Многие наблюдали, как почти каждую субботу мы, прихватив большое покрывало, отправлялись с детьми на природу, чтобы проводить там богослужение. Люди перестали смотреть на нас как на религиозных фанатиков или тунеядцев.

Лето пролетело быстро, и мои любимые жена и дети должны были возвратиться в Хабаровск. Разумеется, мы очень горько переживали предстоящую разлуку, но это было необходимо. Ребятам предстояло идти в школу, а Галина Ивановна должна была поддерживать духовное состояние общины, ведь она во время моей ссылки размещала меня в церкви.

Так я снова остался один. Но теперь у меня была отдельная квартира, и я смог заняться еще одним, хорошо мне знакомым делом — фотографией. Следует отметить, что не только в посёлке, но и на всех ближайших участках не было фотографа, а нужда в нем была большая. Моя Галина привезла все необходимое для обработки

фотографий, а местное начальство с готовностью приняло моё предложение открыть в посёлке фотоателье. С этой целью на мое имя даже была выдана лицензия и выделена комната в швейной мастерской, чтобы после шести часов вечера я мог там работать. Это предприятие оказалось нужным для местных жителей и выгодным для меня. И не только с финансовой точки зрения, но я также получил возможность бывать почти в каждом доме, в каждой семье. В таких условиях, без лишних свидетелей, люди могли задавать вопросы о моей вере и получать соответствующие ответы. Зима прошла спокойно, однако вскоре спецслужбам это не понравилось, и они решили ограничить моё общение с народом. Для этого они избрали простой, но верный способ. Поскольку моя семья уехала, то они приказали снова перевести меня в Шитниковку. Для начала они лишили меня лицензии фотографа, и хотя местные власти не были с этим согласны, но противодействовать «всемогушему» ведомству не могли.

Разумеется, все эти козни планировались в тайне, и я ничего об этом не знал. После того, как мое фотоателье закрыли, по вечерам я оказался свободным от дел и поэтому решил пойти в вечернюю школу, чтобы «подтянуть» русский язык. Однажды, когда я уже собрался идти на занятие, вдруг открылась дверь, и ко мне зашел сотрудник КГБ. Мы с ним уже встречались в поселке. Дело в том, что они мне долго ещё не давали покоя: навещали, угваривали, советовали, угрожали, но Бог удивительным образом меня поддерживал и хранил. Вот и в тот вечер этот «старый друг», зашел поздороваться.

— Чем занимаешься? — спросил он меня.

— Вот, собираюсь в школу, — на ходу ответил ему.

— Как в школу? — удивился «товарищ».

— А так, учусь в вечерней школе.

— Зайди в сельсовет, — после короткой паузы сказал он.

— Что, прямо сейчас? А как же школа?

— Ничего, один раз пропустишь.

В сельсовете, кроме председателя и капитана милиции, я увидел еще и подполковника Козлова. С этим палачом, который грозил меня здесь похоронить, я уже имел дело. Разговор был крайне неприятным. Меня выслали сюда для исправления, но этого не произошло. Я продолжал по субботам не работать и пропагандировать свою ересь по домам, прикрываясь фотографированием.

— Есть решение тебя, как неисправимого преступника, снова отправить в Шитниковку, — подвел итог нашей беседы Козлов.

— Он в школу ходит, — тихо произнес сопровождавший меня старший лейтенант Скрипник.

— Как? Ты что, учишься? — как-то сразу осекся грозный полковник.

— Да, учусь, и вы мне сегодня сорвали урок.

Вот так планы спецслужб отправить меня в Шитниковку сорвались. Позднее мне стало известно о правительственном постановлении, в котором говорилось, что, если тунеядец желает учиться, необходимо для этого создать все условия. Только теперь я понял, почему Святой Дух побудил меня пойти в вечернюю школу. Поэтому до самой весны я был застрахован от переселения в злополучную Шитниковку.

Хотя меня лишили лицензии заниматься фотографией, председатель сельсовета посоветовал: «Фотографируй, только тихо и не бери платы большей, чем по прейскуранту». И я продолжал фотографировать всех желающих.

Приближался день великой октябрьской социалистической революции. Весь посёлок готовился к торжествам. В клубе должен был состояться концерт самодетельности, и директор клуба, в прошлом тоже ссыльный, попросил меня отснять некоторые моменты

концерта для фотомонтажа. Перед концертом состоялось торжественное собрание, на котором выступал парторг с речью. Поэтому на сцене за столом, покрытым красным кумачом, сидело всё начальство участка. Во время пения гимна Советского Союза, когда люди в зале встали, я решил всех сфотографировать, чтобы потом каждому дать по фотографии. Концерт я также снимал. Фотоаппарат у меня был со вспышкой, что в то время считалось редкостью, а для посёлка Санники вообще было диковинкой. Весь зал удивлялся, когда при каждой съёмке «вспыхивала молния». Через несколько дней я вручил фотографии участникам праздника.

Однажды вечером, направляясь домой после занятий в вечерней школе, я встретил в дверях директора школы. Это был умный человек, в прошлом капитан корабля дальнего плавания, много повидавший на своем веку. Он взял меня за руку и попросил зайти к нему. После того, как мы зашли в его кабинет, он продолжил: «Сюда без стука никто не заходит, так что мы можем спокойно поговорить. Хочу рассказать одну историю, и вы удивитесь недалёковидности наших учителей. На следующий день после концерта, который вы фотографировали, прихожу я в школу и застаю несанкционированное мной совещание учителей. Я поинтересовался, в чём дело и какой вопрос они так живо обсуждают без директора? И представляете, что они мне говорят: “Вы видели на концерте, как Игнатов американским фотоаппаратом делал снимки и отснял всё наше руководство? Мы решили в составе капитана милиции, председателя сельсовета и трех человек в качестве понятых сделать у него в квартире обыск. Если у него такой фотоаппарат, то есть и радиопередатчик”. Смешно, не правда ли? Мне пришлось их пристыдить: “Уважаемые наставники молодёжи, не ставьте себя в глупое положение перед этим человеком. Запомните: прежде чем сюда выслать, его со

всех сторон много раз проверили. А фотоаппарат у него наш, отечественный. Если желаете, поезжайте в районный центр и купите себе такой же”».

Хотя это прозвучало забавно, но чему тут было удивляться? Санники — это глухомань; вокруг тайга, болото, потому откуда им знать о фотовспышке. Молодежь, которая здесь родилась и училась, никуда не выезжала, информацию получала разве что из кинофильмов, которые один раз в неделю демонстрировались в клубе. Они даже поверили тому, что в шутку рассказывал им руководитель духового оркестра: как он работал на самолёте кочегаром и чем сильнее «раскочегарить» котёл, тем быстрее полетит самолёт.

«Я капитан, — продолжал свой рассказ директор, — я воевал и верю, что Бог есть, хотя я не выполняю, как вы, все обряды. Я считаю, что верить в Бога и жить по-человечески, не причиняя никому зла, — это и есть вера. Мой отец когда-то меня учил: «Сынок, на нашем участке есть руководитель, который сидит в сельсовете. В стране есть руководитель — он сидит в Кремле, и во Вселенной, безусловно, есть свой Руководитель, иначе и быть не может. Я считаю так: живи по-человечески — и тебе никто не сделает зла. Вот так я и живу».

Я поблагодарил его за такую откровенность и попытался продолжить тему о Боге, но он отложил этот разговор до следующей встречи. Но такой беседы больше у нас с ним так и не получилось, хотя встречались мы ещё не раз.

В конце ноября нас снова начали возить на работу в тайгу. Однажды, возвращаясь с работы, я увидел на дверях клуба афишу: «Сегодня в клубе состоится рабочее собрание». Прочитал и пошёл дальше — зачем оно мне? Я, как правило, на такие собрания не ходил. Поужинал и стал читать. В это время заходит ко мне начальник почты, который был коммунистом и входил в

число членов совета посёлка. Превозмогая волнение, он сообщил: «Николай, приехали к нам два каких-то деятеля и хотят на собрании поднять твой вопрос. За то, что ты не исправился и продолжаешь соблюдать субботу, планируют общим голосованием рабочих определить тебе шесть месяцев тюрьмы».

И в самом деле, такое положение существовало: если тунеядец продолжает не работать, его приговаривают к тюремному заключению. К тому же время, проведённое в тюрьме, не зачисляется в общий срок ссылки. Мне не было страшно, поскольку я честно трудился все дни, кроме субботы. Однако ради интереса решил пойти, чтобы увидеть, что там будет происходить. Поблагодарив честного человека за не совсем приятную новость, я отправился в клуб. На удивление, там уже было много людей.

Прислонившись к теплой круглой печке, я размышлял о том, кем могут быть эти люди, планирующие поднять мой вопрос. И вдруг среди рабочих я заметил старого знакомого — чекиста Скрипника. Конечно, он был в гражданской одежде, и здесь его почти никто не знал, однако я его хорошо помнил, как и он меня. «Так вот кто решил использовать рабочих, чтобы их решением отправить меня в тюрьму!» — подумал я. Я знал о добром отношении ко мне людей в посёлке и потому был спокоен и даже уверен, что у него ничего не получится. К тому же, как всегда, в тайной молитве я просил Господа не разрешить ему сделать мне это зло.

— А ты что здесь делаешь? — подходя ко мне, холодно бросил он.

— Как это что? Сегодня рабочее собрание, а я рабочий, это мое собрание также!

Односельчане, увидев, что я разговариваю с незнакомцем, стали подходить к нам поближе. В Санниках говорили: «Где Игнатов, там интересно».

— Все люди как люди, болеют за общество, работают, идут в ногу со всей страной. Ты же один нарушаешь это движение, — увидев собирающуюся вокруг нас толпу, нарочито громко начал выговаривать мне чекист. — Ты что, особенный, что в субботу не выходишь на работу? Ты этим противопоставляешь себя всему обществу!

— Правильно делает, что в субботу не работает. У него хоть отдых есть, а мы, как только зима начинается, так до самого лета без выходных вкалываем, — кто-то громко произнес из толпы.

— Как это без выходных? — удивился работник КГБ.

— А так! Леспромхозу план нужен — вот всю зиму и работаем, как прокажённые! — прогудел еще чей-то зычный бас.

— Вы что, хотите со мной поговорить? — почувствовав народную поддержку, спросил я его. — Давайте пойдем в фойе!

Взяв под локоть старшего лейтенанта КГБ, я повел его в большой зал. Когда люди увидели, что мы пошли в фойе, всей толпой устремились за нами. Даже те, кто играл в домино, оставили это занятие и также присоединились к нам. Такого поворота наш «незнакомец» явно не ожидал. Мы нашли свободные стулья и сели. В ту же минуту рабочие окружили нас плотным кольцом. Всем было очень интересно послушать нашу беседу. Не думая особо о том, чем это может для меня кончиться, я решил использовать момент.

— Вы стыдите меня за то, что я верующий человек, — начал я, — но ведь вы тоже верующий.

— Нет. Я атеист, — торопливо бросил он в ответ.

— Как? Разве вы не верите в коммунистические идеи? — поинтересовался я, сделав наивное выражение лица.

— В коммунизм я верю, — заявил Скрипник.

— Ну вот, а говорите, что не верующий! Значит верите? Только я верю в живого Бога, создавшего всё, в

том числе и нас с вами, а вы верите в то, что произошли от обезьяны. Но это ведь также вера?! А две разные веры правильными быть не могут. Правильной может быть только одна, и нам не так уж трудно установить, чья же вера правильная! Вы как атеист верите, что всё возникло само по себе. А можете ли вы привести какие-либо доказательства того, что возникло само по себе, из ничего?

— Еретик вы, Игнатов! Забили себе голову религиозным дурманом.

В это время от толпы отделяется какой-то выпивший мужичок, подходит, наклоняется к нему вплотную и, глядя в глаза, говорит: «Ты — осёл! Утверждаешь, что Бога нет! Да мой отец, когда я был ещё совсем маленьким, говорил, что Бог есть!» Все громко засмеялись, а Скрипник встал и ушёл. «Ну, — думаю, — знали бы вы, кто этот человек...». Слава Богу, плохих последствий для меня эта встреча не имела, и с тех пор больше мы с ним не встречались. Так Бог в очередной раз разрушил злой замысел нечестивцев — отправить меня в тюрьму. Но на этом происки злых людей не закончились.

Спустя какое-то время, вечером снова зашел ко мне тот же начальник почты с предупреждением: «Николай, принято решение выселить тебя из квартиры и отправить в Шитниковку. Но ты меня не видел, и я тебе ничего не говорил». После этих слов он скрылся во тьме ночной. Было очевидно, что дьявол никак не хотел успокоиться относительно меня. Мне ничего не оставалось, как пойти на почту, заказать переговоры с женой и попросить её срочно приехать с детьми ко мне. Через три дня я уже встречал их в аэропорту. Замышлявшие выселить меня из квартиры, увидев, что ко мне приехала семья, поняли: их планы снова рухнули. К тому же старший сын Костик уже пошёл в первый класс и заканчивал его здесь. Позднее председатель жилищного комитета, встретив меня, высказал свое удивление.

— Ну и хитрый же ты, Игнатов! — сказал он. — Как же ты узнал о нашем решении? Ты ведь успел принять меры, чтобы мы не смогли тебя выселить.

— В Библии есть такие слова, — ответил я ему, — «нет ничего тайного, что не стало бы явным». Вы там заседаете, выносите решения во вред мне. Я, действительно, при этом не присутствую, но вы не предполагаете, что на ваших совещаниях всегда незримо присутствует Бог, Которому я служу. Он и рушит ваши планы. С тех пор и до конца моего пребывания в ссылке вопрос о моём выселении из квартиры больше не поднимался.

Наступило лето, закончились уроки в школе. Наши дети имели возможность хорошо отдохнуть и даже помогали нам заработать деньги, в которых нуждалась семья. Обстоятельства сложились так, что тем летом, во время ремонтов в поселке, я работал печником, а моими помощниками были жена и дети. О том, как я стал печником, следует рассказать особо. На мой взгляд, это веселая и одновременно поучительная история.

4. Секреты печного мастерства

Как я уже упоминал, в молодости я жил в Донецке, где служение проповедника в общине совершал пастор Макаров. Однажды он решил переложить печь в молитвенном доме так, чтобы она обогревала не только молитвенное помещение, но и ту половину, где проживала его семья. Меня же он пригласил в помощники. Сам он стал печником, когда отбывал десятилетний срок заключения в тюрьме за религиозную деятельность. В то время многие служители и рядовые активисты Церкви прошли через это горнило испытаний. Так вот, однажды начальник во время развода спросил заключённых, есть ли среди них печник, поскольку в столовой срочно нужно было переложить печь. Макаров вызвался

сделать эту работу, хотя сам ни разу в жизни печей не делал. Он решил, что особой проблемы не будет, поскольку нужно не новую печь сложить, а переделать старую. Стоит только быть внимательным и все запомнить во время разборки старой печки, после чего точно так сложить новую. Начальник привёл его в столовую, указал на печь, кирпичи, глину и сказал, что к шести часам утра печь должна быть готовой. «В твоём распоряжении ночь, — строго приказал он. — Если сорвёшь завтрак, расстреляю!» И ушёл.

К двум часам ночи печь была готова, но когда он стал её разжигать, то весь дым повалил не в трубу, а в столовую, так как не было тяги. Чего он только ни предпринимал: и дул, и веником махал перед топкой — нет тяги и всё! Он стал тогда взывать к Богу: «Господи, помоги!» Уже и повар появился, чтобы заняться завтраком, а печь не горит. И тут внезапно появилась тяга воздуха, и пламя в печи весело загудело. Оказывается, пока он складывал печку, в трубе образовался толстый слой инея, ведь на улице было тридцать градусов мороза. Когда же по трубе начало подниматься вверх тепло, образовалась своеобразная заглушка. Пока он разжигал, махал веником и дул, иней растаял, и дым пошел. Утром начальник, проверив и увидев, что с печью все в порядке, завтрак подан вовремя, послал пастора Макарова перекладывать печь в своём доме. После этого его посылали делать эту работу и другим людям. Со временем, набравшись опыта, проповедник стал первоклассным печником.

Так вот, тогда, перекладывая печь в донецком доме молитвы, пастор Макаров сказал мне : «Если тебе когда-либо придётся ставить печки, не бойся, смело берись за дело. Только не забудь: разбирая старую, будь очень внимательным, чтобы по образцу старой построить новую». Благодаря этой истории я почти таким же образом стал печником.

А дело было так. Лето подходило к концу, моя семья уже уехала в Хабаровск. По утрам время от времени случались заморозки, а печки были отремонтированы ещё не во всех бараках. Не хватало печников. На весь посёлок только два пенсионера были мастерами печного дела. Пять семейств ютились в сараях, ожидая, когда в их квартирах после сделанного ремонта будут восстановлены печки.

— Кто умеет класть печи? — спросил однажды утром прораб, раздавая наряды на работу. — Срочно надо помочь, чтобы люди могли войти в квартиры!

— Я могу! — выпалил я, вспомнив слова Макарова.

Прораб не стал спрашивать, насколько хорошо знакома мне эта работа, а просто дал в помощники женщине, привёл в одну из квартир и сказал: «Необходимый материал здесь имеется. Делай!» Прораб ушел, а я с ужасом обнаружил, что старой печки уже нет — её убрали, когда только начали делать ремонт. Повезло, что за стенкой, в соседней квартире, работал опытный печник, и я решил посмотреть, как и что он делает. Что было непонятно, спрашивал. Старик охотно согласился меня консультировать, и работа закипела. Печь предстояло соорудить без духовки, небольшую, всего в три оборота, так что ничего особо сложного не предвиделось. Старик Филимон, так звали печника, показал мне, как начинать и что делать дальше. Часам к пяти вечера работа была закончена. Пришёл прораб проверить, как идет у меня дело. Обошёл вокруг печку, затем посмотрел на меня и голосом, полным не то сожаления, не то раздражения, сказал: «Не знал я, что вы не печник, я бы вам эту работу не доверил» И крепко выругавшись, ушёл.

Понуриив голову, я зашёл к дедушке Филимону. Бросив взгляд на мою печку, старик начал ругаться пуще прораба. Успокоившись, он указал мне на сделанные ошибки, посоветовал, как их можно устранить, и ушел

домой. Его рабочий день окончился. Я обратился к своей подсобнице: «Тося, ты также иди домой, твое время вышло». Женщина ушла, а я остался устранять свои просчеты. Принес лампу-киловаттку со шнуром, устроил надлежащее освещение, развалил свое «творчество» и начал складывать печь заново. К утру печка была сложена по всем правилам. Порядком уставший, не спавший всю ночь, я приободрился и пошел на наряд. Сижу, глаза слипаются. Прораб даже в мою сторону не смотрит. Дал всем задание, отправив рабочих по объектам.

— Ну, чего сидите? — буркнул он мне недовольно.

— А что я должен делать? — виновато спросил я.

— Как это что? Ступайте, разберите свою баррикаду, сложите на кучу кирпичи и идите пилить дрова.

— Хорошо, я готов, только покажите, с чего начинать?

Долгим взглядом он посмотрел на меня, видимо думая про себя, что я какой-то странный. Однако, не сказав ни слова, пошёл со мной. Мы зашли в квартиру. Прораб решительно подошел к печке, но вдруг остановился. Затем, удивленно оглядываясь, обошел печку кругом, потрогал дверцу, попробовал задвижки, заглянул в топку.

— Когда вы это сделали? — спросил он меня.

— Неважно, — ответил я, — вы скажите: так как надо или не так?

— Так-то так! Но когда вы успели сложить печь? — спрашивал прораб.

— Не имеет значения. Так куда мне идти пилить дрова?

— Какие дрова!? Идите в квартиру учителя, там тоже надо сложить печь. Ваша помощница уже ждет вас.

И мы пошли к учителю.

Спустя какое-то время я купил книгу «Печное дело» и начал делать печи по книге. За короткое время я стал первоклассным печником, и местные жители просили

прораба, чтобы к ним направляли именно меня. Мастер печного дела, старик Филимон, кажется, даже обижался. Пришёл к начальнику участка и заявил: «Всё, больше не работаю, я на пенсии. У вас теперь есть печник моложе, пусть он и ставит печки».

Заработок с подручными, а это были в основном женщины, я делил всегда пополам. Возможно, поэтому многие из них просили прораба посылать их подсобниками ко мне. Надо сказать, работа была для слабого пола далеко не из легких. Когда же ко мне приезжала семья, моими подручными становились жена и дети. Нас посылали перекладывать печи в самых ответственных местах участка. В одно время мне пришлось переложить печь в пекарне того самого поселка Сиговый. Так каждое лето я занимался печным делом, а зимой отправлялся на лесоповал в тайгу рубить сучья.

5. Печник становится трактористом

Следующей осенью, когда моя семья отбыла в Хабаровск, я узнал, что здесь, в Санниках, организовываются курсы трактористов. Я решил попытать счастья и написал заявление на имя начальника участка. Начальником временно был тот самый прораб, который поручал мне мастерить печку, а ко мне он относился неплохо. «На эти курсы отправляют по два человека с участка и только комсомольцев. Так что вам туда попасть нет возможности», — грустно произнес он, прочитав заявление.

Конечно же, я огорчился, однако сказал, что хотя я и тунеядец, но трактористом буду. Поэтому от него я направился прямо к директору этих курсов и поинтересовался, возможно ли сдать экзамены на права тракториста экстерном. Посмотрев на меня, он спросил: «Хочешь стать трактористом? Ну, если хорошо подготовишься, то почему бы и нет?» Не мешкая, я направился в библиотеку,

взял все книги по материальной части трактора и его устройства, какие только там были, и дома принялся усердно их изучать. Временами заходил в гараж, пытаясь все изученное рассмотреть на тракторе. Заводил беседы с опытными трактористами, расспрашивал о принципах работы всех его систем, просил их позволения завести трактор. Они охотно всё показывали, консультировали и даже разрешали понемногу водить трактор. Так прошли месяцы учёбы, и наступило время экзаменов. Директор курсов, встретив меня, поинтересовался, буду ли я сдавать экзамены. Я заверил, что непременно буду. «Тогда приходи на комиссию в последней пятёрке», — посоветовал он. В билете мне попались довольно сложные вопросы, но поскольку я серьезно готовился, то ответил правильно. Поднявшись из-за стола, директор пожал мне руку и сказал: «Пять! Но поскольку ты не был учеником курсов, я ставлю тебе четверку».

Теорию мы сдавали в пятницу, а экзамен по вождению для нашей группы планировался на следующий день, т. е. в субботу. Я попросил разрешения сдать вождение в тот же день с группой выпускников других участков, но директор заупрямился. Он полагал, что нашел способ заставить меня нарушить субботу, и был уверен, что я приду сдавать вождение. Но в своих планах он потерпел неудачу. В субботу, по обыкновению, я остался дома, пел псалмы, играл на мандолине, читал Библию, т.е. совершал свое уединенное богослужение. После обеда ко мне зашел директор.

— Сдавать езду будешь? — спросил он.

— Во-первых, садитесь, — предложил я ему.

Он присел к столу, а я продолжал:

— Неужели вы думаете, что я променяю жизнь вечную на какую-то железку, вымазанную в мазуте? За эту идею меня сюда сослали, а вы хотели вместо надежды на вечность предложить мне трактор. Впрочем, я знаю: вы

не виноваты. Просто вы оказались орудием в руках того, кто когда-то предлагал Христу весь мир только за то, чтобы Он поклонился ему.

У нас завязалась жаркая беседа, которая продлилась до вечера. Он задавал много вопросов, но на мои ответы не реагировал и оставался при своём мнении. Однако я был рад хотя бы тому, что мог открыть еще одному безбожнику библейскую истину.

— Езду не сдал, значит не получишь прав, — таким было категоричное решение директора курсов.

— Что ж, мне остается лишь пожалеть, что вы остались столь непробиваемым, — подвел и я свой грустный итог.

Все знали о категоричности директора. Руководители участка просили его уступить, предлагая свои услуги по приему у меня экзамена езды в другой день, но он оставался непреклонным. Спустя два месяца, когда в клубе проходило какое-то собрание, на котором должен был выступать с докладом и директор курсов, начальник участка посоветовал мне воспользоваться моментом, пока директор находится в хорошем расположении духа, и попросить его еще раз выдать мне права на вождение трактора. Я сделал, как меня научили. И он сдался. Так я получил права и уже до окончания своего пребывания в Санниках работал на тракторе.

6. Доброе свидетельство...

Находясь в этих далеких от цивилизации местах ссылки, я часто вспоминал слова апостола Павла: «Порою вас самих выставляли на публичное поношение и подвергали мучениям, нередко же с другими вы разделяли то, что выпадало на их долю, вы узникам сострадали...» (Евр. 10:33, 34 — совр. русс. перевод) В этом кратком разделе я хотел бы остановиться на буднях

ссылного служителя Церкви. И совсем не потому, чтобы хвастаться, какой я добрый или умный, а чтобы показать, что Бог может сделать для Своего слуги, если он искренне желает быть Ему во всем верным. Даже в самом грешном и далеком от Бога обществе, когда люди узнают о бескомпромиссности христианина по отношению к исповедуемым принципам, о его честности, бескорыстии и добродетели, они начинают проявлять уважение, а его авторитет становится неоспоримым. События, описанные здесь, имели место на третий год моего пребывания в таежных Санниках. Когда меня здесь хорошо узнали, руководители участка, а также простые люди стали относиться ко мне с особым уважением. Возможно, причина была еще и в том, что меня знали как священника, а, по их мнению, священник должен знать все. Это также побуждало меня соответственно и жить так, чтобы не разочаровать их. Люди шли ко мне с различными проблемами, как бытовыми, так и духовными, касающимися вопросов веры. Помогало и то, что я работал на тракторе, владел бензопилой и мог фотографировать. Я всегда откликался на любую работу и никогда не брал денег.

Однажды вдова попросила меня отремонтировать ей печь и сфотографировать с детьми. Я выполнил её просьбу, но денег не взял. Через несколько дней она пришла ко мне домой и принесла большой кусок сала. Я старался ей объяснить, почему не ем свинину, а работу сделал не ради заработка, но чтобы помочь ей. Расплакавшись, женщина сказала: «Водку не пьёшь, сало не ешь, деньги не берёшь, то как же я смогу попросить тебя вывезти навоз на огород?» Я успокоил ее, пообещав вывезти навоз за одно лишь ее «спасибо».

Не раз случалось, что, возвращаясь домой после работы, я находил возле своих дверей в коридоре завернутые куски мяса, рыбу, творог, молоко. А когда в магазин

завозили дефицитные для той местности продукты, например, арбузы, помидоры и другие фрукты, то сразу образовывалась очередь. Если же в этот момент я заходил в магазин, то меня тут же пропускали без очереди, приговаривая: «Проходите, Николай Михайлович, вам не положено стоять в очереди!» Более того, если у меня не хватало денег заплатить за покупку, продавец отпускала под честное слово, будучи твердо уверена, что я непременно принесу деньги. Разумеется, я старался никогда и ничем не поколебать их уверенности, ведь они видели во мне настоящего Божьего священника.

У людей той российской глубинки бытовало мнение: если я священник, то непременно всё знаю и всё умею. Однажды ко мне пришел мужчина и попросил посмотреть швейную машинку, которая, по его мнению, сломалась. Я удивился и стал объяснять, что совершенно не разбираюсь в такой технике, но он стоял на своём: «Трактор то ведь знаете, а это всего лишь машинка». Мне ничего не оставалось, как отправиться к нему домой. Машинка была ручная. Попросив инструкцию, я прочитал ее, подтянул на шпильке винт — и машинка заработала. На другой день приходит заведующая швейной мастерской и просит посмотреть их машинку. Вновь начинаю объяснять, что ничего в машинках не понимаю. Она обиделась и говорит: «Вчера Фёдору сделали, а нам отказываются помочь!»

В посёлке в основном жили русские и украинцы. Русские приняли меня за своего «попа» и даже мною гордились. Здесь также был ксендз, которого считали попом украинцев и постоянно критиковали. Как-то русские с украинцами даже поспорили, чей «поп» лучше. Дело в том, что ксёндз у одной женщины тайно крестил детей. Его вызвали в сельсовет, крепко отругали и пригрозили выслать из посёлка. Он испугался и пообещал больше этого никогда не делать. Слух об этом моментально

разнёсся по всей деревне. Это и послужило поводом к тому, что нас стали сравнивать. «Наш «поп» лучше, он никого не боится, смело защищает себя, — говорили мои сторонники, — а как держит себя! Всегда в костюме, при галстуке, со всеми здоровается. А ваш? Ему только чуть-чуть пригрозили, и он затрясся: «Больше не буду!»* А ходит-то как? В фуфайке, согбенный, как нищий».

С капитаном милиции, надзирающим за ссыльными, у меня также сложились дружеские отношения. Мне нередко приходилось оказывать и ему услуги. Он часто брал меня с собой, выезжая на место чрезвычайного происшествия. Если случалось несчастье с человеком: кто-то утонул, оказался повешенным или убитым, он просил меня сфотографировать труп для следствия. Как-то во время очередного выезда мы с ним, как обычно, говорили о жизни, о делах, и вдруг он мне заявляет: «Счастливый ты, Николай! У тебя есть надежда, а я что? Во время получения погонов дал присягу: что бы ни случилось, без возражений идти туда, куда пошлют». Забегая наперед, скажу: после моего освобождения он посылал мне поздравления к каждому празднику, желая успехов в моём благородном труде. Но это было потом, а пока он оставался моим надзирателем, и я продолжал каждый месяц расписываться в его журнале, что нахожусь на месте. Правда, случалось, что я не заходил к нему по несколько месяцев, а когда появлялся, он шутил: «Только наперед расписываться нельзя, а за прошлое можно».

Как-то привезли к нам в поселок группу так называемых «истинно православных». Это были двое взрослых — мужчина и женщина, а также четверо молодых — двое юношей и две девушки. Поражало то, что ни читать, ни писать они не умели. В соответствии с их убеждениями советская власть была от сатаны, поэтому работать на

---

* «Больше не буду!»

неё или учиться при этой власти считалось грехом. Так они попали под статью указа о тунеядстве, и их сослали в Шитниковку. Однако и там они отказывались работать. Но голод — не тетка, поэтому они приходили в посёлок и нанимались на работу к людям: кому-то огород копали, другим забор чинили и т. п. Какое-то время они так зарабатывали себе на пропитание.

Однажды капитан милиции пригласил меня зайти в сельсовет.

— Скажи мне, — спросил он, — есть ли в Библии такое место, где было бы написано, что нельзя работать?

— Есть, — ответил я и прочитал ему Четвертую Заповедь.

— Так тут же сказано, что только один день не работать, а остальные шесть следует трудиться! Поезжай-ка в Шитниковку и объясни этим заблудшим, что Христос учил шесть дней работать. Если они не изменят своего отношения к труду, я вынужден буду отправить их в тюрьму. Я и так пошел для них на уступки. Председатель сельсовета попросил их отремонтировать тротуары. Они работу сделали. После этого их пригласили зайти и получить зарплату. Кассир подала им ведомость и показала, где следует расписаться, но они заявили, что расписываться не будут, и ушли. А мы ведь не можем выдать им деньги без росписи. Ты вот также читаешь Библию, но нормальный мужик...

Я попросил капитана не спешить отправлять их в тюрьму и пообещал с ними поговорить. Сам же купил масла, сахара, хлеба, крупы и поехал в Шитниковку. Найти их не составляло труда, поскольку все находились на работе, а они голодные сидели в бараке. Благо, что дров вокруг было много, так хоть тепло в комнате. Я поздоровался с ними, назвал свою фамилию и сказал, что приехал к ним, потому что они верующие и я также.

— Да, мы знаем, нам о вас говорили, — сказали они.

— Вот и хорошо. Я привёз вам кое-что поесть, вы, наверное, голодные? — спросил я, выкладывая продукты на стол.

По тому как они ели, было видно, что они очень проголодались. Я не считал нужным говорить о том, что нужно работать, а также о моей беседе с милиционером. Я просто рассказал им историю греха и Божий План спасения людей, чтобы положить конец злу и страданиям. На мой вопрос, читали ли они когда-нибудь Библию, мужчина ответил, что он когда-то держал её в руках. Что же касается молодёжи, то эту книгу они даже не видели. Я показал им свою Библию и пригласил к себе в посёлок. Расстались мы весьма дружелюбно, а на следующий день парни пришли ко мне. Покормив их, я начал обучать чтению. Мы договорились, что они будут регулярно приходить ко мне и учиться грамоте. Из их слов было понятно, что молодые люди придерживались того, чему научили их родители и наставники. К сожалению, это учение было далеко не библейским. Тем не менее, мы продолжали интересно и с пользой проводить время.

Однажды, возвращаясь с работы, я узнал, что моих новых друзей отправили в райцентр, в тюрьму.

— Что же вы сделали? — сказал я капитану. — Ребята уже соглашались учиться и работать; вы же поломали им планы, а может, и судьбы!

— Прости, Николай, — извинился милиционер, — материал на них был подан в высшую инстанцию значительно раньше, и только сегодня пришло решение о том, чтобы их забрать. Ничего не поделаешь.

До слёз мне было жаль этих молодых людей, но я уже ничем не мог им помочь.

Была ещё одна встреча с верующей женщиной, которую также привезли сюда на «исправление». Как-то вечером, когда я занимался обработкой фотопленки, ко мне зашла незнакомка. На вид ей было чуть больше

пятидесяти лет. Остановившись у порога, она пристально смотрела на меня.

— Вы что-то хотели спросить? — попытался я начать разговор.

— Я — адвентистка, — выпалила она. — Меня привезли сюда из Богородска на поселение.

Поначалу я подумал, что она является членом тамошней общины и её за активность в служении выслали сюда на поселение. Когда же она поведала свою историю, то стало понятно, кто она и какая «адвентистка». Сима, так звали женщину, в прошлом была секретарём райкома партии, но за какие-то правонарушения ее осудили на восемь лет тюрьмы. В лагере она познакомилась с адвентистами-реформистами, религиозные взгляды которых пришлись ей по душе. Да и их отношение к властям совпало с чувствами обиженной Симы. Ее также успели жестко настроить и против Церкви Адвентистов Седьмого Дня, хотя до меня она не встречалась ни с одним адвентистом.

В тюрьме эта женщина заболела и несколько месяцев пролежала в психбольнице. Со временем, из-за плохого здоровья по решению суда оставшийся трехлетний тюремный срок ей заменили ссылкой в город Богородск. Но работать на производстве Сима отказалась. Она и в самом деле была больна и физически, и психически. Власти Богородска, учитывая состояние ее здоровья, решили через местный суд её освободить. И это легко осуществилось бы, если бы не её поведение. Судья, которой было поручено вести дело Симы, также была женщиной. Сима, не зная об уже принятом решении, во время суда начала оскорблять судью, называя ее блудницей, паписткой и прочими скверными словами, критикуя ее одежду, косметику и призывая на её голову и головы всех нечестивых Божью кару в виде каменного града. Естественно, судья обиделась

и, отказавшись принимать во внимание состояние ее здоровья, вынесла приговор: отправить в Шитниковку для отбывания ссылки. Так эта женщина появилась в наших краях. Услышав, что здесь есть какой-то адвентист, Сима пришла ко мне.

Её пребывание в посёлке стало для меня настоящей бедой. Дело в том, что о себе она заявляла, что верит так же, как Игнатов, однако при этом добавляла, что он ещё «младенец» в Слове, хотя и о вас молится. Молиться о вас нет смысла, потому что скоро Господь пошлёт на всех «каменный град». На постоянные вопросы людей относительно общности верований я уклончиво советовал судить по делам, а не по словам. Благо, что жители поселка успели уже хорошо познакомиться не только со мной, но и с моей семьей. Мне приходилось избегать встречи с Симой, поскольку она сразу же начинала меня обличать. По ее словам, я не должен молиться за «нечестивых безбожников, для которых нет больше благодати, а только истребление».

Немало неприятностей она доставляла и местным властям. Как-то я встретил непривычно рассерженного капитана милиции. Таким злым я его еще никогда не видел.

— Скажи, — обратился он ко мне, — кто такие паписты? Почему эта Сима называет меня папистом? Если бы здесь действовал эсесовский закон, я б её пристрелил! Смотри, что она сделала!

И он показал мне свою окровавленную руку. Оказывается, он составил документ, намереваясь отправить её обратно в Богородск, чтобы с ней там разбирались, поскольку она отказывается работать. Затем пригласил ее в сельсовет, чтобы последний раз предупредить: если она не изменит своего поведения, то попадет обратно в тюрьму. И он показал ей приготовленный документ. Но как только он открыл папку, Сима схватила ее

и потянула к себе. Он попытался удержать папку, однако не смог, поскольку железная скрепка вонзилась в его руку и сильно расцарапала ее. Женщина документ порвала, а его обозвала папистом. В ответ окончательно расстроенный блюститель порядка закрыл ее в темном чулане.

Пришлось мне рассказать капитану милиции, кто такие «паписты» и почему она его так называет. После этого я начал ходатайствовать об этой больной женщине. Но он оставался непреклонным. История Симы закончилась тем, что ее под конвоем все же отправили в Богородск. Чтобы поставить в этой истории точку, забегу немного вперед. Вскоре я получил отпуск и поехал к семье в Хабаровск. Через несколько дней в нашем доме объявилась Сима. «Вот так сюрприз!» — подумал я. Оказывается, её дело в Богородске взялся вести судья-мужчина, и он вынес решение: «Освободить по болезни». Приехав в Хабаровск, она как-то узнала наш адрес и пришла. В субботу вместе с нами она пошла на собрание, а в воскресенье, по её настоятельной просьбе, я отвёл её к реформистам. Однако у них она почему-то не задержалась и к вечеру снова вернулась к нам. Из рассказа Симы стало понятно, что она много нехорошего наговорила своим единоверцам, а в конце заявила: «Идите в Церковь, в которую ходит Игнатов, иначе погибнете».

Вскоре Сима уехала к своим родственникам в Пятигорск. У меня же отпуск закончился, и мне снова предстояло вернуться в Санники. О Симе я совершенно забыл, как вдруг на мое имя пришло письмо. Кроме письма Симы, в конверте оказалась ещё и небольшая вырезка из газеты. «Теперь-то я знаю, кто ты на самом деле, — писала обманутая и больная женщина. — Ты скрываешься под маской проповедника, страдальца за веру, а на самом деле вот кто ты такой! Читай заметку из газеты». Заметкой был указ о награждении кого-то орденом, а под указом стояла подпись: «Председатель Верховного Совета

СССР Игнатов Н. Г.». Кем только я ни был: и шкурником, и вором и тунеядцем, и антисоветчиком, а теперь в глазах Симы я стал ещё и председателем Верховного Совета! Больше об этой женщине я ничего не слышал.

Пока я был в отпуске, на участке произошли изменения. Моего прежнего начальника отправили на пенсию, а на его место назначили другого, из приезжих, более молодого. По слухам, в прошлом он командовал ротой, а потому ему сразу же дали кличку «ротный». Я же называл его по отчеству «Тимофеич». Как совершенно новый человек, он ничего не знал о здешних обстоятельствах, но спецслужбы уже успели настроить его против меня, и он тут же начал показывать свою власть. Первое, что он сделал: в рабочем табеле все субботы против моей фамилии поставил прогулами, а воскресенья — выходными днями. Таким образом, в течение месяца у меня получилось четыре прогула, что грозило тюрьмой до шести месяцев. Всё это он сделал тихо, без всякого предупреждения. И только при получении заработной платы я увидел: что-то не так. В бухгалтерии действовали по указанию начальника. В разговоре с ним все выяснилось.

— В субботу все работают, а в воскресенье все отдыхают. Для тебя не может быть другого какого-то особенного графика, поэтому я и написал тебе за общим принципом, — спокойно ответил он мне.

— Хорошо, только прежде чем так отмечать, вам следовало бы меня в известность поставить.

— Ты прав, извини, — ответил новый начальник.

Подняв трубку, он приказал бухгалтеру выдать мне все деньги, а повернувшись ко мне, добавил:

— Предупреждаю, что если по субботам работать не будешь, поставлю прогулы. Спорить с ним было бесполезно, а потому я пошел получать заработанные деньги.

В ближайшую субботу я, естественно, остался дома. В воскресенье утром пришел к начальнику и попросил

дать работу, но получил категорический отказ. Работы на самом деле было много, ведь началась зима, и бригады уже всюду трудились. Опять же решил с ним не спорить, поставил возле дверей его кабинета стул и уселся на нем. Люди заходят к нему в кабинет, выходят, здороваются со мной, а некоторые спрашивают, почему я тут сижу. Я каждому отвечаю, что жду работу. Начальник всё это видит, но молчит; молчу и я. Наступило время обеда, я, как и все, отправился на обед. После перерыва снова сел на прежнее место. И так до вечера. С понедельника работаю, как все. В следующую субботу я опять отдыхаю, а в воскресенье снова сижу возле двери в конторе. Это было похоже на какое-то представление. Люди наблюдали и посмеивались, ожидая, чем все закончится. Приходит бригадир и просит у начальника участка тракториста.

— Нет у меня сейчас тракториста, — со злостью отвечает начальник участка.

— Как нет, он у тебя под дверью сидит, — аргументирует бригадир.

— Ну и пусть себе сидит.

На третье воскресенье всё повторяется, как по расписанию. После обеда я всегда старался занять свое место раньше начальника. На этот раз было видно, что он направляется прямо ко мне.

— Всё сидишь? — спрашивает меня.

— Сижу, а что делать? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Иди-ка лучше ко мне домой. Моя жена покажет тебе глину и кирпич в сарае и скажет, где печку сложить. Корову то я себе купил, а в сарае холодно, — каким-то виноватым тоном закончил Тимофеич.

Без лишних расспросов я направился к нему домой и часам к семи вечера уже выводил внешнюю трубу. Смотрю, возвращается с работы начальник и немного шатается. Явно под хмельком. Остановился возле меня и говорит:

— Эх, Николай! Хороший ты мужик, но... эти хрущёвские законы.... Отныне, пока мне на бумаге официально приказ не напишут, никто тебя не тронет.

С тех пор у нас с Тимофеичем установились хорошие отношения. Не раз друзья по несчастью рассказывали, что он часто ставил меня в пример другим и отзывался как о настоящем христианине.

Как-то работал я всю неделю на шпалорезке. В пятницу подходит ко мне прораб:

— Николай, — говорит, — завтра приходи на работу на это же место.

— Вы что, — отвечаю ему, — забыли, что завтра суббота? Или вы меня первый день знаете?

— Есть приказ, чтобы ты был завтра на работе.

В это время появился Тимофеич. Я тут же подошёл к нему:

— Что, снова поставили прогул в субботу? — спросил я его.

— А в чём дело? — поинтересовался он.

Я пересказал ему наш разговор с прорабом. Подозвав его, он сказал:

— Пока нам официально не напишут приказ на бумаге, трогать его не будем. С тех пор каждую пятницу, как только солнце приближалось к горизонту, тот же прораб, показывая рукой на заходящее солнце, давал мне сигнал ставить трактор в гараж.

Отпуск и новые провокации

1. Вместо освобождения новый суд.

шел четвёртый год моего пребывания в ссылке. Капитан милиции Ельшов настаивал на том, чтобы я написал заявление с просьбой о досрочном освобождении. Хотя эта затея мне казалась бесперспективной, я все же решил попытать счастья. Начальник участка и профсоюз выдали хорошие характеристики. На общем рабочем собрании, на котором решались различные проблемы, был поставлен и мой вопрос. Рабочие единогласно поддержали мое ходатайство. Но, как оказалось, решение народа еще ничего не значит. Народным решением лишь прикрывались коммунистические власти, создавая видимость демократии. Когда же народная воля противоречила планам партийной верхушки, то последняя перечеркивала мнение народа. Так случилось и на этот раз.

Я ожидал такого поворота дела, поэтому к отказу отнесся совершенно спокойно. Поскольку прошло уже три года моего пребывания в ссылке, я решил просить

хотя бы льготный отпуск. А это целых семьдесят два дня! Начальник участка подписал моё заявление, а капитан Ельшов выдал маршрутный лист, дающий мне право на поездку в Хабаровск. Вылетев самолётом, я в тот же день был дома. Встреча с семьёй была неопи-суемой радостью и благословением. На семейном со-вете было решено завезти в прокуратуру Москвы хода-тайство с просьбой о пересмотре моего дела, а заодно побывать в Донецке, навестить мою старушку-мать. Но для этого нужно было получить маршрутный лист уже от Хабаровской краевой прокуратуры. На следующий день я отправился в краевую прокуратуру и попросил маршрутный лист. Однако офицер, ведавший такими делами, резко ответил: «Не положено!»

Спорить с ним было бесполезно, поэтому я решил попробовать через местные органы КГБ. Благо, что к тому времени несговорчивый и жестокий Чесноков был уже уволен из этого ведомства. Я попросил встречи с че-ловеком, который ведал вопросами религий, рассказал ему о своем положении, заслуженном отпуске и желании посетить свою мать, а также о том, что в милиции отказа-ли в выдаче маршрутного листа. Внимательно выслушав все, работник КГБ сказал: «Идите и скажите, что были у меня, и вам выдадут необходимый документ». Когда я вернулся в милицию, тот же офицер, отказавший мне в моей просьбе, не сказав ни слова, сразу же выписал мне маршрутный лист. Получив разрешение, я тут же выехал в Москву. В столице разыскал ведавшего делами ссыль-ных прокурора. Прочитав моё заявление, он спросил: «А где сейчас этот человек, о котором вы ходатайствуете?»

Вероятнее всего, он не понял, что речь идет обо мне, поэтому мне пришлось объяснить, что это я сам и в дан-ный момент нахожусь в отпуске, еду посетить свою по-жилую мать. В подтверждение показал маршрутный лист. Он посмотрел все мои документы, заявление оставил у

себя и сказал: «Полагаю, что пока вы вернётесь от матери домой, там уже всё разрешится положительно. Вас сослали незаконно». Продолжая свой путь, я надеялся, что в Санники больше не вернусь.

В Донецке я узнал, что в Армавире состоится конспиративная братская встреча руководителей Церкви в подполье, которые очень желали встретиться со мной. Разумеется, мне очень хотелось повидаться со всеми, однако отклонение от предписанного мне маршрута было связано с большим риском, но, доверяя Божьему руководству, я все же поехал. Встреча была очень приятной, а в субботу мне поручили выступить с проповедью на богослужении. Понимая огромный риск этого шага, после обеда братья решили изменить явочную квартиру, где должно было состояться совещание служителей. И не зря. Субботнее богослужение не могло остаться незамеченным, да нельзя было исключать и доносчика. Поэтому когда после обеда появились милиционеры, они не застали никого, так как совещание уже проходило в противоположном конце города. Для меня эта встреча была большим духовным подкреплением и благословением, ведь со многими друзьями-служителями мы не виделись много лет.

В Хабаровск я вернулся с таким расчётом, чтобы насколько возможно дольше побыть с семьёй. Однако случилось так, что события начали развиваться по непредвиденному сценарию. Из Москвы неожиданно прибыл корреспондент журнала «Наука и религия». Мне нравился этот журнал, и я регулярно его выписывал. Журналист, по обыкновению, направился прямо в краевой исполком и попросил адреса верующих людей. Ему ответили, что этот край атеистический и верующих здесь нет. Возможно, где-то еще остались православные. С этим журналист не согласился и отправился искать уполномоченного по делам религий. Там он узнал, что в Хабаровске есть

и баптисты, и пятидесятники, и адвентисты. Да только адвентистский проповедник сейчас в ссылке. Корреспондента это заинтересовало, и потому он наведася к прокурору, чтобы узнать, за что сослан этот человек. В прокуратуре он узнал и мой домашний адрес.

Посетив нас, он сообщил замечательную новость о предстоящем моем освобождении, о чем он узнал в краевой прокуратуре. Оказывается, что ходатайство рабочего собрания в Санниках о моем освобождении все-таки было отправлено в район. Но главным противником моего освобождения стал полковник Требух, заявивший, что он готов принять таких ссыльных Игнатовых ещё человек пятьсот, а потому категорически возражает против освобождения. Но когда из Москвы в ответ на мое заявление пришло решение, в котором говорилось, что приговор о пятилетней ссылке противозаконный, краевая прокуратура отменила решение райисполкома Богородска, в том числе и Требуха. Мне же оставалось лишь сходить в краевую прокуратуру для оформления некоторых формальностей.

Пока мы с журналистом беседовали, из школы возвратилась заплаканная младшая дочь — первоклассница Ирина. Едва успокоившись, она с большим трудом рассказала, что в связи с ее отсутствием на уроках в субботу учительница заставила ее стоять перед всем классом все четыре урока. Кроме того, отчитывая Иришку, учительница наговорила много неприятных слов о нас — родителях. Рассказ ребенка страшно возмутил журналиста. Взяв Ирину за руку, он пошел с девочкой в школу. Вернувшись с нашей дочкой из школы, корреспондент сказал: «Ирина расскажет мой разговор с учительницей. Надеюсь, что теперь никто не посмеет обижать вашу дочь». Оказывается, он пригрозил рьяной атеистке-учительнице: «Молите Бога, чтобы родители Ирины не подали на вас в суд, потому что вас за просто посадят за экзекуцию над ребёнком».

И, действительно, после этого происшествия преподаватели оставили в покое не только Иришку, но и других детей. В этом мы увидели особую Божию милость к нам и Его защиту. Правда, руководство школы не осталось в долгу. В отношении журналиста было направлено в Москву письмо, в котором сообщалось, что он защищает сектантов. Не обошлось и без того, чтобы не вспомнить обо мне. «Находящийся в отпуске Игнатов, — сообщалось в письме, — заставляет детей молиться, а по субботам не пускает их в школу». Через несколько дней журналист снова зашёл к нам и обо всем этом рассказал. Его документы подвергли тщательной проверке на предмет подлинности. В конце беседы он убедительно просил, чтобы наши дети посетили занятия в школе хотя бы несколько суббот, пока будут готовы документы о моём освобождении, так как школьная проблема может помешать этому делу. Было видно, что журналист очень хотел нам помочь. Но мы не могли согласиться, поскольку такой шаг негативно бы отразился на воспитании детей. Получалось так: ради моей свободы можно пожертвовать Божьими принципами, а когда освободят, снова возвращаться к верности Божьему Закону. Такая действительность была несовместима с истинной верой. Да и как я буду выглядеть в глазах тех, кто занимается моим освобождением. Но самое главное, как я выглядел бы в глазах Неба?! Нет! Я не мог согласиться с получением свободы такой ценой.

Корреспондент, хоть по своей природе был честным и добрым человеком, но воспитанный коммунистической идеологией, искренне посетовал на нашу несговорчивость и уехал. Некоторое время спустя, он написал нам письмо, в котором очень интересовался, как мы живем. Мы верили, что его приезд был Божиим вмешательством, чтобы помочь нашим детям. Он совершил доброе дело, которое вряд ли сделал бы кто-либо другой.

До его вмешательства против детей в школе велась такая травля, что они почти каждый день приходили заплаканные и грязные из-за издевательств сверстников. Мы были бессильны их защитить. Теперь же все изменилось, и мы были благодарны этому человеку.

В прокуратуре, куда я пошел, чтобы узнать, как обстоит дело с моим освобождением, меня заверили: «Вас непременно освободят. Судья в Богородске уже получил все указания. Однако вам необходимо поехать туда лично, чтобы соблюсти некоторые формальности». Через два дня я уже разговаривал с тамошним судьей. Формальность в Богородске состояла в рассмотрении моего дела еще одним судом. Слушание было назначено без промедления. На суде больше говорили о вере, Библии и о субботе. Затем меня попросили выйти, а суд остался на совещание. В полуоткрытую дверь я мог слышать, как заседатели настаивали на моем освобождении, приводя на этот счет веские аргументы. Судья тоже не возражал, но решение зависело от вышестоящих органов, которые предусмотрительно направили письмо на имя судьи с рекомендацией: «Игнатова не освобождать, поскольку он не исправился. Он продолжает по субботам не работать, а находясь в отпуске активно влиял на своих детей, которые не посещают по субботам школу».

Возражать вышестоящему партийному руководству в Советском Союзе было не принято, поэтому приговор о пяти годах ссылки остался в силе. Внутренне я был к этому готов и воспринял решение суда совершенно спокойно. Хотя мне предстояло еще полтора года оставаться вдали от семьи, но на сердце было легко: я не предал своего Спасителя. Отношение людей ко мне в поселке после этого суда стало еще более доброжелательным, поэтому отбывать оставшийся срок было значительно легче, чем в самом начале. Тем не менее, дьявол через своих агентов продолжал «жалить в пятую» в надежде, что ему удастся причинить боль.

Однажды, возвращаясь после работы в своё жилище, я заметил на стене клуба большое объявление, в котором сообщалось о «товарищеском суде по делу Игнатова Н.М.» Я был удивлён. Неужели меня снова будут судить? С какой целью? Кому это нужно? Кто будет судить? Неужели те самые товарищи, которые совсем недавно проголосовали за моё досрочное освобождение!!! Не заходя домой, я пошёл прямо к председателю товарищеского суда. Дядя Федя, как все в поселке называли председателя товарищеского суда, оказался дома один. Этот старый коммунист, который когда-то был членом совета участка, но за пьянство и блуд уволен, позже оказался председателем товарищеского суда. Разумеется, авторитетом среди людей он не пользовался, ибо по природе был бездарным и презируемым человеком. Держался он, как говорили, на партийном билете и по мере сил «отрабатывал» свой неприглядный долг. Он явно не ожидал меня увидеть и заметно заволновался.

— Чья же это идея снова судить меня и за что? — поздоровавшись, спросил я его.

— Мы знаем, как и за что следует тебя судить! — прокричал он, трясущимися руками доставая из кармана свое удостоверение и потрясая им перед моим лицом.

— Вы бы сначала проконсультировались с полковником милиции Требухом, а то попадёте в неприятную историю и самому стыдно будет, — пытался я как-то урезонить судью.

Но он так распалился, что, по его словам, не нуждался ни в каких советчиках, в том числе и в Требухе. Не было никакого смысла тратить время на этого неразумного человека, и потому я ушел.

Наступило время суда. Клуб вмещал человек двести, однако народу набилось столько, что даже нигде было стоять. Надо полагать, что кроме дяди Феди организацией этого судилища занимался еще новый

милиционер Тенянский, присланный вместо капитана милиции Ельшова, назначенного на должность начальника районной милиции. Это был злой и недоброжелательный человек, возненавидевший меня всеми фибрами души и пытающийся причинить мне зло.

И вот я снова сижу на скамье подсудимых. За столом один лишь дядя Федя в роли судьи, так как по разным «причинам» оба заседателя на суд не явились, не желая поддерживать безрассудность. Так, по крайней мере, позже они объяснили мне. Чтобы сохранить хотя бы видимость «общественности», судья пригласил к себе за стол еще одного молодого человека, который заочно учился в юридическом институте. Так они вдвоем начали «судебный процесс». В составленном заранее обвинительном заключении судья зачитал мою вину: «Вот уже четыре года Игнатов проживает здесь. Его выслали за паразитический образ жизни, чтобы он исправился, но он продолжает нарушать наши советские законы: не работает в субботу и распространяет свою ересь. Всё это свидетельствует о его нежелании стать на путь исправления. Мы также получили из Хабаровского краевого исполкома письмо, в котором нас просят принять меры к Игнатову еще и потому, что во время отпуска он влиял на своих детей, внушая им не читать художественную литературу и не посещать по субботам школу. Он также настраивал местных юношей не идти в армию для защиты нашей Родины. Ко всему прочему, Игнатов является руководителем запрещённой секты». В зале поднялся неимоверный галдеж. Люди что-то выкрикивали, выражая недовольство и даже гнев. Тут поднимается один человек и старается перекричать всех.

— Вы — судьи с куриными мозгами! Кого вы судите? Вас самих надо судить! — заговорил он.

— Замолчи, а то я тебя оштрафую на пять рублей, — выкрикнул дядя Федя.

— Я тебя сейчас так оштрафую, что ты до собственного дома не дойдешь! — возмутился выступающий.

Многие начали требовать дать слово Игнатову. Выбора не оставалось, и мне дали слово. В зале наступила полная тишина.

— Уважаемые односельчане, — обратился я к собравшимся. — Этот суд — цирк, затеянный дядей Федей. Поначалу я хотел просто проигнорировать его и не прийти. Но, уважая всех вас и зная, какой интерес вызвала афиша, что красуется у нас на клубе, я пришел. Вот уже четыре года я живу среди вас. Можете ли вы засвидетельствовать, что я с кем-либо спорил или ругался. Может быть, я кого-то обокрал или взял вещь и не заплатил? Обидел ли я кого из вас? Моя жизнь прошла у вас на глазах? Похож ли я на «паразита»? Мои дети какое-то время учились в местной школе. Здесь в зале присутствуют учителя. Пусть они скажут вам, похожи ли мои дети на забитых, отсталых, ничего не знающих, кроме молитвы?

В зале поднялась учительница моего старшего сына и прямо с места сказала:

— В моём классе учился Костя Игнатов, он очень активный мальчик и даже получил приз за выступление на праздничном концерте. Мальчик спел интересную песенку. Я не верю всему тому, что здесь читали.

В зале снова поднялся шум. Над судьей начали открыто насмехаться. Он же, растерявшись, не знал, как успокоить зал. Видя, что народ за меня, я решил привести еще один аргумент. Подняв руку и успокоив народ, я показал книгу «Популярные лекции по атеизму». И, подойдя ближе к столу, подал ее судьям:

— Хочу сказать несколько слов по поводу обвинения в том, что я возглавляю запрещённую секту. Признаёте ли вы эту книгу? — спросил я судей.

— Ну, признаем, — ответили оба, еще не понимая, к чему этот вопрос.

— Это Евангелие или советская книга? — продолжал вести допрос уже я.

— Что ты хочешь сказать? — словно почувствовав какой-то подвох, спросил «будущий юрист».

— Вы можете подтвердить, что это советская книга? — настойчиво продолжал я.

— Да, — подтвердил молодой человек.

— Тогда послушайте, что здесь написано, — открываю на нужной странице. — «Церковь Адвентистов Седьмого Дня в СССР признана законом и имеет свой центр в Москве». Так вот, ту Церковь, которую судья в своем обвинении называет «незаконной сектой», советский закон признаёт официально и защищает. Это значит, что в полученном вами письме содержится ложь. Да и все, что там написано, рассчитано на таких, как дядя Федя. Говорю это потому, что если этот документ законный, и действительно существует решение краевого исполкома принять ко мне какие-то меры, то оно должно прийти по официальным каналам. Крайисполком направляет письмо в райисполком, а тот — в наш сельсовет. Так делает законная власть. И только после этого сельсовет имеет право на проведение подобного собрания. Правильно я говорю? Где председатель совета? Где наш милиционер и другие представители власти? Их нет! Потому что они понимают: это просто нелепый фарс. Я рекомендовал дяде Феде проконсультироваться у полковника Требуха, но он слишком горд и самонадеян, чтобы поинтересоваться, откуда письмо и почему оно пришло нашему «судье» не по официальным каналам. В этой связи обвинение, высказанное в мой адрес, отвергаю как лживое и недостойное внимания.

Закончив выступление, я спокойно сел на свое место. Что началось после этого, трудно описать. Дядю Феде уже никто не слушал. С большим трудом людей как-то успокоил его помощник — «будущий юрист»:

— Должен признаться, — сказал юноша, — что неразумного человека проповедником не назначат. Игнатов доказал нашу неправоту, поэтому мы закрываем это собрание. Пригласим сюда районного прокурора и председателя райисполкома, чтобы они разъяснили нам, прав Игнатов или нет.

На этом собрание закончилось, но люди долго ещё не расходились. Они окружили меня и задавали самые разные вопросы. Это была ещё одна возможность засвидетельствовать о Боге. Надо сказать, что после этого неудачного суда больше не было ни одной попытки устроить что-либо подобное.

2. «Мы неизвестны, но нас узнают»

В Своей Нагорной проповеди Спаситель мира сказал неизменную истину: «По плодам их узнаете их» (Марф. 7:20). Позже эту же истину, проявленную в христианском опыте, подтвердил апостол Павел: «В чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины... Мы неизвестны, но нас узнают» (2 Кор. 6:6, 7, 9). И хотя, возможно, не всегда придаем значение своим словам и поведению, мы всегда являем собою «письмо Христово... узнаваемое и читаемое всеми человеками». (2 Кор. 3:2, 3).

Как-то в моё ссыльное жилище зачастил человек, которого все звали дядей Мишей. Приходил он просто так, без всякой причины. Говорил о многом, но казалось, что библейская истина его совершенно не интересовала. По этой причине он даже иногда мне мешал, отнимая драгоценное время. Я никак не мог понять, что ему от меня надо. И только несколько лет спустя, уже после возвращения из ссылки, открылась истинная цель его посещений.

А было это так. Однажды в Хабаровске к нам зашел какой-то человек и спросил, здесь ли живут Игнатовы.

«Вы меня не знаете, — начал он, когда мы пригласили его войти, — но, наверное, помните дядю Мишу из посёлка Санники. Сам я из Богородска. Нас там девять человек; мы читаем Библию, молимся. А дядя Миша — мой родственник. От него мы много слышали о вас и просили его время от времени навещать вас в посёлке. Нас интересовало, как вы живёте, как общаетесь с людьми. Он всё подробно рассказывал нам. Таким образом, через дядю Мишу мы узнавали, какой вы христианин в ежедневной жизни. Теперь же, по поручению людей, я хотел бы попросить вас навестить нас и рассказать нам больше о Боге».

Конечно же, это приглашение я принял с большой радостью. В Богородске меня очень радушно встретили, а вечером собрались все девять человек. В беседе и чтении Божьего Слова прошла вся ночь. В дальнейшем я продолжал навещать их, укрепляя в познании истины и в вере, поскольку там уже появились «лжепророки», говорящие превратное.

Однажды из этой группы приехала к нам женщина. Она рассказала, что в Хабаровске у неё живёт дочь с мужем, но поскольку они неверующие, ей не хочется у них ночевать. Так она пробыла у нас несколько дней и вместе с нами посетила субботнее богослужение. Нас смущало то обстоятельство, что она ни разу не пошла к своей дочери. Однако перед ее отъездом все прояснилось. «Нет у меня здесь никакой дочери, — призналась она. — Меня к вам послали, чтобы я посмотрела, как вы живёте в семье, как воспитываете детей, какие у вас отношения с членами Церкви. Поэтому прошу вас от имени всей нашей группы приехать и крестить нас. Мы твердо решили принадлежать к той же Церкви, к которой принадлежите вы!»

Так в Богородске была организована группа верующих Адвентистов Седьмого Дня. Впоследствии, я часто

бывал в этих северных краях Дальнего Востока, но уже не как ссыльный, а как пастор, несущий ответственность перед Богом за членов Его Церкви. Только ради этих дорогих душ стоило отбывать ссылку и не только на протяжении пяти лет...

Возвращаясь к будням последней зимы своего пребывания в ссылке, я мечтал лишь об одном: чтобы не случилось ничего непредвиденного, и этот год действительно был последним годом моего пребывания в Санниках. А дело в том, что работа в тайге на бульдозере бывает иногда довольно опасной. Мы валили деревья, чтобы, как там говорили, по «целику проложить дорогу». Бывали случаи, когда лесина падала на трактор и калечила тракториста. Поэтому я всегда молил Бога о сохранности моей жизни.

Наступил ноябрь, мороз сковал воду озера, и открылась зимняя дорога. Как-то в пятницу начальник участка приказал мне гнать свой трактор на другую сторону озера, чтобы подготовить площадку для погрузки леса на автомашины. Я опасался, что, если поеду туда на тракторе, мне придется оставаться там до шести часов вечера и до наступления субботы вернуться я не успею. Хотя озеро и замерзло, но ездить по льду на бульдозере было еще опасно. Поэтому я просил начальника перенести эту работу на воскресенье, но он категорически ответил: «Сегодня пятница, а не суббота. У тебя рабочий день, так что выполняй приказ». Он был прав. Я склонился перед Богом в молитве: «Господи, начальник по-своему прав, и я не должен ему противиться. Верю, что Ты поможешь мне благополучно переправиться на ту сторону по озеру. Я планирую работать до часу дня, после чего заглушу трактор и возвращусь через озеро домой пешком. В три часа после обеда надеюсь быть на месте. Но если у Тебя есть для меня другой план, осуществи его. Я уверен, что он будет лучшим».

Помолившись, я положил в печь дрова, на печку поставил большую кастрюлю с водой, чтобы можно было помыться, когда вернусь. Обед на субботу уже был приготовлен, Я завел трактор, включил повышенную передачу и с упованием на Божье руководство, благополучно пересек озеро. Как и планировал, к часу дня я закончил работу, заглушил трактор и направился пешком к озеру. И тут я увидел, как проявляется обо мне особая Божья забота. Появилась автомашина, которая привезла оборудование для слесарей. На мою просьбу водитель любезно согласился подвезти меня к озеру.

— А может, ты поедешь и в посёлок? — с некоторой надеждой поинтересовался я.

— Нет, не хочу рисковать, — ответил водитель.

Сгрузив оборудование, мы сели в машину и поехали. До озера по тайге ехать немного -больше километра. Мы завели разговор о Боге, о вере. Когда же мы подъехали к озеру, я заметил, что машина, не останавливаясь, выезжает на лёд.

— Юра, остановись, я дальше пойду пешком, — сказал я водителю.

— Сиди! — крикнул он и на всей скорости помчался по льду озера. — Я метров за двести до берега сбавлю скорость,— продолжил он, — а ты спрыгнешь, потому что останавливаться мне нельзя, машина провалится.

Спрыгнув со ступенек машины, я стоял и смотрел вслед удаляющемуся транспорту, умоляя Господа, чтобы водитель благополучно добрался до противоположного берега озера. Домой пошёл, когда удостоверился, что он пересёк озеро. В два часа дня моя печь уже наполняла комнату приятным теплом. Так я узнал, что Господь одобрил мой план, добавив к нему Свое благословение, о чем я и не мечтал. Слава Богу за это!

Хотя очередной товарищеский суд надо мной так и не состоялся, но враг Божьих детей, дьявол, никак не мог

успокоиться. Об этом мне постоянно напоминал наш новый милиционер — старший лейтенант Тенянский.

— Вы не исправились, — упрекал он меня при каждом удобном случае, — поэтому вас не отпустят на волю. Вами постоянно интересуется товарищ Чёрный.

— Кто такой Чёрный? — поинтересовался я, не зная, кого он имел в виду.

— Как? Разве вы не знаете? Это председатель крайисполкома, — ехидно усмехаясь, отвечал он.

— Когда окончится время пребывания моего здесь, тогда ни Чёрный, ни вы товарищ Тенянский меня здесь не сможете удержать.

По-видимому, одного словесного давления на меня надзирателю за ссыльными было мало. Как-то он надумил одного дружинника, добровольного помощника милиции, спровоцировать меня на драку, чтобы таким образом «состряпать» дело и осудить за хулиганство. Пашка начал ко мне приставать, особенно во время поездки в тайгу на работу и обратно. Всегда старался сесть рядом со мной и на протяжении всего пути высмеивал, всячески оскорблял, пускал мне в лицо дым от сигареты и т. д. Мне было понятно, что это провокация, и потому я старался избегать с ним встреч, не реагируя на его выходки. Так продолжалось несколько дней. Все это наблюдали, и нередко за меня заступались другие рабочие. Но однажды я запустил двигатель своего трактора, а сам зашёл в гараж и остановился возле знакомого слесаря, ремонтирующего бензопилу. И тут в гараж вошел этот горе-дружинник, подошел ко мне и грязной рукавицей провёл по моему лицу. Слесарь не выдержал и громко крикнул: «Что же ты терпишь! Дай ему, да так, чтобы он не поднялся!»

Честно говоря, у меня не раз было большое искушение дать ему хороших тумаков, ведь я был гораздо крепче и крупнее его, но в то же время внутренний голос

говорил мне, что именно этого хочет дьявол. Однако напугать хулигана я все же решил. Приблизившись к нему и взяв его крепко за руку, чего он не ожидал, я вывел его на улицу. Все находящиеся в гараже последовали за нами посмотреть, как Игнатов будет драться. Я же не собирался драться, но, глядя ему прямо в глаза, отчеканил каждое слово: «Знаю, где ты работаешь в тайге. Вот подъеду на тракторе и нечаянно задавлю, после чего закопаю, чтобы никто тебя не нашел. Не забывай, я же тунец!» Вечером, после возвращения с работы, я зашёл к милиционеру и пригрозил: «Напишу на вас заявление. Это вы научили Пашку спровоцировать со мной драку. У меня есть свидетели, которые подпишут это заявление». Он начал было оправдываться, что ничего не знает, однако на следующий день, как и во все последующие, Пашка вел себя так, словно меня вовсе не замечал.

3. Свободен!

За две недели до освобождения механик гаража Андрей Чушкин посоветовал мне не ездить больше в тайгу. Работа для меня найдется и в поселке. «Мало ли что может случиться», — загадочно сказал он. Я получил полный расчёт, осталось только взять у милиционера справку об освобождении и отправляться домой. Хотя начальник участка и председатель сельсовета просили меня остаться и какое-то время поработать, я поблагодарил за приглашение и доброе ко мне отношение, сказав, что в тот же день, когда меня освободят, улечу. Милиционер по-прежнему справку не давал. Спорить с ним я не стал, а решил поехать в Мариинск. Увидев меня, майор Ельшов удивленно спросил, что случилось. Я рассказал ему обо всех обстоятельствах и действиях Тенянского.

— Ну и Троянский конь! — стукнув по столу кулаком, крикнул Ельшов. — Поезжай домой и скажи ему,

что если он не даст тебе справку, то я из него самого справку сделаю!

Поздно вечером, вернувшись в посёлок, я решил пойти к Тенянскому домой. Застал его отдыхающим на русской печи. Без лишних слов сообщил ему о том, что вернулся от майора Ельшова, и сказал: «Если сегодня я не получу справку, он сделает мне справку из вас». Злобно взглянув на меня, милиционер сказал жене, чтобы она выписала справку, которую он тут же подписал. Я поблагодарил за все, попрощался, пожелал всего хорошего и пошёл домой. На этом моя ссылка закончилась, и я, наконец-то, мог легко вздохнуть.

Двенадцатого марта утром я решил тридцать километров до районного центра идти пешком. Машины к тому времени по озеру уже не ездили, так как было опасно. Мне пообещали, что подвезут на санях. Я был благодарен и этому, радуясь, что не придется тащить тяжелый чемодан. Сам же был готов идти пешком. Пока ждал, кто согласится поехать на санях, вдруг увидел, как неподалеку приземляется пожарный двухместный вертолёт. Я побежал в контору и попросил начальника походатайствовать за меня перед пилотами, может быть, они согласятся взять меня до аэропорта. Поэтому, мы вместе с начальником побежали к вертолёту.

— Ребята, вы по делу в наших местах? — запыхавшись от бега, спросил начальник пилота.

— Нет, мы просто так приземлились, — ответил он.

— А куда направляетесь? — спрашивал Тимофеич.

— В наш аэропорт «Рейд», — уточнил пилот.

— Возьмите вот этого парня. Хороший мужик, ему срочно надо на «Рейд», чтобы сегодня улететь в Хабаровск.

— А вещей у тебя много? — командир взглянул на меня.

— Да нет, — говорю, — один лишь чемодан.

— Ну, если протиснешься за сиденья, то полетишь.

Тепло попрощавшись с Тимофеичем, я с большим усилием протиснулся в узкое пространство за сиденьями, приспособил там свой чемодан, и мы взлетели. Через семь минут мы уже были на «Рейде». Я предложил пилотам тридцать рублей, но они категорически отказались, взяв только три рубля. «Не перевелись еще добрые люди», — подумал я, а сам недоумевал: почему именно тогда, когда я ломал голову, как добраться до «Рейда», этот вертолет вдруг приземлился в Санниках? Ведь пилоты ничего не привезли и вообще никакого поручения относительно посёлка не имели. Приземлились просто так и должны были лететь обратно. Рассматривая это обстоятельство с точки зрения Божьих обетований, я пришёл к выводу: это Господь послал за мной вертолёт, чтобы в день освобождения я мог быть дома. Итак, двенадцатого марта в четыре часа дня я уже входил в свой дом, где меня с нетерпением и радостью ждали жена и дети.

Сегодня, вспоминая о годах, проведенных в ссылке, не жалею и не жалел никогда ни о чем. Это была хорошая, хотя и суровая школа. Самое главное — именно там я пережил новые и незабываемые опыты с Богом, Который через меня открылся людям, отдавшим в то трудное время Господу свои сердца. И ещё, я искренне рад, что там, в далекой глухомани, люди получили свидетельство о том, как Бог помогает Своим детям, надеющимся на Него. Позднее, встречаясь в Хабаровске с некоторыми жителями посёлка Санники, я узнал о трагической гибели дружинника Пашки и о горькой судьбе дяди Феди, председателя товарищеского суда. «О себе же ты оставил добрую память, и тебя люди часто вспоминают», — говорили они.

Как-то один тракторист подошёл к механику и просил помощника для ремонта трактора.

— А ты что, не можешь справиться один? — спросил его механик.

— Не могу! — ответил тракторист.

— А как же Игнатов никогда не просил о помощи, а всегда сам справлялся?

— Так, то Игнатов! Ему Бог помогал!

4. Пока проповедник находился в ссылке

(из письменных воспоминаний Галины Игнатовой)

На первых порах, когда мужа арестовали, а затем отправили в ссылку, я в растерянности просто не знала, что делать. Все заботы о семье и местной общине легли на мои плечи. Правда, соседи уже не были так враждебно настроены, как было раньше. Вероятно, какая-то доля сострадания проявилась и в их душах. Вскоре нас посетил пастор Титаренко из Ростова. Под видом посещения родного брата, проживающего в наших краях, он хотел узнать моё духовное состояние и поддержать в уповании на Господа. Его посещение оказало мне неоценимую поддержку.

Кроме того, получив от мужа письмо, в котором он сообщал о местонахождении и условиях жизни, я успокоилась. Более всего я боялась, что он попадёт в район Полины Осипенко на рудники, о которых была наслышана. Когда же наступило лето, и мы с детьми поехали к папе в гости, та местность оказалась замечательной: вокруг тайга, богатая грибами и ягодами, большое озеро, в которое вливался могучий Амур. Здесь мы прожили всё лето, и когда приблизилось время учебного года, нам очень не хотелось расставаться с папой. Но с другой стороны, в Хабаровске оставалась на попечении сестры Вари община без пастора.

Обратно мы плыли трое суток на пароходе по Амуру, любуясь очень красивой, даже изумительной природой.

Надо сказать, что материально мы были обеспечены, поскольку Николай Михайлович регулярно, два раза в месяц, присылал зарплату, которая в то время была у него намного выше, чем он получал в Хабаровске. Кроме того, Кузьма Иванович заботился о том, чтобы мы осенью не остались без угля, поэтому зимой в доме было тепло. Трудность состояла скорее в другом: зимой я не могла регулярно посещать богослужения. Дети были малые, а богослужения преимущественно проходили довольно далеко от нашего дома. Добираться нужно было пешком, и потому я не всегда могла брать детей с собой.

Такое положение меня угнетало, поскольку в отсутствие мужа мне приходилось выступать во время богослужений с проповедями. Однако, несмотря ни на что, община продолжала нормально функционировать, хотя ее пастор находился в ссылке. Разумеется, нас посещали служители из Сибири, Владивостока, такие как Орел и Кучерявенко, а также из других мест, так что духовно мы не «засыхали».

Прекратилось давление и со стороны властей. Похоже, что главной задачей спецслужб было «освободить» город от руководителя общины, а выслав Николая Михайловича, они успокоились. Правда, один раз меня оштрафовали на комиссии исполкома за непосещение нашими детьми школы по субботам. Когда же по этому вопросу прокурор города вызвал меня к себе, он старался быть максимально вежливым, тактичным. Мы с ним говорили не столько о нарушении закона, сколько о моей вере.

— Вы молодая, красивая женщина и верите в то, чего не может осуществиться, — несколько раз во время беседы подчеркивал он. — Ведь никто Бога не видел! А что, если вы ошибаетесь, и ничего, во что вы верите, не сбудется? Вы понимаете, что вы теряете? Ведь ваша жизнь проходит впустую, и в результате вы окажетесь затворницей, прожившей вдали от общества, лишенной

радостей жизни. Не пожалеете ли вы об этом утраченном времени?

— Да действительно, если то, во что я верю, окажется неосуществлённым, — ответила я ему, — то я умру так же, как и вы. Мы оба в одинаковой степени превратимся в прах, и не выиграет из нас никто. Ну, а если то, во что я верю, все же осуществится, то кто тогда останется в выигрыше?

— Да, вы счастливая! — согласился он. — Если действительно верите в то, о чем говорите.

О многом мы ещё разговаривали, а в конце я обратилась к нему с просьбой: «Вы, вероятно, знаете, что меня оштрафовали? Но я хотела бы попросить вас перенести немного дату выплаты штрафа. У меня сейчас нет денег, но я продам козочку и сразу же заплачу штраф». Он промолчал, и на этом мы расстались. Прошло несколько дней, и в почтовом ящике я нашла извещение из прокуратуры, где было написано, что штраф аннулирован. Так что козочка осталась с нами.

Кроме наших детей, на богослужение приходили дети и других родителей; мы всех старались приобщать к служению Богу и даже выезжали в Благовещенск со специальной детской программой. Конечно, во время постоянной слежки спецслужб было нелегко организовывать и проводить детские программы, но они все делали с удовольствием. Мы отдавали себе отчет в том, что наша главная задача — сделать все, чтобы уберечь их от плохого влияния мира, улицы. К счастью, с поведением детей у меня проблем не было. Они отличались послушанием и, как мне казалось, понимали особенности непростого времени, в которое они жили.

Во время пребывания мужа в ссылке мы встретились с еще одним тяжёлым переживанием. У меня на губе появилась подозрительная язва, которая долгое время не заживала. Довериться местным врачам я не решилась,

потому что о нас много было сказано по радио ложной информации, и поэтому поехала в Украину к адвентистскому доктору Константину Томенко, с которым мы были давними друзьями. Но возникла проблема: на кого оставить детей? Старшего сына Костика и дочь Иришку пришлось отвезти во Владивосток — в семью Вениамина Кучерявенко, а дочь Людочку и младшего сынишку Серёженьку — в Благовещенск, в семью Николая Щеглова. Одна сестра из местной общины, присматривала за нашим домом. Полтора месяца разлуки с детьми были самыми тяжёлыми в моей жизни. К счастью, моя болезнь оказалась не опасной. Какой же радостной была наша встреча после долгой разлуки! Я понимала, что Господь оказал Свою милость и ко мне, и к детям, ведь мы с мужем постоянно Его об этом просили с постом и молитвой.

Каждое лето мы с детьми ездили к нашему папе, как на курорт. Правда, во время этого «курорта» мы всё лето трудились. Помогали Николаю Михайловичу в работе: клали печки людям в поселке, ходили собирать в тайге ягоды, варили варенье, сажали и выкапывали картошку. Мой муж взял себе на солнечной поляне небольшой участок земли под огород, с которого мы ежегодно собирали хороший урожай картошки. В конце лета все, что мы умудрялись заготовить, увозили домой в Хабаровск. Для детей наступал учебный год, и мы всегда с большим сожалением и печалью оставляли нашего папу.

Каждый раз эти переезды были очень сложными и даже опасными. Сначала надо было со всем грузом (примерно двадцать мешков картошки, личные вещи, варенье) тридцать километров плыть катером по озеру. Затем мы выгружались на пирс и ожидали прибытия теплохода, на котором плыли еще три дня по Амуру до Хабаровска. До теплохода нас провожал Николай Михайлович, а уже дальше мы должны были добираться

сами. Мы всегда видели действие Божьего Провидения; Он давал мне физические силы, а детям послушание, так что мы каждый раз благополучно преодолевали этот непростой путь.

Хотя трудностей с четырьмя малыми детьми было немало, но мы не позволяли невзгодам нас одолевать и постоянно полагались на Господа. Мы действовали в соответствии с библейским принципом: «Что может рука твоя по силам, делай». Дети трудились вместе со мной. Мы сами ремонтировали дом и забор, посадили в нашем саду вишни, чтобы к папиному возвращению на них уже были ягоды. Наша большая проблема состояла в отсутствии воды. Приходилось привозить её на тележке в двухсотлитровом баке. Однажды я тащила ее по обочине дороги, как вдруг из-за угла на большой скорости вылетела машина и направилась прямо на меня. Я даже не успела отскочить. Автомашина задела тележку, а меня отбросила в канаву. В результате от бочки остался ком железа. Не думаю, что это было сделано нарочно; водитель, вероятно, был пьян. Он не остановился и, даже не сбавив скорости, помчался дальше. Я благодарилла Бога, что отделалась лишь испугом и ушибами. Хуже было то, что теперь воду приходилось носить на коромысле. И все же Господь никогда не оставлял нас без пропитания и тепла.

Как известно, в 1964 году Хрущева сместили, и его место занял Брежнев. Для верующих наступило заметное облегчение. Наши богослужения перестала посещать милиция, меня оставили в покое в связи с непосещением детьми школы по субботам, прекратилась травля и в газетах. Летом 1966 года мы в последний раз поехали к папе. Нам уже не нужно было ему помогать класть печки, и дети смогли хорошо отдохнуть. Мы чаще ходили в тайгу за голубикой, лесной малиной, черникой, грибами, помогали в уходе за картошкой. На этот раз наш груз

состоял из двадцати двух мешков картошки, трех мешков вяленой красной рыбы, варенья. Хотя этот большой и тяжелый груз нелегко было перевезти, но зато всю зиму мы имели хорошее пропитание.

А весной, наконец-то, возвратился домой наш папа! Двенадцатое марта стало для нас с тех пор особенным днем. В тот день мы уже знали, во сколько и с какой стороны над нами пролетит самолёт из Богородска. Когда мы услышали в небе звук работающих двигателей, дети от радости начали кричать и прыгать. И, правда, спустя некоторое время мы уже в сердечных молитвах благодарили Бога за то, что наша семья снова вместе.

Теперь, когда прошло так много лет, переживания и трудности тех дней все больше затуманиваются и не кажутся такими тяжелыми. Слава Богу, что Он создал нас со способностью забывать плохое. На новой земле мы, вероятно, вообще забудем переживания и скорбь, которые испытали на Земле, потому что в сравнении со славой Неба, они окажутся совершенно ничтожными.

ССЫЛЬНЫЙ «ТУНЕЯДЕЦ» СТАНОВИТСЯ ИНЖЕНЕРОМ КОМБИНАТА

1. Религиозная оттепель

еперь, когда я снова был на свободе, меня ожидали дела как в Церкви, так и в быту. Чтобы снова не оказаться в списке тунейцев, нужно было найти работу. Сначала я решил зайти в крайисполком к уполномоченному по делам религий. Это был старый знакомый, с которым мы встречались еще до моей ссылки. Увидев меня, он неподдельно обрадовался. Мы о многом поговорили, многое вспомнили, но главное — пришли к выводу, что отношение государства к верующим изменилось. Бог даровал и нам передышку. На прощанье уполномоченный авторитетно заявил: «Ищите себе помещение и собирайтесь в одном месте. Никто вас больше не тронет. А если кто посмеет, запишите его фамилию и сообщите мне».

Для меня такое отношение официального представителя власти было новым. Непривычно было

сознавать, что теперь не нужно оглядываться, когда идешь на богослужение, не надо переживать, что кто-то из-за угла следит за тобой. Вскоре мы нашли подходящий зал в жилом доме для регулярного проведения собраний, который нас вполне устраивал. И действительно, нас перестали тревожить. Даже как-то в субботу, когда совершалось богослужение, у кого-то из соседей милиция задержала хулигана. Родственники пытались защитить этого человека, споря с милицией и кивая в нашу сторону, кричали: «Вот кого надо забирать!» В ответ милиционер ответил: «Теперь мы знаем, кого следует забирать». Это свидетельствовало о том, что наступило затишье. Но надолго ли?

Что же касается другого неотложного дела — найти работу — оказалось не так-то просто. Ежедневные посещения разных организаций и предприятий оставались безрезультатными. В одном из объявлений значилось, что в пожарную часть требуется трубочист. И я решил, что это как раз для меня. Узнав, что я не только трубочист, а и печник, начальник очень обрадовался: «Нам печники нужны, — доброжелательно воскликнул он, — можете с собой еще человек десять привести — всех приму. Давайте вашу трудовую книжку и паспорт».

— Вы что, работали в леспромхозе? — просматривая мои документы, спросил он.

— Да, я там пять лет отбывал ссылку за убеждения, — ответил я, решив, что если после такого ответа он возьмёт меня на работу, то это будет означать, что сам Господь приготовил мне это место. Однако, услышав мой ответ, начальник как-то мгновенно изменился в лице и холодно сказал:

— Нет, мы не можем вас взять.

Поблагодарив его, я вышел на улицу и, направляясь домой, стал молиться: «Не знаю, Господи, почему Ты не захотел, чтобы я возился с сажей, однако я продолжаю

верить, что Ты приготовил мне работу в другом месте. Покажи, пожалуйста, где это место находится».

В пятницу я случайно встретил знакомого, с которым вместе работал до моей ссылки. Мы разговорились, и я рассказал ему о своей проблеме устройства на работу. Он посоветовал пойти в Управление банно-прачечного треста, где нужны слесари. Не мешкая, я отправился по указанному адресу и нашёл нужную организацию. Банно-прачечный трест тогда объединял все бани и прачечные города. Внутри помещения, прямо у дверей, какой-то мужчина на высоких тонах разговаривал с рабочими, которые стояли, понуриив головы. Когда же рабочие начали расходиться, мужчина заметил меня.

— Вы ко мне? — спросил он

— Если вы директор, то к вам, — ответил я.

— Заходите, я управляющий трестом, — пригласил он меня в кабинет, — слушаю вас.

— Мне сказали, что тресту нужны слесари.

— Мне инженеры нужны, — внимательно посмотрев на меня, сказал он.

— Какой из меня инженер, — сказал я с улыбкой, — у меня нет специального образования.

— А здесь больше трезвая голова нужна, чем специальное образование. Как у вас с «этим» делом? — и он щелкнул себя указательным пальцем по горлу, демонстрируя всем известный знак любителя выпивки.

— Если скажу, что вообще не пью и никогда не пил этой гадости, — ответил я, — вы, наверное, не поверите, но если буду у вас работать, вы сами убедитесь.

Внешне я, конечно же, также не был похож на алкоголика. Как и положено служителю Церкви, я всегда старался быть чисто одетым и почти всегда при галстуке. Управляющий еще раз внимательно смерил меня взглядом, о чем-то размышляя, взял лист бумаги, подал мне его и сказал: «Пишите заявление». Он продиктовал мне

текст, в котором значилась моя должность: инженер второго банно-прачечного комбината. Приняв моё заявление, он тут же распорядился:

— А теперь прямо сейчас поезжайте на комбинат и познакомьтесь с его директором. Зовут её Мария Андреевна. Но главное, не пугайтесь — комбинат построен ещё до революции, поэтому там нужна хорошая голова. Уверен, что вы справитесь, а я сейчас позвоню Марии Андреевне — она вас будет ждать.

Итак, я отправился на комбинат, где мне предстояло работать инженером. Там, действительно, было чего пугаться: машины издавали громкие звуки, трубы пропускали пар, кругом сочилась вода, поэтому стены были мокрыми, в полуподвальном помещении душно.... Увидев столь печальное состояние техники, я подумал, что нужно как можно быстрее уйти и не показываться на глаза директору. Но где-то в глубине сознания появилась другая мысль: «А может быть, Божья воля и состоит в том, чтобы именно здесь я работал?! Ведь начальник треста принял меня безо всяких условий».

Услышав моего приветствие, директор Мария Андреевна Уланова внимательно посмотрела на меня и не совсем дружелюбным тоном спросила:

— А вы, собственно, кто такой?

— Меня к вам направил управляющий трестом, — сказал я. — Он должен был вас предупредить.

— Так это вы? — женщина быстро вышла из-за стола, взяла меня за руку и начала приговаривать. — Миленький ты мой! Где ж ты был раньше? Я уже семь лет работаю без отпуска, потому что не на кого оставить комбинат. Завтра же приходи, как раз будем давать зарплату, и я представлю тебя коллективу.

— Нет, Мария Андреевна, завтра я прийти не смогу, — ответил я, — а приду в понедельник. На этом мы и распрощались.

В понедельник я решил сначала побывать в тресте. «Если меня оформят без всяких проблем, — сказал я Богу в молитве, — то это будет означать, что именно это место Ты, Господи, приготовил для меня». Прихватив с собой все документы, я направился в кабинет управляющего. Увидев меня, он как-то смутился и стал извиняться.

— Понимаете, месяц назад я подписал заявление этого человека на должность инженера на второй комбинат, — сказал он виновато, указывая на сидящего в его кабинете мужчину. Когда вы зашли ко мне в пятницу, я решил, что этот человек передумал и уже не придет к нам. Он же, оказывается, увольнялся с прежней работы. Поэтому, извините, туда пойдёт он, а вы можете.... Он не успел договорить, куда может меня направить, как вдруг распахнулась дверь и в кабинет вошла спортивной выправки женщина с папиросой в руках. Увидев ее, управляющий быстро вышел из-за стола.

— Татьяна Алексеевна, — обратился он к посетительнице, — вот ваш инженер. Скорее забирайте и ведите на свой комбинат, пока его не перехватили! Он легонько подтолкнул меня к ней. Та взяла меня за руку искомандовала: «Пошли!»

Добирались довольно долго трамваем. Наконец, выходя из трамвая и указывая на два новых двухэтажных здания, Татьяна Андреевна сказала:

— Вот мы и прибыли. Госкомиссия уже ввела их в эксплуатацию, надо начинать работать. Одно здание — прачечный комбинат, а второе — спецбаня. В ней предполагается на случай войны обслуживать подверженных радиационному заражению людей. А пока она работает в обычном режиме, как обычная баня, для всего населения.

Разумеется, новый комбинат невозможно было сравнить с тем, который я видел в пятницу. Так Господь снова проявил Свою милость и заботу обо мне. Пять лет назад спецслужбы планировали меня сослать в страшное

место, откуда мало кто возвращается, но Он так распорядился, что я попал в Санники. Теперь же Он направил меня в лучшее место, нежели я видел в пятницу. По сей день не перестаю удивляться и благодарить Господа за Его водительство в моей жизни.

В помещениях было чисто, сухо и светло, везде стояло новое оборудование. Конечно, для меня оно было незнакомым. Никогда ещё я не видел таких стиральных машин, сушильных барабанов, гладильных прессов и всего прочего. Было от чего смутиться, ведь на производстве я привык больше подчиняться, нежели руководить. Директор тут же представила меня коллективу, после чего, указывая на стоящее оборудование, обратилась ко мне:

«Это теперь ваше хозяйство; оно должно работать, а не ломаться или простаивать».

Первое время я действительно, чувствовал себя неловко. Ко мне обращались как к заместителю директора, а я ещё сам мало что соображал в доверенном мне хозяйстве. Но так длилось недолго. Татьяну Алексеевну я предупредил, что по субботам не работаю, а в воскресные буду производить профилактику машин. Мой план она одобрила короткой фразой: «Вот это умненько!» Такой график работы был очень удобным: во-первых, суббота становилась моим законным выходным, когда я мог чтить этот день вместе со всей общиной, а во-вторых, в воскресенье я имел возможность знакомиться с техникой, машинами и их обслуживанием. У меня всегда был интерес к изучению различного типа моторов и электромоторов; кроме того, было желание научиться ремонтировать эти машины. Однажды за такой работой меня застал управляющий трестом Батулин. Этот полковник в отставке, тридцать лет состоявший в партии, был известен как честный и справедливый человек. Увидев, как я по локти в мазуте копаюсь в машинах, он начал меня отчитывать:

— Послушайте, я вас брал на работу в качестве инженера, а не слесаря, — сказал он тоном начальника. — Вы должны руководить, а не всё делать самостоятельно. Плох тот командир, который вместо того чтобы направлять подчиненных, сам выполняет вместо них задание. Ваше дело давать задание слесарям, а их у меня хватает и без вас.

— Верно вы говорите, — выслушав начальника, сказал я, — но представьте себе, что я посылаю слесаря с поручением заменить в машине подшипник, а он меня спрашивает, какой тип и номер этого подшипника и в чем проблема? Кто же меня будет воспринимать как инженера, если я не знаю, как и что надо делать? Вот поэтому я изучаю всё сам.

Батурин с моими доводами согласился, и спустя каких-то полгода меня считали лучшим инженером треста. Через некоторое время Татьяна Алексеевна по какой-то причине уволилась, а на ее место назначили Жанну Абрамовну. В работе комбината новая директриса мало что понимала, поэтому в производственных вопросах целиком полагалась на своих помощников — мастера потока и на меня. Ее отчество явно говорило о еврейском происхождении. Узнав, что в соответствии с религиозным убеждением я не работаю по субботам, она приняла меня за «своего». Жанна Абрамовна мне часто говорила: « Николай Михайлович, вы — «наш». Возражая, я отвечал, что всего лишь исповедую веру, которой держались Моисей, Авраам и другие Божьи избранники. Но она была непреклонна.

Однажды из Москвы на комбинат прибыла бригада специалистов для установки нового оборудования. Оказалось, что четверо из них были евреями. Согласно своей должности, да и для получения дополнительных знаний я работал вместе с ними. Их доброжелательность и уважение ко мне были обусловлены еще и

тем, что Жанна Абрамовна сообщила им, что я еврей. Они даже попытались выплатить мне долю из их заработка за то, что я работал вместе с ними, устанавливая новое оборудование, но я категорически отказался, пояснив, что получаю установленную мне зарплату. Мне также пришлось объяснить им, кто я на самом деле и какая у меня национальность. Их удивляло то, что я так хорошо знаю библейские истории, а главное — открыто соблюдаю субботу.

Вскоре Жанну Абрамовну назначили директором хлебозавода, и она очень просила меня перейти к ней на новое место. Должность инженера там была вакантной. «Николай Михайлович, — уговаривала она, — переходите, не пожалеете. Зачем вам иметь дело с тряпками и грязью? На новом месте у вас будет хорошая перспектива».

Однако я отказался, понимая, что безбожники меня там не потерпят и очень скоро прогонят. Сюда же меня привел Бог. Вместо Жанны Абрамовны, директором на наш комбинат пришла Мария Андреевна — старая знакомая, к которой я чуть не попал, устраиваясь на работу. Она была настоящим директором, хорошо знающим своё дело. Кроме того, эта женщина была справедливой и доброй.

К тому времени я уже хорошо знал своё дело и не допускал простоя машин. Наш комбинат числился лучшим среди других в городе. Да и план мы также постоянно перевыполняли, за что от треста регулярно получали премии с занесением благодарности в трудовую книжку. Мария Андреевна знала о моем пасторском служении, и если мне иногда нужно было отлучиться на несколько дней для посещения других общин, она говорила: «У меня язык не поворачивается тебе отказать. Поезжай куда надо, только не забывай за меня молиться».

Так поддерживая хорошие взаимоотношения, мы продолжали работать.

Согласно должностной инструкции, мне следовало один раз в три месяца всем работникам комбината читать лекции по технике безопасности, а они после этого были обязаны в специальном журнале расписываться о полученном инструктаже. Это правило распространялось и на директора, и на завхоза, и на мастера потока. Мой рабочий день начинался с обхода всего комбината, проверки работы машин и доклада директору о положении дел. Однажды во время такого доклада Мария Андреевна поинтересовалась:

— А когда ты будешь нам лекцию по технике безопасности читать?

— Зачем она вам нужна? — удивился я. — Вы же в цехе не работаете. Возможно, было бы лучше каждое утро рассказывать вам библейские истории?!

Она с удовольствием согласилась. С тех пор почти каждое утро я не только о делах комбината рассказывал, но излагал ей и библейские истины. Иногда присутствовали и другие сотрудники комбината. Как-то Мария Андреевна попросила меня дать ей почитать Библию. Ее просьбу я исполнил с огромной радостью. Прошло недели две.... Однажды она пришла на работу с опозданием, и нам с мастером потока ничего не оставалось, как дожидаться директора. Когда же Мария Андреевна появилась, мы заметили, что она недавно плакала.

— Что случилось? — спросил я.

— Что же эти жестокие люди сделали с Ним, — всхлипнула она, — каким мучениям подвергли! Зачем они распяли Иисуса? Я читала и не могла удержаться от слез. Наплакалась до головной боли.

У этой женщины была добрая душа. Мне хорошо работалось на комбинате. Несомненно, это Божье провидение вело нас по жизни.

2. Спецслужбы меня не забыли

Прошло два года после того, как я вернулся из ссылки. В общине было всё спокойно, на богослужения приходили новые люди; некоторые из них готовились к крещению. Этому содействовало то обстоятельство, что молитвенные собрания проводились теперь на одном и том же месте; никто нас не беспокоил. Нам казалось, что и в школе привыкли к тому, что наши дети по субботам занятий не посещают. А учились они хорошо, претензий ни к нам, ни к ним не было. «Неужели чекисты о нас забыли?» — иногда думал я. Вскоре я понял, что они никого и никогда не забывают. Однажды в слесарной мастерской, когда я давал очередное задание рабочим, открылась дверь, и на пороге появился известный мне «товарищ» Зайко. Это он в Комсомольскена-Амуре забирал меня в управление КГБ прямо из молитвенного дома, когда я совершал Вечерю Господню. Именно его рапорт послужил основанием для моей ссылки.

— А что здесь делают чекисты? — вырвалось у меня от неожиданности. Конечно, с моей стороны было не очень вежливо так встречать его в присутствии рабочих, но так уж получилось. Он быстро среагировал на мои слова и все свел к какой-то шутке, так что практически никто не понял, в чем дело и кто пришел. После обычного приветствия он предложил мне выйти на улицу.

— Ну и феноменальная у вас память, Николай Михайлович!

— Возможно, вы преувеличиваете относительно моей памяти, — ответил я, — но вас я запомнил хорошо, хотя зла не держу. Просто меня удивило ваше появление здесь. Полагал, что вы уже оставили меня в покое.

Ничего не ответив, он лишь коротко скомандовал: «Там за углом стоит машина, я подожду вас в ней».

Темная «Волга» стояла в каких-то ста метрах от поворота. Как только я с ней поравнялся, открылась

задняя дверь. Было понятно, что ее открыли для меня. Я молча сел, и также молча мы ехали всю дорогу. Водитель зачем-то петлял по городским улицам и потом подъехал к входу какого-то предприятия.

Оказалось, что здесь у «комитетчиков» была явочная квартира, где они проводили встречи с нужными людьми. Хотя за столом сидел человек в штатском, но было понятно, что он рангом выше Зайко — вероятно, его начальник. Сухо поздоровавшись со мной, он сразу же перешёл к делу. Извлеки из портфеля фотографию и показывая ее мне, он сказал: «Внимательно посмотрите, знаком ли вам этот человек?» На снимке был запечатлен незнакомый мне мужчина. Поэтому я спокойно ответил, что этот мужчина мне незнаком. «Этот человек не должен ходить по земле, — резко сказал начальник. — Он скрывается под маской проповедника, на самом же деле он — преступник. Посмотрите, сколько у него фамилий, — и он показал целый список на обратной стороне фотографии. — Я вас очень прошу, когда его увидите, непременно сообщите нам. Вот мой телефон», — и он протянул записанный на бумаге номер своего телефона. Все это звучало как-то загадочно и таинственно. Разговор был кратким, и мы расстались. По крайней мере, я сделал вывод, что пока нас, адвентистов, никто трогать не собирается. Для меня это было хорошей новостью.

Но спустя какое-то время Зайко снова появился на комбинате и вновь предложил мне «покататься». На этот раз он сам был за рулем и повёз меня к себе домой. Жил он в частном секторе, имел небольшой, но приличный ухоженный домик. Мы зашли внутрь. На столе в гостевой комнате стоял графин с квасом и горячие пончики на тарелке. Это было свидетельством того, что хозяйка находится дома. Интересно, нарушит ли мой «товарищ» неписаное правило чекистов не показывать своих жен. Увижу ли я автора этих аппетитных пончиков?

Зайко сохранил верность традиции. Он сам пригласил меня к столу, угощая квасом и пончиками. Дело было летом, стояла жара, и холодный домашний квас был очень кстати. Наша беседа началась с формальных вопросов: Нравится ли работа? Как дела у детей в школе? Я прекрасно понимал, что он привез меня к себе не за тем, чтобы поинтересоваться моим здоровьем и детьми. За годы общения с сотрудниками Комитета госбезопасности у меня уже накопился некоторый опыт, и я понимал, как себя следует с ними вести. Теперь меня интересовало, к чему этот квас с пончиками? «Что у вас забрали при обыске?» — неожиданно спросил он.

Я назвал некоторые книги, которые, по моему пониманию, не подлежали конфискации. Он записал названия этих книг в блокнотик и пообещал разыскать. На Зайко я как-то не надеялся, поскольку уже писал заявления на имя прокурора, но всегда получал письменный ответ: «Забрали законно». Было и такое, когда говорили, что книги, конечно, должны вернуть. Но кто и где их будет сейчас искать? В конце беседы Зайко предложил мне время от времени по-дружески встречаться. Я понимал, к чему он клонит и что от меня ожидает во время этих встреч.

— Зачем нам встречаться? — сказал я в ответ. — Я человек занятый настолько, что мне даже некогда с женой и детьми в парк сходить. Вы также заняты делами более важными, чем эти встречи. И у нас совершенно разные взгляды на жизнь, разные цели. О чём мы будем дружески беседовать?

— Дело в том, что мы живём в стратегическом крае, — убеждал меня Зайко, — здесь неподалеку проходит государственная граница. К вам могут приходить различные люди, нас интересуют сведения о таких неожиданных посетителях.

— Глуп тот шпион, который захочет скрываться под видом верующего, — сказал я чекисту. — Ведь всем

известно, что верующие находятся под неусыпным вниманием ваших органов. Не зря же сокращенное название вашей организации иногда расшифровывают как «Комитет Глубокого Бурения», и это очень метко сказано. Так что будь я шпионом, я старался бы пристроиться где-нибудь в партийные органы или, ещё лучше, к вам в КГБ. Кстати, согласитесь, среди нас, верующих, ещё ни одного шпиона не обнаружили, а вот из вашей среды уже немало их осудили.

Прощаясь, я попросил его больше не беспокоить меня и добавил: «И ещё, если вдруг вы вздумаете снова куда-нибудь меня пригласить, то оставьте дома мысль склонить меня к сотрудничеству с вами. Я посвятил себя на служение Христу, а двум господам служить невозможно».

Так мы и не нашли с ним общего языка.

Прошло довольно много времени, и чекисты сделали последнюю попытку склонить меня к сотрудничеству с ними. Тот же Зайко снова приехал за мной, чтобы еще раз побеседовать. Открыв ящик стола в своем кабинете, Зайко извлек из него довольно потрепанный баптистский сборник гимнов.

— Это ваша книга? — подавая мне, спросил он.

— Нет, вы же видите, что это баптистский сборник гимнов, — ответил я.

— Увы, другого нет! — сокрушенно сказал Зайко.

— Ну, что ж, спасибо за старания. А теперь скажите, зачем вы меня сюда привезли? Во время последней нашей встречи я настоятельно просил вас оставить мысль о том, чтобы склонить меня к сотрудничеству с вами!

И тут нервы чекиста не выдержали. Вскочив со стула, он настежь распахнул дверь и грубо бросил: «Пошли вон отсюда вместе со своим Богом!» Я ушёл с Богом. Больше мы с ним уже не встречались.

Время шло, я стал уважаемым, опытным инженером, к которому прислушивались и в других комбинатах этого

профиля; начальство даже предлагало мне принять третий комбинат, уже в качестве директора. Я отказался, поскольку работа и так отнимала у меня много времени. Для меня же была наиболее важной духовная работа. Однажды я зашёл к управляющему, чтобы он подписал требование на получение денатурата. Это было обычное дело, поскольку мы им промывали контакты электропускателей. Предложив сесть и закрыв двери на ключ, он как-то странно начал вглядываться в мое лицо.

— Кто ты, Николай Михайлович? — наконец, спросил он меня.

Мне был непонятен его вопрос, поэтому я просто смотрел на него.

— Скажи мне, кто ты? — снова повторил он свой вопрос.

— Как, кто я? Третий год работаю у вас, и вы не знаете?

— Знаю! Да вот был сегодня в крайисполкоме, где меня начальство спрашивало, работает ли у меня Игнатов. Когда я ответил утвердительно, мне сказали:

— А знаешь ли ты, что он сектант?

— Знаю, — ответил я.

— А то, что он американский шпион, знаешь?

— Нет, этого я не знаю. Но одно могу сказать: на нем весь трест держится! Так что вы там по своей линии и статьям делайте с ним, что хотите, но у меня его не трогайте! Ну, а теперь скажи мне, кто же ты на самом деле?

Я засмеялся и ответил, что американцев видел только в журнале «Крокодил», и что являюсь проповедником Церкви христиан Адвентистов Седьмого Дня. У нас завязалась интересная беседа. Я рассказал ему о Боге, о Плана спасения, о Втором пришествии Христа и конце этого мира, а также о том, что Бог очистит эту Землю посредством огня и создаст новую, где ничего греховного уже не будет. Выслушав мои доводы, основанные на библейском учении, этот боевой офицер задумчиво сказал: «Ты

пороха не нюхал, а я из практики знаю, что такое огонь. Не нужно быть церковным пророком, чтобы знать: земля может гореть».

Эта беседа ещё больше укрепила его доверие ко мне. Он тут же приказал отдать бутыль с денатуратом под мою ответственность. С центрального склада его перенесли в мой кабинет, для надёжности. Позже он поднял мой оклад, сделав его даже больше своего. Он не скрывал, что пошел на это, чтобы я не ушёл работать в другое место. Разумеется, все действия со стороны начальства были приятны, и все же постоянно преследовало чувство, что нельзя расслабляться и терять бдительность, так как неизвестно, с какой стороны следует ожидать подвоха лукавого, который внимательно следит за каждым из Божьих детей.

Как-то утром, когда я разбирался с производственными документами, меня пригласили к директору, где ожидали представители правоохранительных органов. Я стал перебирать в памяти все обстоятельства, по которым мог понадобиться милиции. В кабинете Марии Андреевны я увидел полковника Шишкина в сопровождении четырех рядовых милиционеров — тех самых «товарищей», которые меня в ссылку сопровождали. Не успел я ещё сказать «здравствуйте», как Мария Андреевна объявила:

— Вот мой инженер Николай Михайлович. Все вопросы решайте с ним, — и тут же, обращаясь ко мне, продолжила. — Крайисполком вынес решение: одно крыло бани отдать под вытрезвитель. Проводите товарищей, пусть они подберут мужское или женское крыло, какое им понравится. Должен признаться: иногда я бываю вредным. Подаю руку полковнику и говорю: «Товарищ полковник, а всё-таки земля вертится! Помните наш разговор?» Пожимая мою руку, он ответил мне пословицей: «Кто старое помянет, тому глаз долой! Покажите нам ваше хозяйство».

Позже я рассказал Марии Андреевне, почему такими словами встретил полковника, она от души рассмеялась.

Я не переставал удивляться Божьему провидению и тому, как чудесно Он вёл меня, оберегая от уловок сатаны. На этот раз Господь чудесным образом поднял Своего слугу в глазах тех, кто до сих пор смотрел на меня как на тунеядца и фанатика, мешающего обществу строить «светлое» будущее. Когда вытрезвитель заработал, мы часто встречались с «товарищами» из милиции, говорили о многих вещах и о моей ссылке также. Они соглашались со мной, списывая все на «перегибы в политике Хрущёва», объясняя, что в настоящее время партия и правительство эти ошибки исправляют.

Что же касается моего служения в Церкви, то я старался, чтобы работа на производстве не причиняла ущерба церковной деятельности. В этой связи я посещал все общины Хабаровского края и Амурской области, часто бывал в Приморье, навещая членов Церкви, рассеянных по всему Дальнему Востоку. Где была необходимость, совершал Вечерю Господню и крещение. Однажды утром, ожидая на остановке трамвая, чтобы ехать на работу, я заметил Зайко, который, поприветствовав меня, сказал: «Мы негласно позволяем вам ездить по Хабаровскому краю, посещать ваших единоверцев, и надеемся, что вы это заметили. Но у меня к вам просьба: если захотите отправиться за пределы края, то, пожалуйста, позвоните мне», — и протянул мне свой номер телефона.

Я взял листок и поблагодарил его. В то время не только у меня, но и у многих других служителей на этот счёт было такое мнение: звонить — значит давать повод к сотрудничеству и наперед открыть, куда и зачем я намереваюсь ехать. Поэтому мы старались не пользоваться этими «услугами».

Как раз в это время была запланирована встреча служителей в городе Свободном Амурской области. В соответствии с программой мы намеревались в субботу

вместе с местной общиной совершить Вечерю Господню, а после обеда провести совещание служителей. Подобные мероприятия служили большим ободрением для всей общины, поскольку была возможность для членов Церкви встретиться со многими проповедниками. Да и для нас было приятно общение с людьми, тем более что местные власти не препятствовали верующим собираться для своих богослужений в доме одной нашей сестры, которая вот уже двадцать семь лет не вставала с постели. На неё было жалко смотреть, поэтому надо отдать должное властям, которые из-за сочувствия к больной не трогали верующих. Мы также решили воспользоваться этим обстоятельством, однако не учли, что власти внимательно наблюдали за тем, кто приходит на богослужения. Надо признаться, что разумнее было бы туда не идти. Это была наша большая ошибка.

Первая часть богослужения в ту субботу прошла спокойно. Во второй же части служения должен был проповедовать я. Как только я поднялся для проповеди, в дверях появилась милиция в сопровождении женщины — председателя горисполкома. Подойдя ко мне, она властно приказала: «Прекратите!» Я замолчал. Женщина потребовала предъявить паспорта; нас всех переписали. Уходя, она сказала: «Чтобы через час вас никого здесь не было. Приеду, проверю. Если кого-то застану, пеняйте на себя». Чтобы не спорить с властями, мы решили перейти в другой дом, где смогли провести все запланированное. Но прежде чем уйти, мы побеседовали с нашей больной сестрой. Это был не первый случай, поэтому больная хорошо знала, что говорить представителям власти: «Болен ли кто из вас, — написано в Библии, — пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним...». Это и было совершено.

Спустя какое-то время при случайной встрече Зайко поинтересовался делами, работой...

— Ездили куда-нибудь? — спросил он.

— Да нет, — ответил я ему.

И, действительно, последнее время я никуда не ездил, а вот о поездке в город Свободный как-то забыл. Когда же вспомнил, то подумал, что ему уж точно известно об этой поездке, поэтому решил рассказать.

— Как же забыл! — сказал я. — Я был в Свободном. Там у нас больная сестра, которая более двадцати лет не встаёт с постели. Вот и ездил совершить над ней молитву.

— Мы дали вам возможность беспрепятственно ездить по всему Хабаровскому краю, потому что уже знаем вас, — хмуро сказал он. — Но я просил вас позвонить, если вам нужно будет выехать за пределы Хабаровского края. Вас там не знают, и могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Я мог бы позвонить и предупредить местные власти о вашем приезде. Вы вот жалуетесь на власть, которая якобы вас преследует, в то время как сами «нарываете» на преследования. В этом случае вас спасло то, что хозяйка дома, где вы собрались, действительно больна и пригласила вас.

После этого разговора я размышлял над его словами. Может быть, и в самом деле мы были слишком подозрительны и добавляли себе проблем? С другой стороны, у нас было уважительное оправдание такого поведения. Власти того времени так себя зарекомендовали, что им опасно было доверять. Их методы «перевоспитания» были настолько коварными, что во время религиозного потепления нелегко было восстановить к себе доверие со стороны верующих, и на это потребовалось немало времени. Например, дом, в котором жила наша семья, власти конфисковали и передали на баланс Жилищного управления. Это также была своеобразная мера «воспитания». Так что «товарищу» Зайко ничего не оставалось, как извинить меня за то, что я ему не позвонил — не было у меня к нему доверия.

Прошло время, и руководители Церкви сообщили нам о принятом решении переместить нас на новое место служения — в город Усть-Каменогорск, что в восточном Казахстане. К этому времени у нас уже было пятеро детей, и, конечно же, каждый переезд был связан с определенными трудностями. Более того, обстоятельства вынуждали соблюдать конспирацию. Переезжать на новое место служения следовало так, чтобы об этом спецслужбы не узнали раньше, чем мы сумеем переехать. Иначе на новом месте власти могли не разрешить даже контейнер с вещами разгрузить. Кроме того, путь назад также мог оказаться закрытым.

3. И суровый климат Севера может стать родным

Честно признаться, нам не очень хотелось переезжать на новое место жительства. Власти Хабаровска успокоились, нас никто не трогал. Да и работа у меня была хорошая — материально мы были обеспечены. Община нас также любила. За годы репрессий мы сдружились, стали одной семьей, и потому всякая мысль о расставании вызывала в душе не только тоску, но и протест. Однако решение принято, а мы считали его Божьей волей, а потому с верой в Его охрану и руководство стали готовиться к отъезду. Первое, что я сделал, это подал заявление об увольнении. Управляющий назвал этот шаг «подвохом», которого он не ожидал. Не ожидала его и Мария Андреевна. Я объяснил, что мой уход с работы связан с переездом на новое место жительства. Разумеется, нам всем было грустно. Управляющий трестом Батурин отнесся к этому с пониманием и на прощание сказал: «Если у тебя на новом месте что-то не получится, и ты вернешься назад, ищи меня, где бы я ни работал — сразу возьму тебя к себе». Я был искренне благодарен этому доброму, мужественному человеку. Что же касается Марии Андреевны, то она

просила, чтобы я порекомендовал кого-то из моих братьев на свое место. К сожалению, способных к такой работе в общине в тот момент не оказалось. Позже мне рассказывали, что она сама приходила в нашу церковь и спрашивала, есть ли нуждающиеся в работе, и приглашала к себе на комбинат. Обещала не только субботу, но и пятницу сделать выходными днями.

Получив расчёт на работе, я пошёл к уполномоченному совету по делам религий. У меня была мечта: превратить дом, в котором мы жили, в молитвенное помещение. Таким образом я надеялся не только решить проблему общины с молитвенным помещением, сохранив церковную собственность, но и незаметно уехать из Хабаровска. Должность уполномоченного занимал уже другой человек, которого я не знал, как и он меня. Это усложняло задачу, но я решил попробовать. Мы познакомились. Думаю, что ему обо мне рассказывали. Он мне показался человеком мирным и даже сговорчивым, и я рассказал ему о своем плане переделать дом, в котором живет моя семья, под молитвенное помещение. Да, собственно, он и покупался с такой целью. В соответствии с моей версией, моя семья переходила на жительство в другую квартиру. Уполномоченный не возражал против моего решения. Но посоветовал написать заявление в местный райисполком, поскольку эти вопросы решаются там. Он же со своей стороны пообещал походатайствовать за меня. Оставив заявление, я пошёл домой с уверенностью, что дом останется за общиной. На неделе я пригласил молодых людей, которые убрали в доме все перегородки. Вот так, у нас получился замечательный зал для богослужений. Мы же пока всей семьей перебрались на веранду. Поскольку все равно готовились к отъезду, веранда служила нам неплохим временным жилищем.

В субботу мы провели богослужение уже в просторном зале, которым все были довольны, а в воскресенье

я вылетел на новое место служения искать жильё. Никто из общины, кроме Варвары Филипповны, не знал, что мы уезжаем. Десять лет совместных переживаний и борьбы скрепили нашу дружбу с этой верной женщиной, и теперь она никак не могла смириться с расставанием. Однако мы жили надеждой на встречу в вечности, когда расставаться больше не придется.

В Усть-Каменогорске я остановился в доме Александра Гренца — пресвитера местной общины. Его и его супругу Лию Фёдоровну смело можно назвать Божиими людьми. Оба их сына, Константин и Виктор, в то время также были служителями Церкви, совершая служение в других городах. Поэтому, дом Александра Богдановича стал моим временным пристанищем, пока я искал подходящее жильё для моей семьи.

Город, в котором нам предстояло жить, был небольшим, живописно расположенным у подножия гор, почему и получил свое название Усть-Каменогорск, то есть находящийся в устье каменных гор. Однако расположение города было и остаётся поныне совсем не безопасным. Дело в том, что в шестидесяти километрах вверх по реке построено Бухтарминское водохранилище. Если бы случилось несчастье и плотину прорвало, то весь Усть-Каменогорск оказался бы накрытым мощным водяным валом. Но об этом думать не хотелось, было приятно просто любоваться Иртышом, в котором позже мне не раз приходилось совершать водное крещение. Александр Гренц знал от церковного руководства о приезде нового пастора, потому уже искал для нашей семьи дом, который на следующий день мы и отправились смотреть. Район, в котором находился этот дом, в народе назывался «Отрываловка», поскольку он был расположен на краю города, как бы «оторванный» от него горами. Поместная община здесь имела место для богослужения, и в этом же районе находился дом, который, как показали

обстоятельства, Господь предназначил для нашего дальнейшего жительства. Не слишком большой, деревянный, он оказался очень удобным и уютным для нашей семьи. Вокруг дома был небольшой сад с хозяйственными пристройками. Недалеко находилась трехэтажная школа, в которой позже учились наши дети. Магазин и автобусная остановка также были совсем рядом. Продавала дом хозяйка по сравнительно невысокой цене, поэтому мы быстро договорились о его покупке, и я даже дал задаток. В течение десяти дней хозяйка дома обещала подготовить все документы. За это время мы могли упаковать и вывезти свои вещи.

Возвратившись в Хабаровск, я узнал неприятные новости. Оказывается, приходил уполномоченный и, разыскивая меня, обозвал проходимцем, мошенником и т. п. Он сказал жене, чтобы я срочно явился к нему. Увидев меня, уполномоченный с горечью заявил, что я его подвел и обманул, поставил в глупое положение перед исполкомом. Оказалось, что когда уполномоченный поднял в исполкоме вопрос о передаче нашего дома адвентистам для проведения богослужений, там посыпались возражения. «Как он может распоряжаться домом, который ему не принадлежит? — говорили наши противники, — Этот дом у него конфисковали, и он теперь принадлежит государству, то есть находится в ведении ЖЭКа».

— Почему вы меня обманули? Ведь дом не ваш? — спросил уполномоченный.

— А разве я говорил, что это мой дом? — ответил я вопросом на вопрос. — Перечитайте моё заявление, в котором четко написано: «Дом, в котором я живу».

— Извините, я не придавал значения этой формулировке, — смягчился представитель власти.

— Можно лишь пожалеть, — сказал я, — что исполком не пошёл навстречу верующим. Мы бы взяли этот

дом в аренду и содержали его в надлежащем порядке. От такого решения и городу, и нам было бы хорошо.

После этого разговора мне ничего не оставалось, как просить исполком, чтобы нашу семью выписали и приняли от нас дом, потому что мы уезжаем. После тяжелого прощания в субботу с церковью, в воскресенье все наши братья и сестры провожали нас на поезд. Расставание было невыносимо трудным — все плакали, в том числе и мы.

Сегодня, вспоминая те годы, должен признаться, что две общины, Хабаровская и Усть-Каменогорская, навсегда остались в наших сердцах. Возможно, это случилось потому, что именно в этих городах Церковь подвергалась наибольшим преследованиям. В вечности среди миллионов спасенных я обязательно буду искать Варвару Филипповну, бабу Клаву, Юлию Николаевну, Любовь Павловну и многих других членов этих замечательных общин! Вместе с ними я хочу на Новой Земле поклониться Иисусу и поблагодарить Его за ту поддержку, которую мы постоянно чувствовали в борьбе и в испытаниях, в которых мы закалились и выстояли!

Хотя в то темное время гонений мы и лишились дома молитвы в Хабаровске, но он остался памятником искупления для тех дорогих душ, которые обрели спасение, посещая проводимые в нем богослужения. Кроме того, двери этого дома в любое время дня и ночи были открыты для всех людей, находивших в нем не только наставления для жизни, но и утешение, тепло, любовь и ободрение. Моя дорогая помощница, невзирая на занятость, усталость и нелёгкое бремя большой семьи, умудрялась создавать в этом доме атмосферу радости и доброты. Церковь долгое время считала отнятый безбожниками дом своеобразной жертвой ради спасенных от гибели людей.

Усть-Каменогорск

1. Новый этап борьбы

 Усть-Каменогорск мы приехали рано утром и сразу же направились в свой будущий дом. Хозяйка нас ожидала, документы были подготовлены, осталось только пойти к нотариусу, оформить куплю-продажу и получить на руки документы. Слава Богу, все было улажено без проблем и лишней волокиты. Осталось лишь немедля сделать прописку, а после этого можно было искать работу. Вскоре мы узнали, почему хозяйка спешила с продажей дома и почему сравнительно мало просила за него. Оказывается, её сын-подросток связался с местными хулиганами, и они в её сарае устроили притон. Поскольку муж погиб, сама она не могла справиться с этой шпаной, а заявить в милицию боялась.

Желая спасти сына от дурного влияния, она решила продать дом и уехать с ним к своей сестре. Теперь же, когда мы стали хозяевами этого дома, то сразу столкнулись с этой проблемой. По старой привычке ребята продолжали приходить в наш двор и устраивать свои встречи в сарае. Возможно, они надеялись втянуть в свою компанию и наших сыновей, но те от них отвернулись. К тому

же я строго поговорил с ребятами и попросил их больше в нашем дворе не появляться. Пришлось поменять забор, поставить хорошую калитку, завести собаку. Этими действиями мы всем дали понять, что хозяева здесь мы и никому не позволим хозяйничать в нашем дворе. Так и эта проблема была решена.

В первую субботу на богослужение пошёл только я один. Наша прописка еще не была оформлена, и потому я считал преждевременным себя обнаруживать. О нашем приезде знали только двое: Александр Гренц и Любовь Павловна, которая в то время была руководителем общины. Так, по крайней мере, предполагали мы. Но оказалось, что меня знала ещё одна сестра. Когда-то она ночевала у нас в Хабаровске. В прошлом учительница, она какое-то время была даже председателем сельсовета. Но когда эта грамотная женщина приняла библейскую истину, начальство «попросило» ее уйти с этой должности. Она уволилась, переехала в другой город и устроилась дворником в ЖЭКе. Однако спецслужбам удалось склонить ее к сотрудничеству и она стала их информатором.

Об этой истории я узнал от Александра Богдановича, предупредившего меня о том, что, увидев меня в собрании, она может сообщить о новой личности «товарищам». О её сотрудничестве со спецслужбами община знала, но все ее жалели, понимая, что сестра смелодушничала и попала к чекистам «на крючок». Однако этой женщине хватило мудрости после каждого очередного вызова в КГБ приходить к руководителю общины и рассказывать о разговоре с ними, но разорвать это «сотрудничество» у нее не хватало смелости.

В субботу, войдя в молитвенный зал, я сел на последней скамейке, где обычно устраивались представители власти, частенько посещающие наши богослужения. Поэтому члены Церкви приняли меня за очередного сотрудника исполкома, когда же меня увидела эта бывшая

учительница, на её лице отразился испуг. Она меня знала, но увидеть здесь никак не ожидала. По окончании собраний, когда все начали расходиться, я, поравнявшись с ней, тихо сказал: «Прошу тебя, пока нигде и никому обо мне не говори, потому что я ещё не прописан».

2. Особый порядок в доме молитвы

В следующую субботу мы уже всей семьёй пришли на богослужение. Я попросил местных руководителей общины представить нас как семью, переехавшую на жительство в Усть-Каменогорск. Разумеется, члены Церкви догадались, кто мы, ведь давно ожидали обещанного проповедника. Дом, в котором проводились богослужения, принадлежал девятидесятилетнему члену Церкви и был такой же древний как и его хозяин. Скорее это была низенькая избушка с пристройкой, в которой и проживал хозяин со своей женой, дочерью и уже взрослым внуком.

Несомненно, со стороны этих людей была большая жертва! Я не раз удивлялся условиям их жизни, но они всегда оставались веселыми и доброжелательными. У избушки было три окошка и две двери. Если первая дверь использовалась во время богослужений, то другая вела в пристройку, а оттуда — на улицу. Двери эти разделялись большой печкой, занимавшей половину помещения. Поэтому человек, заходящий в молитвенный зал, не видел проповедующего, поскольку его закрывала печь, за которой существовала вторая дверь, и через нее можно было выйти на улицу.

Служители, работающие здесь до меня, ввели особый порядок: во время богослужения один из членов Церкви дежурил, сидя спиной к кафедре и наблюдая за калиткой. Если появлялась милиция или визитеры из исполкома, он громко говорил «Аминь». Все присутствующие прекрасно понимали, что это значит. В этот момент проповедник

оставлял кафедру и скрывался за дверью, ведущей в пристройку. Выждав, пока милиция войдет в помещение через главный вход, он через запасную дверь выходил на улицу и исчезал из поля зрения. Именно таким образом служители избегали встреч с нежелательными гостями из милиции. Не берусь судить этих братьев, поскольку таким путем они сохраняли себя для Церкви.

Мне же эта система оказалась не по душе и я от неё сразу отказался. В определенной степени это унижало меня как проповедника, а также мое служение «Ангела, летящего по середине неба» (Откр. 14:6). С моей точки зрения, власти должны были знать, что Божья Церковь действует открыто.

В первую же субботу, когда меня представили общине, я вышел для проповеди и попросил сестру, сидящую спиной к проповеднику и смотрящую в окно, повернуться лицом к говорящему Слово Великого Бога.

— А как же милиция? — недоумевая, спросила она.

— Забудь сегодня о ней, дорогая сестра. Милиция — это слуги Божьи, и они Им призваны наказывать делающих зло. Мы же не злодеи, а молимся Богу, Который знает, с какой целью иногда посылают их в собрание Его народа. Он также знает, как прекратить такие визиты.

Община согласилась, что нет никакой нужды прибегать к такому методу защиты своего служителя. Мы решили продемонстрировать властям, что являемся открытым обществом, и в нашем служении нет ничего такого, что можно было бы толковать как антиобщественное или антисоветское. Пусть лишний раз удостоверятся, что мы не уклоняемся от регистрации. А то, что не зарегистрированы, — вина самих властей. Они специально создают такие ситуации, чтобы объявить нас вне закона.

Я также посетил исполком, чтобы наладить добрые отношения с властями и попытаться доказать им, что мы законопослушные граждане своей страны. Правда,

на меня там смотрели как на марсианина, который пытается доказать что-то недоказуемое, и заявили: «Мы издаём законы, а вы пришли учить нас этим законам?» И оштрафовали меня на пятьдесят рублей!?

На этом я не остановился и пошёл к уполномоченному совета по делам религий, чтобы познакомиться с ним и выяснить, что можно сделать, чтобы узаконить нас. Принял он меня весьма любезно, но из разговора я сделал вывод: человек занимает солидную должность, ничего не делая, получает хорошую зарплату и проблемы верующих его совершенно не интересуют, хотя по закону он должен был бы их решать. Сидеть одному в кабинете ему было скучно, поэтому он с удовольствием и довольно долго мог разговаривать на все темы, однако, кроме разговоров, дожидаться от него каких-то действий было бесполезно. С этого времени я больше к официальным властям не ходил. Разве что, когда вызывали. В Хабаровске нас также преследовали, угрожали, но такой жестокости, как здесь, я не видел нигде. Не зря же перед нашим переездом в Усть-Каменогорск руководители Церкви нас предупреждали: «Власти там очень жестокие». Мы в полной мере испытали это на себе.

3. От штрафов к временному затишью

Теперь каждую субботу на наши богослужения приходили представители власти. Они садились на последнюю скамейку и тщательно записывали всё, что происходило. Писали не только проповеди, но упоминали открывающих собрание, какой пели псалом и даже о чём молились. Так продолжалось месяца два. Потом всех, попавших в список, вызывали в исполком на комиссию, состоящую из пятнадцати человек. Там происходил «разбор» служения, перечислялись присутствующие на богослужении и что каждый из них делал. Разумеется, больше

всего претензий было ко мне, поскольку я проповедовал каждую субботу. В конце, как правило, комиссия принимала решение всех оштрафовать на тридцать рублей, а Игнатова — на пятьдесят.

Нас так часто штрафовали, что мы не успевали платить. Однажды эти люди докатились до такого абсурда, что оштрафовали вместе со мною и мою жену, хотя её в собрании в тот день вообще не было. После этого мне ничего не оставалось, как пойти к прокурору. Справедливости ради следует сказать, что, хотя эта женщина-прокурор иногда также принимала участие в подобных комиссиях, однако она весьма тактично не раз ставила на место некоторых особенно ретивых ораторов. Она меня любезно приняла, выслушала и согласилась, что решение комиссии оштрафовать Галину Ивановну было неправильным. Тогда я поинтересовался: целесообразно ли подавать на комиссию в суд, возможно ли рассчитывать, что решение будет принято в мою пользу? Она покачала головой, и я понял, что мои усилия, скорее всего, будут бесполезными.

Тогда мы с общиной приняли решение перенести время проведения субботнего богослужения на половину седьмого утра, чтобы до десяти часов оно было закончено. Следует отметить, что количество членов общины от этого нововведения не уменьшилось. В первую же субботу к десяти часам утра все успели разойтись. Пришедшая к этому времени женщина из исполкома немного посидела в пустом зале, после чего поинтересовалась у хозяев дома, в чем дело. Те ответили, что, вероятно, все сидят дома, после чего нас всех стали проверять по домам. Местные власти прекрасно понимали, что верующие не могут так просто сидеть дома в субботу, не проводя богослужений.

Вскоре они узнали об изменении времени собраний, и их представители снова появились на богослужении. Нам пришлось опять менять время, а иногда даже уходить

в горы или проводить богослужение за городом. Был период, когда преследовавшие нас «потеряли» на время, так что несколько месяцев мы спокойно собирались. Однажды нам стало известно, что в одну из суббот по решению местного исполкома человек шестьдесят искали нас по всем известным им адресам, но безуспешно. Поэтому в разговоре с безбожниками я пытался дать им понять, что они себе же делают хуже. Когда мы беспрепятственно собираемся в одном и том же месте, они имеют возможность контролировать всё, что происходит в собрании, но бесконечными штрафами они загоняют нас в подполье. Нам от этого неплохо, поскольку мы избавились от них.

Нужно признаться, что и среди представителей власти были доброжелательные люди, которые выполняли поручения под страхом увольнения с хорошей работы. Они нам говорили: « Многим из нас вы глубоко симпатичны, но мы не имеем права это открыто говорить. Нас просто заставляют следить за вами, и мы вынуждены это делать по принуждению».

Спустя какое-то время меня пригласили в исполком и сказали: « Довольно бегать по домам. Идите в свой молитвенный дом и проводите свои богослужения там, но регистрировать вас всё равно не будем» и мы снова вернулись в нашу ветхую, но дорогую сердцу избушку.

Что же касается нашего личного обустройства, то мы к переездам привыкли. С устройством на работу также проблем не было. Я решил найти такую работу, которая бы не требовала много времени и усилий. В фирме бытовых услуг мы с женой занимались натиркой паркетных полов. Хотя работа была не особенно приятной, но оставалось достаточно свободного времени для служения в Церкви. Когда же я приобрёл собственную полотёрную машину, дела вообще пошли хорошо. Иногда вместо Галины Ивановны в работе мне помогали старшие дети.

4. Трудности в школе

Заканчивалось лето, и детям предстояло идти в школу, а значит, следовало ожидать новых неприятностей. Мы с учителями предварительно не договаривались относительно субботы, иначе детей могли просто не принять. Решили обсуждать этот вопрос по мере необходимости. Мы понимали, что предстоящая борьба будет жестокой, но нашим выбором оставалось решение быть верными Богу, а потому молились, чтобы Господь дал силы устоять и победить.

После первой же субботы от начала школьных занятий, в понедельник, когда учителя спросили детей, почему их не было в школе, они смело заявили, что являются верующими и по субботам школу не посещают. Это сразу же вызвало целую бурю негодования всех учителей. Нас, родителей, начали вызывать в школу, в районо, в исполком, на разные комиссии. Снова последовали штрафы и даже угрозы лишить родительских прав и забрать детей. Положение усугублялось ещё и тем, что старшие дети ходили в школу во вторую смену, а это означало, что когда в пятницу солнышко заходило раньше и наступала суббота, то дети также прекращали учебу. В одну из таких пятниц перед заходом солнца наш старший сын Костя, запыхавшись, прибежал домой и сообщил, что весь класс гонится за ним. Через короткое время действительно во двор ввалилась целая толпа детей. Увидев Галину Ивановну, они остановились.

— В чем дело, ребята? — спокойно спросила она.

— Нам нужен Костя, — начали скандировать школьники.

— Костя сейчас к вам не выйдет. Я его мама. А кто вас за ним послал?

— Учительница! — шумя, ответили дети.

— Ну, что ж, возвращайтесь в школу и скажите, что Костя не придет.

Потоптавшись немного на месте, растерянные дети отправились в школу. На следующий день, то есть в субботу, когда мы были еще в собрании, в нашем дворе собралось много других детей, которые шумели, кричали, стуча в окна и двери. Поскольку жили мы недалеко от собрания, то я отправился домой. Пришел в то время, когда ребята уже выходили из нашего двора на улицу. На вопрос, что они там делали, дети ответили, что учительница их послала за Ириной, чтобы привести её в школу. Я объяснил, что Ирины дома нет, и попросил сказать учительнице, которая их послала, что папа Ирины будет с ней разговаривать в другой день в кабинете прокурора.

После этого детские «набеги» больше не повторялись. Постепенно в школе с этой ситуацией смирились, а учителя и другие дети стали привыкать к тому, что в субботу парты наших детей не заняты. В той же школе учились ещё двое детей одной из наших сестер. Папа этих мальчика и девочки не был адвентистом, поэтому они по субботам посещали школу. И вот, в одну из суббот в классе, где училась девочка из этой семьи, зашёл разговор о вере в Бога.

— У вас такая же вера, как у Игнатовых? — ехидно спросила учительница.

— Да, — ответила ученица.

— Какие же вы верующие! Вот Игнатовы Заповеди своей веры соблюдают и в субботу на занятия в школу не ходят!

Спасибо, что напомнили, — собрав свои книги в портфель и покидая класс, сказала девочка, — я теперь также по субботам не буду ходить в школу, а пойду молиться.

Что тут началось! Поднялась целая буря. Проблема усугубилась, когда её брат, узнав об этом разговоре с учительницей, также решил по субботам не посещать занятия в школе. Нас с женой и мать этих детей вызвали

в исполком и, осыпая криками да угрозами, выписали штрафы по пятьдесят рублей. Мать же этих детей заявила: « Я рада, что мои дети приняли правильное решение, и очень благодарна той учительнице, которая помогла им в этом».

Забегая наперед, скажу, что эта девочка позже стала женой служителя, а её брат является проповедником Церкви АСД. Это посвященные и верные Богу люди. Так школьная война закончилась победой Господа, Который в очередной раз защитил своих детей, а мы отделались только штрафами, хотя власти и угрожали отобрать детей. Наши дети продолжали учиться в этой школе, соблюдая субботу. Они вместе с нами посещали богослужения и принимали в служении активное участие.

Местные органы власти научились нас терпеть. Представители исполкома по субботам навещали нас лишь иногда. Вскоре в общине был организован хор, хотя мне одновременно приходилось петь и басом, и тенором, выполнять функции органиста и даже дирижера. Несмотря на то, что в церкви были и другие мужчины, однако способных петь не было; некому было и проповедовать. Если по какой-то причине я отсутствовал, меня заменяла Любовь Павловна. Мы даже приобрели некоторые музыкальные инструменты и организовали оркестр. Это давало возможность часто устраивать торжественные богослужения, и у нас неплохо получалось. Хотя община состояла из людей разных национальностей (русских, немцев, эстонцев) и приходилось один псалом петь на трёх языках, мелодия звучала довольно гармонично, так что все испытывали воодушевление.

Однажды в субботу наше богослужение посетили двое представителей исполкома. Во время перерыва ко мне подошёл мужчина.

— Николай Михайлович, — сказал он, — вы извините, что мы в таком виде к вам пришли.

— За что вы просите прощения? — удивился я. — Это ваша работа — посещать нас, и мы к этому уже привыкли.

— Нет, — говорит он, — вы меня не так поняли. Я вот смотрю, как одеты вы и как мы.

— Ну и что? — недоумевал я. — Ведь имеет значение не одежда, а цель посещения.

— Знаете, когда нас посылали к вам, я сказал своей коллеге: «Ты знаешь, куда мы идём? К сектантам. Поэтому одевайся во всё тёмное, чтобы не выделяться». На деле же получилось, что мы как раз и выделяемся среди вас. Вы ведь все так празднично одеты!

Это была правда. Все наши девушки одевались в белые блузки и чёрные юбки. Такой была форма хора. Женщины тоже были в нарядных светлых платьях, красиво причесаны, мужчины в костюмах, при галстукке. На фоне нашего общества они смотрелись как унылые монахи из монастыря. Цель атеистической пропаганды заключалась в том, чтобы представить верующего человека в самом непривлекательном виде и таким образом очернить религию и Бога. Когда же у них открывались глаза на действительность, у честных коммунистов появлялось желание узнать верующих ближе. Так произошло и в данном случае. Наши гости пожелали познакомиться с домашним бытом адвентистов, поэтому Любовь Павловна тут же пригласила их после богослужения к себе домой. Мужчина с удовольствием принял приглашение.

Как позже она рассказывала, войдя во двор, а затем в дом, исполкомовский гость был удивлён чистотой и порядком. Он был просто ошеломлен, увидев на тумбочке телевизор, а на столе стопку газет.

«Вы что, принимаете нас за каких-то отшельников? — спросила Любовь Павловна. — Да, мы читаем газеты, смотрим телевизор, интересуемся всем, что происходит в мире».

Увидев на столе семейный альбом с фотографиями, гость удивленно спросил: « Так вы и фотографируетесь? Разве для вас это не грех?»

Тут пришла наша очередь посмеяться. « Да, просто так закрыть вас, как эту книгу, — сказал он, захлопнув альбом, — нельзя. Вы совершенно нормальные люди!»

После такого «открытия» во время заседаний комиссии исполкома, членом которой гость состоял, он очень осторожно выступал в нашу защиту.

5. К нам приехал фотограф

Из нашего скромного дома молитвы нас уже не выгоняли, но безбожники продолжали упорно искать пути и средства, чтобы каким-то образом отстранить меня от руководства общиной, а если удастся, то и судить. Тем более что у местных властей был уже опыт с баптистами, имеющими регистрацию и довольно большой молитвенный дом. Во время богослужения к ним пришли люди из местного телевидения и под видом того, что снимают фильм о жизни верующих в Советском Союзе, о свободе вероисповедания и о том, как люди молятся, совершая свои обряды, начали снимать. Баптисты, естественно, разрешили. Снимали крупным планом людей и, конечно же, пресвитера, улыбающегося на камеру. Позже этот фильм показали по местному каналу телевидения. Все представлялось в искажённом виде, уродливо, с лживыми комментариями. Поэтому мы решили, что не будем позволять кому бы то ни было фотографировать наше богослужение. Однажды, спустя несколько месяцев, в одну из суббот проходил урок Субботней школы. Я, по обыкновению, сидел на своём месте между кафедрой и фисгармонией. Кафедра закрывала от меня входную дверь, и я не мог видеть, кто входит в молитвенное помещение. Неожиданно раздался голос старшей диаконисы:

«Прекратите фотографировать!». Оказалось, что в зал зашли три человека с фотоаппаратом и начали фотографировать в основном детей, которые сидели в зале.

Я решил вмешаться в конфликт, сказав, что по закону без разрешения руководства общины они не имеют права снимать. Кроме того, попросил пришедших предъявить документы. Один из незваных гостей оказался депутатом горсовета. Мы записали его фамилию, а фотографа попросили спрятать фотоаппарат.

«Я корреспондент, — ответил тот, — и имею право снимать даже в Кремле».

«Вот в Кремле и снимайте, — сказал я, — но не в церкви. Вы за это понесёте наказание».

Не желая вмешиваться в словесную перепалку, депутат сразу вышел. Третьим из этой компании оказался руководитель местного телевидения Карташов. Документов он не предъявил, однако, услышав мою фамилию, издал непонятный звук и суетливо заторопил фотографа: «Скорее, скорее Игнатова фотографируйте! Это его сын в армии отказался принимать присягу!» Тут поднялись почти все члены Церкви, и началась жаркая перебранка. Вмешался девяностолетний хозяин дома молитвы, дедушка Ежель. От старости он плохо видел, да к тому же страдал ревматизмом, отчего пальцы на его руках были деформированы. Услышав, что здесь Карташов, дед разволновался и начал выговаривать: «Ах ты, злой человек, кто тебя приглашал сюда? С пятьдесят шестого года ты меня мучаешь!» В это время фотограф неожиданно нажал кнопку, сработала фотовспышка и ослепила деда. Не понимая, что происходит, старик в испуге замахал руками. Так случилось, что пальцы его руки запутались в ремнях фотоаппарата, висевшего на груди фотографа, и он попятился к выходу. Боясь навредить такому древнему старику, фотограф послушно пошел за ним, как на уздечке. В помещении остался один Карташов. В порыве

возбуждения члены Церкви уже были готовы вынести его из молитвенного дома. Видя такое дело, наш незваный гость вскочил с места и направился к дверям, в то время как женщины под улюлюканье любопытных соседей сопровождали его до самых ворот. За воротами стоял автобус, в котором находилось еще человек восемь с фотоаппаратами. Они также смеялись.

Проводив непрошенных гостей, все возвратились в молитвенный зал и, чтобы окончательно успокоиться, спели псалом: «В жизненном море с волнами бороться, Бог мой, я тяжко, смертельно устал.... А берег желанный все еще кажется так далеко... Трудно тебе! О, Я знаю, как трудно!..., но не забудь: Отчий глаз над тобой!..». Постепенно все успокоились, и мы продолжили собрание.

В понедельник, когда я уже собрался идти в облисполком к уполномоченному совета по делам религий, меня опередили. За мной прислали чёрную «Волгу» с приглашением явиться в исполком. В кабинете председателя, кроме самого хозяина кабинета, меня ожидал прокурор, директор ресторана, в котором я работал, и Карташов с тем самым фотографом. Меня посадили рядом с Карташовым, и председатель попросил рассказать обо всем, что произошло в субботу. Во время рассказа Карташов пытался часто меня перебивать, искажая факты, в то время как фотограф фотографировал. Здесь ему уже никто не мешал.

Позже, председатель обратилась к директорше ресторана:

— Почему вы покрываете Игнатова, не работающего по субботам?

— Когда я прихожу на работу в воскресенье утром, полы блестят, как новенькие. Работой его я довольна, а когда он их натирает, мне всё равно, — спокойно ответила директорша.

Далее зашел разговор о детях, посещающих богослужения. Я попытался донести до сознания властей, что

они сами нарушают законодательство о культах, где четко сказано, что родители имеют полное право воспитывать своих детей согласно своим убеждениям. И это право принадлежит не только родителям, но также бабушкам и дедушкам, приводящим своих внуков в церковь. Конечно, я понимал, что меня никто не слышит. У них на это была своя, уже определенная сверху, точка зрения. В результате состоявшегося заседания комиссии было вынесено решение: оштрафовать Игнатова Н. М. на пятьдесят рублей. Но тут взяла слово прокурор Лебедева, порекомендовав вначале ограничиться предупреждением. На этом и остановились. Хотя нам и было сделано предупреждение, но с помощью Божьей мы отвоевали право наших детей присутствовать с нами на богослужениях. Уверен, что в каждой такой битве незримо присутствовал ангел Божий, который и оказывал положительное влияние на честных коммунистов вроде прокурора Лебедевой.

После заседания комиссии исполкома я направился к уполномоченному совета по делам религий. Мне показалось, что он в какой-то степени даже обрадовался моему посещению.

— Рад видеть вас, Николай Михайлович! — сказал он в ответ на мое приветствие.

— Не знаю, насколько вы, Евгений Михайлович, рады меня видеть у себя в кабинете и даже в городе, (сам же подумал, что ему, вероятно, было бы приятней в своих отчетах указать, что в городе нет Адвентистской Церкви), но у меня появились вопросы. На заседании специальной комиссии исполкома, на которую меня пригласили в очередной раз, к сожалению, комиссия ответить на них не пожелала. И я решил написать в газету «Известия», которую регулярно выписываю. Хочу попросить редакцию печатного органа «Совета депутатов трудящихся СССР» разъяснить некоторые вопросы. Но сначала решил посоветоваться с вами.

Не знаю, насколько моя идея написать в газету ему понравилась, но то, что адвентистский пастор зашел за советом к уполномоченному, ему явно льстило, и он сделал вид, что внимательно слушает.

— Первый вопрос у меня такой: Церковь Адвентистов Седьмого Дня в СССР признана законом или нет?

Было видно, что Евгению Михайловичу вопрос был не совсем по душе, поэтому он не желал отвечать прямо и перешел на демагогию:

— Понимаете, ведь есть адвентисты зарегистрированные, и они признаны в стране, а есть незарегистрированные.

— Позвольте, — посмел я возразить ему, — есть ли зарегистрированные свидетели Иеговы?

— Нет, — ответил он одним словом.

— А почему? — спросил я.

— Потому что они не признаны советским законодательством.

— Спасибо. Вот и я так понимаю: если существуют зарегистрированные общины Адвентистов Седьмого Дня, то это значит, что эта Церковь признана законодательством СССР. Стало быть, и верующие адвентисты признаны легитимными независимо от того, зарегистрированы они или нет. Так?

— Получается, так, — нехотя ответил этот блюститель соблюдения законодательства.

— Тогда, пожалуйста, помогите мне объяснить ответственной за соблюдение закона женщине в исполкоме, что адвентисты в СССР признаны законом. Второй вопрос: могу ли я, как отец, брать своих детей в церковь?

— А зачем? Они ведь всё равно ещё ничего не понимают, — уже охотнее заговорил уполномоченный. — Потом, они там вам мешают, нарушают ход вашего богослужения, шумят. Это же дети.

— Это правда, — согласился я. — Да, они, действительно, еще не все понимают, но они у меня там на

глазах, и мне не надо волноваться о том, что, оставшись дома, они что-то натворят.

И в этом вопросе он вынужден был согласиться со мной.

— Пожалуйста, помогите тогда мне пояснить той женщине, что я законно привожу своих детей в церковь, а то она меня в который раз предупредила, что, если застанет в церкви моих детей, опять выпишет мне штраф на пятьдесят рублей. И последний вопрос: имеют ли право посторонние приходить в наш молитвенный дом и во время богослужения нас фотографировать?

— А что случилось? — заинтересовался Евгений Михайлович.

Когда я рассказал ему о происшедшем в субботу конфликте с фотографом и о только что состоявшейся встрече в исполкоме, где меня пытались представить нарушителем общественного порядка, он начал делать пометки в своем рабочем блокноте.

— В соответствии с Библией, — заговорил он, — такое дело, кажется, называется бесчинством? А по-нашему — это беззаконие! Они должны были сначала этот вопрос согласовать со мной, а фотографировать имели право только после вашего согласия. Если всё, что вы сейчас рассказали — правда, эти люди будут наказаны.

— Что ж, спасибо, вы ответили на все мои вопросы, и у меня теперь отпала необходимость писать в газету.

На этом мы расстались. Не знаю, разбирался ли наш уполномоченный с этими проблемами или нет, но за присутствие детей в собрании нас больше не штрафовали.

6. История и действительность колхоза «Красный пахарь»

К общине Усть-Каменогорска принадлежало немало верующих, проживающих в области. Как и положено,

мы их постоянно посещали, в особенности пожилых, больных — всех тех, кто был не в состоянии приезжать на Вечерю Господню в город.

Была группа адвентистов и в колхозе «Красный пахарь», что в восемнадцати километрах от города. В том колхозе жил брат Гегель — старейший адвентист в этом районе. Он и поведал мне историю своей деревни.

В первые годы советской власти сюда переселяли адвентистов — русских, немцев, эстонцев и латышей. Даже председатель колхоза был адвентистом. С наступлением субботы всякая работа на полях и в домах прекращалась, все жители деревни собирались на богослужение в молитвенном доме. Жизнь протекала мирно и тихо. Люди не причиняли друг другу вреда, не было воровства, семейных и общественных скандалов. Колхоз исправно выполнял план поставки зерна государству. В селе не было атеистов, а одни только верующие. Поэтому даже во время посевной или жатвы, когда каждый час был дорог, они продолжали придерживаться соблюдения субботы, регулярно проводили свои богослужения. Приедет, бывало, какой-то начальник из райкома партии и начинает возмущаться:

— Как это так? Посевная, а они молятся!

— Не переживайте, — успокаивают его адвентисты, — всё будет сделано вовремя.

И приглашают коммуниста на богослужение. Но нет, ему же запрещено!

Даже если кто-то и не против был посетить богослужение, боялся партийного выговора и порицания своих товарищей. Поэтому присланный из города начальник выходил на окраину деревни, усаживался на камне и ожидал, когда «субботники» закончат свою службу. Заходило солнышко, заканчивалась и суббота. Тогда все дружно, как шли на молитву, также и спешили в поле. Посевная всегда завершалась вовремя.

Четыре года подряд этот колхоз по всем хозяйственным показателям занимал первое место в области. Вот тогда и называли его «Красный пахарь». Районные власти вынуждены были признать успех тружеников села, однако боялись назвать колхоз передовым, потому что он был адвентистским. Со временем всех адвентистов разогнали, за исключением лишь нескольких семейств. В результате хозяйство сразу утратило былую славу и в дни наших посещений считалось одним из наиболее отсталых хозяйств в области. А вот название сохранилось прежнее — «Красный пахарь». Все это свидетельствовало, какой близорукой была идеология людей, руководивших в то время страной.

Во время моего очередного посещения членов Церкви в этом колхозе произошли печальные события. От эпидемии ящура погибло более тысячи голов крупного рогатого скота. При желании безбожники могли бы увидеть в этом несчастье то, что, разогнав верующих, они лишились Божьего благословения, но о покаянии они не желали знать.

Пока мы вели беседу с местным членом Церкви, из школы возвратилась его внучка и рассказала, что «в школу приходил какой-то дяденька, рассказывал о вас и показывал вашу фотографию. Потом он сказал: “Этот человек часто приезжает в вашу деревню. Если кто-то его увидит, пожалуйста, сообщите в сельсовет”». Несмотря на это предупреждение, я продолжал туда ездить один и с другими служителями, но никто никогда на нас не доносил; наоборот, люди всегда сердечно принимали, особенно в домах моих братьев.

Случались и курьезы. Расскажу об одном из них, произошедшем в другой деревне.

Вместе с местным пресвитером Александром Гренцем мы проводывали нашу сестру — старушку. Пока дома никого не было, мы с ней побеседовали, вместе

почитали Библию и только начали молиться, как зашел её внук — молодой человек лет двадцати пяти. Увидев нас молящимися, он начал ругаться и страшно сквернословить; затем одного из нас схватил за ворот и поволок к выходу, толкая ногами. Подняв полено и размахивая им перед глазами, грозился поубивать. Мы едва успели забрать свою обувь и выскочили босиком на улицу. Обувались мы уже за воротами. Хотя было неприятно, но мы не унывали. Что ж, с другими служителями случались истории и похуже. Так, пастор Пётр Шахматов, совершавший пасторское служение в Усть-Каменогорске до меня, посетил больную сестру с целью совершения Вечери Господней. Проживала она с сыном в квартире на втором этаже пятиэтажного дома. Пастор Шахматов подал больной женщине хлеб — символ Тела Христова, а вот вино дать не успел, потому что появился ее сын и «спустил» его со второго этажа по лестнице. Благо, что всё обошлось без переломов.

7. «Гость уполномоченного совета по делам религий

Прошло три года нашего пребывания в Усть-Каменогорске, и всё это время нами занимался исполком. Справедливости ради следует сказать, что спецорганы КГБ меня не тревожили, хотя я был уверен, что постоянно нахожусь в их поле зрения. Поэтому когда жена обнаружила в почтовом ящике приглашение к уполномоченному совету по делам религий, интуиция подсказала мне, что я нужен не Евгению Михайловичу, а «товарищам» из КГБ. Мое предчувствие оправдалось. Придя в исполком к назначенному времени, я застал уполномоченного одного у себя в кабинете. Увидев меня, он попросил подождать за дверью, в то время как сам поспешно начал кому-то звонить по телефону. Я выбрал удобное место, чтобы видеть, кто войдет в кабинет. Не прошло и десяти минут,

как я увидел худощавого высокого мужчину лет тридцати, одетого в белую рубашку и серые брюки, направляющегося к кабинету уполномоченного. Через короткое время был приглашен и я. Гость сидел за другим столом, откуда ему было удобно наблюдать за мной. Мой взгляд привлек лист бумаги, лежащий на столе уполномоченного, на котором крупными буквами были написаны восемь вопросов, которые, безусловно, интересовали «товарища» из КГБ. Мысленно я попросил у Бога защиты и мудрости.

Правда, поначалу хозяин и гость разыграли заранее подготовленный сценарий, в котором гость играл роль администратора труппы артистов, приехавших на гастроли. Получив от уполномоченного необходимые распоряжения, чекист взял журнал, присел в кресло и сделал вид, что внимательно его читает. Теперь хозяин кабинета, обратившись ко мне, начал задавать вопросы, в то время как его «гость» приготовился фиксировать мои ответы. А началось с банального: как семья, работа, что слышно нового? Я вспомнил покойного брата Ярмоленко, который в таких случаях очень мудро отвечал, и поэтому сказал его словами: «Слышно Пришествие Христа».

Отвечая на поставленные вопросы, поначалу я старался быть вежливым, как и подобает христианину. Мне хотелось, чтобы мои ответы были «свидетельством пред... язычниками». Однако вскоре мне стал противен этот спектакль, и я решил действовать, как говорят, с «открытым забралом».

— Евгений Михайлович, — обратился я к уполномоченному, — мне кажется, что вопросы сегодня какие-то странные. Они похожат на допрос следователя при управлении КГБ! Неудобно спрашивать вас, но мне кажется, что именно эти люди продиктовали их вам. Не могу понять, что этим «товарищам» нужно от меня? Неужели до сих пор они не поняли, что приручить меня или сделать «стукачом» невозможно! Пожалуй-ста, так и передайте им, что Игнатов — пастор Церкви

Адвентистов Седьмого Дня — «подписал контракт» сотрудничества со Христом и предавать Его интересы не собирается. И ещё. Моего отца, честного коммуниста-большевика, расстреляли как врага народа. Меня самого на пять лет оторвали от семьи и сослали как тунеядца «в не столь близкие места», хотя они хорошо знали, как честно и тяжело я трудился. Причём трудился там, где другие не хотели работать. Мне старались приписывать связь с американцами, которых я видел только в журналах. А сколько штрафов я уплатил за свою жизнь, знает один лишь Бог. Во всём этом я вижу их почерк...

Не успел я закончить свой пространный прямолинейный ответ, как присутствующий в кабинете гость встал и направился к двери, сказав уполномоченному, что все прочитал, все понял и потому уходит. После его ухода нам с Евгением Михайловичем уже больше не о чем было говорить. Я прекрасно понимал, что на этом деле не закончится и последуют новые попытки заставить меня подчиниться им. Такая попытка была предпринята еще раз, когда этот же «гость» (он так и не представился) попытался поговорить со мной лично, без посредника.

Как-то, возвращаясь с работы, я встретил его перед своим домом. После краткого приветствия он сказал:

— Вот, решил посетить вас.

Я пригласил его войти в дом. Разумеется, я обязан был представить его супруге.

— Галя, — сказал я, — это работник КГБ. Затем, обращаясь к нему, представил свою жену. Мой гость смутился и упрекнул меня:

— Николай Михайлович, зачем вы меня вот так представили?

— А как я должен был вас представить? Во-первых, я так и не знаю вашего имени, а во-вторых, у меня от жены секретов нет. Проходите, пожалуйста в дом — там только свои.

Помня, что эти люди опасаются лишний раз оказаться у кого-то на виду, я закрыл дверь комнаты, в которую мы вошли.

— Вам привет из Хабаровска, от Зайко, — начал он.

— А с приветом, наверное, и пакет, — иронично заметил я.

— Да, есть, — засмеялся он, показывая руками, какой величины этот пакет.

— Вы, наверное, пришли с какой-то целью? — спросил я.

— Да нет! Мне просто захотелось познакомиться с вами поближе, — ответил он.

— А что со мной знакомиться? Мы уже познакомились в кабинете уполномоченного, где вы пытались играть роль работника культуры, — бесцеремонно сказал я.

— Ну почему же «играть роль»? Я и в самом деле совмещаю работу в своем отделе и в отделе культуры, — оправдывался чекист.

— Но там, у Евгения Михайловича, вы, вероятно, узнали моё мнение о вашей организации.

— Не очень-то лестное, однако, это мнение! — признался «гость».

— А как вы считаете, каким должно быть это мнение после стольких обид и несправедливости, которые пришлось испытать мне лично, да и моей Церкви также? Теперь вам немало добрых дел следует совершить, чтобы о вас сложилось иное мнение и чтобы верующие люди о вас заговорили по-другому.

— Оставьте свои обиды, Николай Михайлович, ведь сейчас-то вас никто не обижает, а если и случаются какие-то недоразумения с властями, то мы здесь не виноваты. Все же я надеюсь, что иногда мы смогли бы с вами встречаться.

— Не хочу вас разочаровывать, — заявил я, — но вашей надежды разделить не могу. Могу лишь повторить

то, что когда-то сказал в Хабаровске товарищу Зайко: «Мы совершенно разные люди; у нас разные идеи, цели и взгляды, и от наших встреч никому пользы не будет. Поэтому давайте мирно разойдёмся и не будем друг друга беспокоить».

На этом мы и разошлись, чтобы больше не встречаться до конца нашего пребывания в Усть-Каменогорске.

Несмотря на такое жёсткое отношение властей, все же нам нравилось совершать служение в Усть-Каменогорске. Здесь жили верные, преданные Божьему делу люди, готовые на любую жертву ради Иисуса — в тюрьму или даже на смерть. Такими они стали благодаря Святому Духу, влияющему на их сердца в тех сложных обстоятельствах и формирующему у них мужество и верность. Нередко случалось, что некоторым семьям, живущим в деревнях, только за то, что они верующие, не позволялось заготавливать сено для скота; отрезали электропровода от дома, чтобы они не пользовались электричеством, не разрешали приобретать дрова для отопления. Но наш народ оставался непреклонным в своей вере, не впадал в уныние и не шел на уступки дьяволу. Я восторгаюсь их верностью!

Проживая в Усть-Каменогорске, я часто посещал другие города, такие как: Семипалатинск, Зыряновск, Лениногорск, Новокузнецк, Павлодар, Новосибирск, Омск. Везде встречались адвентисты, подвергающиеся разного рода преследованиям от безбожников. Случайные люди тогда в Церковь почти не приходили, поскольку боялись, в то время как слабые в вере укреплялись, вдохновленные мужеством своих собратьев. Также не наблюдалось особого влечения к моде, мирским соблазнам, к духовной бездеятельности. Молодёжь пылала Божьим огнем. Готовились интересные программы для торжественных богослужений, сочинялись удивительные мелодии, писались стихотворения, сценарии. И всё это

было не только интересно, но, что самое важное, глубоко назидательно, вдохновляло молодежь на подвиги.

Современные юноши и девушки имеют возможность пользоваться чудесами техники, компьютеризации, интернет-технологиями, почти не доступными старшему поколению. Для них патриотически-духовные программы времен нашей молодости могут показаться устаревшими. Я от всего сердца хочу пожелать им: дерзайте, делайте свои программы, которые соответствовали бы современным технологиям, духу времени. Используйте религиозную свободу на полную мощьность ради спасения людей.

Мне становится больно и грустно, когда я вижу праздность молодежи, подражание миру в моде, взаимоотношениях, в пении и музыке. Все это лишено духовной силы, не зажигает огнем христианского служения. О, если бы библейская истина зажгла сердца молодых людей сегодня, какие невероятные опыты они пережили бы, какую огромную работу спасения в это последнее время мог бы осуществить через них Господь!

8. Наказание и Господне исцеление

Недалеко от нас жила очень добрая пожилая сестра. Что же касается ее мужа, то по своему характеру он был злым человеком и большим противником библейской истины. Он часто и незаслуженно обижал свою жену. Я бывал у них в доме, пытался как-то повлиять, но на него ничего не действовало. Однажды они привезли во двор телегу, груженую сеном. Обычно для того чтобы фура сена по дороге не разваливалась, сверху на нее кладут бревно и верёвками прикрепляют к телеге. Так было и на этот раз. Хозяин забрался наверх фуры и приказал жене развязать верёвку, которая держала бревно. Когда бревно оказалось свободным, он сбросил его

вниз, где стояла жена. В этот момент она как раз наклонилась что-то взять, и бревно упало ей прямо на спину. Чудом оно не причинило ей никакого вреда. Когда она об этом рассказала, мы пришли к выводу, что это ангел Господа нашего защитил её.

— Что же ты делаешь? — выпрямившись, спросила женщина. — Ведь ты меня мог убить!

— А я и хотел этого, — зло буркнул он в ответ.

Спустя какое-то время эта женщина прибежала ко мне с просьбой:

— Приди, пожалуйста. Мой муж зовет тебя.

Такая просьба меня удивила, и тогда она рассказала, что случилось. Оказалось, что накануне его разбил паралич — не действовала правая сторона тела, и он не мог говорить. Ему было очень трудно высказать свою просьбу, однако с помощью левой руки он показывал в ту сторону, где живет пастор. С трудом жена поняла, что он просит позвать служителя Церкви.

Передо мной открылась печальная картина: раздавленный тяжелой болезнью старик лежал на кровати и горько плакал. Я сел рядом с Ним, взял за руку.

— Эта рука жену била? — показываю на его правую руку.

— Да, — кивает он головой, поскольку говорить не может.

— А язык твой жену обзывал нехорошими словами? — продолжаю свой опрос.

— Да, — опять кивает он головой.

— А Бога ты также ругал?

— Да, — мычит он.

— Ну, а если поправишься, будешь ли снова бить жену и ругать Бога?

— Нет, — плача, завертел он головой.

— Желает ли, чтобы я помолился Богу?

— Да, — закивал он многократно.

Мы с его женой склонили колени прямо у его кровати, и я искренне молился о том, чтобы Господь проявил Свою милость к этому дому и по воле Своей совершил исцеление.

Потом мы с Галиной навещали этих пожилых супругов, молились с ними, рассказывая или читая библейские истории, в то время как он внимательно слушал. Постепенно болезнь отступила и этот человек полностью поправился. Спустя какое-то время он засвидетельствовал о своей вере, приняв крещение в Иртыше. Господь, действительно, преобразил этого человека. Вместе со своей женой он посещал богослужения и в знак своего полного примирения и обращения даже переписал на жену свой дом. Мы же с ним стали друзьями. Это свидетельство того, что Бог может остановить даже таких богохульников и драчунов.

9. С Байкалом на Байкал

Мой старший сын Константин давно горел желанием завести собаку овчарку. В конце концов, он пошёл в ДОСААФ и купил щенка. Маленький и пушистый кутенок сразу всем понравился, а особенно детям. Они кормили его, заботились, гуляли с ним и называли Байкалом. Мы не подозревали, что Байкал может стать частью нашей жизни и не только как верный пёс. Он стал членом семьи.

Подходил к концу четвертый год нашего пребывания в Усть-Каменогорске, а в нашей церковной организации существовал порядок, предусматривающий служение пастора на одном месте не более четырех лет. Мы уже даже пытались «угадать» новое место, куда нам придется переезжать. То было время, когда руководство Церкви принимало во внимание все обстоятельства и семейное положение пастора и назначало его туда, где он может принести наибольшую пользу. И вот, в декабре 1973 года мы получили назначение переехать в город Иркутск, что на реке

Иркут, в 66 километрах от самого большого в мире озера Байкал. Поскольку область примыкает к озеру Байкал, считалось, что мы едем на Байкал. Дом, в который нам предстояло въехать, оказался довольно удобным и вместительным, что было немаловажно для нашей большой семьи. Дети подрастали, и требовалось уже несколько отдельных комнат. Единственный недостаток нашего жилища состоял в том, что прямо над нашим домом заходили на посадку самолёты. Это происходило днем и ночью, поэтому стоял сплошной рёв авиамоторов. К счастью, со временем мы настолько привыкли к этому шуму, что перестали его замечать. Этот дом стал большим благословением не только для нашей семьи, но и для всего братства. В нём часто проходили встречи руководителей Сибирского региона и пасторские встречи. Стены этого дома многое могли бы рассказать о тех незабываемых днях...

Хотя в Усть-Каменогорске мы жили значительно меньше, чем в Хабаровске, все же успели настолько сродниться с местной церковью, что в день расставания наши сердца были переполнены глубокой грустью. Хорошо, что наша надежда не умирает при расставании, поэтому, прощаясь, мы везде говорили нашим опечаленным друзьям: «До встречи в Новом Иерусалиме!»

Во время переезда у нас возникла проблема: что же делать с уже подросшим Байкалом, которому исполнился год. И дети, и взрослые не могли себе представить, как можно его оставить. Тем более специалисты нам говорили, что такие умные, преданные хозяевам собаки очень тяжело переносят разлуку. Решение было единодушным: наш Байкал поедет с нами туда, откуда происходит его имя — на Байкал. Итак, после тёплого восточного Казахстана мы оказались в холодной Сибири, уверенные в том, что Господь будет с нами и там. Ведь Он вёл нас удивительной, прекрасной и многогранной дорогой жизни.

Иркутск – театральный город

1. Новые опыты

 Иркутск – один из красивейших городов восточной Сибири. Расположен он в пятидесяти пяти километрах от великого озера Байкала и по праву может называться театральным городом – культурный центр Восточной России. История города ведет свое начало с известного острога, построенного казаками для политических ссыльных в 1652 году на правом берегу Ангары. В 1686 году он стал городом. Возможно поэтому проживающие здесь люди всегда отличались от жителей центральной России как поведением, так и манерой разговора. Вокруг Иркутска – тайга, богатая ягодами, грибами, кедровыми орехами. Зима здесь холодная. Снежный покров держится 160 – 170 дней в году, но морозы переносятся легче, чем в центральной части России. Лето хотя и короткое, но жаркое.

Город нам очень понравился своими старинными кружевными деревянными домами. Для нашей семьи

Иркутск стал своеобразной «Галилеей языческой» — местом, где после долгих лет борьбы мы обрели такой желанный покой. Казалось, что для властей общины и ее руководителей как-будто здесь вообще не существовало. Нас не вызывали, и к нам также никто не приходил. Община свободно проводила свои богослужения на окраине города, в районе Ново-Ленино, в доме матери Анатолия Низовцева, который к тому же был бесменным пресвитером иркутской церкви на протяжении многих лет. Но такое спокойствие было не всегда. За несколько лет до нашего приезда здесь осудили и посадили в тюрьму на пять долгих лет пятерых членов Церкви — трёх мужчин и двух женщин. Родственники осужденных подали жалобу в Верховный Суд. Пересмотрев дело, этот наивысший судебный орган страны пришёл к выводу, что люди осуждены незаконно, и вынес решение об их освобождении. Однако, пока продолжалось судебное разбирательство, осужденные почти два года томились в тюрьме. Возможно, именно эта довольно неприглядная история послужила тому, что адвентистов с тех пор больше не трогали.

Надо сказать, что как раз во время судебных коллизий в Иркутск был направлен на пасторское служение Григорий Ворохов. Разумеется, это был большой риск с его стороны, поскольку он имел пятерых детей школьного и дошкольного возраста. Безусловно, он имел право отказаться от такого предложения, но супруги Григорий и Людмила, не колеблясь, доверили себя Господу, считая, что именно Он направляет их в эти края. Очень многие молодые пасторы проявляли в те годы настоящий героизм, становясь в «проломе за дело Божье».

Мы без труда прописались в приобретенном доме и всей семьёй появились в собрании. Церковь с теплым радушием приняла нас. Следует отметить, что в то время служителей, направленных как в Сибирь, так

и на Дальний Восток, местные члены общины встречали с большим уважением. Между служителями и рядовыми членами не существовало никакой стены отчуждения, чувствовалось подлинное братство. Двери дома проповедника были всегда открыты для каждого нуждающегося в общении со служителем и его семьёй. Большая часть членов иркутской общины были людьми среднего возраста. По сравнению с Хабаровском и Усть-Каменогорском, работать здесь пастору было значительно легче, поскольку предыдущие служители уже сумели сплотить общину в одну дружную семью. В общине к нашему приезду уже существовал хор и струнный оркестр, было много молодёжи. Когда из армии вернулся наш Константин, музыкант-трубач, нам удалось организовать духовой оркестр, прославляющий Бога на богослужениях и в особенности на похоронах.

В этой связи мне запомнился один любопытный случай. В небольшой деревне, недалеко от города, умерла наша пожилая сестра — единственная адвентистка в этом селении. Как и полагается, мы организовали похороны с духовым оркестром, который играл дома, в пути и на самом кладбище. В это же время хоронили еще кого-то также с духовым оркестром, приглашенным из какой-то светской организации. Когда же начал играть наш оркестр, люди стали интересоваться, кто мы. Их прежде всего поразили необычные мелодии, которых они никогда раньше не слышали: «У реки, у Иордана», «Затрубит труба Господня», «Он знает всё» и другие. После похорон в деревне было много разговоров о том, кем на самом деле была эта «субботница», что даже из города приехали ее хоронить, да еще и с духовым оркестром.

В Иркутске служение совершалось легко ещё и потому, что в общине был авторитетный пресвитер, немало мужчин и молодых людей, активно участвовавших в жизни Церкви. Обычно молодые люди были ответственны за

первую часть богослужения — Субботнюю школу. Жена местного пресвитера хорошо играла на фисгармонии, сопровождая общее пение, а также руководила хором, поэтому я совершал исключительно пасторское служение. Внешние связи общины, в том числе и с уполномоченными властями, также меня не касались, как это было в предыдущих общинах, поскольку их осуществлял пресвитер Анатолий Павлович. К тому времени наши дети уже повзрослели и принимали активное участие во всех церковных мероприятиях, поэтому наш дом часто был переполнен молодежью.

Как и на предыдущих полях служения, моя деятельность не ограничивалась одной лишь иркутской общиной; территория служения распространялась на Иркутскую и Читинскую области, Красноярский край, Хакасию с ее столицей Абаканом, а также на Бурятию со столицей Улан-Удэ. Самым удобным и дешёвым транспортом в той, казалось бы, бескрайней местности была авиация, которую мы и использовали. Работа на производстве не препятствовала моим возможностям посещения самых отдаленных уголков вверенных мне областей духовного поля. Поскольку полы в театре нужно было натирать лишь два раза в неделю, я имел достаточно свободного времени для пасторского служения. Кроме того, раз в квартал приходилось бывать в городе Фрунзе, (ныне Бишкек), Киргизия. Там мой хороший друг и брат во Христе Петр Корнеевич переводил на немецкий язык уроки Субботней школы. Они нужны были для местных собратьев — немцев, особенно для людей старшего возраста, не умеющих хорошо читать по-русски. Мы делали всё возможное, чтобы Слово Божье было доступно всем. Меня очень радовала духовная активность молодежи того времени. Регулярно проводились всевозможные интересные для молодых людей встречи. Поскольку тогда еще не было компьютеров и мобильных телефонов, а по телевизору преимущественно

транслировали передачи коммунистическо-атеистической пропаганды, многие считали увлечение телевидением несовместимым с духовным развитием личности. Кроме того, этот «ящик» отнимал массу времени, которое следовало бы использовать для миссионерской работы. Адвентистская молодёжь отдавала свободное время поиску людей, жаждущих Божьего Слова.

2. Монах и семинарист

Как-то наши девушки решили посетить православный храм и начали задавать прихожанам библейские вопросы в надежде найти людей, интересующихся истиной. Их заметил один молодой служитель- послушник. Впоследствии мы узнали, что своим «послушанием» он надеялся получить положительную характеристику от местного священника для поступления в духовную семинарию. Увидев девушек, он решил, что это комсомолки, ничего не знающие о Боге, и согласился побеседовать с ними. Но уже в начале разговора ему стало ясно, что они верующие и неплохо ориентируются в Библии. После нескольких встреч в храме девушки уговорили его прийти к нам домой. Он согласился, узнав, что их отец-священнослужитель.

В тот вечер в нашем доме только что закончилась братская встреча. Все разъехались, остался только пастор Виталий Красильников, так как его авиарейс был на следующий день. Мы с ним мирно беседовали в комнате, как вдруг открылась дверь и появились наши дочери в сопровождении молодого человека с густой бородой, одетого в длинное чёрное пальто и валенки. Здраваясь, он низко поклонился. Моя жена приветливо предложила ему раздеться и пройти в комнату. Оказавшись в гостиной, он как-то смутился и, как мне показалось, даже растерялся.

Позже он рассказал нам о своем первом впечатлении от той встречи. Не увидев икон, Николай сначала подумал, что наши девушки обманули его и привели в дом безбожников. К тому же он надеялся увидеть священника в его специальной одежде, с большим крестом, а вместо него в комнате сидели двое мужчин средних лет и приятная на вид женщина. Он принял предложение Галины Ивановны поужинать с нами, но было видно, что гость чем-то смущен. Напряженность ситуации быстро снял пастор Красильников. По натуре он был довольно коммуникабельным человеком; беседовать с ним было настоящим удовольствием, а его улыбка внушала доверие и располагала к общению. Заметив замешательство гостя, он сразу нашел с ним общий язык. «Не смущайся, Николай, — участливо начал свой разговор Виталий, — мы ведь тоже люди верующие, хотя и не православные. Принадлежим к протестантской Церкви Адвентистов Седьмого Дня и совершаем ответственное служение в этой конфессии. Если говорить языком, принятым в Православной церкви о порядке субординации священства, то Николай Михайлович (он показал на меня) является епископом Иркутским и Читинским. Я тоже в этом звании».

Убедившись, что мы не атеисты, наш гость успокоился. Как выяснилось, он уже встречался с адвентистами и даже бывал у них на богослужении. Он мечтал учиться в духовной семинарии, после чего стать монахом. На прощание мы пригласили его приходить в наш дом, когда только он пожелает. Так завязалась наша дружба. Этот человек очень нуждался в друзьях, потому что чувствовал себя одиноким. Добросовестно соблюдая все обряды и постановления своей церкви, он вместе с тем видел нечестность и лукавство духовенства, что повергало его в глубокое уныние.

Николай заходил к нам довольно часто, и мы с ним проводили немало времени в беседах о Слове Божьем.

Однажды в разговоре я обратил его внимание на то, что христианину, согласно Евангелию, необходимо заботиться не только о своей душе, но и о теле; что внешний вид должен соответствовать внутренней чистоте и порядочности. Справедливости ради нужно отметить, что этот молодой человек был довольно образованным и хорошо воспитанным. И вот в один из субботних вечеров, когда наша молодёжь отправилась на прогулку, за воротами нашего двора они встретились с симпатичным молодым человеком в плаще и шляпе, аккуратно подстриженным, с небольшой бородкой. Гость поздоровался с ними и, видя, что его не узнают, заулыбался. Это был тот самый Николай, но как же он преобразился. Похоже, что он был доволен тем, какое произвёл на всех впечатление. С тех пор он постоянно следил за своей внешностью.

Однажды Николай пришёл к нам не один, а с молодым человеком, которого также звали Николаем и который к этому времени уже отучился четыре года в православной семинарии и два года в духовной академии. Его направили в Иркутск на практику в тот самый храм, где послушником служил наш друг Николай. Жили оба Николая вместе в небольшой келье при храме. Узнав о нас от послушника Николая, вчерашний семинарист захотел познакомиться с нами. Поначалу было даже как-то смешно смотреть на его неприкрытое тщеславие и горор. Как же он гордился своим богословским образованием, однако в беседе с нами он понял, что многого еще не знает и потому стал чаще спрашивать, искренне восхищаясь простотой библейского учения. Мы же старались донести до сознания этих еще совсем юных душ многие важные истины, например: что важнее — Библия или предания? В каком состоянии находятся умершие? Существуют ли вечные муки грешников в аду, и что собой представляет ад? Было видно, что библейская истина производит переворот в их сознании. Семинарист

Николай искренне удивлялся, почему их столько лет учили не тому, что говорит Библия?

— Как же мне теперь быть? — спрашивал он.

— Ради спасения себя и многих других тебе придётся однажды сделать выбор, — ответил я и подарил ему на память Библию.

Следует сказать, что по характеру эти молодые люди были совершенно разными. Если наш старый друг Николай был очень спокойным и даже нерешительным, то семинарист, наоборот, довольно горячим, вспыльчивым, а потому непостоянным.

Как-то в пятницу, когда мы завершали приготовления к субботе, оба Николая пришли к нам взволнованными и расстроенными. Когда же мы собрались в зале для встречи субботнего дня, то узнали причину их переживаний. Оказывается, в прошлый раз, вернувшись от нас под впечатлением библейских истин, они стали задавать вопросы о душе, о вечных муках своему настоятелю, а тот заподозрил их в связи с «сектантами» и предупредил, что из-за этой «ереси» они могут лишиться своего места. Масла в огонь подлил еще и такой случай: умирающая женщина прислала своего мужа, чтобы он пригласил священника совершить перед смертью причастие. Священник согласился, но попросил этих юношей вызвать для него такси. Николай-семинарист возразил: «Зачем такси? Тут три остановки на трамвае».

Настоятель был очень недоволен таким замечанием. Возник скандал, во время которого семинарист назвал настоятеля «наёмником». Недолго думая, тот прогнал его, а Николаю-послушнику запретил впускать его в свою келью. Послушник же оказался верным другом и впустил семинариста переночевать. В результате утром их прогнали обоих. Юношам ничего не оставалось, как просить нас позволить им несколько дней пожить здесь, пока окончательно не решится их судьба.

Мы предложили им свободную комнату. В тот вечер, встречая наступление субботы, мы вместе читали Библию, пели и, преклонив колени, молились. В молитве я поблагодарил Бога за мирно прожитый день и попросил Его содействовать разрешению конфликта, возникшего между юношами и настоятелем. Молитва их очень взволновала. Они спросили: «Неужели можно вот так просто, искренне поведать Богу все, что есть на душе? Мы же никогда так не делали...».

В ту ночь они долго не могли уснуть. Сквозь стенку перегородку было слышно, как наши гости вполголоса, но оживлённо разговаривают. Утром мы все вместе отправились на богослужение. После богослужения, как обычно, у нас собралось много молодёжи, в том числе гости из Читы во главе с Николаем Кислым. Мы все вместе обедали, общались, а вечером, после окончания субботы, православные юноши сообщили нам о решении, которое они приняли ночью. Поскольку завтра великий праздник православной Пасхи и в храме ожидается много народа, они решили выступить перед прихожанами и рассказать обо всех грехах батюшки. Наивные, они надеялись, что народ поддержит их и потребует, чтобы батюшку лишили духовного сана и отстранили от дальнейшего служения в храме.

Рассказав о своих замыслах, юноши попросили меня благословить их на это «благое» дело. Но мы все были в шоке от такого плана действий. «Ни в коем случае этого делать нельзя! — пытался я как-то их образумить. — Вы совершенно не представляете себе последствий. Это очень опасная затея, и в первую очередь, лично для вас. Во-первых, вам не поверят и вряд ли разрешат сказать хоть несколько слов. Более того, вас могут арестовать или отправить в психбольницу. Поэтому я не могу благословить вас на такое дело». Николай-послушник начал уже склоняться к тому, что, действительно, эта затея

несерьёзная, однако семинарист стоял на своём. «А я всё равно это сделаю!» — твердил он. Не желая оставлять товарища одного, Николай-послушник решил разделить его участь. С этим они и ушли. Наши юноши вместе с Николаем Кислым также отправились в православный храм посмотреть, что там произойдет.

Храм оказался окруженным плотным кольцом дружинников, стоящих в два ряда плечом к плечу. Пропускали только пожилых людей. Когда же наша молодёжь приблизилась к «оцеплению», дружинники расступились, пропустили монаха, после чего их ряды снова сомкнулись. Николаю-семинаристу пришлось предъявить документы как доказательство того, что он также священнослужитель. Заметив, что нашу молодёжь не пропускают, Николай-послушник вернулся и попросил пропустить их, сказав: «Они со мной, пропустите их». Несмотря на такие жёсткие меры, храм был переполнен. В самом храме также было много милиции, как и «людей в штатском» из спецслужб. Увидев милицию, оба Николая, очевидно, вспомнили наше предупреждение и не решились осуществить задуманное. Их заметил настоятель, приказал быстро переодеться и принять участие в церковной службе, что они и сделали.

Мы были довольны, полагая, что все закончилось благополучно. Но в понедельник оба Николая снова пришли к нам и уже с вещами. Оказывается, настоятель использовал их во время пасхального служения, потому что не хватало священнослужителей, но когда праздник закончился, велел им забрать свои вещи и покинуть храм. Теперь они должны были отправляться каждый к себе домой. Николаю-семинаристу было проще, поскольку у него деньги на дорогу имелись, да и за него было кому походатайствовать. А вот у нашего друга Николая-послушника дела обстояли хуже. Он был беден, да и заступиться за него было некому. Поначалу

мы надеялись, что после всего случившегося он изменит своё жизненное направление, но этого не произошло. Он оставался всецело преданным православию, утверждая: «Церковь святая, хотя ее и порочат отдельные служители. Я на них не смотрю». Мы дали ему денег на дорогу, и он уехал в Одесскую область, где жила его мама. Нам было грустно с ним расставаться, потому что за это недолгое время он стал нам родным. Да и по характеру он был кротким, преданным и верным. На авантюру его подтолкнул Николай-семинарист. Будучи послушником, он честно исполнял все церковные предписания. Как-то вечером, выйдя во двор, я увидел, что он отвешивает поклоны. Я решил подождать, пока он закончит. Не заметив меня, он продолжал кланяться и креститься. Утром я спросил его, кому и для чего нужно столько поклонов, вплоть до телесного изнурения?

— Я принял послушание, — ответил он, — и мне предписано каждый вечер отвешивать пятьсот поклонов.

— Но ведь тебя никто не видит! Можно сделать десятка два и достаточно, — пробовал я достучаться до его сознания.

— Нет, Бог то видит, — утверждал Николай. — И я это делаю для Него, а не для людей.

Мне вспомнился библейский эпизод, записанный в 35-ой главе Книги пророка Иеремии. Пророк, по повелению Господа, пригласил в храм Рехавитов. В одной из комнат он поставил на стол полные чаши с вином и предложил им выпить. Но они отказались, сославшись на то, что их отец заповедал не пить вина ни им, ни их детям. И они свято хранили повеление своего отца. После этого Господь поставил этих людей в пример для Своего непослушного народа, дабы они научились чтить Бога, как Рехавиты чтили своего отца, соблюдая его повеление. И я подумал: православный послушник Николай мог бы послужить примером для некоторых

современных адвентистов в верности данного Богу обета при крещении.

Николай уехал, но спустя какое-то время он сообщил нам в письме, что поступил в духовную семинарию, где изучают всё, кроме Слова Божьего. Хочется верить, что упавшее в сердце семя библейской истины в нашем доме пусть и с опозданием принесет свои плоды. Ведь Святой Дух не перестает работать над сердцами таких людей, а Христос считает их овцами «не сего двора», которые «услышат голос» Его (Иоан. 10:16).

3. Вести из Читы

Как я уже упоминал выше, в миссионерское поле, порученное моей опеке, входила и Читинская область, включая ее главный город Читу. Хочу отметить, что в истории каждого крупного города восточной Сибири есть много как хорошего, так и печального. Так было и с этой местностью, когда с открытием Нерчинских серебряных рудников в середине семнадцатого века сюда начали прибывать многочисленные партии каторжан-колодников. Чита была местом ссылки большинства декабристов и других политических заключенных, многие из которых навсегда остались в этих местах. Так когда-то небольшой населенный пункт превратился в современный исторический город России.

К тому времени, когда мы переехали в Иркутск, в Чите было всего лишь несколько членов Церкви, однако работу по организации общины предстояло начинать практически с нуля. С этой целью туда был направлен молодой служитель Николай Кислый и его супруга Валентина, которые трудились с полной отдачей, и вскоре в церкви появились новые люди, которые стали основателями общины.

Едва молодая семья служителя прибыла в Читу и Николай устроился на работу, как его через неделю посетил «товарищ» из спецслужб. По своему обыкновению, первый раз чекисты разговаривали довольно вежливо, как говорится «мягко стлали». Стараясь не грубить, не пугать, а просто предлагая сотрудничество, они обещали Николаю некоторые преимущества, например, помочь открыть визу для поездки на Генеральную конференцию и даже не препятствовать в создании местной общины. Но пастор Кислый был уже наслышан об опытах веры нашей семьи; да и другие служители делились с молодыми тем, как следует себя вести в подобных ситуациях. Поэтому Николай на первой же встрече заявил, что не настроен на предложенную дружбу и сотрудничество. После этого сразу же последовала определённая реакция «товарищей»: «Нам известно, что вы приехали сюда, чтобы организовать общину, но мы не дадим этого сделать».

С этого момента и началась настоящая травля. Его пытались открыто фотографировать прямо на улице, иногда это делали из проезжающей мимо машины. Он мог услышать из стоящего на обочине автомобиля слова: «Вот он идёт, скорее фотографируйте!» То же делали и по отношению к Валентине, хотя эти действия можно было трактовать как посягательство на частную жизнь, что практически запрещалось законом. Это безобразие действовало на нервы, особенно Валентине. Но, несмотря ни на что, они продолжали каждую субботу собирать в своем доме людей на богослужение. Тем более, что их дом был крайним на улице, за ним располагались огороды и начинался пустырь.

Однажды я получил от пастора Кислого условную телеграмму: «Дядя, ждём тебя в гости». Это означало, что он просит меня срочно к нему приехать. Я прибыл в Читу и, направляясь к дому Кислых, обратил внимание на

военную машину, стоящую неподалеку от их дома. Николай, увидев меня, вышел навстречу.

— Что это за военная техника тут появилась? — задал я вопрос во время рукопожатия.

— Вот поэтому я тебя и пригласил, — сказал хозяин дома.

— Не смущайся, Николай, — успокоил я пастора, — ведь если эта техника поставлена для того, чтобы слышать все, что делается в твоём доме, пусть слушают. От политики мы далеки, а вот евангельскую истину им не мешает узнать, ведь и за них также умер Христос. Он таким образом хочет предложить им спасение.

В субботу, после богослужения, когда все разошлись, Валентина начала накрывать на стол, а мы с Николаем подошли к окну, откуда была видна машина, и обратились к находящимся там людям: «Эй, ребята, в машине! Чего вы там жаритесь на солнышке? Мы понимаем, что у вас задание поставить наш дом на прослушку, но мы как раз садимся за стол обедать и приглашаем вас также. У нас зелёный борщ, холодный квас, вкусные пирожки! Зря вас сюда начальство послало, тратя государственные деньги на пустое занятие. Считаем, что сегодня вы могли убедиться, что, кроме молитвы и рассуждений на библейские темы, ничего вам записать не удалось».

Мы еще не успели договорить, как пришел почтальон и принес телеграмму с печальным известием — умерла мама Валентины. Естественно, начался плач, суета, сборы в дорогу. Я также решил дольше не задерживаться, и мы вместе с Валею отправились в аэропорт. Уходя из дома, мы заметили, как на машине сложили антенну и медленно уехали. В понедельник к Николаю Кислomu на работу пришёл чекист.

— Как Валентина? — спросил он и выразил соболезнования по поводу смерти её мамы.

— Откуда вы знаете о смерти мамы Валентины?— поинтересовался пастор.

— Мы всё знаем! — хвастливо заявил гость.

— Не иначе, как получили сведения из прослушивания, что велось из машины? — спросил Николай. — Ведь недаром же два дня машина стояла напротив моего дома.

— В самом деле? — сделал удивленный вид чекист.

— Интересно, не ваша ли организация её послала? — спросил Николай.

— А в какой одежде был обслуживающий персонал, в гражданской или военной? — задал ответный вопрос гость.

— В гражданской, — ответил пастор Кислый.

— Ну, тогда наши, — подтвердил нашу догадку представитель спецслужб. Было ясно, что этими действиями специально оказывалось психологическое давление на наших служителей, чтобы ослабить их, но Бог дал силы Николаю и Валентине пережить и это испытание.

Прошло немного времени, и как-то супруги Кислые познакомились с молодой женщиной, работающей прокурором. Она с мамой даже при советской власти были ревностными православными, тогда как её брат не разделял их взглядов. Это была порядочная, интеллигентная, уважаемая в городе семья. До знакомства с Николаем и Валентиной у них был свой, довольно узкий круг близких им по духу людей, с которыми они встречались и совместно читали книги на религиозную тематику. Сама прокурор на протяжении пяти лет пела в церковном хоре, хотя об этом на ее работе никто не знал. Когда она сблизилась с семьей Николая Кислого, её прежний круг общения сам по себе распался.

Однажды мы отправились в Читу вместе с Галиной. С собой я прихватил фильмоскоп и целую коробку слайдов. В то время это считалось чудом техники. В квартире этой женщины собрались ее самые близкие друзья. Они с большим вниманием смотрели слайды

по библейским рассказам, что и служило поводом для духовной беседы. Внезапно раздался звонок в дверь. Хозяйка сказала, чтобы мы не волновались и спокойно продолжали беседу. Оказалось, что за ней приехали люди из милиции, чтобы срочно доставить прокурора для осмотра места преступления. Возвратилась она минут через сорок, и мы продолжили прерванную беседу. В конце разговора она спросила меня: «Как с библейской позиции можно оценить тот факт, что я работаю прокурором? Ведь по долгу службы мне приходится настаивать на тюремном заключении?! — она показала на папки уголовных дел, которые взяла домой, чтобы поработать вечером. — Здесь расследования и доказательства преступлений даже высших чиновников. Они обвиняются в хищении государственного имущества в крупных размерах. Пять человек получили уже сроки по десять лет, и ещё семь ожидают своей участи. Как смотрит на это Господь? Я понимаю, что мне придется судить воров, но в Библии есть текст: «Не судите, да не судимы будете».

Это был непростой вопрос, и я постарался объяснить ей, что если она ведёт дело честно, без корысти и лицепрятия, то совершает Божье дело. Ведь в Писании написано: «Начальник есть Божий слуга, он не напрасно носит меч, он отмститель в наказание делающему злое».

— Так что работай, пока можешь, — сказал я, — но если совесть беспокоит, молись, и Бог усмотрит.

— У меня есть ещё один вопрос, — продолжила прокурор, — меня приглашают в областную прокуратуру. Стоит ли давать согласие или нет?

— Думаю, что надо немного повременить, — ответил я. — Как только начнёшь воплощать в жизнь принципы Евангелия, обязательно откроется, что ты верующая. Ведь Христос сказал, что «не может укрыться

город, стоящий на верху горы». Если же вышестоящие власти узнают о твоей вере, то, скорее всего, уволят с этой должности.

В следующий мой приезд женщина-прокурор сказала: «Пять лет я пела в церковном хоре, и никто не знал, кем я работаю, не знали о моей вере. Но как только несколько месяцев назад я познакомилась с адвентистами, сразу об этом стало всем известно. Меня пригласили к высшему начальству, пристыдили, «постращали», после чего предложили уйти по собственному желанию. Сейчас я работаю юристом в одной из организаций города. Зарплата больше, а вот головной боли меньше. Благодарю Бога, что открыл для меня лучший путь», — так закончила свой рассказ теперь уже женщина-юрист.

4. Пресвитер Баптистской церкви становится нашим братом

К празднику Восьмого марта иркутская молодёжь подготовила и провела торжественную программу, посвящённую матерям. Получилось довольно трогательно, многие плакали. Обычно на такие собрания мы старались приглашать как можно больше новых людей. В этот раз среди посетителей присутствовала женщина — секретарь баптистской общины. Она жила недалеко от нашего молитвенного дома. Программа ей понравилась и глубоко тронула. Она поделилась впечатлениями со своей подругой, женой баптистского пресвитера, которая также заинтересовалась, и они решили посетить наше богослужение в пятницу вместе. После собрания мы познакомились и душевно побеседовали. Прощаясь, жена пресвитера Клава пообещала прийти и в субботу. «А чтобы сатана не помешал мне, — заявила она, — в залог оставляю свою сумку. За сумкой-то я зайду обязательно».

И действительно, свое слово она сдержала. Особое впечатление на нее произвела субботняя школа. И хотя в то время урок приходилось проводить со всей общиной в одном классе, почти все члены Церкви принимали активное участие в обсуждениях и размышлениях над Словом Божиим, отвечали на вопросы ведущего, рассказывали памятный стих.

С того дня Клава старалась не пропустить ни одного богослужения. Она часто бывала у нас дома, вместе с нами принимала участие в обсуждении материала следующего урока субботней школы. Дома она обо всем рассказывала своему мужу Ивану Егоровичу. Так библейская истина нашла отклик в её сердце, и она перестала посещать собрания баптистов. Муж не возражал, а лишь говорил: «Если ты уверена, что нашла правильный путь, то поступай, как тебе подсказывает сердце». Он много расспрашивал жену о нашей семье, интересовался бытом, детьми, посещают ли они с нами богослужения? Ему очень хотелось узнать, есть ли у нас телевизор и как мы относимся к людям, особенно к инаковерующим?

Как-то случилось, что Клава отсутствовала несколько дней. Мы уже начали было беспокоиться, но пришел Иван Егорович. Тогда мы впервые с ним и познакомились. Это был солидный добродушный мужчина, лет шестидесяти. Он сообщил нам о том, что его жену положили в больницу. Навещая Клаву, мы постепенно сблизились и с Иваном Егоровичем. Наше дружеское к нему отношение способствовало тому, что он стал интересоваться адвентистским учением. Единоверцы Ивана Егоровича вскоре узнали, что его жена подружилась с адвентистами, и были очень недовольны, что их пресвитер ее покрывает. На совете общины, которым руководил старший пресвитер, его укоряли за попустительство жене. Он молча всё выслушал, после чего сказал: «Двадцать семь лет я был пресвитером и не ведал, что

учил вас неправильно. Теперь я это сознаю и вместе с Клавой ухожу к адвентистам».

Спокойно вынув из кармана ключи от канцелярии, он положил их на стол и ушел; ушёл безвозвратно, навсегда. Все адвентисты, которые помнят его, а знали его многие, подтвердят, что он действительно был настоящим христианином. Иван Егорович всегда оставался искренним и кротким Божиим человеком. Я с огромным удовольствием крестил их обоих. Его — высокорослого, крепкого сибиряка, очень дорогого мне человека и возлюбленного во Христе брата! Как же он любил Господа и Его Церковь! В нашем скромном молитвенном доме — избушке Иван Егорович многое переоборудовал, делая все аккуратно и красиво. Он смастерил новую, очень удобную и красивую кафедру. Поблагодарив его, я подметил: «Поскольку ты сделал кафедру, то и должен с этого места проповедовать Слово Божье».

Сначала он согласился. В следующую пятницу Иван Егорович действительно вышел за кафедру, прочитал библейский текст и, сказав «аминь», дальше проповедовать наотрез отказался. Он осознавал огромную ответственность за сказанное с кафедры и высоко чтит призвание проповедующего. Себя он считал недостойным этого служения. Для меня же он стал самым близким человеком и другом.

Поэтому его смерть была для меня огромной утратой и отозвалась в моем сердце глубокой болью. Хотя в то время я уже был переведен на новое место в город Липецк, но не мог не поехать на траурное богослужение, чтобы проводить в последний путь своего лучшего друга. Меня терзала мысль: как могло случиться, что такой здоровый мужчина ушел из жизни, казалось бы, преждевременно? Из слов его жены Клавы стало известно, что, когда приобрели новое помещение под молитвенный дом, Иван Егорович собственными руками опять сделал

удобное внутреннее переустройство в нем, работая с большой любовью и совершенно бесплатно. Я понимал: такой человек иначе не мог поступить. Все работы были закончены к субботе, в которую предполагалось совершить Вечерю Господню. На богослужение Иван Егорович пришел раньше обычного. Он как-то особенно готовился к этому причастию, говорил мало, но его лицо светилось какой-то неземной радостью. Он улыбался, приветствуя своих братьев и сестер. В воскресенье утром его навестила дочь. Проводив ее, он вдруг неожиданно почувствовал недомогание и прилег на кровать. Попросив жену присесть рядом с ним, Иван Егорович взял ее за руку, поблагодарил за совместно прожитые годы, простился и, тихо вздохнув, ушёл...

Это была смерть праведника. На его похороны пришло много людей, в том числе и членов Баптистской церкви. Все свидетельствовали о нём как об очень добром и отзывчивом человеке. До сих пор бережно, словно святыню, храню у себя открытку, подписанную рукой Ивана Егоровича. Он вручил мне ее в знак благодарности за то, что Господь использовал меня как Свое орудие для обращения его и жены Клавы. Я понимаю, что Бог нашел нужным успокоить его как раз тогда, когда его вера достигла совершенства в любви и послушании Господу, о чем свидетельствовали его добрые дела.

Его жена после смерти Ивана Егоровича не прожила и года: она ушла из жизни вслед за своим мужем. Я глубоко убежден, что в вечности Господь особенным образом почтит этих простых, скромных членов Церкви, имена которых сегодня постепенно уходят в забвение.

И в Липецке есть Божьи дети

1. Здоровые также болеют

 всегда был особенно благодарен Создателю за здоровье, которым Он меня наделил. Однако я не должен был забывать, что немощен, как и другие люди. Поэтому случилось, казалось бы, нечто непонятное: я сильно простудился в мае месяце, и болезнь долгое время меня не оставляла. Высшие руководители Церкви, узнав об этом, командировали меня в Душанбе, где я должен был оказать содействие в решении некоторых церковных проблем, а заодно в теплом климате вылечить свою простуду.

И в самом деле, как только самолет совершил посадку в Душанбе и открылась дверь, я почувствовал горячее дыхание юга. Поначалу для меня, человека, прожившего многие годы в холодных краях, такая жара оказалась просто мучительной. Пока я ходил в поисках нужного мне адреса, то всякий раз останавливался возле автоматов с водой и покупал холодную газировку.

В субботу мы пошли на богослужение, которое здесь начиналось в шесть часов утра и завершалось к восьми часам. Для этого были две причины: сильная жара и нежелание раздражать местные власти. Однако вечерние собрания в субботу могли продолжаться даже за полночь; появлялись важные вопросы — от библейских до житейских. Здесь мне пришлось пробыть две недели. С помощью Божьей за это время в общине были улажены существующие разногласия, а я хорошо прогрелся, излечился от простуды и вернулся домой полный сил.

Заканчивался 1977 год, а вместе с ним и время нашего служения в Иркутске. К тому времени наша семья уменьшилась, потому что двое наших старших детей Константин и Людмила создали свои семьи и уехали от нас.

На Новый год в нашем доме состоялось традиционное годичное совещание, на котором окончательно был решен вопрос о нашем переезде в Липецк. Приступить к служению на новом месте мне следовало уже в мае месяце. Когда-то мне уже приходилось бывать в этом городе, принимать участие в решении церковных вопросов. Запомнились тогда четыре женщины, входившие в Совет общины. Я заметил их желание лидерствовать, иногда даже вопреки мнению пастора. Тогда я подумал: «Не завидую пастору и не очень бы хотел оказаться на его месте. Очень уж активны эти женщины...» И вот, чего боялся, то и случилось! Забегая вперед, признаюсь: боялся напрасно. Они оказались хорошей поддержкой в моей духовной работе. Каждый раз при новом переезде, даже когда вначале место был мне не совсем по душе, впоследствии приходилось убеждаться, что все происходило исключительно по Божьей воле.

Итак, в апреле 1978 года мы оказались в Липецке. Именно во время этого переезда мы особенным образом ощутили милость и заботу Бога. Дело в том, что моя

Галина каким-то образом получила повышенную дозу облучения, что ухудшило ее здоровье. Предполагалось, что это результат близости дома от аэропорта или частые посещения Семипалатинска во время проживания в Усть-Каменогорске. У неё стал интенсивно развиваться токсичный зуб, поэтому переезд в теплое место был крайне необходим.

Проблему, связанную со здоровьем Галины Ивановны, помогли решить наши дети, Людмила и ее муж Даниил. Проживая в Таллине, Эстония, они посоветовались с очень талантливым хирургом, членом нашей Церкви. Он согласился ее принять, и, поскольку болезнь прогрессировала, сложной операции избежать не удалось. И на этот раз Господь был милостив к нам: вскоре здоровье жены восстановилось.

2. Место покоя и отдыха

О нашем переезде в Липецк в местной общине знали только ее руководитель Евгений Козяревский и семья Шишкиных, у которых мы временно остановились на квартире. На богослужениях мы не показывались, пока не приобрели собственное жильё и не прописались. После Иркутска Липецк показался нам большой деревней. Это сейчас город преобразился, появилось много новых красивых домов, больших современных магазинов, улицы стали чистыми и широкими. Но вначале, после Иркутска, нам было несколько непривычно воспринимать бытовые отношения людей и слышать своеобразный говор в общественных местах. Мы долго не могли привыкнуть к таким фразам, как: «Манька, сядой давай!», «Ванька, ехай с нами!», «Верка, где дают рыбу?». Но это мелочи жизни.

Поселились мы на тихой улице, по которой почти не ездили машины. После постоянного грохота в Иркутске

нам нужно было теперь привыкать к умиротворяющей тишине. Наш дом был небольшим, с печным отоплением, но мы очень радовались водопроводной воде в доме. Ведь в Иркутске приходилось набирать воду в общественной колонке и возить домой на специальной тележке. Возле дома у нас был просторный двор и замечательный сад. Так что после Сибири Липецк для нас стал местом отдыха, как для народа израильского оказался Елим, где после однообразной пустыни они нашли двенадцать источников и семьдесят финиковых пальм. Мы, наконец, отдыхали от рева самолётов, от скрипучих морозов и наслаждались обилием фруктов. Слава Господу!

Традиционно вызывало некоторое волнение то, как примет нас местная церковь? Каким окажется новый этап «войны» с властями? Ведь нам было известно, что местный уполномоченный Совета по делам религий каждую субботу посещал наши собрания, словно самый прилежный член Церкви. Он всех знал по фамилии и в лицо, тем более, что община была небольшой.

Оформив прописку в городе, мы в первую же субботу отправились на утреннее богослужение. Пастор Евгений Козяревский коротко нас представил: «К нам приехала семья из Сибири: они члены нашей Церкви, и было бы приятно, если бы глава семьи послужил нам словом». После дружного «просим» я выступил с первой проповедью. По окончании собрания ожидающий меня у выхода уполномоченный Люков попросил зайти к нему в понедельник. Было ясно, что государственный чиновник догадался о появлении в городе нового служителя и желает с ним поближе познакомиться.

Принял он меня весьма любезно. Диалог между нами можно кратко передать следующим образом.

— Как я понял, вы приехали из Иркутска?! — сказал Люков после приветствия.

— Да, из Иркутска, — подтвердил я.

— Вам Иркутск нравился? — допытывался он.

— Очень!

— Почему же вы переехали?

— Из-за болезни жены пришлось искать место с более теплым климатом, — объяснил я, — да и друзья меня сюда приглашали.

— Сколько в Иркутске адвентистов?

— Немного.

— А жителей сколько? — Люков пытался помочь мне осознать, что я со своей Церковью и ее членами в значительном меньшинстве.

— Приблизительно шестьсот тысяч.

— А во сколько раз вы планируете увеличить здесь общину своих единоверцев? — улыбаясь, поинтересовался уполномоченный.

— Ну, раз в пять, а если повезет, то и больше! — парировал я.

— Но это уж как работать будете!

Разумеется, в этом он был прав, хотя и сказал эти слова с оттенком иронии. Из этого разговора я понял, что меня «признали» и выгонять из города пока не намерены. Для меня это было главным, а будущее — в Божьих руках. То, что меня «признали», очень скоро подтвердилось еще одним событием. Спустя короткое время Владимир Зайцев, предыдущий служитель этой общины, выдавал свою дочь замуж. Я глубоко уважаю эту семью как преданных и верных Богу людей, всецело посвятивших себя Ему на служение. Бракосочетание планировалось провести в большом дворе невесты, поскольку гостей ожидалось много, а поместить всех в доме не представлялось возможным. Я понимал, что это мероприятие следовало бы согласовать с властями, чтобы избежать неприятностей. Владимир Степанович эту заботу взял на себя. Когда в исполкоме его спросили, кто будет совершать служение и обряд бракосочетания, он назвал меня как нового

проповедника. «Хорошо, — прозвучал ответ, — проводите своё торжество». Это стало еще одним подтверждением того, что власти решили со мной считаться.

Людей собралось на торжество довольно много. Помимо близких и дальних родственников потянулись «зрители» со всего посёлка. За воротами и вокруг забора присутствовало около трехсот человек, интересующихся адвентистской свадьбой. Праздник удался на славу. Играл оркестр под руководством Геры Курелова. Музыкально-вокальная часть соответствовала высокому профессиональному уровню. Программу дополняли интересные драматические сценки из семейной жизни, вызывающие немало радости и смеха. По окончании обряда венчания, то есть официальной части, всех пригласили за столы и начался брачный пир. Не обошлось и без наблюдателей со стороны властей. Хозяин пира пригласил к столу секретаря исполкома. Но исполкомовское начальство, поблагодарив, деликатно отказалось.

Когда закончилось служение бракосочетания, ко мне подошли два «товарища», оказавшиеся представителями правоохранительных органов, и сказали, что их прислали понаблюдать за порядком, дабы никто из хулиганских побуждений не причинил нам вреда и не омрачил праздника. Я поблагодарил их и выразил искреннюю признательность за заботу, поскольку, на самом деле, такой жест был приятным. Это была как раз та работа, какой и должна заниматься власть, — следить за порядком и охранять покой граждан.

К сожалению, очень редко складывались такие хорошие взаимоотношения. В большинстве же случаев можно было слышать угрозы и оскорбления; нас даже штрафовали. Что же касается духовного состояния местной Церкви, то все её члены были утверждены в своем уповании, пламенели духом и никаких угроз со стороны властей не страшились. Постоянно

проводились молодёжные встречи, на которых планировались различные мероприятия, разучивались новые гимны, обсуждались уроки субботней школы, готовились специальные торжественные программы. По мере сил и возможностей все старались сделать что-то доброе и полезное для прогресса Церкви. Замечательно сложились отношения и с сестрами-лидерами, из-за которых мне не очень хотелось ехать в эту общину. Ко мне они относились с должным уважением, и я также старался отвечать им взаимностью, так как видел их прилежание и искренность во всех делах.

Однажды они обратились ко мне с просьбой о повторном крещении. «Мы в церкви слушаем проповеди, посредством которых нам открываются истины, о которых мы ранее не знали, — сокрушались женщины. — Дух Святой обличает нас, мы чувствуем себя грешницами, поэтому, пожалуйста, крестите нас повторно». И они начали рассказывать мне о своих «грехах», которые были просто бытовыми проступками, совершаемыми по незнанию. А мужа у них были неверующими, что также осложняло им жизнь. Разумеется, я пытался убедить этих достойных в глазах всей общины и преданных Господу верующих словами библейского обетования: «Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешили; а если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника» (1 Иоан. 2:1). Я советовал склонить колени перед Господом Спасителем, рассказать Ему все и исповедаться перед Ним. Этого достаточно для прощения и успокоения совести. Двое из них с трудом согласились, а вот третью я так и не смог переубедить, а поэтому пришлось уступить ее просьбе. К счастью, и после этого все они продолжали прилежно трудиться для созидания Церкви.

Ныне со всей ответственностью утверждаю: липецкая община действительно была миссионерской

церковью. Возглавляла миссионерский отдел Мария Максимовна. Это была посвященная, мудрая и прекрасная христианка. Каждую субботу, как только заканчивалось богослужение, она объявляла: «Миссионерский отдел попрошу остаться». Важно то, что оставалась практически вся молодёжь. Они рассказывали о своих опытах, которые имели на протяжении недели, вместе молились о людях, с которыми налаживали контакты. В заключение Мария Максимовна давала задание на воскресный день, называла ближайшие деревни и просила идти туда по двое с литературой. В результате в соседних деревнях образовывались небольшие группы, которые я вместе с другими активистами общины регулярно посещал, укрепляя людей в истине.

Мы также помогали физически тем, кто нуждался в помощи. В деревне Жабино, например, жили две наши сестры. От колхоза они получили задание обработать два ряда свеклы, которые оказались настолько длинными, что не было видно конца. Поэтому, организовав группу молодёжи, в один из воскресных дней рано утром мы, вооружившись тяпками, на мотоциклах отправились на колхозное поле. Хотя нас там не ждали, но были очень рады и безмерно благодарны за помощь. Ту работу, которую им пришлось бы делать несколько дней, мы выполнили до обеда. Это также явилось свидетельством для местных жителей, удивленных такой взаимной поддержкой.

В другой деревне мы встретили молокан, проводивших свои богослужения по воскресеньям. Они охотно позволяли мне проповедовать и даже пытались «отблагодарить» дарами земли. С большим трудом удалось убедить их оставить всё это себе или же раздать бедным. Действительно, это было время духовного горения и энтузиазма наших общин, и мы не удивлялись, что сатана

старался использовать все методы, особенно власть, чтобы погасить этот огонь.

Что же касается детей, то они всегда вместе с нами присутствовали на богослужениях. С нас брали пример и другие, поэтому в общине было много молодежи, что вызывало раздражение власти. Еще одним обстоятельством, которое беспокоило «товарищей», была Субботняя школа. Именно эта часть богослужения была стимулом для регулярного изучения Священного Писания. Молодежь и дети учили памятные стихи, тщательно готовились и сами проводили уроки. Это не только обогащало знаниями и пониманием Божьего Слова, но также было глубоким духовным удовлетворением. Вот почему дьявол так восставал против Субботней школы.

Сегодня, во время религиозной свободы, печально наблюдать, что некоторые общины не пользуются предоставленным Богом преимуществом. Почти не учатся наизусть памятные стихи, а некоторые члены Церкви вообще не приходят на Субботнюю школу, предпочитая лишь пасторскую проповедь. В то тревожное время, выражая свое поклонение и любовь Богу, мы часто использовали принципиальность Моисея: «Ни копыта Египту!» (Исх. 10:26). Это был наш выбор: вместе с детьми участвовать в богослужениях, учить наизусть библейские тексты и возвещать другим Слово Жизни.

3. Безбожники напоминают, кто в стране хозяин

Однажды в субботу уполномоченный Люков пришел на собрание не один, а с какими-то довольно представительными мужчинами. Завершая богослужение, я традиционно стал напутствовать присутствующих словами благословения. В этот момент один из спутников Люкова быстро подошёл к кафедре и произнес: «Собрание не окончено. Ваши руководители должны были меня

представить, но поскольку этого не произошло, мне приходится представляться самому. Я — Евлампий Тарасов, начальник отдела Совета по делам религий в СССР».

Разумеется, если бы я его знал, то, несомненно, представил бы собранию. Местный уполномоченный Совета Люков также не предупредил меня о том, с кем пожаловал. В своем выступлении высокий чин Совета по делам религий обвинил нас в нарушении всё тех же двух пунктов атеистического закона: на богослужении присутствуют дети, и в церкви действует настоящая школа, тогда как по закону школа — прерогатива государства, и она отделена от Церкви. В результате посещения московского гостя родители детей и руководители общины были оштрафованы — каждый на пятьдесят рублей. Кроме того, нам запретили собираться в молитвенном доме, поскольку мы не зарегистрированы. Поэтому нам пришлось вернуться к испытанному методу собраний: распределились на группы и проводили богослужения по домам. Так что современные малые группы, то есть домашние церкви, не являются неким новшеством или «заморским» изобретением. Это хорошо испытанный и знакомый людям моего поколения метод общения. С полной уверенностью могу сказать: именно благодаря малым группам мы тогда и выжили.

Лишившись возможности собираться вместе в молитвенном доме, община распределилась группами по всему городу, и Церковь продолжала не только существовать, но и укрепляться в вере. Местные же власти нас потеряли, хотя мы и не особенно скрывались. Напротив, мы поставили перед собой задачу: постоянно заявлять о себе властям. С этой целью мы продолжали оббивать пороги всех государственных инстанций, стучали во все начальственные двери с настоятельной просьбой узаконить нас.

И хотя в ответ постоянно получали отказ, это нас не смущало и не останавливало. В различных

государственных кабинетах знали, что мы продолжаем религиозную деятельность в городе и отмахнуться от нас, как от несуществующих, невозможно. Молясь разрозненно, по группам, время от времени мы все же собирались для совместного богослужения в молитвенном доме. Как правило, это было время Вечери Господней или специального торжественного собрания. Так, в последнее воскресенье октября было решено провести праздник жатвы. Молодежь приготовила интересную программу, украсила молитвенный дом; члены Церкви пригласили гостей из других городов. Но за несколько минут до начала богослужения подъехала легковая машина, из которой вышли трое мужчин и направились к нам. Следом подъехал грузовик, доставивший два десятка дружинников, устремившихся во двор молитвенного дома, как на штурм какой-то вражеской крепости.

— Кто здесь хозяин? — спросил один из прибывших на легковой машине.

— Я — хозяин. Что вы, собственно, хотите? — ответил я вопросом на вопрос.

— Что это у вас здесь за сборище? — настаивал начальник.

— А кто вы такие? — поинтересовался я.

— Я — представитель горисполкома, а это начальник городского отделения милиции.

— Покажите ваши документы, — спокойно попросил я.

— Разве недостаточно того, что мы представились?

— Нет, не достаточно. Если вы из горисполкома, то должны знать, что мы давно добиваемся регистрации нашей общины, в чем нам постоянно отказывают. Так вот, мы недавно побывали в Москве с жалобой на то, что нам не позволяют проводить богослужения, штрафуют, угрожают. Там нам посоветовали записывать фамилии тех, кто мешает нам проводить свои богослужения.

Вот поэтому мы и хотим уточнить ваши фамилии. Тон разговора начальства сразу изменился.

— А почему у вас так много фруктов, овощей и цветов?

— Как почему? Разве вы не читали в газете, что тридцатого октября вся наша область отмечает праздник урожая? Мы также решили поддержать эту инициативу и провести праздник жатвы у себя. Вы же хотите его сорвать. Вон сколько дружинников с собой привезли. Для чего? Чтобы было кому старушек выталкивать из помещения?

— Да нет, что вы! Мы просто проезжали мимо и, увидев во дворе много народа, решили поинтересоваться, что здесь происходит. Пожалуйста, проводите свой праздник, никто вам мешать не собирается.

После этого события мы не только торжественно провели праздник жатвы, но и вернулись в молитвенный дом для регулярного совершения субботних богослужений. На протяжении всей зимы нас никто не беспокоил.

4. Собрание руководителей молодежи

Как-то в городе Тольятти, в доме библейского работника Полины Кислой, проходила встреча руководителей молодёжи Сибирского униона. На этой встрече присутствовал Михаил Зозулин как руководитель униона и некоторые другие служители, в том числе и я, — в общей сложности около пятидесяти человек. Встреча была насыщенной и довольно интересной. О своем служении и опытах рассказывали руководители молодёжи с Дальнего Востока, из Сибири, с Урала и из центральной России. Соблюдая конспирацию, мы старались как можно реже выходить из дома, чтобы не привлекать к себе внимания соседей.

Однако полностью скрыть присутствие такого большого количества людей было просто невозможно. И вот,

вероятно, по наводке соседей, в субботу после обеда к нам пришли милиционеры во главе с капитаном милиции. В этой группе была женщина, работник исполкома и представитель КГБ. Он-то и был главным «дирижером» всего происходящего. В тот момент, когда представители власти зашли в дом, Михаил Семёнович сидел в углу комнаты и, слушая выступающих, делал какие-то записи в своем маленьком блокноте. Бог же даровал мудрость присутствующим женщинам, которые встали и, делая вид, что наблюдают за всем происходящим, заслонили Зозулина. Я же вместе с другими братьями сидел за столом.

— Что здесь за сборище, кто хозяин? — прозвучал требовательный вопрос.

— Я — хозяйка, — представилась Полина.

Капитан попросил её предъявить паспорт. По моему совету, будучи довольно смелой, а иногда даже отчаянной девушкой, она попросила капитана показать свои документы. Хотя и неохотно, но он предъявил своё удостоверение, а затем спросил: «Кто здесь старший?» Так как я оказался старше всех по возрасту, то и представился старшим. После проверки моего паспорта капитан записал данные паспортов всех присутствующих. Поскольку не оказалось паспорта у Николая Ретхера, его увезли с собой для выяснения личности. Мы же продолжили свою встречу. Вскоре и брат Ретхер присоединился к нам. Разъехались мы поздно вечером, не зная, какими окажутся последствия этой «переписи». А последствия были обычными: всех присутствующих на встрече в городе Тольятти по месту жительства вызвали в местные исполкомы и оштрафовали. Меня также пригласили и хотели приписать статью как организатору «незаконного сборища», что предполагало уже уголовную ответственность.

«Не спешите меня сажать в тюрьму, — сказал я, — поскольку я уже там был. Позвольте вначале рассказать, что это было за «сборище» и почему я там оказался

старшим. Вы хорошо знаете, что наши юноши и девушки не женятся и не выходят замуж за неадвентистов, поэтому один-два раза в год мы устраиваем для них подобные встречи, чтобы они могли знакомиться друг с другом. Именно такая встреча состоялась и в Тольятти. Я как старший по возрасту и по положению обязан был там присутствовать. Ведь если бы молодежь начала делать что-то противозаконное, вы бы с меня и спросили: куда я смотрел и почему молодёжь Липецка участвовала в этом? К тому же, ответственные товарищи, проверявшие нашу встречу, ничего противозаконного не обнаружили и нас ни в чём не обвинили. Так уж извините, все было в рамках закона». Вероятно, мои оправдания прозвучали убедительно, и меня «помиловали», хотя дочь Ирину, которая также там присутствовала, всё же оштрафовали.

5. Нелегальная церковь крестит официально

Летом в Липецке состоялось крещение — шесть человек заключили завет с Господом. В то время это было значимым событием. Разумеется, об этом крещении мы никого из властей не ставили в известность, в том числе и уполномоченного Совета по делам религий. Но каким-то образом об этом событии стало известно, и меня вызвали в исполком. Когда я вошёл в кабинет председателя, он пригласил свидетеля — женщину, которая должна была присутствовать при разговоре.

— У вас в церкви было крещение? — спросил «товарищ» Иванов.

— Да, было, — ответил я утвердительно.

— А сколько человек вы крестили?

— Шесть, — ничего не утаивая, сказал я.

— А я полагал, что вы будете отрицать, потому и пригласил свидетеля, — объяснил он присутствие посторонней особы.

— Зачем мне отрицать. Разве крестить людей — это преступление? Если человек стал верить в Бога и просит меня как священника крестить его, могу ли я отказать ему? Поймите меня, я священнослужитель, и крестить — это моя святая обязанность. Я не могу разочаровывать людей.

— Совести у вас нет, Николай Михайлович! — начал обличать меня чиновник. — Мы обвиняем вас не в том, что вы совершаете крещение, а в том, что не ставите нас в известность. А вдруг при крещении какая-то немощная старушка утонет, кто виноват будет? — допытывался Иванов.

— За всю историю адвентизма, — заверил я, — ещё не было случая, чтобы при крещении кто-то утонул. Это, во-первых. Во-вторых, если бы что-то и случилось, то вы виновным не будете. А в-третьих, я вам ничего не сообщаю лишь по той простой причине, что община не зарегистрирована. Ведь вы считаете нас незаконными, и на что это будет похоже, если я, «нелегал», приду к вам с информацией, что мы намереваемся проводить крещение? Вы вправе сказать: «Иди, не морочь мне голову, кто ты такой вообще? Я тебя не знаю!» Теперь же, поскольку у нас с вами, как я полагаю, все же установились нормальные отношения, пусть даже неофициальные, обещаю, что в следующий раз, как положено по закону, заранее, за две недели, доложу о том, в каком месте и в какое время у нас будет проходить крещение. На том порешили и мирно разошлись.

Должен сказать, что нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах я не отрекался от своего статуса Божьего служителя. Поэтому мне всегда легко было разговаривать с властями. Они воспринимали меня таким, каким я был, и даже уважали, хотя официальной справки, подтверждающей мое пасторство, я не имел. Когда же у нас опять намечалось крещение, я написал заявление в

исполком, и старший дьякон отнес его к Иванову за две недели до предполагаемого события. Во время крещения погода стояла тёплая, и этот святой акт мы решили совершить под вечер на реке, недалеко от пляжа. Переодетые в длинные белые халаты, мы направились к реке. Наше появление на берегу вызвало всеобщий интерес. Заметив людей в белых халатах, отдыхающие на пляже решили, что это врачи, а это значит, что-то случилось. Они быстро двинулись к нам посмотреть, что же произошло. Находящиеся в лодках также поплыли в нашу сторону. Вышли на берег и жители ближайших домов. Увидев такое стечение народа, поначалу я немного оробел, представив себе последствия. Но обратившись мысленно к Господу, я поднялся на небольшой бугорок и решил произнести короткую проповедь.

«Граждане! — обратился я к присутствующим. — Вы являетесь свидетелями необычного события. Сейчас будет совершаться святое крещение. Две тысячи лет тому назад, прощаясь со Своими учениками, Иисус Христос дал им поручение: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Матф. 28:19). Мы выполняем это повеление Христа. Об этом уведомлен исполком, и я уверен, что его представители здесь присутствуют. Убедительно прошу всех проявлять благоразумие и спокойствие, чтобы нас не обвинили в нарушении общественного порядка». Затем, прочитав в наставление еще несколько текстов из Библии, мы помолились и вошли в воду. Огромная толпа людей благоговейно стояла на берегу и, затаив дыхание, смотрела, как, поднимая руку к небу, я произносил над каждым крещаемым: «Крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь!»

Когда мы вышли из воды и переоделись, вокруг нас собралось множество народа. Вопросы следовали один за другим. Завязалась откровенная духовная беседа, которая закончилась, когда наступили сумерки.

Позднее, встретившись с Ивановым, я поинтересовался, не было ли на нас жалоб. Он ответил, что обошлось без проблем, тогда как на баптистов поступила жалоба из-за того, что они собрали на берегу большую толпу людей. Можно лишь предположить, что какой-то ревностный, но «неграмотный» доносчик спутал нас с баптистами.

В следующую субботу, во время Вечери Господней, в собрании появились представители исполкома. В перерыве, когда я подошёл к ним, чтобы познакомиться, они сказали, что желают посмотреть, как проходит у нас причастие. Поскольку их было двое, мужчина и женщина, они получили возможность побывать во время омовения ног в комнате и женщин, и мужчин. Наблюдали они за всем происходящим молча, с интересом, уважительно и вполне доброжелательно. Мы понимали, что эти люди, находящиеся на определенных государственных должностях, возможно, никогда бы не услышали спасительной вести о Христе, если бы их не заставляли посещать наши богослужения. Ведь многие из них также нуждались в Спасителе. Нет худа без добра.

С этого времени власти нас больше не тревожили и не препятствовали. Вероятно, они убедились, что мы — открытое общество, к государственной власти относимся лояльно, хотя политикой и не занимаемся. Правда, случился как-то неприятный, если не сказать смешной, казус. Однажды вечером заходит к нам Самуил, один из активных членов Церкви, а с ним какой-то незнакомец. Вместо приветствия Самуил с усмешкой говорит: «Николай Михайлович, нам с тобой предстоит расстрел! Мы, оказывается, американские шпионы. У меня уже произвели обыск, теперь я привёл к тебе следователя, чтобы провести обыск у тебя. Лучше сразу добровольно признавайся, где прячешь радиостанцию».

Поначалу я ничего не мог понять, поэтому мне объяснили, что кто-то написал в КГБ анонимное письмо,

что, якобы каждый вечер, в одиннадцать часов, Самуил Бенц тайно выходит в эфир и проповедует о Боге. Значит, он имеет свою радиостанцию, которую прячет у себя или у кого-то из верующих. Поэтому и нагрянули к Самуилу с обыском, а от него — к нам. В это же время в посёлке Мытарский два милиционера уже обыскивали квартиру наших пожилых сестёр на предмет хранения у них радиостанции, чем серьезно их напугали.

Услышав эту историю, я от души рассмеялся. Пригласив следователя присесть, я объяснил ему, что, действительно, каждый вечер, в одиннадцать часов, звучат христианские радиопередачи из Монте-Карло, и ведет их некий Бенц, но никакого отношения к нашему Самуилу Бенцу эти передачи не имеют. Даже если бы кто-то выходил в Липецке в эфир, его давно бы уже засекли советские спецслужбы. «Скорее всего, это кто-то сыграл с вами злую шутку», — сделал я вывод. После нашей беседы следователь сказал: «Ну, я этим “комитетчикам” ещё устрою!»

Что он имел в виду, я не знаю, но несколько лет после этого нас никто не беспокоил. Я свободно посещал общины на вверенной мне территории Липецкой, Тамбовской, Воронежской областей. На своем железном коне — мотоцикле «ИЖ» с коляской — я исколесил тогда всю округу...

Казань – нелегкий путь к официальной организации

1. Божья церковь не могла оставаться разделенной

ак я уже упоминал, Церковь Адвентистов Седьмого Дня в СССР шестидесятые – семидесятые годы считает темным временем своей истории. Спровоцировав разделение, атеистическо-коммунистические власти с помощью спецслужб надеялись обескровить Церковь, сделать слабой, разделить на враждующие группы, а затем и вовсе уничтожить. Однако они не учли, что Господь любое зло может обратить во благо для Своего народа. Хотя им и удалось спровоцировать временное разногласие в народе Божьем, однако оно не привело к духовному упадку. Наоборот, каждая из противодействующих групп, создавая свою организацию, активно занималась миссионерской деятельностью, стараясь расширить сферу своего влияния. Охватывая евангельской проповедью всё новые города и селения, они образовывали там поместные общины и группы верующих.

Преследования лишь закаляли веру, содействуя общему росту Церкви.

Безбожников это начало пугать; они понимали, что теряют контроль над Церковью, и это привело к пересмотру давней римской политики «разделяй и властвуй». Теперь власти начали искать пути, чтобы, не теряя вообразимого «достоинства», попробовать разрозненные враждующие между собой группы объединить в одну организацию. Поскольку усилия местных руководителей Церкви не давали результатов, они разрешили представителям Всемирного руководства АСД, Генеральной Конференции, посещать Советский Союз. Безусловно, это было Божьим Провидением, потому что Божья Церковь не могла далее оставаться разобщенной. Ответственные служители Всемирной церковной семьи организовывали встречи с подпольными руководителями противоборствующих сторон, подготавливая почву для приезда в страну президента Церкви. Дело в том, что Генеральная Конференция также была очень обеспокоена отсутствием единства среди адвентистов в СССР.

Приезд президента Роберта Пирсона в 1978 году положил начало объединению. С этой целью был создан специальный комитет, который должен был искать пути к примирению. К сожалению, заседания этого комитета не давали быстрого и желаемого результата, поскольку каждая из сторон считала себя лучшей других. Потребовалось еще несколько лет усиленных молитв и нелегких переговоров, пока, наконец, в 1981 году Советский Союз посетил новый президент Генеральной Конференции — пастор Нил Вильсон. Трудные переговоры руководителей разных церковных групп и выступление президента в московской общине Адвентистов Седьмого дня положили конец разделению. Состоялось братское примирение. После этого Церковь в СССР начала строить свою единую организацию.

2. Учимся работать в официальной организации

Вскоре после официального объединения наметился переезд нашей семьи на новое место служения. Я обратился к республиканскому проповеднику Михаилу Петровичу Кулакову с просьбой оставить нас в Липецке хотя бы еще на один год. Во-первых, уже был октябрь, а под зиму переезд крайне осложнён из-за поиска жилья. Как правило, сезоном продажи домов считается весна. Во-вторых, начался учебный год, и перевод сына Игоря в другую школу был сопряжен с определенными трудностями. Наконец, в Липецке к крещению готовилась большая группа людей, и мне хотелось довести это важное дело до конца. И хотя Михаил Петрович не возражал, обстоятельства сложились так, что у нас не оставалось выбора, и мы стали собираться.

Дело в том, что если раньше в подпольной организации мнением уполномоченных по делам религий никто особенно не интересовался, то при официальном руководстве все обстояло по-другому. Позже я узнал, что поначалу планировалось перевести нас в Волгоград, но местный уполномоченный города-героя наотрез отказался меня принять, узнав, что до сих пор я работал в неофициальной организации Мацанова. Потом был Саратов, но история повторилась. Наконец братья решили послать запрос казанскому уполномоченному по делам религий в Татарстане. У того подход к решению вопроса оказался несколько иным.

— А как он? — поинтересовался чиновник по телефону.

— Да ничего, как и все, — последовал ответ.

— А его дети ходят по субботам в школу? — уточнил блюститель советского законодательства.

— Дети у него уже взрослые, только один сын еще учится.

— Ладно, пусть едет, — окончательно решил тот.

Между прочим, подобная практика согласования перемещений служителей с органами власти была одной из причин разделения в Церкви. Мы понимали, что должны быть законопослушными гражданами страны, на территории которой живем, и этому учили рядовых членов. Но были категорически не согласны с нарушением евангельского принципа: «Божие — Богу, а кесарево — кесарю!» Мы не могли согласиться с бесцеремонным вмешательством властей, желающих оказывать влияние на решения Церкви, поскольку знали, что их вмешательство преследовало только одну цель: разрушение и уничтожение Церкви вообще. Когда же Церковь объединилась и стала официальной организацией, нам приходилось в организационных вопросах, не противоречащих нашим основным принципам вероучения, учитывать мнение властей. Мы были уверены, что Бог всё видит, понимает и ведет Свой народ к лучшим временам. Его решения будут окончательными.

Так я был направлен в город Казань, который территориально относился к Волго-Вятской конференции, где руководителем был пастор Николай Ярута.

3. Отсрочка в связи с обстоятельствами

Церковь в Липецке, узнав, что нас переводят в Казань, опечалилась, потому что и здесь годы совместного служения сроднили нас. К тому же многих тревожило наше материальное положение. Одна наша сестра рассказала своему мужу, который не был членом Церкви, что мы переезжаем в Казань. Тот безапелляционно резюмировал: «Теперь готовьте посылки своему проповеднику, потому что Казань — полуголодный город; там он и его семья умрут от голода». В следующую субботу напуганная сестра поведала о своем разговоре с мужем другим членам Церкви. Утешая их, я сказал: «Если нам

будет грозить голодная смерть, мы обязательно вам сообщим. А Казань — город с почти миллионным населением. Там есть адвентистская Церковь, и ещё никто не слышал, чтобы кто-то умер там от голода. Мы верим, что с нами остается наш Господь, проявляющий заботу даже о маленьком воробышке. О нас же Он тем более позаботится».

Итак, поехали мы с Галиной в Казань, отыскиали молитвенный дом, где временно и остановились. Прежде всего, мы решили заняться поиском жилья. Несколько дней с утра и до вечера мы ходили по городу, читали объявления, просто спрашивали у людей, но нигде ничего подходящего нам не попадалось. На дворе стояла осень, дома почти не выставлялись на продажу, за исключением крайней необходимости. Люди готовились к зиме.

Наконец, мы наткнулись на дом, который продавался уже целых два года, но его почему-то никто не покупал. Вероятно, отпугивала высокая цена. О такой покупке и мы не могли даже думать. Поиски жилья оказались безрезультатными, и после согласования с руководством Церкви мы отложили свой переезд до весны. Мой отпуск закончился, и я снова вышел на свою работу. Хорошо, что перед поездкой не уволился.

Работал я тогда полотёром в центральной гостинице города. Однажды, придя на работу, я занялся ремонтом полотерной машины. В этот момент подходит ко мне молодой человек.

— Вы — Николай Михайлович? — спросил он.

— Да, — ответил я, — вы что-то хотели?

— Зайдите, пожалуйста, в мой номер, — не то просительным, не то повелительным тоном произнес незнакомец и назвал номер своей комнаты.

Поначалу я подумал, что это кто-то из жильцов гостиницы, но потом догадался. «Скорее всего, я понадобился, чекистам. Четыре года моего служения в Липецке

они не выходили на меня, теперь же, когда я собрался переезжать, они вдруг вспомнили обо мне».

— Что, прямо сейчас зайти? — попытался я уточнить.

— Да, сейчас, — был категоричный ответ.

Мне ничего не оставалось, как согласиться, мысленно попросив у Бога мудрости. В указанном номере молодой человек был не один, там находился и его начальник. Разговор начался традиционно: с вопросов о семье, здоровье, работе. Я решил, что нет смысла «растягивать удовольствие», поэтому сказал: «Ребята, вы работаете в организации, которая всё видит и знает, поэтому давайте сразу к делу. Что вы хотите?»

Как и следовало ожидать, заговорил начальник: «Николай Михайлович, вы здесь уже четыре года совершаете служение. Если мы вас не беспокоили, то это не значит, что за вами не наблюдали. Мы, действительно, знаем о вас всё. Говоря откровенно, мы спокойно спали, потому что в вашей общине всё было хорошо, не замечалось никаких связей с реформистами, которые доставляют нам немало хлопот. Хотя, между прочим, если вам нужен качественный мёд, то рекомендуем покупать его на рынке у одного человека. Несмотря на то что сам он реформист, мёд у него отличный. Вам бы стоило с ним познакомиться и сделать его адвентистом. Ну, это так, к слову. А главное вот что: мы узнали, что вас переводят в другой город, и нам далеко не безразлично, кто приедет на смену вам. И вообще, зачем вам ехать куда-то и начинать всё сначала? Одно ваше слово — и вы останетесь здесь. У вас уютный дом, сад, хорошая работа, а главное, вас здесь любят и ценят».

— Ну вот, а вы говорите, что в дела Церкви не вмешиваетесь, — пристально глядя ему в глаза, сказал я. — А тут: «одно моё слово — и я остаюсь на своём месте», даже вопреки решению Совета!?

— Нет, нет! Мы не вмешиваемся, но иногда к нам прислушиваются, — начал оправдываться чекист.

— Хочу, чтобы вы знали, что я беспрекословно подчиняюсь Совету Церкви. Если есть решение о моём переезде, значит, я его буду выполнять, — категорично ответил я.

Они посетовали на мою несговорчивость, и мы расстались. Это была единственная встреча с «товарищами» в Липецке.

Весной мы с женой снова отправились в Казань искать себе жилье, снова ходили от одной улицы города к другой, но ничего приличного найти не удавалось. А тот дом, который нам понравился в прошлый раз, так и оставался непроданным.

— Господь явно хранит его для нас, — сказал я своей супруге. — Дом приличный и стоит в удобном месте да и транспорт общественный рядом, так что в любое время суток легко будет к нам добираться.

— А цена? — посетовала Галина. — За свой дом в Липецке мы не сможем получить столько, чтобы хватило на этот.

— Нет, милая, я устал и больше ходить не намерен, покупаем этот дом! Я убежден, что Господь хранит его именно для нас.

На следующий день Галина Ивановна все же отправилась одна искать подходящий дом. Возвратившись вечером, уставшая и измученная, она сказала: «Наверное, ты был прав, нужно покупать именно этот дом. Я сегодня нашла другой по той же цене, но он гораздо хуже этого. Так что будем договариваться с хозяевами о сносной цене».

Мы так и сделали. Хозяевами оказались две сестры и брат — приятные и любезные граждане. Они исповедовали старообрядчество и были богобоязненными людьми. Мы рассказали о себе, о своем веровании. Сообщили о том, что я священнослужитель, это их и расположило к нам. Оставив задаток, мы пообещали в середине мая приехать с вещами. К этому времени в

Липецк на наше место приехал уже другой служитель, который должен был занять наш дом. По милости Господа финансовые проблемы разрешились благополучно, и в середине мая 1982 года мы прибыли в Казань.

Хозяева дома, который мы собрались приобрести, сдержали данное нам слово, но возникла другая проблема. Оказалось, что приобрести жилье в Казани позволялось лишь местным жителям. Столица Татарстана была городом самолетостроителей и считалась закрытым населенным пунктом.

В этом вопросе нам помог уполномоченный по делам религий. В кабинете нас вежливо встретил уже не молодой мужчина, в прошлом военный лётчик. Мы с Галиной увидели в нем справедливого и доброго человека, в чем позже убеждались не раз. Проникнувшись нашей проблемой, он тут же позвонил в исполком района, где мы собирались купить дом, и попросил положительно решить наш вопрос. Нам же он сказал: «Идите в исполком, вас там ждут и всё устроят».

Приняла нас секретарь исполкома Татьяна Тимофеевна Непомнящая. Она оказалась прекрасной доброжелательной женщиной. Мне потом еще не раз приходилось обращаться к ней с различными проблемами, и она всегда старалась решить их положительно. В тот первый раз, вникнув в нашу ситуацию, она дала нам какой-то документ для предъявления в нотариальную контору, чтобы там без всяких промедлений оформили наши документы. — Скажите, кто вы? — удивленно спросила нас нотариус. — Я работаю здесь пятнадцать лет, но впервые встречаюсь с таким документом! Приходите завтра, всё будет сделано».

И действительно, на следующий день мы уже держали в руках оформленные документы на дом как полноправные его владельцы. Вспоминая эту историю, могу сказать только одно: чудесно и удивительно

Господь руководил всеми обстоятельствами, связанными с каждым нашим переездом и особенно в Казань. Мы это явно видели и ощущали в своей жизни, поэтому в смирении и с великой благодарностью снова и снова склоняемся перед Ним.

4. Казанские неожиданности

Одно дело было сделано — мы стали гражданами Татарстана. Теперь предстояло вникнуть в церковную жизнь и приступить к служению. Руководителем общины в то время была сестра Зинаида Рягузова. Женщина хоть и малограмотная, но твердая в вере, всей душой преданная Господу и Церкви. Я решил зайти к ней домой и застал там молодого человека.

— Александр, — смущаясь, представила она юношу. — Его прислали старшие братья как руководителя Церкви в Казани. Сейчас он идет оформлять прописку.

— Как прислали? Кто прислал? С какой целью прислали? — стараясь не выдать своего удивления, спросил я.

Это была первая казанская неожиданность, но мое удивление еще более возросло, когда Александр показал мне справку от того же уполномоченного, в которой черным по белому было написано, что он является пресвитером казанской общины Церкви Адвентистов Седьмого Дня.

«Что за шутка, — подумал я, — если было решение Совета конференции о моем направлении в Казань в качестве пастора, то почему здесь вдруг появляется официальный пресвитер? Почему так быстро он получил справку, даже без прописки в городе? Зачем тогда нужно было посылать сюда меня?» Неожиданности следовали одна за другой. Стараясь не подавать вида, что удивлён или смущён, я решил принять всё, как есть, а потом разбираться. Позже я узнал, что во время становления

единой организации после двадцатипятилетнего разногласия такие нестыковки случались часто.

Не предпринимая никаких действий, я решил сначала заняться устройством своего жилья. Необходимо было убрать вокруг дома. Здесь когда-то был хороший сад, но в одну особенно морозную зиму он погиб, за исключением двух яблонь. Хозяева спилили все деревья, оставив одни лишь пни. Огородом прежние жильцы не пользовались, а потому превратили его в настоящую свалку, с кучами веток, битого стекла и всякого мусора. Всё это поросло бурьяном, отчего вид был удручающий. Засучив рукава, мы с Галиной и Игорьком, нашим младшим сыном, взялись наводить порядок. Что можно было сжечь — сожгли, пни выкорчевали, мусор убрали. Оставшиеся две яблони мы обкопали, удобрили, посадили кусты смородины и малины. Я смастерил теплицу под помидоры, парник под огурцы, жена насадила множество цветов, и наш прежде унылый двор превратился в благоухающий сад. Все это стало очередной неожиданностью, но теперь уже для соседей, которые приходили к нам, как на экскурсию. Им трудно было поверить, как может заброшенная свалка превратиться в цветущий сад! Так наши дела стали первой проповедью для окружающих.

Каждый год мы собирали богатый урожай помидоров, огурцов, яблок, малины. Нам всего этого хватало с избытком, излишки раздавали членам Церкви, так что отпала всякая необходимость в посылках из Липецка. Наш дом, благодаря усилиям Галины Ивановны, приобрёл такой привлекательный вид, что стал местом, куда любили приходить и молодёжь, и пожилые люди. Моя милая супруга умела находить общий язык со всеми. Для молодёжи она была доверенным лицом; с нею они делились своими секретами и спрашивали совета; к старушкам старалась быть внимательной, а иногда даже нянькой. У нее хватало терпения каждого выслушать,

поговорить, утешить. Если кто-либо нуждался в физической помощи, она была там первая и побуждала других, которые позже следовали её примеру. Она поистине всегда была «матерью в Израиле».

Во время первой встречи я договорился с уполномоченным, что когда немного устроюсь, сразу приду к нему. Так я и сделал. Он принял меня, выслушал мое сообщение об устройстве, улыбнулся в ответ на слова благодарности за содействие в оформлении дома, после чего неожиданно резко заявил: «Прошу вас запомнить: вы в местной общине никто. Община уже имеет своего пресвитера — Александра. Если узнаю, что вы проявляете какую-то самостоятельность, буду наказывать. Вам понятно?»

Я же совершенно спокойно решил выразить ему свое неудовольствие: «Как мне известно, мои братья-руководители были у вас и согласовали вопрос о моем перемещении в Казань. Зачем же вы дали согласие на мой переезд, сорвав с насиженного места и ввергнув в большие материальные растраты? Неужели вы считаете, что переезд всего лишь лёгкая спортивная разминка? Вы, доверенное лицо государства, призванное справедливо решать вопросы, связанные с деятельностью церковных объединений на вашей территории, довольно нечестно со мной поступили. Зная, что я приобретаю дом, вы за моей спиной даёте регистрационную справку молодому человеку, практически мальчишке, который не имел даже прописки в этом городе. Как же это назвать? Вы что же, решили посеять в общине вражду?»

— А почему вы так со мной разговариваете? — пошел в наступление блюститель порядка.

— На то есть веские причины, — парировал я. Во-первых, я не преступник, чтобы угрожать мне наказанием. Во-вторых, вы не бессмертный, а такой же грешник, как и я, с той лишь разницей, что я помилованный грешник, а вам ещё надо искать помилования у Господа.

Я полагал, что он на меня рассердится за мой довольно резкий тон, но чиновник неожиданно заявил:

— Знаете, а мне такой разговор нравится. Ладно, если у вас там всем разрешено выступать за кафедрой, я не возражаю, но помните, что руководитель все-таки Александр. Откровенно говоря, он мне пришелся по душе. Если бы все комсомольцы были на него похожи, было бы просто здорово!

5. Привыкаю к новым условиям

Так происходило моё «притирание» с уполномоченным. Что же касается Александра, то он до этого времени еще не был служителем и никакого пасторского опыта не имел, хотя помогал в служении своему отцу. Но справедливости ради скажу, что он обладал другими положительными качествами: всегда был спокойным и уравновешенным, никогда не повышал голоса, хотя и не владел чувством юмора. Всё воспринимал всерьёз. Что же касается меня, то признаюсь: он для меня был своеобразным испытанием, ведь не всегда легко подчиняться не имеющему ни опыта, ни знаний. Однако Бог давал и силу, и смирение.

Александр обычно поручал мне проповедовать в пятницу, когда людей в зале было немного, или просил помолиться в субботу перед его проповедью. Я всё послушно выполнял. Вскоре члены Церкви сами начали просить его позволить мне проповедовать в субботу. Не знаю, или он не понимал, что происходит, или имел от кого-то установку не давать мне хода, но выступать с проповедью на субботнем утреннем богослужении он мне не разрешал. Некоторые члены Церкви стали проявлять недовольство, и когда я понял, что это может весьма негативно повлиять на общину, то пригласил Александра к себе домой. «Саша, — объяснял я юноше, — по

закону государства ты несешь ответственность за церковь, поскольку у тебя регистрационная справка, но в соответствии с Уставом Церкви и решением Совета конференции, я здесь являюсь ответственным полевым поповедником. Поэтому, чтобы не создавать в общине напряжения, отныне всеми делами местной церкви буду руководить я, а ты будешь мне помогать!»

Он внимательно выслушал меня, с доводами согласился, а через две недели незаметно исчез. Вскоре мы узнали, что он уехал в Украину, нашел там невесту и возвращаться в Казань не собирается. В результате мы остались без официального пресвитера. Чтобы не действовать противозаконно, было созвано членское собрание, на котором меня избрали пресвитером. Был составлен протокол собрания, и Зинаида Федоровна, как председатель Совета общины, понесла этот протокол уполномоченному. Он прочитал и внимательно посмотрел на нашу сестру.

— Почему не избрали Александра? — спросил уполномоченный Совета по делам религий.

— Потому что его нет, — спокойно ответила она.

— Как это нет? — недоумевал начальник.

— Он уехал в Украину, нашёл невесту, собирается там жениться и, похоже, не планирует возвращаться к нам в Казань.

— Почему же он меня не предупредил? — нервничал уполномоченный. — Справку не сдал. Ну, пусть только появится здесь!

Спустя некоторое время этот представитель власти вызвал меня, показал протокол собрания и сказал:

— Народ вас избрал пресвитером, а мы мнение народа уважаем, поэтому я обязан дать вам справку-удостоверение. Но вы должны написать обещание, что ничего в общине не будете предпринимать без согласования со мной.

— А что конкретно я должен с вами согласовывать? — поинтересовался я. — Как проводить богослужение или когда и как совершать причастие?

— Игнатов, не прикидывайтесь непонимающим. Вы прекрасно знаете, что нужно согласовывать, — настаивал «товарищ» Михалев.

— Да будет вам известно, — парировал я, — что я уже двадцать шесть лет являюсь служителем Церкви, но никогда и нигде не добивался этой справки, да ещё с какими-то компромиссами. Если бы это удостоверение давало мне право на вход в Царство Небесное, тогда бы я за него боролся, а так оно меня ни к чему в духовной сфере не обязывает.

— А как же другие? Почему они добиваются? Получается, вы отказываетесь от справки? — уточнил уполномоченный.

— Если на таких условиях, как вы сейчас изложили, то отказываюсь, — ответил я.

— Что ж, так и запишу: Игнатов отказался от справки. А кто же тогда у вас будет руководителем? — спрашивал он.

— Как кто? Я! Меня для этого сюда прислали, и вам это хорошо известно. Народ, как вы видите, меня принял, о чём свидетельствует протокол собрания. А никого другого все равно нет. Александр, как вы знаете, уехал.

— Ладно, вы хотя бы сообщайте, если куда-то захотите поехать, — пытался как-то закончить неприятный разговор уполномоченный.

— Если наше руководство меня куда-нибудь официально пригласит, непременно сообщу вам, — согласился я.

Он сел за пишущую машинку, отпечатал справку, заверил её печатью и торжественно мне вручил, пожав руку. Но, чтобы показать, что здесь начальник он, не удержавшись, добавил:

— Но если вы куда-либо самовольно поедете, накажу!

Я решил промолчать и распрощался. Забегая наперёд, должен сказать: все же он был хорошим человеком, в особенности, когда мне удалось подобрать к нему ключик.

Некоторое время спустя в Перми должна была состояться пасторская встреча, на которую я был официально приглашен. Я сообщил уполномоченному, что отправляюсь на совещание в Пермь. Довольный тем, что я поставил его в известность, он дал добро. В Перми я поинтересовался у руководителей Церкви, как так получилось, что в Казань официально был направлен Александр? Все очень удивились, из чего я понял, что они об этом ничего не знали. Как я уже говорил, это была досадная нестыковка во время становления организации.

Встреча меня очень ободрила. Я имел прекрасную возможность пообщаться со многими братьями, с которыми в будущем предстояло сотрудничать. О своих впечатлениях я поделился с общиной, для которой положение дел во всей Церкви не было безразличным.

Надо сказать, что и после братского объединения, как в Церкви, так и за ее пределами, находились люди, которым нравилось создавать недоразумения. Возможно, причастными к этому были и спецслужбы. Как-то у нас с уполномоченным состоялся разговор.

— Что там имеет против тебя Михаил Кулаков? — спросил он.

— У меня с пастором Кулаковым самые хорошие, братские отношения; — ответил я, — не думаю, что он имеет ко мне какие-то претензии. Возможно, это вы пытаетесь посеять между нами недоверие и подозрение.

— Вот увидишь, что я прав, — ударив по столу кулаком, произнес он.

К счастью, его слова так и не подтвердились. Отношения с Михаилом Петровичем после объединения у нас складывались самые искренние и братские. Через

три месяца состоялась очередная пасторская встреча в Свердловске, на которой я, в соответствии со своим положением, обязан был присутствовать, поскольку на ней переизбиралось руководство Волго-Вятской конференции. Не успел я вернуться домой, как уполномоченный Михалёв вызвал меня и с порога начал отчитывать.

— Что ты себе позволяешь, Игнатов? — начал он с вопроса. — Что ты там натворил в Свердловске?

— Ничего я там не натворил, — спокойно ответил я.

— Ну, как же! Ты поставил себя вместо Николая Яруты и избрал новый Совет.

Мне ничего не оставалось, как с изумлением смотреть на него, полагая, что это какая-то глупая шутка.

— Давай рассказывай! Нечего так на меня смотреть, — настаивал Михалев.

— Что за вздор вы несёте? — возмутился уже я. — Вот вам номер телефона Яруты. Позвоните и всё узнаете от него, если не верите мне.

— Мне даже из Москвы позвонили, чтобы я с тобой разобрался.

— Это какая-то ложь, недоразумение. Только никак не пойму, кто и зачем это делает? — удивился я.

Спустя какое-то время я получил телеграмму с приглашением срочно приехать в город Горький. Как оказалось, туда прибыл Михаил Петрович Кулаков, собрал проповедников и начал расспрашивать о том, что произошло в Свердловске. Его в Москве вызывали в Совет по делам религий и рассказали ту же историю, которой со мной поделился казанский уполномоченный. Все присутствующие, в том числе и пастор Ярута, были крайне удивлены такой дезинформацией. Тогда мы так и не узнали, кто стоял за всеми этими непонятными фокусами.

На встрече в Горьком за каждым из проповедников была закреплена территория, за которую мы несли ответственность. Под мое ведение были определены

общины в Сызрани, Ульяновской области, Куйбышеве, Удмуртии, а также на территории Татарии. Теперь обо всех своих поездках я должен был ставить в известность уполномоченного. Мне оказалось нелегко быть «привязанным» к представителю власти, согласовывать иногда даже мелкие вопросы с безбожником, как со своим высшим начальником. Но тогда в этой стране официальная церковная организация могла существовать только на условии вот такого сотрудничества, и Церковь вынуждена была пойти на эти кабальные взаимоотношения. Вместе с тем было немало вопросов, представляющих церковную тайну, которые, разумеется, решались без ведома коммунистических властей. Конечно, было не просто маневрировать, нужно было делать вид, что мы считаемся с ними, уповая не на свою мудрость, а молясь и ожидая Божественного вмешательства. Приведу лишь один пример. Однажды захожу к «товарищу» Михалеву с такой просьбой: «Я получил письмо из Бугульмы и Лениногорска от пожилых сестёр, которые просят меня приехать и совершить Вечерю Господню, потому что боятся умереть, не получив причастия. Я планирую поехать, ведь это моя святая обязанность».

Уполномоченный не стал возражать, но посоветовал по прибытии в Лениногорск зайти в райисполком к председателю и сообщить, что поездка согласована с казанским уполномоченным. Председателем оказалась женщина-татарочка по имени Венера. Она соответствовала своему имени, потому что действительно была красавицей. Приняла она меня приветливо и уважительно. Я представился и сообщил, что «Михалёв просил зайти к вам и рассказать, кто такие адвентисты».

Она улыбнулась и поинтересовалась, чем же мы отличаемся от православных. Я постарался перечислить ей основные отличия сделав ударение на пункты верования Адвентистов Седьмого Дня. Получилась краткая

проповедь представительнице власти, которая другим путем не могла познакомиться с библейской истиной.

— Понятно, — сказала она в конце и спросила. — А чем же ваша вера отличается от веры татар?

— Знаете, — ответил я. — Мне бы хотелось по-другому поставить вопрос: «Что адвентистов объединяет с татарами?»

— Любопытно! И что же? — Венера превратилась вся во внимание.

— Очень многое. Татары верят, что Аллах — един, и мы верим, что Бог — един. Вы не признаете икон, и мы не молимся перед образами. Татары не едят свинину, и мы противники этого мяса, считая его нечистой пищей. Татары молятся пять раз в день, и адвентисты предпочитают постоянно находиться в молитвенной связи с Богом. Татары признают Авраама, Исаака, Иакова, Ноя, Моисея, Христа. Мы — также. Татары свято придерживаются предписаний Корана, а мы также незыблемо черпаем основание веры в Библии.

— Спасибо, — опять засияла очаровательной улыбкой Венера, — теперь мне всё понятно. Проводите свои мероприятия, вас никто не потревожит.

Потом я посещал этот город довольно часто, но уже ни у кого не спрашивал разрешения. Со временем центр вообще был перемещен из Лениногорска в Бугульму, но об этом чуть позже.

6. «Предай Господу путь твой

Итак, у нас установились хорошие взаимоотношения в церкви, выравнивались отношения с уполномоченным, сравнительно неплохо устроилась семья в быту. Теперь срочно предстояло найти работу, чтобы опять не оказаться тунеядцем. Я нуждался в такой работе, которая не мешала бы моему служению. Церковные обязанности были

главными, ведь этому делу я посвятил свою жизнь. Разумеется, самой подходящей была работа полотёра. К тому же в этой области я был уже специалистом со стажем. В Казани было много больших зданий с паркетными полами; один лишь университет им. Ленина насчитывал тысячи квадратных метров паркета только в главном корпусе. Но идти туда работать я боялся. Во-первых, это была своеобразная святыня города, а во-вторых, там свободного времени у меня практически не оставалось бы. Мне же предстояло много ездить, поскольку территория, за которую я нес ответственность, была большая. Конечно, я всегда и по всем вопросам советовался с моим Господом, просил указать то место, которое, как я был убежден, Он уже усмотрел для меня. Меня приглашали в различные учебные заведения, оформляться в которые всё равно нужно было через университет. Продолжая свои безрезультатные поиски в течение нескольких дней, я решил все же попытаться счастья в университете. Склонив колени, я сказал: «Господи, Ты видишь, что все дороги ведут в университет. Если это от Тебя, то содействуй моему устройству, если же нет, то направь меня туда, где я должен работать».

В университете я нашёл начальника по хозяйственной части.

— Смотрел на полы в вашем здании, — сказал я после приветствия, — и понял, что за ними почти никто не ухаживает. Ваши уборщицы моют их как дощатые полы, отчего паркет явно приходит в негодность.

— А вы кто такой? — с замешательством спросил хозяйственник.

— Как раз тот, кто знает, что делать, чтобы паркетный пол был красивым.

— Да, мы действительно нуждаемся в специалистах в этом вопросе, но у нас маленькая зарплата. Вас она может не устроить.

— Полагаю, что эту проблему можно решить, — успокоил я его.

— Каким образом? — поинтересовался он.

— Оформляйте на работу меня и мою жену.

— Хорошо! Но сначала я хотел бы увидеть, на что вы способны.

Я согласился, и он повёл меня в одну из аудиторий площадью около семидесяти квадратных метров. Хотя паркет здесь был сильно запущен, но сам по себе он был приличный и ровный. Довольно легко можно было придать ему надлежащий вид, предварительно отшлифовав его. Начальник поинтересовался, сколько времени для этого понадобится. Я пообещал, что если сегодня мне принесут банок пять паркетного лака, чтобы с утра я мог начать, то дня через три можно будет принимать работу. Он с недоверием посмотрел на меня и коротко произнес: «Лак вам сегодня же доставят».

Когда на следующее утро я на мотоцикле привёз свою циклёвочную машину, лак уже был доставлен. За день я не только отциклевал пол, но к вечеру покрыл его первым слоем лака, а на третий день пригласил начальника принять выполненную работу. Увидев меня, он воскликнул: «От директора до уборщицы — все бегали смотреть вашу работу. Пишите заявление, мы принимаем вас вместе с супругой».

Все заявления и документы были со мной, но прежде чем предложить их ему, я сказал: «У меня есть одно условие, которое я хотел бы оговорить прежде, чем вы примете меня на работу, чтобы потом не было никаких недоразумений. Я — человек верующий и, согласно Заповеди Божьей, по субботам не работаю, а нахожусь на богослужении. Если вас это устраивает, то вот вам наши заявления и трудовые книжки. Если же это не подходит, то оставляю вам на память уже готовую красивую аудиторию и ухожу».

Внимательно посмотрев на меня, начальник ответил: «Я ведь психолог и уже во время первой нашей встречи заметил, что вы человек необычный. Разумеется, мы берём вас на работу. Вы вправе не только в субботу, но и в любой другой день, когда вам будет необходимо, не выходить на работу. Когда вы сказали, что за три дня сделаете пол в аудитории, я не поверил; думал, на это уйдет недели две, но поскольку вы, действительно, сделали работу за три дня, уже сейчас десять дней можете смело гулять. Что же касается зарплаты, то она будет начисляться с того дня, когда вы ко мне пришли.

Вот так Господь позаботился о нас и устроил именно в то место, которого я вначале так боялся. Свободное время на работе я имел всегда; кроме того, мой авторитет как специалиста в этой области был высок. Однажды доставили огромные старинные двери, которые ещё до прихода советской власти служили входом в одну из аудиторий, и попросили, чтобы я их отциклевал.

— Это же не паркет, — отказывался я, — а двери, а я то — паркетчик!

— Очень нужно, понимаете, — упрашивали они. — Посмотрите, какие они красивые, старинной работы. Мы уверены, что у вас получится.

Пришлось поднатужиться — и через неделю работа была окончена.

Мне нравилось работать в университете, хотя перед началом учебного года нагрузка была чрезвычайно большая. Необходимо было подготовить много аудиторий, поэтому недели две приходилось работать почти круглосуточно, а это было тяжело физически. В этой связи я стал подумывать о том, чтобы поискать более легкую работу. Однажды, возвращаясь после работы, я проходил мимо Дома культуры, в котором прежде не бывал. Решил зайти и посмотреть, какие там полы. Оказалось, что на всех трёх этажах этого здания был паркет, но страшно

запущенный. Ради любопытства решил поговорить с женщиной-комендантом.

— Почему в таком культурном заведении такие запущенные полы? — поинтересовался я. — Ведь, насколько я понимаю, это Дом культуры?

Ее растерянность, граничащая с извинением, свидетельствовала о том, что, вероятно, она приняла меня за кого-то из партийных работников.

— Я здесь работаю пять лет, но никак не могу найти полотёра, — оправдывалась она.

— А сколько вы согласны платить? — поинтересовался я.

— Вы можете помочь нам найти полотёра? — оживилась комендантша.

— Я и есть полотёр.

— Ну, теперь я вас никуда не отпущу! — заявила она, схватив меня за руку.

Предложив мне присесть, комендантша стала набирать телефонный номер и, назвав кого-то по имени и отчеству, попросила как можно быстрее зайти к ней. Вероятно, на другом конце провода спросили, можно ли мне доверять, потому что женщина, еще раз оценивающе взглянув на меня, ответила: « По виду человек порядочный, да и немолодой уже. Я его задержу, а вы приходите скорее». Обращаясь ко мне, она разъяснила: «Наш Дом культуры принадлежит заводу. Сейчас подойдет начальник цеха, отвечающий за все хозяйственные дела. С ним и поговорите об оплате своей работы. От себя же лично очень прошу вас, приходите к нам работать. Здесь вам будет хорошо».

Я поблагодарил собеседницу за участие и сказал, что заглянул сюда просто так, по пути, в надежде немного подзаработать, и что на постоянной основе тружусь в университете им. Ленина.

С начальником цеха мы беседовали около часа. Он уговорил меня оформиться на заводе на тех же условиях,

что и в университете. Однако фронт работ здесь был гораздо меньшим, а главное — недалеко от дома. Я уволился из университета и отдал заявления и трудовые книжки в отдел кадров завода на оформление. Хотя нас с женой и приняли на работу, но получение пропусков на территорию военного завода закрытого типа пришлось ожидать целый месяц, пока спецслужбы проверяли, не представляем ли мы с Галиной Ивановной какой-либо опасности. У нас даже были опасения, что окажемся непригодными, но мы вручили это дело Господу ещё до того, как приняли решение об увольнении из университета.

Через тридцать дней нам выдали пропуска и мы стали полноправными работниками завода. Я уверен, что смена места работы было также Божьим Провидением. Здесь мы не только имели меньший объём работы, но, что самое главное, у нас стало больше свободного времени для служения в Церкви. На этом заводе я проработал более девяти лет. Разумеется, первые полгода было довольно тяжело, пока мы с Галиной приводили в порядок тридцать кабинетов. Все полы мы сделали «под лак», так что в последующие годы, поддерживая надлежащий уровень чистоты и порядка, я работал лишь несколько дней в месяц, хотя зарплата начислялась регулярно. Иногда заходил на завод просто так, чтобы не забыли, как я выгляжу. Здесь я пользовался полным доверием и уважением. Начальство было довольно, поскольку полы в кабинетах всегда блестели.

Как-то пригласил меня к себе в кабинет начальник секретного отдела.

— Меня не будет неделю, — сказал он, — приведите пол в моем кабинете в порядок, после чего отдадите ключи секретарю.

Я поблагодарил его за доверие, а он ответил:

— Когда мы брали вас на работу и затребовали надлежащую информацию, то долго рассуждали, брать ли

таких людей на завод? Потом решили, поскольку крамольного греха за вами нет, возьмём.

— Пожалели, что взяли? — спросил я.

— Нет, не пожалели. Как видите, даже ключи от своего кабинета вам доверяю!

Когда же он вернулся и застал кабинет в надлежащем порядке, то при встрече со мной сказал комплимент.

— Зря такой пол в кабинете сделали, — с улыбкой произнес он.

— Почему? — удивился я.

— Дело в том, что люди стали бояться ко мне заходить; разубавятся за порогом. Блестит так, будто вода налита.

Конечно, это была шутка, но мне было приятно слышать такую похвалу. С этого завода я и ушёл на пенсию, хотя ещё продолжал работать. Уволился я в связи с переездом на новое место служения. Начальник режима и другие рабочие сожалели, говоря: «Зря увольняетесь, вы ведь теперь ветеран завода. И нам очень не хочется вас терять».

Хочу заметить, что во время относительной религиозной свободы мне удалось договориться с начальством завода, чтобы они сдали нам малый зал Дома культуры в аренду для проведения субботних богослужений и курсов «Так говорит Библия» за чисто символическую сумму. Платили только за уборку помещения. В этом же Доме культуры нам продали полный комплект музыкальных инструментов для струнного оркестра, тоже за мизерную цену. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что именно Господь, предвидя будущее Церкви, привёл нас на этот завод. На каждом шагу мы чувствовали явное и довольно ощутимое Божье участие в нашей жизни. Он удивительно осуществлял через нас Свою волю и учил доверять Ему. С полной ответственностью могу засвидетельствовать об

исполнении в нашей жизни обетования: «Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит» (Псал. 36:5).

7. Борьба за молитвенный дом

Считаю целесообразным вернуться немного назад и рассказать историю, которая произошла в Казани с молитвенным домом. Церковь очень переживала, и если бы не Божье вмешательство, мы могли бы потерять свое помещение. По мнению участников дела это была настоящая битва.

Задолго до нашего приезда в Казань местная община приобрела себе небольшой дом для богослужений. То были годы, когда Церковь не имела права владеть недвижимой собственностью. Поэтому уполномоченный по делам религий посоветовал оформить дом на частное лицо, а затем заключить договор аренды и проводить в нем богослужения. Поэтому, дом был куплен и записан на имя одной престарелой сестры, которая жила в однокомнатной государственной квартире.

Чтобы переселиться в молитвенный дом, она сдала свою квартиру в ЖЭК и стала полноправной хозяйкой этого дома. Зал оборудовали скамейками, поставили кафедру и начали проводить богослужения. Верующих никто не беспокоил, потому что община была зарегистрирована.

Когда я переехал в Казань, собрания по-прежнему проводились в этом же доме. Община была довольна собственным помещением, хотя оно и не было приспособлено для богослужений. Проживание в доме молитвы хозяйки, на которую был оформлен дом, создавало большие неудобства не только для тех, кто приходил на собрание, но и для самой хозяйки. Поскольку женщина не чувствовала себя собственницей, то и большой участок с садом, сараем и даже баней оставался в запустении.

Я не мог смириться с этой печальной картиной и решил навести порядок. Организовал молодёжь и активных членов Церкви, и мы совместно принялись за работу. Ненужный сарай был снесен, а двор заасфальтирован. Были переоборудованы и внутренние перегородки, сделан второй вход, что позволило увеличить зал для богослужений и обособить молитвенное помещение от жилого. Стало удобнее общине и спокойнее пожилой женщине, которую звали Ольга Васильевна. Все ее знали как одинокую, ветерана войны, у которой где-то была приёмная дочь. Эта дочь её никогда не навещала, хотя проживала в том же городе, поэтому заботу о престарелой женщине полностью взяло на себя государство. Ей выделили однокомнатную квартиру, начислили небольшую пенсию, которой едва хватало на лекарства. Члены общины сочувствовали ей и поддерживали, кто чем мог. Она всем была довольна и особенно радовалась общению, скрашивающему её одиночество.

Начав реконструкцию дома, мы решили увеличить и жилое помещение с таким расчетом, чтобы у сторожа, который в будущем будет жить при доме молитвы, были нормальные бытовые условия. Поскольку Ольга Васильевна имела слабое здоровье и довольно преклонный возраст, мы обязаны были подумать о будущем использовании этого дома общиной. Уполномоченный Михайлёв с пониманием отнесся к нашим опасениям и посоветовал поступить по закону — перевести дом на баланс государства. Для этого Ольга Васильевна должна была от своего имени написать в исполком заявление с просьбой взять её дом на баланс районной власти, которая, в свою очередь, передаст дом общине в аренду. Мы так и поступили, но районный исполком отказался принимать этот дом на баланс, мотивируя свое решение тем, что здание имеет большой процент износа. И дело переоформления приостановилось.

В это время неожиданно объявилась приемная дочь Ольги Васильевны, заявившая, что она ее родная дочь, и вместе с мужем начала проявлять активную заботу о пожилой женщине.

На утренние богослужения я старался всегда приходить первым. В одну из суббот подхожу к молитвенному дому, а меня на улице встречает соседка и подаёт ключи от дома со словами:

— Приезжала на машине дочь Ольги Васильевны, погрузила вещи, забрала бабушку и увезла к себе.

— Чья дочь приезжала? — старался уточнить я.

— Дочь Ольги Васильевны, Валентина Тиньжина, — объяснила соседка.

Жизнь пожилой женщины, приемной матери, Валентину совершенно не интересовала многие годы. Теперь же, когда она каким-то образом узнала, что мы собираемся узаконить дом, вдруг «вспомнила» о своих обязанностях дочери. Вскоре, с помощью того же исполкома, пожилую женщину признали невменяемой и «назначили» ей опекуна, Валентину Тиньжину. Теперь, как опекун и прямая наследница, она получала все права на этот дом. Желая основательно закрепиться в доме, Валентина прописала в него свою дочь, которая на самом деле там никогда не жила. Становилось понятным, что мы теряем дом, а значит и вложенные в него церковные средства. Всё это происходило из-за нашей неопытности и доверчивости. Нам следовало бы получить от Ольги Васильевны завещание или хотя бы дарственное удостоверение и таким образом застраховать себя от подобных посягательств, но теперь уже было поздно.

Я подробно пишу о наших переживаниях и нелегкой борьбе за свое право на церковную недвижимость для того, чтобы наш горький опыт стал уроком для общин в настоящее время. Категорически следует избегать смешанной собственности, какие бы обстоятельства нас к

этому ни вынуждали и каким бы доверием ни пользовались люди, на которых мы хотим оформить церковную собственность.

Уполномоченный, узнав обо всем, что случилось, был крайне возмущен и раздосадован.

Нетрудно было понять, что Валентина Тиньжина мошенническим путем решила разбогатеть за счет доверчивых верующих людей. Было очевидно, что кто-то знающий юридические тонкости, направлял эту нечестивую женщину, разумеется, также не без корысти и для себя. Поэтому Михалев советовал для начала поговорить с Валентиной, узнать её планы и попытаться договориться с ней о продаже этого дома общине по сносной цене. Он был уверен, что на суде Тиньжина проиграет. «Для неё лучше, если она этот дом вам продаст», — заключил уполномоченный.

Хотя и с немалыми трудностями, но адрес Валентины все же удалось найти. Моя жена вместе с диаконом решила провести нашу пожилую сестру Ольгу Васильевну. К счастью, она оказалась в четырехкомнатной квартире приемной дочери одна. Сестра очень обрадовалась встрече и рассказала в подробностях о сложившейся ситуации.

Оказывается, её заставляли несколько раз в день пить какие-то таблетки, от которых ей становилось все хуже. Она показала коробку из-под обуви с лекарствами, которые употребляла, а также «завещание», в котором наш молитвенный дом, оформленный на Ольгу Васильевну, завещался Валентине. Больную пожилую женщину принудили подписать это завещание, а теперь, похоже, были готовы при помощи таблеток поскорее избавиться от нее.

На следующий день я решил сам пойти и поговорить с Ольгой Васильевной, чтобы убедить её переписать завещание на общину, поскольку это все же церковный

дом. Я планировал в случае ее согласия вызвать такси и отвезти её к нотариусу, чтобы всё официально оформить. После моего звонка в дверь, Ольга Васильевна, узнав меня, слабым голосом сказала: «Дорогой братик, не могу открыть; меня закрыли, а ключи забрали с собой. Я чувствую себя очень плохо». В результате я ушел ни с чем. Не мог ничего посоветовать и уполномоченный Совета по делам религий.

Вечером с председателем церковного Совета, Зинаидой Федоровной, мы направились домой к Валентине Тиньжиной. Хозяева открыли нам дверь без пререканий и даже пригласили в квартиру. Я представился и сказал, что мы пришли, чтобы спокойно разрешить создавшееся положение. Не успели мы сказать и несколько слов, как начался словесный ураган. В адрес Церкви посыпались проклятия, угрозы, всевозможные оскорбления и обвинения в воровстве и мошенничестве. Из их слов следовало, что Ольга Васильевна сдала государству свою однокомнатную квартиру после того, как они вложили в ремонт три тысячи рублей. Теперь всё это пропало.

Нам ничего не оставалось, как сидеть и слушать, так как каждое наше слово могло стать своего рода маслом в огонь. Когда запал гнева угас, я осторожно начал говорить о цели нашего посещения: «Мы для этого и пришли, чтобы разрешить создавшуюся ситуацию. Криками и угрозами вы ничего не достигнете. Как люди верующие, мы хотим поступить с вами честно. Ваши затраты, три тысячи рублей, мы готовы компенсировать, но с условием, что документы на дом вы переоформите на Церковь. Мы консультировались с уполномоченным по делам религий и поняли, что государственные власти в решении этого вопроса поддерживают нашу сторону, поэтому если вы пожелаете судиться с Церковью, то все равно проиграете и не получите ничего. Давайте сейчас договоримся и разойдёмся по-хорошему. Выбор

за вами». С этим мы ушли, оставив им возможность подумать и принять решение. Хотя мы понимали, что с юридической точки зрения права на их стороне, однако на нашей стороне была правда и Бог.

Неделю спустя Тиньжина сообщила о своем решении получить от нас уже не три тысячи рублей, а целых пять. Наш ответ был неизменным — три тысячи рублей.

— Тогда мы пойдём в суд, — крикнула Валентина.

— Пожалуйста. Это ваше право, — ответил я спокойно.

Через некоторое время от Тиньжиной пришло уведомление, в котором говорилось, что мы должны к определенному числу освободить дом, поскольку она, на правах опекуна, планирует начать там ремонт.

С этим уведомлением и письмом церковного Совета Зинаида Федоровна пошла в райисполком. Вернувшись, она принесла неутешительные вести: «Райисполком поддерживает Тиньжину». Более того, стало известно, что именно там Валентина получает консультации по этому делу. Нам же ничего не оставалось, как молиться: «Господи, разрушь совет Ахитофела».

Через несколько дней нам пришла повестка явиться в суд для собеседования. Когда мы с Зинаидой Федоровной пришли в суд, Тиньжина уже была на месте. Прочитав заявление Валентины, судья попросила рассказать, как и на какие деньги был приобретён дом. Я рассказал все так, как было на самом деле, сделав особое ударение на то, что в дом вложены народные средства верующих людей, чтобы в нём совершать богослужения. Показал даже список тех, кто сколько пожертвовал. Церковь планировала поступить по закону, а именно: сдать дом на баланс исполкома, чтобы впоследствии взять его в аренду, произвести внутреннюю реконструкцию. Что же касается супругов Тиньжиных, то они явно преследуют корыстные цели, желая завладеть молитвенным домом, используя для этого свою неродную мать, на которую

Церковь оформила дом, хотя сами имеют большую четырехкомнатную квартиру.

Когда же судья попросила Тиньжину изложить свои аргументы, то вместо аргументов посыпались ругательства и обвинения в наш адрес. К концу беседы я пришел к заключению, что судья сделала правильные выводы, надлежащим образом оценив ситуацию. Полагая, что это поняла и Валентина, мы предложили ей еще раз, до слушания дела в суде, мирно решить эту проблему. Она ответила, что подумает.

На следующий день в местной газете появился некролог по поводу смерти уполномоченного Михалёва. Для нас это оказалось неожиданным и печальным известием, поскольку этот человек поддерживал нас и помогал добрыми советами. Трудно было предвидеть, как поведет себя его преемник Авходеев. Но оказалось, что переживали зря. Новый уполномоченный по делам религий серьезно занялся нашей проблемой. Работая до этого заместителем Михалева, он уже был знаком с нашим делом. Однако проконсультировавшись с руководством Совета по делам религий в Москве, он откровенно сознался: «Очень сожалею, но Москва вас не поддержала. Единственное, что вам следовало бы сделать, это нанять хорошего адвоката и подать встречный иск. Я же со своей стороны напишу ходатайство в суд. Полагаю, что оно будет иметь надлежащее значение во время судебного разбирательства.

Авходеев оказался довольно порядочным человеком. Он по-своему был даже человеком верующим, имел высшее образование, обучался в Египетском мусульманском университете, хорошо владел арабским языком и знал Коран. Очень не любил лживых людей и умело направлял мусульманских служителей при решении внутренних проблем. Похоже, он был хорошим знатоком своего дела — замечательным посредником

между верующими и государством. В его назначении можно было заметить мудрый Божий промысел.

В адвокатской конторе я встретил знакомого адвоката, который в тот день был дежурным, и, выслушав меня, охотно согласился вести наше дело. Мы зашли к начальнику, чтобы составить договор и произвести оплату за услуги. Узнав суть нашей проблемы, начальник, неожиданно для меня, попросил нанятого мной адвоката заняться своими делами, а меня оставил у себя в кабинете. Оставшись наедине, начальник настоятельно рекомендовал мне обратиться к другому адвокату, — молодой женщине по имени Евгения, которая действительно может помочь выиграть нашу тяжбу и деньги за адвокатские услуги не будут выброшены на ветер.

Женя, как она позволила мне ее называть, внимательно выслушала меня и, не откладывая в дальний ящик, попросила отвезти ее в суд, где находились все документы по этому вопросу. После нескольких часов ожидания, возвратившись, Женя озабоченно сказала: «В деле немало доказательств не в вашу пользу, в особенности со стороны райисполкома, однако письма уполномоченного по делам религий могут помочь нам повернуть ход дела в вашу пользу. Кроме того, суду нужны бумаги, а не слова. Вы должны собрать и принести мне ряд документов, а именно: а) список, кто и сколько давал денег на приобретение дома; б) справку из сберкасс, сколько было денег у Ольги Васильевны, когда оформляли на неё дом; в) копию заявления в райисполком, чтобы дом приняли на баланс государства; г) справку из почтового отделения о том, что гражданка Тиньжина никогда не получала никакой корреспонденции на этот адрес, д) справку из паспортного стола о том, были ли Валентина Тиньжина или её дочь прописаны по данному адресу, и, наконец, е) справку из детской поликлиники о том, что дочь Тиньжиной не обращалась туда по поводу лечения своих детей.

Для того чтобы без проблем получить эти шесть документов в указанных учреждениях, адвокат выписала мне удостоверение работника юридической консультации. Поскольку у меня был мотоцикл, то эти справки я собрал за один день и отнес их адвокату. Женя приняла все бумаги, затем, усадив меня за стол, дала ручку, бумагу и подсказала, как написать встречный иск и зарегистрировав отнести его в суд.

Наступил день суда, хотя он не мог начаться в назначенное время, поскольку прокурор, которого мы ожидали, должен был присутствовать на другом судебном разбирательстве. Тиньжина также ожидала со своей дочерью и адвокатом. Разумеется, я волновался, поскольку должен был выступать в деле одновременно и в качестве ответчика, и истца.

Наконец заседание началось. Тиньжина весьма эмоционально старалась доказать свои права на дом, как и ее адвокат. После этого слово взяла Женя. Говорила спокойно, немногословно, подтверждала каждое свое предложение справкой. Затем кратко, но очень веско выступил прокурор, который фактически осудил Тиньжину за ее желание присвоить чужое имущество. Решение суда было четким: «Признать право на собственность за Церковью и обязать райисполком принять дом на баланс».

Теперь уж Тиньжина дала волю своим чувствам, всех обругала и пообещала подать апелляцию в республиканский суд. Однако суд высшей инстанции лишь подтвердил решение районного суда первой инстанции. В результате Валентина Тиньжина осталась ни с чем. Нам уже казалось, что все наши тяжбы закончились, что можно радоваться тому, что справедливость восторжествовала, и дом молитвы возвращен его законному владельцу, адвентистской общине в городе Казань, но оказалось, что все только начиналось, поскольку теперь нашим оппонентом выступил более сильный противник — райисполком.

Нетрудно понять скрытые мотивы исполкома, руководители которого заняли позицию не в пользу религиозной общины, так как в то безбожное время «правда» всегда была на стороне атеистов. Позже, выполнив только часть решения суда и приняв молитвенный дом на свой баланс, райисполком, вместо того чтобы сдать дом в аренду Церкви, отдал его капитану милиции, начальнику вытрезвителя, под квартиру. Это обрекло нас на «хождение по мукам».

Снова я отправился в уже знакомую мне адвокатскую контору, но, к моему глубокому сожалению, наш замечательный адвокат Женя оказалась в больнице и вскоре совсем ушла с этой работы, хотя и слыла одним из сильнейших адвокатов города. Но я убеждён, что именно Господь послал её нам в тот трудный для Церкви момент.

Судебная тяжба с районным исполкомом проходила намного сложнее, так как все суды, как по сговору, оказывались на стороне исполкома, поскольку в какой-то мере были зависимы от этого государственного учреждения. Нам ничего не оставалось, как только продолжать доверять Господу в надежде на Его обетование: «Конец твой будет хорош, и Я заставлю врага поступать с тобою хорошо во время бедствия и во время скорби» (Иерем. 15:11). Нам же все это стоило много нервов и переживаний.

Чтобы не затруднять читателя подробностями «хождения по мукам», перечислю лишь некоторые барьеры, которые сатана ставил на нашем пути на протяжении двух лет.

За это время сменились ещё два уполномоченных Совета по делам религий. Они умирали, и это уже вызывало тревогу. Четвертый уполномоченный в беседе со мной задал прямой вопрос: «Что плохого мы вам сделали, что Бог нас карает смертью — одного за другим?»

Я ответил, что смерть уполномоченных, на мой взгляд, не связана с нашей или с другой какой-либо

конфессией. Нам непонятно Божье Провидение и почему с людьми так случается. Но такие моменты служат предостережением для всех живущих. Когда-то на вопрос раввинов о гибели группы людей Христос сказал, что их нельзя считать более грешными, но «если не покаетесь, все так же погибнете» (Луки 13:3). С этим уполномоченным мне было легко работать, а особенно с его заместителем Юрием Васильевичем Михайловым. Мы с ним подружились, и он стал нам хорошим помощником во многих вопросах.

Итак, борьба за дом продолжалась. Проблема усугублялась еще и тем, что, вынеся решение о передаче молитвенного дома капитану милиции, районный исполком подключил к этому противостоянию еще и милицию. Как только исполком вручил капитану милиции ордер на дом, он в первую же субботу явился на богослужение и заявил: «Если до вторника не освободите дом, я лично вывезу все ваши вещи в милицию на склад».

С милицией нам совсем не хотелось иметь дело. По моей просьбе в понедельник он прислал две грузовые машины, и все богослужебные предметы: кафедру, фисгармонию, стулья и все прочее увезли ко мне домой, поставили в большой комнате и по субботам начали там проводить собрания. Через полгода договорились с руководством Дома культуры об аренде в нём малого зала, в котором и продолжали проводить дальнейшие богослужения.

Мы же не сдавались: наняли нового адвоката и продолжали судиться уже с райисполкомом за молитвенный дом. Все суды в те времена, от районного и до республиканского суда Татарии, были зависимыми от властей, поэтому каждое решение, несмотря на всю свою абсурдность, выносилось в пользу райисполкома. На последнем суде даже прокурор выступил в нашу защиту, однако суд вынес решение не в нашу пользу. Прокурор согласился

написать свой протест в Верховный Суд РСФСР, но мы воздержались от обращения в Москву, чтобы не настраивать против себя местные власти, да и не были уверены, что Москва не поддержит решение республиканского суда, что было бы еще хуже.

Мы продолжали искать пути решения нашей проблемы на месте. С этой целью я несколько раз пытался попасть на прием к председателю исполкома, но она категорически отказывалась меня принять. Тогда я направился к первому секретарю горкома партии. Преодолев все бюрократические преграды, мне все-таки удалось попасть в его кабинет. Приветливо встретив меня, он произнёс обычное: «Слушаю вас!» Я представился и рассказал ему всю историю с нашим домом. Ничего не отвечая, он набрал определенный номер телефона и коротко произнес: «Любовь Ивановна, сейчас к вам придёт представитель Церкви, пожалуйста, примите его и решите все вопросы».

Итак, я снова направился к руководителю той государственной инстанции, с которой мы судились. Но какой же любезной она была на этот раз! Приняла без всяких упреков и, прежде чем я успел что-то сказать, очень спокойно, мягко и тактично, будто мы с ней были старыми друзьями, посоветовала: «Николай Михайлович! Не растрачивайте попусту свою энергию, силу и средства. Говорю вам по-дружески; дом свой всё равно не получите. В соответствии с решением исполкома, дом ваш будет снесен, а на его месте построен детский сад. Мне вас искренне жаль, но ничего не поделаешь». Для достоверности она показала бумагу с решением исполкома.

Конечно же, я приуныл. Это место действительно было удобным для детского садика, но не менее удобным оно было и для местной общины. Хотя я уже начал сомневаться в Божьей воле, но просил Господа открыть мне, что я должен делать. Молились и постились многие члены

Церкви. И вот меня осенила мысль обратиться в газету, так как из прежних опытов я знал, что журналисты бывают смелым народом, иногда даже вопреки воле партии.

Прежде чем искать корреспондента газеты «Известия», я пошел посоветоваться с Зинаидой Федоровной и вместе помолиться. Дверь ее квартиры на первом этаже пятиэтажки оказалась открытой. Войдя в комнату, я застал Зинаиду на коленях в молитве. Это был момент, когда с воплем и слезами она говорила Господу о нашей проблеме. Я незаметно склонился рядом с этой мужественной в вере женщиной, ожидая, когда она перестанет плакать. Когда же она произнесла «Аминь» и мы поднялись с колен, я сказал Зинаиде Федоровне:

— Пока ты молилась, мне Святой Дух сказал, что на небе произошло большое несчастье — умер Иисус Христос!

Она внимательно на меня посмотрела, желая понять, шучу я или нет.

— Может ли быть такое, что Христос умер? — уже вполне серьезно спросил я.

— Конечно, нет! — ответила женщина, и мне даже показалось, что ее лицо просветлело. — Так зачем же мы так рыдаем и расстраиваемся? Ведь таким образом можно и в психбольницу попасть или инфаркт получить. Дом то ведь не наш, а Божий! Пусть Он и позаботится о нём. Мы же со своей стороны будем делать всё, что возможно. Есть ещё одна дверь, в которую мы не стучались; если и она окажется закрытой, тогда все наши шансы будем считать исчерпанными. И я поделился с ней своими планами. Она успокоилась, мы вместе помолились, и я пошёл искать газетчика.

Раздобыв телефон журналиста, я позвонил. Услышав, какой у меня к нему вопрос, он ответил, что, к сожалению, сейчас у него совсем нет времени, и уже было собрался повесить трубку.

— Пожалуйста, выслушайте меня, — стал просить я его, — помогите нам, вы — наша последняя надежда.

Он согласился, и я вкратце рассказал ему нашу историю о том, как исполком, вопреки решению суда и буквы закона, отдал наш молитвенный дом под квартиру капитану милиции. Он выслушал, а потом воскликнул:

— Это же незаконно! Вот что, диктуйте мне ваш адрес, я его запишу. Сейчас я почти на месяц уезжаю в командировку, но когда вернусь, разыщу вас, и вы подробно мне обо всём расскажете.

Спустя месяц к нашему дому подъехала чёрная «Волга», из которой вышли двое мужчин и направились к нам. Это и был тот самый журналист со своим товарищем. Он поставил на стол диктофон и попросил рассказать правдивую историю о нашем многострадальном доме. Ныне я уверен, что Господь содействовал тому, чтобы состоялась наша встреча с Альянсом Сабиновым и чтобы он стал Его орудием в нашем деле. Спустя несколько недель после этой встречи в газете «Известия» появилась статья под заглавием «Закон одинаков для всех». Она подняла настоящий переполох в кругах местной власти.

Через короткое время уполномоченный, пригласив меня к себе, сказал: «Молодцы, что написали в газету! Мы собрали всех секретарей исполкомов, ответственных за религиозные вопросы и проработали с ними эту статью. Можно предполагать, что скоро ваше дело будет улажено по закону».

Поскольку время шло, а сдвигов в нашем деле не замечалось, нам ничего не оставалось, как обжаловать решение Верховного суда Татарии в Москве. Наш план одобрил корреспондент Сабинов, а прокурор, присутствующий на республиканском суде, написал от себя протест. Мы также получили справку от таксомоторного парка о том, что их предприятие отказывается от строительства детского сада на месте нашего

молитвенного дома, так как не имеет для этого достаточно средств. В тот период произошёл финансовый кризис, и многие предприятия были не в состоянии осуществлять свои проекты.

В назначенный день началось слушание нашего дела. Благодаря протесту казанского прокурора, дело обобщивалось в нашу пользу. Во всяком случае, так показалось нам во время слушания. Суд высказал порицание представителю исполкома, присутствовавшему на суде в Москве, за его неверную позицию и вынес решение отправить дело на пересмотр в Верховный суд Татарии. У меня было опасение, что Верховный суд Татарии, скорее всего, вновь станет на сторону райисполкома. Вернувшись из Москвы и не дожидаясь слушания в Верховном Суде Татарии, мы подали встречный иск на райисполком с просьбой взыскать с райисполкома расходы почти в две тысячи рублей, связанные с судебными разбирательствами относительно незаконно отнятого у нас дома.

Наступил день слушания. На удивление, суд длился недолго. В конце судебного заседания судья обратился ко мне с вопросом: «Намерены ли вы истребовать от исполкома все ваши расходы?» На что я ответил, что если решение суда будет в нашу пользу, то мы вообще не будем требовать возмещения никаких судебных расходов. После недолгого пребывания в совещательной комнате суд вынес окончательный вердикт: «Дом принадлежит Церкви, поэтому его следует освободить и вернуть религиозной общине. Обязать райисполком предоставить капитану милиции квартиру». Наконец-то была поставлена точка в нашей длительной, мучительной тяжбе за молитвенный дом! Слава Богу, что на протяжении двух лет противостояния Он давал терпение и всегда в нужный момент находил людей, которые становились Его орудиями в деле возвращения Его дома Церкви. Это была Божья победа! К сожалению, этой Божьей победы не

хотел признавать дьявол и его последователи еще около полугода, но об этом чуть позже.

8. Первые признаки религиозной оттепели перестройка

Мы продолжали собираться в арендованном зале Дома культуры им. Воровского. Однажды в городе я увидел афишу, на которой крупными буквами красовалось объявление о том, что в Доме культуры «Химиков» проводятся курсы по изучению Библии, на которые приглашаются все желающие. Моему удивлению и радости не было границ. После всех преследований, которые пришлось перенести, это было настоящим чудом. Я решил пойти на эти курсы, чтобы узнать, кто и как их проводит. Оказалось, что это мероприятие организовали евангельские христиане-баптисты. По тем временам посетителей курсов было довольно много. Мне показалось, что использовать такую возможность можно было значительно эффективнее, поэтому я ушёл с этой встречи полный решимости также снять этот же зал в другое время и открыть адвентистские курсы по изучению Библии.

Местная община эту идею поддержала, и я отправился к директору Дома культуры «Химиков» с предложением сдать зал нам в аренду. Директор был рад новым клиентам, поскольку ощущалась нужда в средствах для содержания и обслуживания здания. Мы заказали в местной типографии две тысячи пригласительных билетов на программу «Так говорит Библия». В них указывалось время и место проведения курсов, а также название тем и вопросов, которые будут обсуждаться. Все члены Церкви приняли активное участие в распространении пригласительных билетов, и в назначенное время мы с волнением ожидали людей. Это был наш первый опыт публичной евангельской работы, и, конечно же, все

переживали, много молились и надеялись на успех. Молодёжь и все активные члены Церкви пришли нарядно одетые в Дом культуры «Химиков» заранее, чтобы приветствовать наших гостей.

Небольшой зал на 120 мест в первый же вечер был наполнен людьми. Позже на подобные встречи собирались сотни и даже тысячи, но тогда и это количество посетителей считалось огромным. Если в первый вечер происходило общее знакомство, подавалась информация о программе и темах, которые будут обсуждаться, то на следующий раз я уже использовал слайды и в конце лекции продемонстрировал двадцатиминутный научно-документальный фильм «Институт Муды». В определенной степени мы конкурировали с нашими братьями-баптистами, потому что многие, посещающие их курсы, перешли к нам. Встречи наши проходили раз в неделю по четвергам. Позже мы проводили такие же курсы по воскресеньям в Доме культуры им. Воровского, где проходили наши богослужения. В результате этих курсов казанская община пополнилась новыми людьми, многие из которых сегодня являются столпами Церкви и даже ее служителями.

О некоторых из них хочу рассказать отдельно. В один из вечеров в зал пришла семья: муж, жена и сынишка лет девяти. Они внимательно слушали лекции, а после их окончания буквально засыпали меня вопросами. С самого первого дня они не пропустили ни одной встречи. Когда в конце курсов я объявил о возможности присоединиться к Церкви через крещение, глава семьи Аркадий Леонидович стал первым «снопом» этой новой жатвы. Он до сих пор остается одним из верных и посвященных служителей Церкви в Казани.

Надеюсь, брат Аркадий не обидится на меня за то, что я расскажу, из какого страшного омута извлёк его Господь. Он со своей семьёй жил в Житомире и работал

начальником одного из ведущих отделов на самолётостроительном заводе. Когда заболел сын, врачи не смогли поставить диагноз, а ребёнок таял на глазах. Однажды Аркадий встретился с известной целительницей, которая предложила свои услуги в лечении мальчика. Она познакомила родителей с экстрасенсами, и очень скоро они сами стали «контактёрами», то есть людьми, имеющими непосредственное общение с миром духов. Дух открыл им картины ожесточенной борьбы в мире черных и белых духов. Разумеется, он представил себя на стороне белых. С того времени они уже были не властны над собой и во всём повиновались его распоряжениям.

С тех пор Аркадий не имел права общаться даже со своей женой без позволения духа-шефа. Во время разговора дух мог их прервать, предупредив, что пришёл сильнейший и беседу надо прекращать. Случалось иногда, что по комнате вдруг начинала расхаживать ворона. Это был сигналом присутствия духа с противоположной, то есть «тёмной стороны». А однажды дух объявил Аркадию, что у него отберут жену, потому что она — «невеста Христа». Страшно испугавшись, семья срочно покинула город и уехала в Казань, где случайно Аркадий увидел рекламу библейских курсов. Он убеждён, что это Господь спас его от козней дьявола и привёл в Свою Церковь.

Так случилось, что Провидение Божье избавило его и от другого несчастья. Аркадий как хороший специалист с Украины был командирован в Северную Корею для строительства личного самолета вождю Ким Ир Сёну. Пока он с семьёй находился там, произошла Чернобыльская катастрофа. Эта трагедия могла задеть и его. Сегодня служение в Церкви совершает не только сам Аркадий, но и его сын Дмитрий. Слава Богу за этих людей!

Вспоминается и другой интересный опыт. На курсы «Так говорит Библия» регулярно приходили две девушки-подружки, которые всегда садились на последние

места и всё время, пока шла лекция, о чём-то шептались. После лекции они иногда подходили ко мне и задавали всякие каверзные вопросы, но все же продолжали посещать наши вечера. Я был удивлен, увидев, как на призыв принять крещение они обе вышли, изъявив желание заключить завет с Богом. Позже они рассказывали, что вначале приходили на лекции просто из любопытства и желания над чем-нибудь посмеяться. Но постепенно истина завоевала их сердца, и они приняли Иисуса Христа своим Спасителем. Сегодня они также являются верными членами Церкви Божьей.

Не могу забыть еще один забавный эпизод. По окончании лекций в Доме культуры «Химиков» мы решили снять зал для духовных лекций в Доме учёных. Директором этого помещения оказалась женщина — бывший парторг. Узнав, для какой цели я хочу арендовать зал, она испугалась. Тогда я посоветовал ей обратиться к уполномоченному по делам религий. Через два дня встречаю уполномоченного.

— Что там у вас в Доме учёных произошло? — спросил он меня.

— Да ничего не произошло, — ответил я. — А в чём дело?

— Звонила директор и интересовалась, что вы за люди.

— И что же вы ей ответили? — поинтересовался я.

— Сказал, что был бы рад, если бы адвентисты жили в моём доме, на моём этаже или чтобы их дачи располагались рядом с моей.

Я поблагодарил его за такую «рекламу» и снова пошёл в Дом учёных. Директор встретила меня учтиво, и мы без проблем договорились об аренде зала. На этот раз в числе принявших библейскую истину были два молодых человека: главный энергетик завода радиоприборов и начальник цеха того же завода. Позднее они мне

рассказывали: «Мы не тебя слушать ходили, а хотели познакомиться с девушками, которые пели на программе. Они показались нам симпатичными, да и в своем поведении особенными. После лекции мы пытались подкараулить их, чтобы познакомиться. Но со временем, сами не понимая почему, нас библейские темы заинтересовали настолько, что мы даже забыли о девушках. Теперь эти братья являются учителями Субботней школы и сами поют в хоре. В числе принявших крещение были и коренные жители — татары.

Вскоре Дом культуры, в котором мы проводили богослужения, кто-то выкупил. В связи с появлением нового хозяина нам пришлось искать другое место для собраний. Мы нашли большой деревянный дом, который находился в довольно красивом месте — почти в парковой зоне. Он был ещё крепким, но очень запущенным, потому что в нём давно уже никто не жил. Не без труда нам удалось разыскать хозяйку дома, которая с радостью сдала его нам в аренду. Мы привели его в надлежащий вид и начали там проводить богослужения. Сторожом в доме поселили приезжего молодого брата по имени Рафис, не имеющего своего жилья.

Однажды, в пятницу утром я почувствовал внутреннее побуждение поехать в этот дом. Рафис в это время был на работе, но мне было известно, где он оставляет ключи. Заглянув в окно, я пришёл в ужас — дом был наполнен дымом, видимо, что-то горело. Я быстро открыл дверь и, пробираясь на коленях, стал искать источник дыма. Ходить в полный рост по дому было просто невозможно. Только в последней комнате я нашел источник происхождения дыма. Оказывается, перед уходом молодой человек что-то гладил на столе и забыл выключить утюг, который прожег сложенное вдвое одеяло, стол и через прожжённое отверстие упал на стул, задвинутый под стол. Стул оказался также прожженным, и

утюг висел на проводе в нескольких сантиметрах от пола. Если бы случился пожар, нам пришлось бы выплачивать хозяйке большие деньги за дом. Однако Господь милостиво уберег нас от несчастья. Уверен, что это Святой Дух побудил меня в то утро приехать в арендованный нами дом. Это еще одно доказательство проявления сверхъестественной силы для добра людей.

Это был не единственный случай в нашей жизни. В районном центре Дербышки жила одинокая пожилая сестра. Мы с женой частенько её навещали. Однажды я почувствовал подобное же внутреннее побуждение поехать к ней. Это меня смутило, потому что совсем недавно мы её посещали. Своими мыслями я поделился с Галиной, и она посоветовала ехать, возможно, с сестрой что-либо случилось или она нуждается в помощи.

Только после долгого и настойчивого звонка я услышал шарканье шагов и тяжелый стон. Слабым голосом старушка спросила: «Кто там?» и, узнав меня, с трудом открыла дверь. «Мне плохо, я умираю», — простонала она. Я почувствовал в квартире сильный запах газа, поэтому побежал на кухню и увидел включенную, но не зажженную горелку газовой плиты, из которой с шипением выходил газ. Выключив конфорку, я распахнул все окна и двери, а бабушку вывел в коридор. Достаточно было малейшей искры — и весь двухэтажный дом мог бы взлететь на воздух. Так Господь избавил нас от фатального несчастья.

Как-то в субботу, накануне Пасхи, к нам на собрание пришли милиционеры в гражданской одежде. Оказалось, что им поручили во время праздника нести дежурство возле нашего молитвенного дома, чтобы хулиганы не причинили нам зла. Конечно, было приятно, что власти начали заботиться о благополучии верующих. Как-то у меня даже появилась идея через газету обратиться к богатым людям города с просьбой

пожертвовать средства на строительство молитвенного дома. Эту идею поддержал и уполномоченный Совета по делам религий и даже подсказал, как правильно это сделать. Он познакомил меня с журналисткой, которая предложила напечатать в газете интервью со мной как с руководителем Церкви, в котором бы содержалась просьба о пожертвовании на молитвенный дом. И хотя нам пожертвовали всего лишь одну тысячу рублей, в то время это были неплохие средства.

Нами, как серьезной религиозной организацией, начали интересоваться и ученые мужи. Однажды уполномоченный предложил мне принять участие в научной конференции, которая должна была состояться в большом зале бывшей партийной школы. Кроме меня, как представителя протестантов, должны были участвовать служители Православной церкви. Правда, содержание своего реферата на семь минут я должен был сначала представить уполномоченному для просмотра. Вскоре я получил официальное приглашение на большой форум, на котором присутствовало около трехсот человек. Здесь были представители почти всех союзных республик. Организаторы конференции подчеркивали, что дискриминация и преследование верующих были грубой ошибкой власти. Учёные открыто признавались в том, что выступали против религии, но делали это лишь потому, что их к этому принуждали. Представитель научной интеллигенции также признался: «Нам теперь нужно просить прощения у верующих!» После выступления архиепископа Казанской епархии слово дали мне.

Своё выступление я начал словами: «Иногда говорят, что чудеса Бог делал в библейские времена, а сегодня они не проявляются. Однако это не так. Сам факт проведения этой конференции — великое Божье чудо. Те, кто в прошлом нас, верующих людей, преследовал и наказывал, сегодня — защищают. Разве это не чудо?»

Чудо состоит в том, что Бог изменил мышление не только руководителей государства, но и многих из присутствующих в этом зале». Далее я коротко представил участникам конференции наше видение библейского воспитания, очень важного и полезного для общества. Никакими методами насилия невозможно искоренить его влияние. Далее привёл пример с Галилеем, которого церковники принуждали отречься от своих убеждений. Даже публично отрекаясь, он тихо произнес: «И всё-таки она вертится!» Позднее мне подарили книгу об этой конференции, в которую вошли выступления всех участников. Это было интересное время перестройки, начало настоящей религиозной свободы, в которую поначалу трудно было поверить. Но Бог проявил Свою силу в соответствии с обетованием: «Не всегда будет мрак там, где теперь он огустел» (Исаии 8:22).

9. Татарочка Румия

С большой теплотой в сердце вспоминаю свою дружбу с казанской общиной евангельских христиан-баптистов. А случилось это так. У одной нашей сестры муж был баптистом, а поскольку я часто посещал эту семью, то от него узнал об одной их проблеме. Ещё до начала перестройки община баптистов построила молитвенный дом. В то время это было невероятное событие. Пол паркетный настелили, но отшлифовать его было некому. Своих специалистов в общине не было, а нанять со стороны не позволяли финансы. Поскольку в числе многих моих профессий была и профессия плотёра, то я имел собственную шлифовальную машину. Поэтому мне не составляло особого труда сделать эту работу, и я предложил свои услуги. В течение одного дня пол в молитвенном доме стал ровным и гладким, как стекло. От денег я отказался, назвав свой труд

моим пожертвованием. Разумеется, они были очень рады, а мне было приятно, что я смог чем-то помочь. На праздник Пасхи руководители Баптистской церкви прислали мне официальное приглашение провести этот день вместе с ними. Я приглашение принял, и в назначенное время был в их молитвенном доме. Пресвитер, представляя меня, сказал: «Это наш друг и брат — проповедник Церкви Адвентистов Седьмого Дня. Мы пригласили его, чтобы он вместе с нами разделил сегодняшнее служение».

Во время распределения проповедей и установления регистра времени каждому проповедующему, наверное, из уважения к гостю, мое выступление не ограничивалось. Проповедь людям понравилась, и с тех пор, почти каждое воскресенье, меня приглашали говорить Слово, поэтому отношения у нас сложились самые хорошие. Я старался не затрагивать спорных тем, а проповедовал о Христе и Плане спасения. Когда началось строительство Заокской духовной семинарии, один из братьев-баптистов пожелал поехать вместе со мной, чтобы поработать на стройке.

На богослужения в баптистскую общину приходила студентка казанской консерватории — татарочка по имени Румия. Ее сопровождал молодой человек, часто посещающий также и адвентистские собрания. Однажды он уговорил ее пойти вместе с ним к нам на богослужение. С тех пор она у нас так и осталась. Более того, она привела с собой подругу Ладу, которая училась вместе с ней. Эти милые девочки вскоре приняли крещение и стали общими любимцами. Родители Румии исповедовали Ислам. Узнав о том, что их дочь стала христианкой, они были очень огорчены. Против нее восстала вся родня. Её уговаривали, ей угрожали, но, слава Богу, она осталась твёрдой в своём решении быть христианкой. Немало всяких угроз последовало и в мой адрес.

Мы же продолжали молиться за Румию, чтобы Господь дал ей силы устоять.

Однажды на утреннее субботнее богослужение Румия пришла вместе с мамой, которая приехала без предупреждения, чтобы повлиять на Румию, а заодно разобратся и со мной за то, что втянул ее дочь в «секту». Это было мудрое решение родителей — самим узнать, что происходит с дочерью. В собрании мать сидела молча, внимательно слушала и ко всему присматривалась. По окончании богослужения поприветствовав гостью, я выразил свою признательность и благодарность за то, что она посетила богослужение и теперь имеет представление, с кем общается её дочь. Мать начала меня упрашивать повлиять на Румию, чтобы та вернулась к убеждениям ее родителей. Я выразил сожаление, что не смогу этого сделать, потому что Румия поверила не человеку, а уверовала в Того Бога, Который сотворил всех нас.

Поскольку в этот день мне предстояло еще посетить наших больных, а жена была в отъезде, я дал ключи Румии, чтобы они шли к нам домой пообедать и отдохнуть. С Румией была и ее подруга Лада. Позже девушки рассказывали о растерянности и изумлении мамы Румии, когда они стали открывать двери нашего дома: «Как вы смеее без хозяев заходить в дом?» — возмущалась она. А когда они, войдя, начали хозяйничать, накрывая на стол, бедная женщина буквально пришла в ужас! Она не переставала изумляться и когда ей предложили прилечь и немного отдохнуть. Девушки пытались объяснить ей, что в среде Божьего народа такое гостеприимство — обычное явление. У нас они вообще чувствовали себя как дома.

Прошли годы, я уже совершал служение в другом городе, и вот однажды в Заокской духовной семинарии во время «Дня открытых дверей» я встретил Румию. Какая же это была радостная встреча! Она духовно повзрела, руководила в церкви отделом Субботней школы

и одновременно музыкальным служением. Оказывается, родители смирились с её выбором и теперь даже снабжали средствами, чтобы она могла бывать на встречах адвентистской молодёжи.

10. Финал борьбы за молитвенный дом

Несмотря на окончательное решение суда вернуть общине молитвенный дом, дьявол, посредством своих агентов среди людей, пытался терзать нервы и чувства руководителей общины. Заинтересованные личности в райисполкоме, которым не удалось осуществить свои планы, теперь тормозили дело с выделением квартиры капитану милиции, проживающему в нашем доме; да и тот, в свою очередь, не торопился выполнять решение суда. И хотя мне очень не хотелось идти в райисполком к секретарю Ибрагимовой, сделавшей нам в прошлом много зла, деваться было некуда, поскольку именно с ней нужно было решать все вопросы. Каково же было моё удивление, когда я понял, что Ибрагимова совершенно изменилась. Ее доброжелательность и внимательность прямо таки ввергли меня в недоумение. Я даже подарил ей Библию, которую она приняла с благодарностью. Меня интересовало, могу ли я на основании решения суда что-то делать во дворе дома? Ответ был утвердительным.

После этого мы решили каждую субботу во дворе нашего дома проводить богослужения, надеясь таким образом показать милиционеру, что он здесь больше не хозяин. Как раз наступили тёплые летние дни. Поэтому на свежем воздухе не только было бы приятно проводить богослужения, но эти действия должны были стать свидетельством для соседей. Когда же мы с дьяконом приехали к дому, чтобы спланировать субботнее богослужение, калитка во двор оказалась запертой, и нужно было перебираться через забор, чтобы открыть ее изнутри.

Так мы и сделали, но очень скоро появилась черная «Волга», из которой вышел капитан. Он начал угрожать нарядом милиции и задержанием. Я спокойно старался разьяснить блюстителю порядка, что с момента вынесения приговора суда он в этом доме квартирант, а мы — хозяева, и может так случиться, что его самого за оскорбление увезет наряд милиции. Кроме того, я сообщил, что нахожусь здесь по согласованию с исполкомом, и отныне каждую субботу во дворе будут проходить богослужения, а за свое проживание ему придется платить нам квартплату. А чтобы мы в следующий раз не лазили через забор, я попросил дать нам второй ключ от калитки. Разгневанный, он сел в машину и уехал.

В следующую пятницу все церковное имущество мы перевезли к молитвенному дому и приготовили двор к богослужению. Наши «квартиранты» в субботу рано утром ушли из дома. Возможно, они полагали, что для Аллаха оскорбительно находиться рядом с Исой, то есть Иисусом, хотя Иисус никогда не возражал, чтобы мусульмане присутствовали на Его духовной трапезе. С тех пор на протяжении всего лета, каждую субботу, при открытых воротах, осуществлялись наши богослужения, поэтому все, кто хотел, могли наблюдать за происходящим во дворе. Особенно хорошим был обзор из окон соседнего девятиэтажного дома. Окна и двери наиболее часто открывались во время пения.

Следует отметить, что всё лето, пока мы собирались на улице, ни в одну из суббот не было дождя. Этот факт стал еще одной веской причиной благодарить Бога за все эти благословенные дни. Но наступил сентябрь, стало холодать, иногда накрапывал дождик. Надо было что-то предпринимать для выполнения решения суда. Я снова решил побеспокоить уполномоченного, который направил меня уже к секретарю горисполкома Касминой. Однако перед тем как зайти

к секретарю, я решил навестить отдел по распределению жилья в городе.

— Моя фамилия Игнатов, — представился я, переступив порог, — у вас есть решение горисполкома выделить квартиру начальнику вытрезвителя?

— Есть, — ответил тот, открыв ящик стола и достав папку со всеми решениями райисполкома.

— Почему же вы не выполняете это решение? — не унимался я.

— Потому что здесь написано предоставить квартиру в течение года, а прошло только полгода, так что время еще есть.

— Тогда послушайте, что я вам скажу. Я только что был у уполномоченного по делам религий и рассказал ему о решении адвентистов. В этот понедельник они проведут акцию протеста перед зданием горисполкома с требованием наказать тех, кто затягивает выполнение решения Верховного суда Татарии. Вполне возможно, что об этой акции «случайно» станет известно и за границей. Тогда неизбежны неприятности, и в первую очередь у вас, потому что во время разбирательства станет известно, что горисполком поручил именно вам выделить квартиру капитану милиции, а вы медлите с решением этого вопроса, поэтому не горисполком, а вы окажетесь виновными.

Не сказав ни слова, чиновник пригласил меня пройти вместе с ним к секретарю горисполкома Касминой. Оставив меня в приемной, сам вошёл в кабинет. После продолжительной беседы он вышел и сказал:

— Начальник милиции получил распоряжение до ближайшего вторника выселить капитана милиции из вашего дома.

Я поблагодарил его и ушёл. В субботу богослужение прошло во дворе. Когда же во вторник мы с дьяконом приехали к молитвенному дому, он уже был пуст, а

капитан выносил последние вещи. На этот раз обошлось без бюрократии.

— Я здесь делал ремонт, — обращаясь ко мне, заявил капитан, — за это вы должны мне заплатить две тысячи рублей.

— Ну, уж нет, — сказал я ему, — вы здесь жили и, естественно, обязаны были делать текущий ремонт. Мы можем заплатить вам всего лишь пятьсот рублей. Так что приходите завтра, здесь будет кассир, которая вам и выплатит.

Спорить с нами он не стал, а на другой день явился. Кассир выдала капитану деньги по расходному ордеру, и он ушёл. Только теперь действительно закончились наши «хождения по мукам», и можно было начинать ремонт.

Вновь став хозяевами молитвенного дома, мы начали планировать его реконструкцию и расширение, чтобы он стал настоящим церковным центром. Разумеется, для этого необходим был кирпич. В это время спрос на стройматериалы превышал предложение. Чтобы приобрести кирпич, нужно было представить вескую причину. В этом вопросе нам снова оказал неоценимую услугу уполномоченный Совета по делам религий. Мы получили два замечательных письма, как христианская организация, занимающаяся нравственным воспитанием молодежи, которая строит для этого специальный центр. И хотя нам потребовалось два захода, в процессе которых мне пришлось рассказывать начальству кирпичного завода об отличиях Церкви АСД от ислама, православия и иудейства, моя тактичность в отношении других религий, лишённая нотки осуждения и критики, произвела положительный эффект.

Кроме того, я имел возможность засвидетельствовать, почему мы называемся Адвентистами Седьмого Дня. А говоря об адвентистах, нельзя обойти библейскую истину о Втором пришествии Христа и воскресении

мертвых, о суде над праведными и неправедными, а также о том, что Бог заинтересован в спасении всех людей. Особое ударение я сделал на то, что Господь побудил нас построить храм, который стал бы центром для всех желающих получить познание о Боге.

Мои слушатели настолько прониклись тем, что я рассказывал, что были готовы своими машинами доставить нам сорок тысяч кирпича. Я отказался, поскольку понимал, что это будет значительно дороже, нежели перевезти попутными автомашинами. Господь содействовал нашему благому делу, и, несмотря на огромные очереди и некоторое недовольство других водителей, за одну неделю мы перевезли весь кирпич.

Оглядываясь на то удивительное время, я часто рассказываю, каким мудрым Провидением Господь вел нас, располагая сердца людей, от которых многое зависело.

В настоящее время на месте небольшого ветхого домика красуется новый, довольно вместительный дом молитвы, построенный из того белого кирпича. Спустя определенное время я с радостью откликнулся на приглашение принять участие в служении посвящения специального места поклонения Богу в городе Казани.

11. Бугульма филиал казанской общины АСД

Как я уже рассказывал на страницах этой книги, мне довольно часто приходилось посещать небольшие группы адвентистов в разных городах Татарии, в том числе и в Бугульме. Мы мечтали и молились, чтобы хоть в одном из этих населенных пунктов организовать духовный центр. Наиболее подходящим, с нашей точки зрения, был город Бугульма. И хотя он находился на расстоянии четырехсот километров от Казани, здесь был аэропорт. Да и другими видами транспорта сюда было удобно добираться. Проблема состояла в том, что там не было

подходящего служителя. И вот однажды во время очередного посещения нашей группы в Бугульме я познакомился с адвентистами из Черновцов, оказавшимися здесь по своим коммерческим делам: продавали яблоки, орехи и прочее. Среди них был молодой, энергичный человек Александр Антонюк, ныне уже хорошо известный в Церкви и довольно успешный евангелист и руководитель Западно-украинской конференции АСД. В беседе с ним я предложил Александру Ивановичу принять участие в работе на ниве служения Богу и Церкви. Поначалу, как мне показалось, это предложение его смутило.

— Таких, как я, в нашей общине много, — ответил он. — По возможности я стараюсь быть полезным, и когда подходит моя очередь проповедовать, я это делаю.

— Я имею в виду более широкое поле деятельности, — объяснил я. — Посмотри, какая здесь нужда. Мне одному приходится мотаться по всей Татарии. Переезжай сюда — здесь работы много, и Бог тебя благословит.

— Боюсь, что сорвусь со своего места, — засомневался Александр, — а здесь братья меня не примут.

— Бояться не следует. Здешнее братство очень нуждается в таких людях.

Спустя какое-то время после этого разговора он приехал. Мы вместе стали подыскивать ему жильё. К этому делу подключился и Александр Кружков, совершающий в то время служение в городе Ульяновске. А вечером в квартире одной нашей сестры на богослужение собралась вся группа местных членов Церкви. На этом собрании присутствовал один слабовидящий татарин из общества слепых. Весть о Спасителе коснулась его сердца, он был добр к нам и пригласил к себе домой на ночлег. «Эти три муллы, — представил он нас жене, — будут сегодня у нас ночевать. И запомни: в нашем доме водки больше никогда не будет!» После этого он взял имеющиеся в доме две бутылки алкогольного напитка и вылил в

умывальный. Когда же его родственники узнали об этом поступке, то посчитали, что он изменил своей вере. Было немало неприятностей, хотя со временем все улеглось.

А тем временем Александр Антонюк нашел себе жилье, перевёз семью и активно включился в церковную работу. Вскоре местные власти узнали, что в городе появился молодой человек, который проявляет активную деятельность и заботу о группе верующих. Об этом стало известно уполномоченному в Казани, а к Александру милиция не замедлила явиться с обыском.

Уполномоченный в оперативном порядке вызвал меня:

— Известно ли вам, — спросил он, — что в Бугульме, в среде ваших верующих, появился новый молодой служитель?

— Конечно, знаю, — ответил я.

— Кому будут голову снимать — вам или мне или нам обоим?

— Не волнуйтесь, — успокоил я чиновника, — голову не снимут никому. Этот молодой человек неоднократно приезжал в Бугульму продавать яблоки и груши, а в субботу, по своему обыкновению, бывал в собрании и вместе с тамошними пожилыми людьми проводил служение. Последний раз они расплакались и начали его уговаривать переехать к ним, а то умрут — и некому будет похоронить. Вот он их и пожалел — решил на время переехать в Бугульму. Я не могу часто там бывать; пусть молодой служитель немного порадует старушек.

— А он переворот там не устроит? Ведь он может занять ваше место!

— Такого не случится, — успокоил я его.

— Но запомните: никакой регистрации адвентистской общины в Бугульме не будет. Об этом даже не заикайтесь. А местным властям в Бугульме скажем, что адвентистская группа у них — филиал казанской общины АСД. Так мы их успокоим.

Как уполномоченный говорил, так мы и сделали. Те успокоились и вернули Александру всё, что у него изъяли при обыске, и при этом начали считать местную Церковь АСД казанским филиалом. Господь особым образом благословил пастора Антонюка как талантливого организатора. Небольшая группа адвентистов стала быстро увеличиваться. Кроме того, ещё в советские времена ему удалось приобрести для Церкви участок и построить хороший молитвенный дом, что было равноценно чуду. И неудивительно, ведь для нас все, что делает Бог, — сплошные чудеса. Важно лишь для смертных людей не быть близорукими и эти чудеса видеть, прославляя Его мудрость и величие.

Не меньшим чудом было и близкое знакомство пастора Антонюка с главным архитектором города Бугульмы Алмазом Ахтямовичем, у которого он даже бывал дома. Позднее меня также пригласили в дом этого известного в городе человека. Алмаз жил с женой-красавицей и двумя сыновьями в двухэтажном доме. Меня усадили в роскошное кресло, а сами расположились на полу по-татарски, поджав под себя ноги. В такой идиллической семейной атмосфере мы беседовали о духовном и вечном почти всю ночь. Вскоре я имел честь крестить этих людей. Алмаз Ахтямович стал для Церкви большим благословением, особенно в вопросах строительства.

Как я уже упоминал, в Бугульме за очень короткое время был построен прекрасный молитвенный дом. Для помощи в строительстве приезжали многие адвентисты. Я также внес свою лепту, помогая укладывать паркет. Когда власти города увидели, как быстро движется строительство молитвенного дома, то прислали специальную комиссию для проверки документации на строительные материалы. Они очень удивились, что у Александра Антонюка оказались документы буквально на каждую доску, гвоздь и банку краски. Они

вынуждены были признать, что впервые в своей практике соприкоснулись с подобной честностью, а потому при дальнейшем ходе строительных работ не чинили никаких препятствий.

Наступило время посвящения молитвенного дома. По приглашению пастора Антонюка на это торжество прибыли не только руководители Церкви АСД в России во главе с Михаилом Кулаковым, но и официальный представитель Генеральной конференции на территории СССР Гарольд Отис со своей супругой Розой. Нас посетили и представители государственной власти: уполномоченный Совета по делам религий со своим заместителем из Казани, секретарь горисполкома Бугульмы и даже начальник местного КГБ. Одним словом, посвящение молитвенного дома превратилось в большое торжество, на котором могли встретиться многие служители и рядовые члены Церкви.

Церковь АСД в России и ее руководители всех уровней высоко оценили организационные и административные способности Александра Антонюка, его замечательный проповеднический талант, что и способствовало его быстрому продвижению по служебной церковной лестнице. Прошло не много времени, и пастор Антонюк был избран президентом Волго-Вятской конференции Церкви Адвентистов Седьмого Дня. Как успешный евангелист, он указал путь к спасению многим людям в Украине. Я искренне желаю ему и его семье доброго здоровья, благополучия и дальнейшего успеха в работе Божьей.

Заключительные аккорды чудесной симфонии служения

аше десятилетнее служение в Казани подходило к своему концу, и я бесконечно благодарю Бога, что здесь, как и в каждой общине, куда Он нас направлял раньше, у нас складывались наилучшие взаимоотношения с членами Церкви, и насколько было возможно с властью. Теперь нам снова предстоял переезд на новое место служения и жительства. Наш возраст подошёл к той отметке, когда уже следовало подумать о последней остановке: где-то поближе к детям, поскольку мы начинали ощущать не только их беспокойство о нас, но и свою нужду в их заботе. Поэтому я обратился к руководству Церкви с просьбой учесть это при нашем переводе на новое место служения.

Наше пожелание было учтено, и мы оказались в распоряжении Центральной конференции АСД России. Президентом этой конференции тогда был Фёдор Фёдорович Трикур. На заседании Совета было принято решение направить нас в город Белгород. Там как раз планировалось проведение евангельской программы с участием американских евангелистов и организация новой общины, в которой мне предстояло быть пастором.

Получив назначение, мы стали готовиться к переезду. По договору с руководством конференции, в которой до сих пор я работал, наш дом в Казани мы оставляли для нового пастора, тогда как в Белгороде нам обещали приобрести равноценное жилье. Однако за годы своего служения мы научились все жизненные проблемы и планы отдавать в руки Божьи. «Господи, — молились мы всегда, — вот наш план, но мы осознаем, что являемся всего лишь людьми и не обладаем полным видением. Ты же, Господи, знаешь, что будет для нас лучше, поэтому осуществи Свой замысел. И да будет воля Твоя».

И Бог его осуществлял. Теперь мы полагали, что город Белгород станет нашим последним местом служения, и, откровенно говоря, были этому рады. Скитаясь по местам с суровыми климатическими условиями, мы уже немного устали, и нас тянуло ближе к теплым, родным краям. Но и здесь Господь решил по-другому. Подыскивая подходящее по средствам жилье, мы два года скитались по квартирам. В конце концов, после согласования вопросов с руководством конференции, мы решили вернуться обратно в Казань. Соседи были рады нашему возвращению и даже помогали разгружать вещи. Хотя некоторая мебель во время переезда превратилась в дрова, а та, что уцелела, была в жалком состоянии, мы были счастливы оказаться в своем доме и потихоньку приходили в себя. В особенности нас радовало то, что наш дом в Казани еще не был продан и никто его не заселил, иначе вообще некуда было бы возвращаться.

В Казани я какое-то время оставался не у дел, поскольку сюда переехал другой проповедник и уже приступил к служению. Был август, и мы с супругой решили заняться ремонтом дома, основательно готовясь к зиме. Я также начал подумывать о том, чтобы устроиться на какое-то предприятие полотором, хотя, разумеется, я очень скучал по духовной работе.

Неожиданно нас посетили молодые братья, которые предложили мне провести евангельскую программу в областном прокоммунистическом городе Зеленодольске. Они даже побеспокоились о средствах на аренду зала и другие расходы. Я с удовольствием согласился.

В Зеленодольске был арендован самый лучший в городе зал местного Дома культуры. Окрылённый предстоящим мероприятием, я основательно начал готовиться к программе: составил темы, подобрал слайды, договорился с молодёжью, чтобы наши встречи сопровождалась пением и музыкой. Мы все искренне молились о запланированном служении, прекрасно понимая, что многочисленные приглашения, врученные гражданам Зеленодольска и расклеенные по городу афиши, а также объявления по радио ничего не дадут, если Дух Божий не побудит сердца людей посетить нашу программу.

Наконец наступил вечер первой евангельской встречи. Чувствуя огромную ответственность, возложенную на меня Богом и братьями, я очень волновался, но лекция началась в назначенное время. Меня не смущало то обстоятельство, что большой зал Дома культуры не был наполнен и наполовину. Я понимал: каждый, кто пришел, нуждается в Слове Жизни и я должен стать орудием в руках Святого Духа.

Мне удалось провести шесть евангельских вечеров, как вдруг я получил срочное сообщение прибыть в Москву на встречу с руководством Центральной конференции. К сожалению, программу пришлось сократить. Но все же крещение приняли тринадцать человек, в том числе и мастер по свету того самого зала, где проходили наши встречи. Интересно заметить, что уже после первой лекции он смял пачку сигарет и выбросил ее в мусорную урну. Его сильно впечатлил показанный мной слайд, на котором был изображен человек, скованный цепями, которому дьявол силой навязывал сигарету. В комментариях к этому кадру говорилось о том, что большинство людей этого мира находится в таком

же положении; они связаны узами греха, и дьявол «при-
нуждает» их поступать плохо, но выбор между добром
и злом всё же остаётся за человеком. Вместе с ним кре-
щение приняла и его супруга. Я бесконечно счастлив,
что эта небольшая группа, присоединившаяся к Божьей
Церкви, стала начальной ячейкой для создания первой
общины Адвентистов Седьмого Дня в городе Зелено-
дольске, которая, как я узнал позднее, была официа-
льно зарегистрирована властями. Слава Богу за то, что и
в этом некогда прокоммунистическом городе зажёгся
свет надежды для людей, ищущих спасение.

На встрече в Москве руководство Церкви приняло ре-
шение о моем незамедлительном переезде для служения
в центральную общину города Москвы. Эта новость по-
вергла меня в смущение. Я пытался высказать свое опасе-
ние относительно того, что это служение мне не по плечу
из-за недостатка надлежащего образования. Кроме того,
здесь до сих пор совершали служение очень известные
проповедники. Да и членами Церкви преимущественно
были люди с высшим образованием, а что я мог им пред-
ложить?! Однако меня убедили, что не стоит волноваться
о том, как встретят меня люди, а быть готовым открывать
им библейскую истину. Сопротивляться я не умел, усмо-
трел в этом Божье Провидение и во всем доверившись Его
милости. Зимой 1993 года мы переехали в столицу России.

Откровенно говоря, поначалу в московской общине я
чувствовал себя довольно скованно, но со временем, после
более близкого знакомства с людьми, чувство неуверен-
ности оставило меня. Разумеется, в своих молитвах я по-
стоянно просил Господа, по воле Которого мы оказались
в этом городе, наделить меня мудростью свыше и способ-
ностью быть полезным для Церкви. Не буду вдаваться в
подробности нашего служения, скажу лишь то, что го-
ды духовной работы в московской общине стали для ме-
ня большим благословением. Проповедуя другим, я учил-
ся сам. Поскольку я родился и вырос в Украине, служил

Богу и Церкви преимущественно на периферии, моя речь не отличалась правильностью произношения. Особая благодарность Ольге Бондаренко, которая поправляла мою речь и учила, на каком слогe нужно ставить ударение. Она делала это искреннее, с христианской любовью. Я не обижался, поскольку понимал, что это также важно для проповедника. Со своей стороны я старался понять каждого из членов Церкви, быть добрым наставником, в особенности в познании Божьего Слова и евангельской истины.

Каждая община по-своему уникальна, как и каждый пастор. Очень редко бывает так, что новый служитель копирует служение предыдущего. Напротив, каждый пастор привносит что-то свое, и поэтому община формируется по принципу: единство в многогранности. Слава Богу за церковную организацию, предусматривающую смену служителей через определенное время, что защищает общины от вырождения и однобокости.

Так в процессе трехлетнего служения в московской церкви мне пришлось не только приспособиться к местному традиционному порядку, но и внести некоторые коррективы, способствующие улучшению служения и укреплению единства. В частности, это касалось улучшения хорового служения.

Однажды мне стало известно, что многие члены Церкви желали бы повторить основные церковные доктрины. Поразмыслив, я решил каждую субботу перед проповедью пятнадцать минут преподавать основные пункты вероучения Адвентистов Седьмого Дня. Это были благословенные минуты служения, поскольку все члены общины очень дорожили ими, утверждаясь в библейской истине. Кроме того, после богослужений все желающие часто оставались в малом зале для духовных размышлений, когда можно было задать волнующие душу вопросы. Мы искали ответы в Библии, и Бог нас обильно благословлял через Свое Слово.

С чувством благодарности вспоминаю своих сотрудников в центральной московской общине, которые стали нам близкими и родными: Ивана Ивановича Руснака, пресвитера церкви, с которым мы часто посещали членов, нуждающихся в духовной и физической поддержке, Тамару Фёдоровну Трусюк, секретаря общины, которая помогала мне решать с властями многие бытовые вопросы церкви, Татьяну Марковну Теппоне и Элеонору Львовну Басову — бухгалтеров, искренне любящих Бога; брата Владимира Ливитина — чудесного музыканта, который сделал бесценный подарок общине в виде комплекта дорогостоящей аппаратуры для музыкального сопровождения богослужений; и многих, многих других братьев и сестер.

Как и в предыдущих общинах, куда Божье Провидение нас направляло, мы ощущали искреннюю любовь и заботу наших собратьев. Каждый из них стал дорог нашему сердцу, поэтому со своей стороны мы старались отвечать взаимностью. И теперь я с большим удовольствием приезжаю в Москву, чтобы встретиться со старыми друзьями.

Были и некоторые проблемы с руководителями общины евангельских христиан-баптистов, с которыми адвентистская церковь совместно использует уже многие годы единое помещение. Но, как мне сообщили пожилые члены центральной московской общины, недоразумения с ними были всегда. Случалось, что они отключали микрофон, грозились закрыть и не впускать в молитвенный дом всю общину. Однако, действуя во взаимоотношениях с людьми по учению Писания: «Никому не воздавайте злом за зло, но пекусь о добром пред всеми человеками» (Римл. 12:17), мы не только находили общий язык, но и становились друзьями, оказывая взаимную помощь.

В центральной московской общине мы проработали три с половиной года, и оттуда, оказав нам честь и уважение, меня отправили на заслуженный отдых по возрасту, то есть на пенсию. С тех пор я стал ветераном Церкви.

Вместо эпилога

ыйдя на пенсию, мы, по настоянию детей, продали дом в Казани и переехали в Липецк. В этом городе живут три наших сына, и они пожелали, чтобы мы в свои преклонные годы находились рядом с ними. Здесь мы купили квартиру, сделали ремонт и поселились недалеко от детей и внуков, радуясь общению с ними. Одно время в Липецкой общине не было проповедника, и поэтому я два года исполнял пасторские обязанности.

В декабре 2001 года я похоронил мою дорогую спутницу жизни Галину Ивановну, преданного и верного друга и соратника на Божьей ниве. Это самое печальное событие в моей жизни. Так много воспоминаний... Некоторые моменты хотелось бы вернуть, что-то досказать, исправить, изменить...

Я продолжаю жить верой и надеждой на чудесную встречу в присутствии нашего любящего Господа Иисуса Христа. Там, крепко взявшись за руки с моей Галей, в нетленных телах, мы будем вечно радоваться и славить нашего Творца и Спасителя Иисуса Христа. В небесной отчизне мы уже никогда не расстанемся.

Сейчас я полностью свободен от каких-либо обязанностей в Церкви, но если куда-то приглашают выступить с проповедью, никогда не отказываюсь. У меня непривычно много свободного времени, и я могу, не спеша, посмотреть семейный архив, темы своих проповедей, послушать

на магнитофонных записях голоса моих друзей. Я живу памятью о прошлом, сам олицетворяю прошлое, пытаюсь осмыслить настоящее и примирить его с прошлым. Я продолжаю глубоко верить в счастливое будущее, которое наступит с Пришествием моего Господа. Уверен, что Он отыщет меня и моих близких среди множества спасённых и не лишит Своего венца вечной жизни.

С глубоким признанием вспоминаю наши встречи с Натальей, которая побудила меня к написанию этого труда. Также выражаю сердечную благодарность и признательность Николаю Арсентьевичу Жукалюку, оказавшему неоценимую помощь в редактировании этой книги, Алексею Анатольевичу Опарину, написавшему предисловие, а также всем тем, кто способствовал выходу в свет этого издания..

В этой книге я не ставил цели хвалиться какими-то особыми своими подвигами или описать заслуги своих сподвижников, с которыми мне довелось делать одно большое дело. Мне хотелось просто поделиться воспоминаниями со своими детьми и внуками, которые всегда проявляли неподдельный интерес к истории нашей семьи и нелегким странствованиям по Советскому Союзу. Именно они и убедили меня изложить все по порядку, чтобы осталась память об удивительных опытах с Богом на протяжении многих лет. Молюсь, чтобы эти воспоминания помогли не только самым дорогим моему сердцу людям укрепляться в вере и твердой надежде на будущее, но и всем, кто пожелает прочесть эту книгу. Совершая свой жизненный путь, никогда не допускайте в сердце разочарований, помятуя, что Тот, Кто сотворил наш удивительный мир, Кто во все века заботился о Своих детях, ободряя уставших и утешая скорбящих, продолжает и теперь любить человечество бескорыстной любовью.

Я же хочу закончить словами Иакова: «Бог, пасущий меня с тех пор как я существую..., избавляющий меня от всякого зла..., да благословит *вас*... И Бог будет с вами!» (Быт. 48:15, 16, 21).

Николай Игнатов

«Бог, пасущий меня...»

Директор издательства **В. Джулай**

Главный редактор **Л. Качмар**

Редактор книги **Н. Жукалюк**

Корректоры **Ю. Вальчук, Л. Заковоротная**

Компьютерная верстка **В. Кузьменко**

Дизайнер обложки _____

Ответственная за печать **Т. Грицюк**

Бумага офсетная. Офсетная печать. Подписано к печати 01.03.2012 г. Гарнитура Ньютон.

Тираж 5000 экз.

*Издательство «Джерело життя» 04071, г. Киев, ул. Лукьяновская, 9/10-А,
тел. (044) 425-6906, факс 467-5064, E-mail: dzherelo@ukr.net, www.adventist.org.ua*